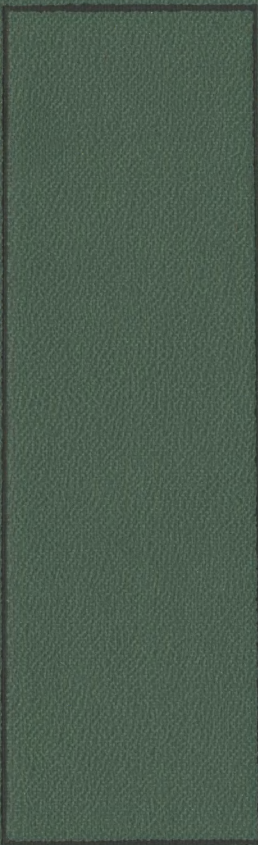

М. И. МИХАЙЛОВ

БОРЬБА
ПРОТИВ БАКУНИЗМА
В I ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

М. И. МИХАЙЛОВ

БОРЬБА
ПРОТИВ БАКУНИЗМА
В I ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

В книге рассмотрено начало общественно-политической деятельности М. А. Бакунина, дана история взаимоотношений интернационалистов и бакунистов в отдельных федерациях I Интернационала — испанской, итальянской, швейцарской. Эти явления и процессы обобщены в европейском масштабе. В работе подвергнуты критике буржуазные и правосоциалистические исследования, посвященные Бакунину и бакунизму.

Памяти
Александры Ивановны
МИХАЙЛОВОЙ
посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

Сто лет назад, 3 июля 1876 г., на скромном кладбище Базеля состоялись весьма обычные похороны. Примерно 50 человек окружили только что вырытую могилу. Русские, немцы, французы, швейцарцы. Речи были взволнованными, но короткими. Как всегда. Все было обычно.

А между тем хоронили «апостола анархии», «сатану мятежа», «эстета разрушения», выдающегося деятеля анархистского движения — Михаила Александровича Бакунина.

Известие о смерти знаменитого агитатора застало всех врасплох: даже жена не успела приехать. «Но если бы,— писала газета русских революционных эмигрантов,— известить все страны и местности, где Бакунин оставил след своего влияния, пришлось бы созвать целый мир. Дрезден, Прага, Париж, Лион, Лондон, Стокгольм, Италия, Испания должны были явиться на похороны того, кто вошел в их историю, не говоря уже о нашей родине»¹. Однако ничего даже отдаленно похожего не произошло. Обычно прошли обычные похороны.

Вечером состоялось собрание базельского рабочего союза. Его участники высказали пожелание о прекращении распрей внутри международного рабочего движения и об объединении враждующих фракций. Эту идею поддержали многие участники революционного движения в ряде стран. Даже лидер германских социал-демократов В. Либкнехт высказался за нее. Полагали, что со смертью основателя анархизма должно прекратиться свое существование и само направление. Будущее показало, что эти предположения были нереальны. Борьба марксизма против анархизма, которая столь упорно велась

¹ «Вперед!», 13.VII 1876.

в годы I Интернационала, не закончилась ни со смертью Бакунина, ни сто лет спустя. Хотя спор между анархизмом и марксизмом давно решен историей международного рабочего движения в пользу научного коммунизма, но и сегодня, как справедливо указывал Жак Дюкло, «тенденции, которые были определены как ошибочные еще революционным движением прошлого века, продолжают проявляться в иных формах»². Поэтому одна из задач историков-марксистов состоит в том, чтобы сделать марксову критику бакунизма достоянием широких масс трудящихся, помочь им избежать вредных для рабочего движения ошибок.

Борьба марксизма против бакунизма шла по основным проблемам международного движения: революционная роль рабочего класса в современном обществе и его участие в политической борьбе, характер и роль пролетарской партии, пролетарское государство, пути развития революции, соотношение легальных и нелегальных методов борьбы против капитализма, союзники пролетариата. Эти проблемы не утратили своей актуальности и поныне. И сегодня, на новом этапе международного коммунистического и рабочего движения, от их решения во многом зависит успех борьбы за демократию и социализм.

С другой стороны, свойственная бакунизму подмена научного анализа утопическими построениями и лишенной смысла псевдореволюционной фразеологией весьма и весьма свойственна различного рода ультралевым, анархистским и полуанархистским направлениям в рабочем, коммунистическом и демократическом движении.

С особым усердием левацкие группировки от анархистов до «новых левых» используют основной тезис бакунизма — отрицание государства. Призыв к разрушению и ликвидации всякого государства был основным элементом той «схемы» революционного действия, которую Бакунин и его приверженцы пытались навязать международному рабочему движению и I Интернационалу. Выступление против самого принципа государственной власти означало игнорирование коренного отличия пролетарского государства от буржуазного, отрицание дик

² Jacques Duclos. Bakounine et Marx. Ombre et Lumière. Paris, 1974, p. 310.

татуры пролетариата как необходимого, обязательного этапа построения нового общества. Анархистская идея немедленной «отмены» всякого государства не имеет ничего общего с революционным движением и объективно имеет реакционный характер. Таковыми являются акции современных псевдолевых ультрареволюционеров, выражающиеся в отказе от участия в парламентских выборах, от использования буржуазного парламента в целях революционной борьбы.

Подобно бакунистам, некоторые сегодняшние «сверхреволюционеры» отвергают необходимость массовой работы среди трудящихся, стремясь подменить ее бунтарской агитацией за немедленное восстание, распространяют листовки с провокационными призывами к всеобщему и немедленному восстанию, насаждают анархию во время массовых выступлений организованного пролетариата, устраивают взрывы бомб или похищения государственных деятелей и дипломатов. Эти и подобные действия наносят подлинному революционному движению большой вред и объективно способствуют активизации реакции. «Новые левые» охотно используют бакунистское отрицание необходимости самостоятельных пролетарских партий, выдвигая призыв «бороться против всех партий без исключения». Этот тезис сближает их с правыми ревизионистами в рабочем движении. Например, Антонио Джолитти в книге «Реформы и революция» писал: «Решающим фактором для завоевания политической власти уже не является организация, сильно централизованная и подготовленная для штурма извне органов буржуазного государства»³. Канадские и американские ревизионисты предложили распустить коммунистические организации в своих странах и заменить их непартийными, чисто пропагандистскими организациями. Подобно бакунистам, ревизионисты — как правые, так и «левые», искусственно противопоставляют внутривнутрипартийную демократию централизму, сводя его к «бюрократизму» и «диктаторству». Вспомним, что обвинение в «диктаторстве» было самым распространенным из всех клеветнических выпадов бакунизма против К. Маркса и Ф. Энгельса. Оно означало анархистский протест против установления централизации и дисциплины в рядах I Интернационала.

³ А. Giolitti. *Riforme e rivoluzione*. Roma, 1957, p. 42.

В наши дни в связи с научно-техническим прогрессом, процессом дальнейшей монополизации капиталистической экономики в среду рабочего класса переходят представители мелкой буржуазии, разоряемые крупным капиталом. В активные политические действия втягиваются все новые и новые миллионы людей, принадлежащие к различным социальным слоям. Многие из них приходят в политику с большим запасом революционной энергии, но вместе с тем и с довольно неопределенными представлениями о путях решения волнующих их проблем. Они, говоря словами В. И. Ленина, вносят в рабочий класс вовсе не «твердость революционных убеждений», а «узость мысли или любовь к фразе»⁴. Они часто примыкают к движению «новых левых». Это движение включает сложный спектр политических установок и идеологических воззрений. Все участники движения находятся в оппозиции к буржуазному обществу. Их объединяет также борьба против расизма, дискриминации, бюрократизма, антигуманизма, «отчуждения личности», недовольство милитаризацией экономики. Оппозиция против капитализма, против отдельных проявлений его политики превращает молодежь в естественного союзника рабочего класса в борьбе за социализм или по меньшей мере за социальную революцию. Однако движение «новых левых» не располагает позитивной программой, не признает ничего, кроме разрушения, «философии бунта».

Многие из участников движения считают, что социалистические страны «обуржуазились», отошли от «демократии». Отсюда делается вывод о необходимости новой революции, главной силой которой будет уже не пролетариат, а молодежь, интеллигенция.

Как для бакунистов прошлого столетия, так и для современных «новых левых» свойственна концепция исторического пессимизма, неверия в революционные способности масс, особенно рабочего класса. «Теперь все народы утратили революционный интерес. Все они слишком довольны своим положением, а страх потерять и то, что у них есть, делает их смиренными и инертными»⁵, — говорил Бакунин за две недели до смерти, как бы

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 146.

⁵ Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4. М.—Л., 1926, стр. 438.

подводя итог своей бурной жизни. В этот же день он писал своему другу, что ни организаторская, ни агитаторская деятельность не в состоянии что-либо изменить в движении, не может дать даже минимальных позитивных результатов. «Наш... час не пришел»⁶.

После стольких лет самого активного и энергичного участия в революционном движении Бакунин фактически признал свою деятельность безрезультатной, призывал своих сторонников отказаться от борьбы и ждать иной «совокупности экономических и политических условий». Эти выводы были сделаны в 70-х годах прошлого века, после Парижской Коммуны, положившей начало периоду постепенного упадка, заката капитализма.

В наши дни «новые левые» вопреки своим призывам «к действию» довели концепцию исторического пессимизма до «философии отчаяния». Их признанный лидер и идеолог Герберт Маркузе пытается доказать, что научно-техническая революция дала в руки господствующих классов новые мощные средства, которые надолго и надежно обеспечивают духовное и экономическое порабощение трудящихся масс. Усиление гнета монополий якобы не только не сопровождается активизацией протеста эксплуатируемых масс, а, напротив, лишает их способности к критическому восприятию действительности, делая его апологетическим.

В работе «Одномерный человек» Маркузе признает, что внутренние противоречия современного капитализма «стали более острыми и более кричащими, чем на предыдущих стадиях развития»⁷, зато социальные столкновения принимают менее резкий характер, возникает общая тенденция «одномерных людей» к укреплению или по меньшей мере к сохранению существующего строя⁸. Духовное порабощение человека, полное «отчуждение личности» достигают в развитом индустриальном обществе таких грандиозных размеров, что уничтожают всякую надежду на освобождение личности: «угнетение выступает как управление, и в сверхразвитых зонах массового потребления управляемая жизнь предстает

⁶ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, ед. хр. 3.

⁷ *H. Marcuse. L'Homme unidimensionnel. Paris, 1968, p. 11.*

⁸ *Ibid.*, p. 21.

как всеобщая благополучная жизнь, защита которой объединяет противостоящие друг другу элементы»⁹

Если перевести эти замысловатые построения на язык политики, то следует вывод: противоречия современного государственно-монополистического капитализма способны породить очень энергичный протест, но он не может быть материализован и, следовательно, не может создать серьезной угрозы «развитому индустриальному обществу»¹⁰.

Хотя в наши дни мировой революционный процесс развивается в условиях, глубоко отличных от последней трети прошлого века, что находит свое отражение в различии концепции мелкобуржуазного радикализма в прошлом и настоящем, но общее заключается в том, что все они — с поправкой на время — являются отражением бессильного отчаяния мелкого буржуа перед всемогущей машиной капитализма. Их объединяет игнорирование объективных законов общественного развития, уход от проблем экономического обоснования социализма, отрицание зависимости темпов перехода к социализму от уровня социально-экономического развития общества, подмена научного обоснования пролетарской революции бессодержательной, псевдореволюционной фразой, в особенности волюнтаристской идеей о наличии у народных масс революционного инстинкта, обуславливающего их постоянную готовность к решительным революционным действиям. По этой причине имя Бакунина и его идеи до сих пор весьма популярны среди «новых левых» и прилегающих к ним группировок.

Движение «новых левых» объективно способствует распространению маоизма. Молодежь не знает антидемократической и антигуманной сущности маоизма, его великодержавных планов и тенденций, она знакома с его архиреволюционными лозунгами, которые по форме близки к леворадикальным.

Влияние анархистских идей, в том числе и в их бакунистской разновидности, отчетливо просматривается в маоистских концепциях. Весьма близкими к платформе Бакунина, в частности, являются три важнейших

⁹ «The New Left Reader». New York, 1969, p. 38—39.

¹⁰ См.: Э. Я. Баталов. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М., 1970; С. С. Салычев. «Новые левые»: с кем и против кого. М., 1972; А. Л. Семенов. Левое студенческое движение во Франции. М., 1975.

тезиса Мао Цзэ-дуна: 1) перестройка общественных отношений не зависит от развития производительных сил; 2) в основе стремления народа к революции лежит бедность: чем народ беднее, тем сильнее он стремится к революции; 3) социальное равенство должно быть достигнуто на основе уравнивания всех в бедности¹¹. Обе системы роднит полное игнорирование экономических условий революции, которое приводит к волюнтаризму в решении практических вопросов революционного движения. Идейная близость бакунизма и маоизма имеет социальные и политические причины. Обе теории представляют собой идеологию мелкобуржуазных, крестьянских масс, являются формами утопического социализма в его народнической разновидности. Изучение опыта борьбы Маркса и Энгельса против анархизма способствует разоблачению субъективизма и волюнтаризма во внутренней и внешней политике китайского руководства, его авантюризма, проповеди сектантства и путчизма в революционном движении.

Возрождение бакунистских воззрений и методов борьбы в современных условиях является отнюдь не случайным: ренессанс анархизма имеет вполне определенные социально-экономические основы. Успехи мировой системы социализма, национально-освободительного движения, пролетарской борьбы в странах капитала дали огромной силы толчок к усилению революционного движения, разбудили спавшие глубоким сном самые отсталые массы трудящихся. В борьбу включились миллионы и десятки миллионов новых борцов из сферы непролетарской массы трудящихся. Крестьяне, кустари, ремесленники, мелкая торговля и производственная буржуазия, левое крыло национальной буржуазии, прогрессивная часть буржуазной интеллигенции — эти социальные слои рано или поздно, но непременно придут к осознанию коммунизма конечной целью своего движения. Но их путь к марксизму-ленинизму неизмеримо более сложен и противоречив, чем путь крупнопромышленного пролетариата. Многие из них становятся приверженцами анар-

¹¹ См. М. Л. Алтайский. О маоистских извращениях истории. — «Вопросы философии», 1973, № 10, стр. 14; Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.). — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1974, стр. 310—312.

хистских воззрений и авантюристических методов борьбы, составляют питательную среду для возрождения бакунизма¹². Поэтому опыт борьбы марксизма против бакунистской разновидности анархизма в эпоху Первого Интернационала отнюдь не утратил своего политического значения в нашу эпоху.

* * *

В заключение отметим, что мы сочли возможным опустить анализ эволюции социально-политических и философских воззрений М. А. Бакунина: эта работа выполнена И. Б. Зильберманом¹³. К его капитальному исследованию мы могли бы добавить очень немного. То же следует сказать о деятельности русской секции I Интернационала и ее борьбе против бакунизма. Указанные сюжеты исчерпывающим образом освещены в книге Б. П. Козьмина¹⁴.

¹² А. Д. Косичев. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964.

¹³ И. Б. Зильберман. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина, Л., 1969.

¹⁴ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957.

НАЧАЛО
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАКУНИНА

Михаил Александрович Бакунин родился 18 мая 1814 г. в старинной дворянской семье¹. В 1828 г. был принят в артиллерийское училище. В 1833 г. Бакунина произвели в офицеры, но служил он недолго. В 1835 г. Бакунин подал в отставку, решив посвятить себя научной деятельности, и в январе 1836 г. перебрался в Москву. Здесь он сблизился с кружком Станкевича, который, по свидетельству А. Аксакова, «отличался самостоятельностью мнений, свободой от всякого авторитета...»² Члены этого кружка отрицательно относились к российской действительности 30-х годов XIX в., но крайне мало интересовались политикой.

В 1835 г. Бакунин познакомился с Белинским, на которого произвел огромное впечатление. «Много, много мыслей услышал от тебя первого. Одна из них: «жизнь — великая школа»—и ее-то теперь повторяю я каждый день с грустным раздумьем»³,— писал Бакунину великий революционер-демократ, человек огромного интеллекта.

¹ Первым достоверно известным предком Бакунина был дьяк Никифор Евдокимов, числившийся с 1677 г. московским дворянином. Его правнук Михаил Иванович при Петре I служил комендантом в Царицыне. Внук Михаила Ивановича — Михаил Васильевич в царствование Екатерины II был вице-президентом камер-коллегии. Он и оставил в наследство одному из своих сыновей, Александру, имение Премухино Новоторжского уезда Тверской губернии. А. М. Бакунин долгое время служил при российских посольствах в итальянских государствах. В конце царствования Екатерины вышел в отставку и поселился в своем имении. Здесь им были написаны «История России», «Опыт мифологии русской истории», поэма «Осуга», много стихотворений, не предназначенных для печати. Все это хранится в рукописях в Пушкинском доме.

² К. Аксаков. Воспоминания студенчества. М., 1911, стр. 11.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1956, стр. 282.

П. В. Анненков вспоминал, что в те годы Бакунин «господствовал над кружком философствующих». «Страсть к витийству, врожденная изворотливость мысли, ищущей и находящей беспрестанно случаи к торжеству и победам, и, наконец, шумная, хоть и несколько холодная, малообразная искусственная речь. Однако же эта праздничная речь и составляла именно силу Бакунина, подчинявшую ему сверстников: свет и блеск ее увлекали и тех, которые были равнодушны к самим идеям, им возвещаемым»⁴. А. И. Герцен так объяснял причины влияния Бакунина в кругах демократически настроенной молодежи Москвы: «Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому. Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума — вот что было тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел свою войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, он станет революционером пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде»⁵.

Однако в 30-е годы пропаганда Бакунина не носила ни революционного, ни анархистского характера, более того, это были не собственные, не оригинальные идеи — большинство их принадлежало Гегелю. Позднее Бакунин писал: «Кто не жил в то время, тот никогда не поймет, до какой степени было сильно обаяние этой философской системы в тридцатых и сороковых годах. Думали, что вечно искомый абсолюте, наконец, найден и понят, и его можно покупать в розницу или оптом в Берлине»⁶. И Бакунин усердно проповедовал метод и логику Гегеля, проповедовал их Белинскому и Герцену, дамам и Прудону. Бакунина не волновал вопрос, насколько готов собеседник к восприятию проповедуемых им абстракций. И. И. Панаев вспоминал, что Мишель — так в те годы называли Бакунина в московских литера-

⁴ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 159.

⁵ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VII. М., 1956, стр. 353—354.

⁶ М. А. Бакунин. Избр. соч., т. I. М.—Пг., 1919, стр. 231.

турных кружках — «с каким-то ожесточением бросался на каждое новое лицо и сейчас же посвящал его в философские тайны»⁷.

В 1839 г. Бакунин познакомился с Герценом и тотчас же попытался побудить своего нового друга к изучению философии Гегеля⁸.

Постоянным гостем Бакунина был Василий Петрович Боткин, который высоко ценил его знания и воззрения. «...Через тебя первого узнал я те идеи, от которых спали повязки с моих глаз и я вошел в свободную сферу бытия...»⁹

Менее восторженно относился к Бакунину Т. Н. Грановский: «... в науке он (Бакунин.— М. М.) может совершить великое... но в сфере деятельной жизни он никуда не годится. Для него нет субъектов, а все объекты. Чудная натура»¹⁰. В 1840 г. Бакунин уехал в Берлин для завершения философского образования, «для достижения человеческой и единственной цели моей жизни»¹¹,— писал он Герцену. Первым из новых друзей оказался Иван Сергеевич Тургенев. На Тургенева Михаил Александрович произвел огромное впечатление. «Скольким я тебе обязан, я едва ли могу сказать и не могу сказать: мои чувства ходят еще волнами и не довольно еще утихли, чтобы вылиться в слова»¹². Позднее Тургенев резко изменил отношение к своему кумиру, изобразив его в образе Рудина — человека весьма одаренного, но растратившего себя на поучения и ничего реального в жизни не создавшего¹³. Дружеские отно-

⁷ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 147.

⁸ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX. М., 1956, стр. 16.

⁹ А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 515.

¹⁰ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I. М., 1897, стр. 383.

¹¹ А. А. Корнилов. Указ. соч., стр. 639.

¹² М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем. 1828—1876. Под ред. и с прим. Ю. М. Стеклова, т. III. М., 1935, стр. 430—431.

¹³ Роман был написан в 1855 г., когда Бакунин после героической попытки возглавить восстание в Дрездене находился в Алексеевском равелине. Стало быть главного — революционной энергии своего бывшего друга — автор не увидел. Образ получился искаженным, Н. Г. Чернышевский с полным основанием заявлял, что Рудин «вовсе не портрет Бакунина и даже не карикатура на него, а совершенно не похожее на Бакунина лицо, подле которого сделаны кое-какие надписи, утверждающие, что это портрет Бакунина» (Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 740).

шения установились с профессором Вердером и литератором Варнгагеном фон Энзе. Осенью 1841 г. Бакунин переехал в Дрезден, где познакомился с Арнольдом Руге. Бакунин был близок с издателем Вигандом, дрезденским демократом Кеселером и другими общественными деятелями¹⁴.

Бакунин приехал в Германию с целью глубокого изучения философии, в особенности системы Гегеля; он искал абсолютной истины в области духовной жизни, стремясь отгородиться от реальной действительности, от всякого участия в политической жизни. А между тем в 40-е годы общественная жизнь Германии, в особенности Пруссии, проходила бурно во всех ее проявлениях — в экономике, политике, идеологии.

В области экономики страна переживала начало промышленного переворота. Началось внедрение машин в производство¹⁵. Бурными темпами строились железные дороги, что вызвало подлинную революцию на транспорте. По протяженности железных дорог Германия к середине XIX в. заняла одно из первых мест; на ее долю приходилось 16% тогдашней мировой сети. Строительство железных дорог привело к ускорению развития горного дела, металлургии и машиностроения. Больших успехов достигла химическая промышленность, чему в немалой степени способствовали важные технические изобретения.

Однако повсеместное господство феодальных порядков продолжало тормозить внедрение основ капиталистического строя, промышленное развитие Германии шло в общем медленно. Политическая раздробленность задерживала создание единого национального рынка; феодальные порядки в деревне тормозили процесс образования свободной рабочей силы. Поэтому уровень, достигнутый германской промышленностью в 40-х годах, оставался все еще низким. Немецкие изделия не выдерживали конкуренции английских, поэтому промышленный переворот происходил за счет экстенсивной эксплуатации рабочих. Голодная заработная плата и невиданная продолжительность рабочего дня являлись

¹⁴ См. *М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем*, т. III, стр. 436—437.

¹⁵ «*Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 20.

в Германии важнейшими средствами накопления капитала.

В области политической начало 40-х годов отмечено активизацией общественной жизни, которая в определенном смысле связана с вступлением на прусский престол короля Фридриха-Вильгельма IV. Буржуазия Пруссии связывала с его царствованием большие надежды на либерализацию страны. Первые акции нового монарха, казалось, оправдывали ожидания. Король объявил амнистию политическим заключенным. Из крепости вышел на свободу турнфатер Ян, были выпущены студенты — участники антиправительственных акций. Э. М. Арндт вновь получил кафедру в университете. Дальман и братья Гримм из «геттингенской семерки» были возвращены в университет. Некоторые изменения в сторону смягчения претерпела цензура. Заметно оживилась общественная жизнь страны. Многие газеты имели явно либеральное направление. С 1840 по 1843 г. в Кёльне выходила «Рейнская газета» — сначала орган либеральной буржуазии, затем — революционной демократии. Ее активным корреспондентом, а затем ответственным редактором был К. Маркс.

Оппозиция одобряла королевские уступки, но они не удовлетворяли ее: либералы требовали конституции, печать продолжала кампанию за введение «истинно народного представительства», а король и его правительство все тверже и тверже становились на позиции «божественного права» Гогенцоллернов.

Политика проникала во все слои общества, отодвигая на задний план все другие интересы. Политические вопросы обсуждались обществом любителей естествознания, конгрессом германистов во Франкфурте-на-Майне. Речи политического содержания произносились на юбилее книгопечатания в Лейпциге, на промышленной выставке в Майнце, при закладке собора в Кёльне. Дальман написал «Историю английской революции», в которой стремился показать, куда приводит короля сопротивление справедливым требованиям народа. Давид Штраус в памфлете «Романтик на троне царей» дал такой образ Юлиана Отступника, в котором все узнали короля прусского. Самыми популярными поэтами Германии стали Г. Гервег и Ф. Фрейлиграт, ибо их поэзия имела ярко выраженный политический характер. Росли

оппозиционные настроения среди профессоров университетов, не переставало волноваться и протестовать против реакции студенчества.

Наиболее решительно выступала радикально настроенная мелкобуржуазная интеллигенция. Выразителем ее интересов было литературное направление, получившее наименование «Молодая Германия». Его идейным вождем был Людвиг Берне. За ним шла группа молодых писателей и поэтов, среди них драматург Карл Гуцков. В противовес романтизму они отстаивали социальную значимость литературы. Глубоко понимал задачи социального прогресса великий поэт Генрих Гейне — «самый нежный лирик, какого Германия видела после юных дней Гёте, и притом сведущий ученик Гегеля», — говорил о нем Франц Меринг.

В общественную жизнь страны энергично включилась немецкая философия.

К началу 40-х годов гегельянство не было единым направлением. Уже в 30-е годы среди учеников и последователей Гегеля произошел раскол. Левое крыло — младогегельянцы — придавало главное значение диалектическому методу Гегеля и делало из его учения прогрессивные политические выводы. Однако их борьба против политической реакции носила абстрактный, отвлеченный и потому ограниченный характер: они не шли дальше пересмотра истории религии, происхождения христианства, личности Христа и т. п. Вопросы реальной действительности, политические проблемы были оставлены ими в стороне. Критику реакционных немецких порядков они подменяли нападками на их отражение в сознании людей.

В обстановке бурной политической жизни предмартовской Германии Бакунин усердно занимался наукой, стремясь отгородиться от реальной жизни абстракциями гегелевской философии. Но его энергичная, кипучая натура, активный характер толкали совсем к другому. Очень скоро отречение от действительности сменилось стремлением к активному в ней участию, к борьбе, к революционным акциям. Началом нового этапа в жизни Бакунина была его статья «Реакция в Германии. Отрывок, составленный французом», опубликованная в октябре 1842 г. в «Немецких ежегодниках» Руге за подписью Жюль Элизар. На страницах весьма умеренного

журнала Бакунин провозгласил: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть»¹⁶. Эти слова стали девизом его жизни. С такой программой Бакунин не мог возвратиться в Россию¹⁷. Некоторое время он оставался в Дрездене, где близко сошелся с Г. Гервегом, а в начале 1843 г. вместе с ним уехал в Швейцарию. Отсюда он отправил Руге письмо, полное бодрости и необоснованного революционного оптимизма: «...мы, кучка разбросанных повсюду людей со связанными руками, приводим в ужас и отчаяние мириады наших врагов нашим боевым кличем»¹⁸.

В январе 1843 г. Бакунин познакомился с книгой В. Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», которую оценил очень высоко, особенно идеи автора о неизбежности социальной революции.

Зимой 1843 г. он впервые встретился с Вейтлингом. Об этой встрече Бакунин писал впоследствии: «Вейтлинг мне понравился; он человек необразованный, но в нем я нашел много природной сметливости, ум быстрый, много энергии, особенно же много дикого фанатизма, благородной гордости и веры в освобождение и будущность порабожденного большинства»¹⁹. Два революционера часто встречались. Вейтлинг сообщил Бакунину свои планы преобразования мира, пытался привлечь на свою сторону. Однако последний не спешил примкнуть к какой-либо системе утопического коммунизма, хотя и испытывал их влияние. Свою позицию он формулировал в статье «Коммунизм», опубликованной в июне 1843 г.

¹⁶ М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III, стр. 148. Статья вызвала восторженный отзыв Герцена, который писал в своем дневнике: «...это чуть ли не первый француз (которого я знаю), понявший Гегеля и германское мышление. Это громкий, открытый, торжественный возглас демократической партии, полный сил, твердый обладанием симпатий в настоящем и всего мира в будущем...» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. II. М., 1954, стр. 256—257). Белинский и Боткин направили автору восторженные отзывы о статье.

¹⁷ 9 октября 1842 г. он писал своему брату: «После долгого размышления и по причинам, которые объяснит тебе Тургенев, я решил никогда не возвращаться в Россию... здесь я чувствую, что я хочу еще жить, я могу здесь действовать, во мне еще много юности и энергии для Европы» (М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. II, стр. 120).

¹⁸ М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. III, стр. 215.

¹⁹ «Материалы для биографии М. Бакунина». Под ред. В. Полонского. т. I. М.—ПГ., 1923, стр. 109.

Статья начинается с заявления, что ее автор не является коммунистом, но относится к этому учению с большим уважением, ибо оно отражает «священнейшие права и гуманнейшие требования». Бакунин считал, что в основе коммунизма лежит народный инстинкт, который никогда не ошибается. В этом, по его мнению, заключался главный аргумент в пользу истинности коммунистического учения.

Речь шла об утопических коммунистических системах, прежде всего о вейтлингианстве. В документах, изъятых у Вейтлинга при аресте, фигурировал «великолепный парень» Михаил Бакунин. Это дало основание цюрихскому правительству, а затем и агентам III Отделения установить за ним слежку. 1 декабря 1843 г. Бенкендорф распорядился поручить всем заграничным посольствам объявить Бакунину, чтобы он немедленно возвратился в Россию. Русский поверенный в делах в Швейцарии А. Струве в феврале 1844 г. передал Бакунину предписание Бенкендорфа. Бакунин выдал Струве расписку в том, что знаком с предписанием, и уехал из Берна, сообщив, что срочные дела призывают его в Лондон. В действительности он остался в Швейцарии. Николай I, которому Бенкендорф доложил о поступке Бакунина, распорядился поступить с ним «по всей строгости закона». Сенат лишил его чина и дворянского звания и предписал в случае появления в России сослать в Сибирь, на каторжные работы. На решении сената 12 декабря 1844 г. царь наложил резолюцию: «Быть по сему»²⁰.

В это время Бакунин покинул Швейцарию и вместе со своим новым другом Адольфом Рейхелем отправился в Бельгию. По пути они на несколько дней остановились в Париже.

В годы Июльской монархии столица Франции жила активной политической жизнью, оставаясь центром революции, сборным пунктом революционной эмиграции, городом тайных революционных обществ французов и иностранцев. Тайный агент французской политической полиции, долгое время являвшийся членом различных тайных революционных союзов, Люсьен Делаод видел

²⁰ См. Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 1. М., 1926, стр. 162.

в этом факте большую опасность для тогдашней правительственной системы во Франции, буржуазного порядка в Европе. В своей книге по истории тайных обществ и республиканской партии Франции в эпоху Июльской монархии он писал об организациях революционной эмиграции следующее: «Это вредный микроб, который внедрился во Франции дополнительно к ее революционной болезни. Творцы бунтов всех наций собрались у нас в силу неблагоразумного нашего великодушия и постоянно готовят мятежи, хорошо зная, что волнения во Франции служат сигналом для других стран»²¹.

Широкие размеры приобрела коммунистическая пропаганда. В сентябре 1837 г. во Франции был создан первый коммунистический орган. Это был «Энтеллижанс», направляемый А. Лапоннерэ, Р. Лаотьером и Шароном. С ноября 1837 г. стал нелегально выходить журнал «Монитёр републикан», в котором развивались идеи левого крыла якобинцев. Всеобщее внимание привлекала дискуссия вокруг концепции Шарля Фурье; опубликовал свои проекты Этьен Кабе; Ф. Буонаротти познакомил французов с учением Бабефа; в 1837 г. Францию посетил Роберт Оуэн. Широкое распространение имели «Изложение учения Сен-Симона», изданное его учениками, и книга одного из главных проповедников христианского социализма аббата Ф. Ламенне «Слово верующего». В тайных бланкистских организациях складывался в те годы французский рабочий коммунизм, громко заявивший о своем существовании в день восстания 12 мая 1839 г. Париж, по выражению В. И. Ленина, «кипел тогда политикой и обсуждением различных социалистических теорий»²². В октябре 1843 г. в Париж приехал Маркс, где вместе с А. Руге приступил к изданию «Немецко-французских ежегодников», установил первые политические контакты с представителями пролетариата. Словом, столица Франции предоставляла прекрасные возможности для изучения классовых противоречий и коллизий, потрясавших буржуазный мир.

Революционная атмосфера Парижа оказала на Бакунина самое благотворное влияние. В эти дни состоя-

²¹ *L. de la Hodde. Histoire des Sociétés secrètes et du Parti Républicain de 1830 à 1848. Paris, 1850, p. 16.*

²² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 267.*

лось его знакомство с Марксом²³. Маркс произвел на Бакунина сильное впечатление. «Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал, и читал так умно, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в то время наука экономическая. С особенным тщением изучал он английских экономистов, превосходящих всех других положительностью познаний и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикою и добросовестною смелостью выводов. Но ко всему этому г. Маркс прибавлял еще два новых элемента — диалектику самую отвлеченную, самую причудливо тонкую, которую он приобрел в школе Гегеля, и точку отправления коммунистическую»²⁴.

Все современники в своих воспоминаниях о встречах с молодым Марксом отмечали его огромную эрудицию, многогранную и глубокую образованность, широту политического и научного кругозора²⁵. То же писал и Ба-

²³ Об этом событии сохранились два документа: письмо Бакунина Бернайсу (март 1844 г.), в котором он приглашал адресата зайти к Толстому, в гостях у которого будут также «Герверг, Маркс и компания» (*М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III, стр. 233*), и письмо Руге к Кехли от 24 марта 1844 г. В нем говорится: «Вчера мы, немцы, русские и французы, собрались совместно на обед, чтобы поближе рассмотреть и обсудить наши дела: русские — Бакунин, Боткин, Толстой (эмигранты, демократы, коммунисты), Маркс, Рибентроп, я и Бернайс; французы — Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шельхер» (там же, стр. 461).

Бакунин вместе с Марксом и Энгельсом принимал участие в работе редакции «Форвертс». Спустя 40 лет Г. Бернштейн вспоминал, что на еженедельных собраниях редакционной коллегии постоянно присутствовали: Маркс, Энгельс, Гейне, Герверг, Бакунин, Веерт, Руге, Вебер, Эвербек и Бюргерс (см. *H. Börnstein. Fünfundszwanzig Jahre in der Alten und Neuen Welt. Memoiren eines Unbedeutenden, Bd. 2. Leipzig, 1884, S. 351*).

²⁴ *М. А. Бакунин. Государственность и анархия. Пг., 1919, стр. 246.*

²⁵ Мозес Гесс, считавшийся в то время одним из наиболее крупных представителей «истинного социализма», писал своему другу Бертольду Ауэрбаху: «...Ты можешь готовиться к тому, чтобы познакомиться с величайшим, быть может, *единственным* из живущих ныне, *подлинным философом*, который скоро, когда выступит публично (как писатель и как профессор), привлечет к себе взоры всей Германии. Как по своей тенденции, так и по философской культуре духа он превосходит не только Штрауса, но и Фейербаха, а это что-нибудь да значит!.. Доктор Маркс, как зовут моего кумира, еще совсем молодой человек (ему самое большее 24 года), который в будущем нанесет последний удар средневековой религии и политике. Он соединяет в себе с глубочайшей

кунин. Почти 30 лет спустя после первой встречи он вспоминал: «Маркс был тогда гораздо более крайним, чем я, ... Я тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым материалистом и сознательным социалистом. Именно в это время он выработывал первые основания своей настоящей системы. Мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за его знания и за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата... Однако между нами никогда не было полной близости...»²⁶

Как в 40-е годы, так и позднее Бакунин был очень далек от научного коммунизма.

Большое внимание общественное мнение Европы уделяло польскому вопросу, который в то время приобрел исключительную политическую остроту, привлекая внимание революционеров и демократов всех стран²⁷. Не прошел мимо польского вопроса и Бакунин.

Весной 1844 г. в Брюсселе он познакомился с лидером революционного крыла польской эмиграции Юхимом Лелевелем. Они встречались часто и постоянно беседовали о судьбах славянства, о России и Польше, о планах польских революционеров. Именно тогда, по свидетельству самого Бакунина, его мысль впервые обратилась к России и Польше²⁸.

философской серьезностью самое язвительное остроумие; представь себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, объединенными в одном лице — я говорю *объединенными*, а не смешанными в кучу, — и ты будешь иметь доктора Маркса» (*Marx — Engels. Gesamtausgabe (MEGA), Bd. 1, Zweiter Halbband, S. 260—261*).

²⁶ Цит. по: Ю. М. Стеклов. Борцы за социализм, ч. I. М.—Пр., 1923, стр. 258.

²⁷ W. Schmidt. Die polnische Frage in der «Deutschen-Brüsseler-Zeitung». — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas». Berlin, 1964, S. 213—246; N. Hallgarten. Studien über die deutsch-polnische Freundschaft in der Periode der Märzrevolution. München — Berlin, 1928, S. 26; C. Bobinska. Marx und Engels über polnische Probleme. Berlin, 1958; H. Jablonski. Die internationale Bedeutung der nationalen Befreiungskämpfe im 18 und 19 Jahrhundert in Polen. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, H. 1, S. 63 u. a.

²⁸ См. М. А. Бакунин. Исповедь и письмо Александру П. М., 1921, стр. 62.

6 февраля 1846 г. Бакунин опубликовал в газете «Конституционалист» статью о преследовании монахинь-униаток в Литве и Белоруссии, в которой впервые высказал свое отношение к польскому вопросу. «Угнетение Польши,— писал он, — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения»²⁹. Статья способствовала установлению политических контактов с поляками. 29 ноября 1847 г. Бакунин выступил на традиционном собрании польских эмигрантов и французских демократов в Париже, посвященном 17-й годовщине польского восстания.

В своей речи он развивал мысль о необходимости революционного союза русского и польского народов против российского самодержавия. Он закончил словами: «Да придет же этот великий день примирения, день, когда русские, объединенные с вами одними и теми же чувствами, борющиеся за одно и то же дело и против общего врага, будут вправе запеть вместе с вами вашу национальную польскую песнь, этот гимн славянской свободы: «Еще Польша не сгинела!»»³⁰

Речь была опубликована во французской, а затем в чешской и немецкой прессе. Она привлекла внимание правящих кругов европейских государств, в том числе царского правительства, которое потребовало высылки Бакунина из пределов Франции. 14 декабря Бакунин получил датированное 9 декабря предписание о высылке³¹. Гизо и Дюшатель еще раз продемонстрировали готовность действовать в согласии с реакционными силами Европы. Их действия вызвали протест французской демократической прессы. В защиту Бакунина 18 декабря 1847 г. выступила «Реформа»³². В обстановке острого кризиса Июльской монархии этот эпизод превратился в крупное событие, которое, по мнению демократической оппозиции, приблизило падение правительства Гизо.

1 января брюссельский корреспондент «Реформы» сообщил, что Бакунин направил протест против его изгнания в адрес французской палаты. Правительство не могло дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа, 7 февраля 1848 г. Бакунин направил новый протест. На

²⁹ М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. III, стр. 257.

³⁰ Там же, стр. 279.

³¹ J. Pfitzner. Bakuninstudien. Prag, 1932, S. 39—40.

³² «La Réforme», 18.XII 1847.

этот раз он апеллировал к общественному мнению Франции. Документ был опубликован на страницах «Реформы» 11 февраля 1848 г. под заголовком «Кому принадлежит будущее?»

Враги Бакунина приняли свои меры против столь упрямого противника: в Париже был пущен слух, будто Бакунин связан с царским правительством и действует как его агент в среде польской эмиграции³³.

Царский посол Киселев в разговоре с Гизо назвал Бакунина русским агентом. Затем эти сведения были сообщены Дюшателю, который, распространяя их дальше, добавил, что Бакунин вовсе не политический эмигрант, а обычный уголовный преступник, осужденный в России за кражу большой суммы денег³⁴. Эти сведения, подхваченные польскими эмигрантами, дошли до Маркса.

Февральские события отодвинули эти слухи в сторону, ими не интересовался и сам Бакунин, ибо, как только произошла революция, он поспешил в Париж. Там, по его мнению, началось братание французских, немецких и польских демократов, там начинался великий праздник народов, нельзя было оставаться в стороне. Наконец-то наступил час, когда должны были пасть все абсолютные монархи и — самое главное — русское самодержавие.

26 февраля Бакунин был уже в Париже. Здесь он чувствовал себя как нельзя лучше. Он нашел аудиторию, полную революционных страстей, готовую охотно обсуждать любые проекты и слушать самые невероятные проповеди. Бакунин проповедовал коммунизм и всеобщее равенство, освобождение всех славян и уничтожение всех Австрий, непрерывную революцию и войну до полного уничтожения всех врагов³⁵. Однако проповедовал он недолго: в Париж пришли известия о революции в Вене. Бакунин поспешил на восток, поближе к русской границе,

³³ В докладе парижского префекта полиции от 6 февраля 1847 г. содержится следующая информация: «Некий Бакунин, русский офицер, давно уже известный моей администрации в качестве активного участника политических происков, неоднократно указывался мне как человек, стремящийся установить связь с польской эмиграцией... Некоторые лица утверждают, что сказанный Бакунин является тайным агентом русского правительства, которому поручено разведать намерения эмиграции и на которого, в частности, возложена миссия внести в нее раскол» (*М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем*, т. III, стр. 486).

³⁴ *J. Pfitzner. Bakuninstudien*, S. 38—40.

³⁵ *См. А. И. Герцен. Собр. соч.* в 30-ти томах, т. XI, стр. 355.

стремясь содействовать восстанию поляков и принять участие в революционной войне против России.. Не имея ни гроша в кармане, он обратился к членам Временного правительства Ф. Флокону, Луи Блану, Альберту и Ледрю-Роллену с просьбой о займе в 2 тыс. франков, обещая возвратить сумму при первой возможности. После консультации с польскими эмигрантами Флокон снабдил Бакунина деньгами. Бакунин оставил пределы Франции и через Пруссию направился к границам Польши и России. В Берлине он был неожиданно арестован по подозрению в причастности к акции Гервега³⁶.

22 апреля Бакунина допрашивал сам президент полиции Минутולי. На допросе он назвался Леонардом Неглинским³⁷ и сообщил, что выехал из Парижа 31 марта, намереваясь добраться до Великого герцогства Познанского, чтобы связаться там с временным правительством и узнать, «будет ли война против России». Бакунин рассказал, что он был во Франкфурте-на-Майне, где встречался с доктором Якоби и другими своими знакомыми, имен которых он не назвал. Спустя 10 дней он уехал в Кёльн, где примерно неделю ожидал свой багаж из Брюсселя. 20 апреля, вечером, приехал в Берлин, где ночевал у Зигмунда, а утром собирался пойти в университет, чтобы там узнать адрес доктора Цибульского — профессора славистики в Берлинском университете, по национальности поляка. С ним Бакунин хотел побеседовать о польских делах, взять письмо для господина, имя которого он не помнит, и отправиться в Бреслау. Из Бреслау Бакунин намеревался поехать в Галицию. «Моим желанием, — закончил Бакунин, — и теперь является отправиться в Галицию через Бреслау. Если это невозможно, то я прошу визировать мой паспорт в Лейпциг. Хочу заметить, что я был выслан правительством Гизо из Парижа и поэтому в дни февральской революции находился в Брюсселе³⁸.

Русофобски настроенный Минутולי, который к тому же был не чужд известной политической гибкости, воздержался от выдачи Бакунина русским властям и, снабдив

³⁶ В «Исповеди» Бакунин писал, что его приняли за Гервега. В действительности полиция предположила, что он был эмиссаром Гервега, ибо он посетил в Берлине зятя Гервега Зигмунда.

³⁷ Паспорт на это имя вручил ему Марк Коссидьер.

³⁸ *J. Pfitzner. Bakunin und Preußen in Jahre 1848.* — «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slawen», VII (1931), S. 231 u. a.

Бакунина паспортом «на имя Вольфа или Гофмана», отправил в Бреслау. 23 апреля в сопровождении полицейского Бакунин выехал в Лейпциг и далее в Бреслау. Здесь Бакунин пытался установить контакты с демократической и революционной частью польского освободительного движения, но без успеха: провокационные слухи о его шпионской деятельности делали свое дело. А между тем как раз в эти дни — в конце апреля — почти одновременно во всех славянских землях Австрийской империи возникла мысль о созыве славянского съезда. Центром движения за его созыв стала Прага, туда-то и отправился Бакунин. Он принял участие в работе славянского съезда, примкнув к его радикально-демократическому крылу, несколько раз выступал в польско-русинской секции и одновременно работал над статьей «Основы новой славянской политики»³⁹. В этом документе он излагал свой утопический, абсолютно нереальный план образования свободной общеславянской федерации. Положительным моментом в его выступлениях была критика иллюзорности надежд на возможность славянской свободы в рамках Австрийской, а тем более Российской империи. В дни восстания Бакунин в отличие от большинства делегатов славянского съезда не покинул Прагу, участвовал в баррикадной борьбе.

Прага капитулировала. Восстание было подавлено⁴⁰. Бакунин вернулся в Бреславль. Здесь он написал несколько листовок, имевших широкое распространение, в которых обосновывал неизбежность наступления революции в России в ближайшем будущем. Его убежденность была столь сильной, что легко передавалась другим⁴¹.

Чем дальше уходила действительность от его прогнозов, чем глубже становилась пропасть между ними, иными словами, чем больше сказывались пороки его мировоззрения, тем ожесточеннее нападал он на своих действительных и мнимых противников. В августе 1848 г. он

³⁹ См. *Н. Пирумова*. Бакунин. М., 1970, стр. 97—98.

⁴⁰ О славянском съезде и Пражском восстании см.: *И. И. Удальцов*. К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г.— «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 23—47; *он же*. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951.

⁴¹ *A. W. Varnhagen von Ense*. Tagebücher, Bd. V. Zürich, 1865, S. 130.

писал Гервегу: «Официальная реакция и официальная демократия соперничают в ничтожестве и глупости... Революция — это в большей мере инстинкт, чем мысль, поэтому все философы, литераторы и политики, которые носят в кармане готовые рецепты, столь глупы и столь импотентны... они боятся плавать в волнах океана». Единственное исключение, по его мнению,— Прудон. «В основе своей это замечательный товарищ. Однако если он будет рядиться в тогу своих доктрин, но нам, вероятно, придется бороться и против него». Что касается парламентских деятелей, то отношение Бакунина к ним предельно ясное: «Мы нуждаемся в чем-то совсем другом: штурм, и жизнь, и новый, лишенный законов и поэтому свободный мир»⁴². Немецкий политический деятель и литератор М. Ринг, вспоминая «колоссального Бакунина» той поры, сравнивал его с Дантоном, «который готов проводить в жизнь свои планы окровавленными руками, не щадя голов своих лучших друзей»⁴³. Новый «лишенный законов и потому свободный мир» не мог быть построен никем кроме славян, которые являлись единственной подлинно демократической нацией, полагал Бакунин.

Дантон в форме офицера русской гвардии, гильотина на Сенатской площади, великая всемирно-историческая миссия славянских народов, отрицание официальной науки, философии, революционное низвержение российской императорской власти, ликвидация Австрии — все это было столь ново, неожиданно; Бакунин привлек к себе всеобщее внимание.

В это время в Европе опять распространился слух о его шпионской деятельности в пользу петербургского двора. 6 июля 1848 г. в «Новой Рейнской газете» было опубликовано следующее сообщение: «... нас вчера уверили, что Жорж Занд имеет в своем распоряжении документы, весьма компрометирующие изгнанного отсюда русского Михаила Бакунина, которые изображают его как орудие или как агента России, недавно завербованного, и которому приписывают главную роль в недавних арестах несчастных поляков. Жорж Занд показывала

⁴² «Briefe von und an Georg Herwegh. 1848». Paris, Leipzig, München, 1896, S. 23.

⁴³ М. Ринг. Erinnerungen, Bd. I. Berlin, 1905, S. 212.

эти документы некоторым из своих друзей»⁴⁴. Основанием для публикации корреспонденции были два сообщения, полученные редакцией одновременно из совершенно различных источников. Одно было частным письмом парижского корреспондента газеты Германа Эвербека, другое — парижский литографированный бюллетень. Маркс исходил из того, что бюллетень «все равно подсунил бы донос редакциям *всех* газет, если бы я его не напечатал»⁴⁵. С другой стороны, публичное предъявление обвинения было в интересах дела и в известной степени в интересах Бакунина: он получал возможность публично опровергнуть предъявленные обвинения. Было бы значительно хуже, если бы неправильная информация о нем оказалась опубликованной в реакционных газетах Европы, которые вряд ли согласились бы предоставить ему свои страницы для ответа.

Бакунин опубликовал во «Всеобщей Одерской газете»⁴⁶ протест-опровержение, в котором писал, что до появления в «Новой Рейнской газете» парижской корреспонденции подобные слухи тайно распространялись в Бреславле, они исходят от русских посольств. В заключение Бакунин справедливо утверждал, что лучшим способом опровержения этих слухов считает свое обращение к Жорж Занд⁴⁷.

16 июля «Новая Рейнская газета» перепечатала из «Всеобщей Одерской газеты» опровержение Бакунина и его письмо к Жорж Занд⁴⁸. 3 августа польский эмиг-

⁴⁴ «Neue Rheinische Zeitung», 6.VII 1848.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 409.

⁴⁶ «Neue Oder Zeitung» («Новая Одерская газета») — ежедневная газета, издававшаяся в Бреславле (Вроцлаве). С 1846 по март 1849 г. выходила под названием «Allgemeine Oder Zeitung» («Всеобщая Одерская газета»). В 1855 г. Маркс был лондонским корреспондентом этой газеты.

⁴⁷ В письме, адресованном Жорж Занд, он писал: «Я слишком Вас уважаю и считаю Вас слишком благородной и добросовестной, для того чтобы допустить, что Вы могли легкомысленно, и не будучи сама в этом убежденной, высказать против меня такое обвинение... Я предлагаю Вам немедленно опубликовать все те бумаги, которые меня якобы компрометируют, дабы я мог их опровергнуть... Я имею право требовать этого, так как, обвинив меня, Вы этим самым взяли на себя священную обязанность передо мною и перед общественным мнением доказать свои обвинения» (М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. III, стр. 305—306).

⁴⁸ «Neue Rheinische Zeitung», 16.VII 1848.

рант Косцельский вручил Марксу адресованное ему письмо Жорж Занд; в нем было сказано: «Факты, изложенные вашим корреспондентом, безусловно, ложны. Я никогда не видела ни малейших доказательств инсинуаций, распространяемых вами против Бакунина, я никогда не была уполномочена высказывать какие бы то ни было сомнения в лояльности его характера и искренности его убеждений. Я обращаюсь к вашей чести и вашей совести и прошу немедленно напечатать это письмо в вашей газете»⁴⁹. В тот же день письмо было опубликовано. Редакция сочла необходимым предпослать следующее вводное замечание: «В № 36 нашей газеты мы сообщали, что в Париже распространился слух, будто Жорж Санд имеет в своем распоряжении документы, рисующие русского эмигранта Бакунина как агента императора Николая. Мы сообщили об этом, потому что эти сведения были нам переданы одновременно двумя корреспондентами, совершенно не связанными друг с другом. Поступая таким образом, мы лишь выполнили долг, лежащий на публичной печати, которая должна проявлять строгую бдительность по отношению к общественным деятелям. В то же самое время мы предоставили г-ну Бакунину возможность рассеять подозрения, выдвигаемые против него в некоторых парижских кругах. Мы даже перепечатали из «Neue Oder-Zeitung» заявление г-на Бакунина и его письмо, адресованное Жорж Санд, не дожидаясь его просьбы. Теперь мы публикуем текстуальный перевод письма Жорж Санд, адресованного редактору «Neue Rheinische Zeitung», которое полностью исчерпывает этот инцидент»⁵⁰.

Косцельский, который был послан Бакуниным в Кёльн, чтобы передать Марксу вызов на дуэль, после просмотра писем из Парижа согласился, что Маркс, как редактор, был обязан поместить эти материалы, о чем и сообщил Бакунину⁵¹.

В конце августа Маркс встретился с Бакуниным в Берлине и возобновил с ним прерванные отношения⁵².

⁴⁹ «Neue Rheinische Zeitung», 3.VIII 1848. См. также: В. Каренин. Герцен, Бакунин и Жорж Занд.— «Русская мысль», 1910, III, стр. 45—64.

⁵⁰ «Neue Rheinische Zeitung», 3.VIII 1848; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 297.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 409.

⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 297.

13 октября «Новая Рейнская газета» выступила в поддержку Бакунина, осудив прусское министерство за высылку Бакунина из пределов Пруссии и угрозу выдать его России, если он снова окажется в Пруссии⁵³. Участие Бакунина в революции, в частности его деятельность в дни Дрезденского восстания, было высоко оценено в работе «Революция и контрреволюция в Германии»⁵⁴. В этой работе содержится упрек в адрес германской печати и германского народа за то, «что они проявили величайшую трусость, допустив выдачу Бакунина своим и его врагам»⁵⁵.

Симпатии Маркса и Энгельса к Бакунину отнюдь не означали одобрения его деятельности в дни революции. В частности, 15 февраля 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала статью «Демократический панславизм», в которой была подвергнута обстоятельной критике брошюра «Призыв к славянам. Сочинение русского патриота Михаила Бакунина, депутата Славянского съезда в Праге» (Кётен, 1848). Критический разбор Маркс и Энгельс начинали словами: «Бакунин — наш друг. Но это не помешает нам подвергнуть критике его брошюру»⁵⁶.

В августе 1853 г. общественное мнение Англии и европейского континента вновь было привлечено к личности Бакунина. 19 августа лондонская газета «Морнинг эдвертайзер» («Утренний уведомитель») опубликовала анонимную статью «Европа. — Один человек» с подзаголовком «От русского резидента в Лондоне». Автором статьи был И. Головин. 23 августа в газете появилось письмо в редакцию за подписью Ф. М. (Фрэнсис Маркс — сторонник Уркарта). Письмо, озаглавленное «Русский агент Бакунин», обвиняло последнего в связях с царским правительством. Опровержение этих измышлений газета опубликовала 24 августа под тем же заголовком. Документ был подписан Головиным, Герценом и польским эмигрантом Ворцелем. Наряду с совершенно обоснованным протестом против клеветнической выходки «Ф. М.», протест содержал выпад против «одной немецкой газеты», которая якобы положила начало шельмованию

⁵³ «Neue Rheinische Zeitung», 13.X 1848.

⁵⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 106.

⁵⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, стр. 297.

⁵⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 290.

Бакунина. Нетрудно было заметить, что речь шла о «Новой Рейнской газете». Маркс счел нужным обратиться с письмом к редактору «Морнинг эдвертайзер», в котором разъяснил указанный эпизод и самым решительным образом опроверг клевету своего однофамильца.

«Что касается «Ф. М.», — писал он, — то, поскольку он исходит из навязчивой идеи, будто революции на континенте благоприятствуют тайным замыслам России, он должен, если он хочет быть в какой-то мере последовательным, осудить не только Бакунина, но и любого континентального революционера как русского агента. В его глазах сама революция является русским агентом. Почему бы не быть им и Бакунину?»⁵⁷ В защиту Бакунина выступил и Д. Мадзини. Позднее Бакунин писал, что он «на всю жизнь в долгу перед Мадзини», называл его изумительной личностью, «чистейшей и величайшей из всех, каких я когда-либо встречал в своей жизни»⁵⁸.

Значительно позднее, в 1860 г., Маркс еще раз вернулся к вопросу о публикации в «Новой Рейнской газете» заметки Г. Эвербека. Отвечая на упреки Ф. Лассаля в излишнем недоверии, которое Маркс якобы проявляет к политическим деятелям, он писал: «Что касается моего недоверия, то за те восемнадцать лет, что я выступаю публично, я знаю только два случая... когда с некоторым кажущимся основанием можно было бы обвинить меня в этой душевной болезни:

а) В «*Neue Rheinische Zeitung*» я поместил полученный из Парижа донос на Бакунина... Бакунину я дал публичное удовлетворение в «*Neue Rheinische Zeitung*», лично помирился с ним в Берлине (в августе 1848 г.) и впоследствии в «*Tribune*» (1851 г.) ломал копыя в его защиту»⁵⁹.

Деятельность Бакунина в дни революции постоянно находилась в поле зрения полиции и дипломатии ряда европейских государств. Их внимание к личности Бакунина повышалось по мере активизации его деятельности. Дипломаты и полицейские провокаторы использовали любой повод для распространения самых фантастических слухов. Наибольшее усердие в этом направлении

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 9, стр. 298.

⁵⁸ М. Bakunin. La théologie politique de Mazzini et L'Internationale. Neuchatel, 1871, p. 45—46.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 409.

проявлял П. Майендорф — русский посол в Берлине. 15 июня 1848 г. он направил прусскому министру иностранных дел Арниму меморандум, в котором писал, что Бакунин был участником Краковского восстания «и событий в Галиции, направленных против империи». В своей революционной деятельности, продолжал посол, Бакунин зашел столь далеко, что является потенциальным цареубийцей. Посол просил министра принять меры к высылке этого опасного государственного преступника из пределов Пруссии, весьма прозрачно намекая, что пребывание в ее пределах Бакунина не будет способствовать добрым отношениям с Россией⁶⁰. В июне Майендорф лишь зондировал почву, проверял настроение прусского кабинета, зато в сентябре он направил такое донесение, из которого следовала прямая просьба о высылке Бакунина из Пруссии в самом ближайшем будущем.

Об этом же ходатайствовал перед министерством внешних сношений Пруссии прусский посол в Петербурге Рохов. В посольском донесении от 12 сентября (31 августа) 1848 г. он писал: «Русский Бакунин известен здесь (в Петербурге.— М. М.) в качестве опасного заговорщика. В мае он проживал некоторое время в Праге, некоторое время в Дрездене или Бреслау. Он намеревается перейти прусско-польскую или прусско-русскую границу. С ним находятся два эмигранта, которые посягают на жизнь императора. Имея в виду намерения Бакунина в отношении императора и его отношение к России, его нельзя оставлять без надзора и желательно выслать из Пруссии. Хочу поставить министра в известность, что в противном случае может быть нанесен ущерб отношениям» (Пруссии и России.— М. М.)⁶¹.

20 сентября министр внешних сношений Рохов передал донесение министру внутренних дел Эйхману. В свою очередь министерство внутренних дел переправило донесение в адрес главного полицейского управления Берлина, во главе которого стоял уже не Минатоли, а Бардлебен. Ему-то министерство и предложило высказать свои соображения, а заодно и решить вопрос⁶².

⁶⁰ *J. Pfitzner. Bakuninstudien, S. 59.*

⁶¹ *Landeshauptarchiv, Brandenburg, Potsdam. Rep. 77, sect. VI, p. Lit. B, N 240.*

⁶² *J. Pfitzner. Bakuninstudien, S. 59.*

Указание запоздало, так как уже 21 сентября 1848 г. Бакунин был задержан берлинской полицией и в тот же день допрошен. На допросе Бакунин дал следующие показания: «...23 апреля в сопровождении полицейского чиновника я уехал из Берлина в Лейпциг, а оттуда в Бреслау. В Бреслау я оставался до мая, затем направился в Прагу, где оставался 14 дней, затем вновь уехал в Бреслау, а оттуда примерно через 6 недель в Берлин... В момент моего приезда в Берлин в апреле я имел при себе два французских паспорта, один на имя Неглинского, а другой на мое собственное — Бакунин. Последний паспорт взял у меня Минутולי, а паспорт на имя Неглинского я взял с собой в Бреслау... За свою статью, опубликованную мною в Париже, в которой я нападал на русское правительство за польские дела, я был лишен дворянства и приговорен к ссылке в Сибирь на каторжные работы. Этого наказания я не отбывал, потому что находился во Франции.

В апреле я приехал в Берлин, намереваясь следовать отсюда в Великое герцогство Познанское, однако господин Минутולי заявил, что он не может мне этого позволить. Он взял с меня честное слово, что я не поеду в Познань».

О цели своего приезда в Пруссию Бакунин ничего не сказал, ограничившись утверждением, что он «находился в Берлине, чтобы встретить своего парижского знакомого»⁶³.

Полиция предложила ему немедленно оставить Берлин, что он и сделал 22 сентября 1848 г.⁶⁴

На другой день, 23 сентября, он уже был в Бреславле, о чем тамошний президент полиции сообщил в Берлин 25 сентября. Полицейские агенты усердно распространяли самые неправдоподобные слухи. Один из них в сентябре 1848 г. писал: «В ближайшие дни здесь должен появиться в высшей степени опасный русский по фамилии Бакунин, его профессия убийство и избивание людей; согласно показаниям свидетелей он разъезжает с двумя красивыми, хорошо одетыми дамами. У него длинная борода, которую, однако, он, возможно, сбрил»⁶⁵.

⁶³ См. Ю. М. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 1, стр. 312.

⁶⁴ A. W. Varnhagen von Ense. Op. cit., Bd. V, S. 203.

⁶⁵ Цит. по: J. Pfitzner. Bakuninstudien, S. 52.

А между тем Бакунин добрался до Саксонии. 8 октября он приехал в Дрезден, но 9-го был вынужден покинуть город и через Лейпциг приехать в Кётен, где несколько недель жил спокойно.

В герцогстве Ангальт-Дессау, в состав которого входил Кётен, к осени 1848 г. реакция еще не одержала столь решительной победы, как в других землях Германского союза, либералы и демократы оказались здесь лучше организованными, чем реакционно-консервативные элементы⁶⁶, поэтому Бакунин рассчитывал превратить его в центр революционного сопротивления реакции. В Кётене у Бакунина оказалось много друзей и единомышленников, в том числе участники «Подпольного общества»⁶⁷; многие из них были сторонниками анархизма в изложении Макса Штирнера и Прудона. Они рассчитывали на новый подъем революции и по-своему готовились к нему.

Царские дипломаты и здесь не оставляли его в покое. Майендорф в донесении на имя Нессельроде от 3 и 15 января 1849 г. вновь вернулся к личности Бакунина. Он сообщал, что республиканцы Франции и Германии вновь готовятся к борьбе против правительства. Немецкие демократы, писал он, разыгрывают из себя безобидных, но в глубокой тайне готовятся к моменту, когда можно будет сбросить маску. «Говорят, что этот совет дан Бакуниным, который играет важную, решающую роль»⁶⁸.

В это время Бакунин по-прежнему разрабатывал идею объединения всех славян против «онемеченных» чехов,

⁶⁶ Об этом впоследствии Бакунин писал в «Исповеди». Примерно то же показал на следствии Арnaud Скорцлевский, который следующим образом передал слова, сказанные ему Бакуниным: «Бакунин говорил: «Мне кажется, Дессау должно захватить инициативу в Германии и заставить считаться с ним другие земли. Дай бог, чтобы вся остальная Германия последовала за ним!» (Akten des Staatarchivs Dresden. Amtsgericht Dresden (далее: StAD AG Dresden). Интересные сведения по этому вопросу содержатся в статье: *J. E. Dessauer. Michael Bakunin in Anhalter.*— «Anzeiger» (Dessau), 11.VI 1922.

⁶⁷ *M. Netilau. The Life of Michael Bakunine*, vol. I—II, London, 1898, p. 97. Наследие Неттлау, его обширная переписка с ветеранами революции 1848—1849 гг., находится в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

⁶⁸ *P. Meyendorff. Politischer und privater Briefwechsel*, Bd. II. Berlin—Leipzig, 1923, S. 144.

а также мадьярской аристократии⁶⁹. По его мнению, революция в Германии была важна лишь постольку, поскольку могла дать дополнительный импульс борьбе славянства, чему должно было способствовать разрушение прусского государства. Как и большинство демократических деятелей того времени, Бакунин считал успехи реакции временными, а новый подъем революции неизбежным. 8 декабря 1848 г. он писал из Кётена своему другу Гервегу, что ответом на действия реакции будет, и очень скоро, «анархия, разрушение государства». «Если я правильно понял ход событий и отношения в Германии,— писал он,— то анархия, разрушение государства должны наступить вскоре. Я вспоминаю слова, которые ты часто повторял мне в Париже перед революцией: «Первая революция в Германии не будет иметь для нас серьезного значения, так как она будет победой буржуазной подлости». Насколько велика низость немецкого филистерства, я увидел теперь в полной мере, твой приговор был несомненно правильным. ...Мое последнее суждение таково: если немецкая нация в большинстве своем состоит из обывателей, на буржуазию, которая ныне существует в Германии, очевидно, нельзя рассчитывать, если среди немецкой нации нет сейчас городского пролетариата, в особенности рабочих крупных машиностроительных предприятий, то я должен сказать: немецкой нации больше не существует...

Только анархическая крестьянская война, с одной стороны, и изменение буржуазии, с другой, могут спасти Германию. Тяжелое крепостничество подготовит крестьянскую войну, и, что меня особенно радует, я не боюсь анархии, но желаю ее всей душой — только она одна может выволить нас из той проклятой среды, в которой мы так долго прозябали»⁷⁰.

Письмо свидетельствует о глубокой ненависти его автора к немецкой буржуазии, к эксплуататорам, а также о его столь же глубокой любви к трудовому люду Германии, к рабочим и крестьянам, о его вере в творческие силы и способности народных масс. Но ни в дни

⁶⁹ *Ed. Bernstein. Marx und Bakunin.*— «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1910, Bd. XXX, N 1, S. 1—29; *P. Scheibert. Von Bakunin zu Lenin.* Leiden, 1956, S. 174.

⁷⁰ Цит. по: *M. Nettlau. Op. cit.*, p. 103. См. также: «Breife von und an Georg Herwegh, 1848», S. 225—229.

революции, ни позднее Бакунин не понял исторической роли пролетариата и даже в Германии ориентировался прежде всего на крестьянство. Эта стратегическая концепция отделяла Бакунина от Маркса и Энгельса, от научного коммунизма.

Между коммунистами и Бакуниным не было и не могло быть единства не только в вопросах теории, но и в вопросах тактики. Горячее сочувствие и искренние симпатии Бакунина вызвала идея создания революционного легиона, выдвинутая Гервегом. Впоследствии Бакунин считал этот эпизод началом конфликта с Марксом. В 1871 г. он писал: «...в этом вопросе, как я думаю, теперь и скажу это откровенно, Маркс и Энгельс были правы; они верно оценивали тогдашнее положение дел. Но они напали на Гервега с той бесцеремонностью, которая характерна для их нападков; я же стал горячо защищать против них отсутствующего. Отсюда и начало нашей ссоры»⁷¹.

Панславистские идеи Бакунина вызвали резкое осуждение Маркса и Энгельса. Следует, однако, признать, что бакунистский план создания великой и могучей демократической федерации всех славян, хотя и носил утопический характер, резко отличался от проектов большинства славянских националистов. Он имел ярко выраженную антирусскую направленность. Большой интерес для освещения этого вопроса представляют показания Бакунина, данные им на допросе 28 сентября 1849 г. «Я принял участие в саксонском движении главным образом потому, что усматривал в нем противодействие прусскому влиянию и считал его направленным против прорусской политики Пруссии, против русского влияния. Стало быть, мои действия были направлены главным образом против России. В дни революции главной тенденцией моей политической деятельности было стремление уничтожить русское влияние в Германии или по крайней мере ослабить его, именно поэтому я симпатизировал этой революции»⁷².

Много лет спустя Бакунин писал, что в дни революции он видел свою главную цель в создании союза народов, который противостоял бы разбойничьему альянсу

⁷¹ Дж. Гильом. М. А. Бакунин.— «Былое», 1906, № 8, стр. 232.

⁷² Цит. по: «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II. М.—Л., 1933, стр. 52.

императора Николая с Австрией. Прежде всего следовало «побратать славян Богемии с немцами». Союз чехов и немцев, по его мнению, способствовал бы победе итальянцев и венгров, подъему революционного движения поляков и, самое главное, началу революции в России⁷³.

Маркс и Энгельс считали главными врагами европейской революции царскую Россию, Пруссию и монархию Габсбургов. Бакунин разделял эту точку зрения. Однако процесс развития событий, движущие силы революции, ее характер и маршрут представлялись ему совсем не так, как основоположникам научного коммунизма. Маркс и Энгельс полагали, что инициативу революции возьмут на себя французские пролетарии, а решающая роль в ее завершении будет принадлежать рабочему классу Великобритании. «...Освобождение Европы,— писал Маркс,— будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма — обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса»⁷⁴.

Однако для победы европейской революции, отмечали Маркс и Энгельс, победы рабочего класса Франции и даже всего континента недостаточно, европейская революция может быть успешно завершена лишь при условии присоединения к ней Англии. «Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии,— писали они,— только буря в стакане воды»⁷⁵. На основе этих посылок Маркс и Энгельс строили всю свою тактику и деятельность в памятные дни революции. Они направляли свои взоры на Запад, где был наиболее многочисленный и наиболее организованный по тем временам пролетариат.

Бакунин связывал надежды на победу революции и торжество дела свободы с Востоком, он мечтал о крестьянской революции в России, которая принесет избавление от гнета всем странам и народам Европы. Не в Париже и Лондоне, а в Москве достигнет революция наибольшей силы. «В Москве,— писал он,— будет разбито рабство соединенных теперь под русским скипет-

⁷³ М. Nettlau. Op. cit., S. 112.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 160.

⁷⁵ Там же, стр. 159—160.

ром и всех вообще славянских народов, а вместе с тем и *все европейское рабство* (курсив наш.— М. М.), и навеки погребено под своими собственными мусором и развалинами; в Москве из моря крови и пламени высоко и прекрасно взойдет созвездие революции и станет путеводною звездой для блага всего освобожденного человечества»⁷⁶.

Главной целью своих теоретических трудов периода европейской революции Бакунин считал обоснование неизбежности русской революции и ее торжества. Однако его знания о социально-экономическом развитии России были весьма ограничены⁷⁷. Об этом наглядно свидетельствовали как его брошюра «Русские дела», так и собственное признание в «Исповеди». В последнем документе он писал: «За границей, когда внимание мое устремилось в первый раз на Россию, я стал вспоминать, собирать старые, бессознательные впечатления и отчасти из них, отчасти из разных доходивших до меня слухов создал себе фантастическую Россию, готовую к революции,—натягивая или обрезывая на прокрустовой кровати моих демократических желаний каждый факт, каждое обстоятельство»⁷⁸. Ослаблению и свержению русского царизма была подчинена и революционная деятельность Бакунина в Саксонии, непосредственным содержанием которой было стремление объединить польское, чешское и немецкое революционно-демократическое движение, поддержка венгерской революции, координация и объединение всех сил, которые могли бы принять участие в ожидаемом народном восстании против наступающей контрреволюции⁷⁹.

Стало быть, Бакунин явился в Дрезден как русский революционер, претендовавший, однако, представлять не только интересы своего собственного народа, но также интересы всех народов Европы, в том числе и немецкого.

⁷⁶ М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. III, стр. 360.

⁷⁷ Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России.— «Летописи марксизма», 1929, № 9—10.

⁷⁸ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, стр. 160.

⁷⁹ Интересные сведения по данному вопросу удалось собрать молодому немецкому исследователю Рудольфу Францу: *R. Franz. Die Rolle der Arbeiter während des Dresdener Maiaufstandes von 1849. Dissertation*, 1967.

Бакунин ожидал сигнала к всеобщему восстанию против контрреволюции не от немцев, а от чехов. Его главное внимание было направлено на чешское революционное движение, а усилия — на объединение сил чешских и немецких революционеров⁸⁰.

Личные контакты между саксонскими и чешскими демократами стали устанавливаться в январе 1849 г. К числу таких акций следует отнести совещание в Лейпциге, в котором приняли участие Эмануил Арнольд, Адольф Штарке, Карл-Людвиг-Иоганн Д'Эстер⁸¹ и Бакунин. В совещании должны были принять участие представители польских революционеров, но они не явились⁸². Устанавливались также контакты демократической прессы Праги и Дрездена. В частности, редактор «Дрезденер цайтунг» Виттиг имел тесные связи с Прагой. Бакунин энергично поддерживал Виттига, написав ряд статей, которые были опубликованы в газете⁸³.

Решительный переход немецкой реакции в наступление, главными проявлениями которого стали события в Вене и Берлине, побудил левую фракцию германской демократии перейти к нелегальной деятельности с целью подготовки вооруженного восстания в германских странах. Известную роль в подготовке этой акции должен был сыграть «Демократический центр» Саксонии, руководимый Д'Эстером и Гекзаммером. Этот центр направил своих эмиссаров в северочешские пограничные области, чтобы координировать действия немецких и чешских революционеров или по крайней мере позаботиться о защите флангов революционного движения в Саксонии путем благожелательного нейтралитета чехов.

⁸⁰ См. М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 111—115 и др.

⁸¹ О деятельности Д'Эстера в дни революции см.: К. Obermann. Carl D'Ester, Artz und Revolutionär; seine Tätigkeit in den Jahren 1842—1849.— «Aus der Frühgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1964, S. 102—200; К. Koszyk. Carl D'Ester als Gemeinderat und Parlamentarier (1846—1849).— «Archiv für sozialgeschichte», Bd. 1. Hannover, 1961, S. 43—60. Сведений о встречах Д'Эстера с Бакуниным в статьях нет.

⁸² О содержании переговоров Э. Арнольд дал показания пражской чрезвычайной комиссии. Протокол допроса Арнольда содержится в фондах Военно-исторического архива Праги. См. Vojensko-historicky archiv Prag, Oesterreich Abteilung, Vysetrováče komise 1849 (VVK), 3, Antwort 31 in Verhöre E. Arnolds.

⁸³ В. Nikolajewsky. Bakunin in der «Dresdener Zeitung».— «International Review for Social History», 1 (1936), p. 121—216.

Тайное общество лейпцигских демократов также направило опытных эмиссаров в Богемию. Их миссия заключалась в том, чтобы принять участие в подготовке восстания и информировать саксонских демократов обо всех событиях в чешских землях империи⁸⁴. В конце апреля Прагу посетил М. Бакунин. Он приехал как «представитель саксонского центра» под вымышленным именем Андерсон с английским паспортом. Бакунин встречался с лидерами чешского демократического движения Арнольдом, Геймбергером и другими. Во время бесед в Праге имели место серьезные разногласия. Бакунин считал единственным средством революционной борьбы и подготовки восстания конспиративную деятельность, заговор. Все остальные методы, в том числе представительство в народном собрании, и любую форму легальной политической деятельности отрицал полностью. Эта односторонняя, полуанархистская ориентация Бакунина исключительно на нелегальную деятельность была его главной тактической слабостью. Однако при этом не следует забывать, что Бакунин преследовался полицией едва ли не всех европейских стран, и с особым усердием австрийской. С другой стороны, Арнольд, по свидетельству Фрича, которое заслуживает доверия, уделял нелегальной подготовке восстания крайне мало внимания⁸⁵.

Разногласия между Бакуниным и деятелями пражского революционного подполья проявились и во время переговоров в Дрездене. По свидетельству Замбергера, 14 апреля Фрич и Аккорт появились в Дрездене, где встречались с французскими демократами и с Бакуниным⁸⁶. Встреча Фрича и Бакунина произошла на квар-

⁸⁴ Замбергер называет имена двух эмиссаров: чеха Юлиуса Геймбергера-Лассогорского и поляка Йозефа Аккорта. О Лассогорском мы не располагаем никакими сведениями. Й. Аккорт — польский революционный офицер (его подпольная кличка — Дерблейх) — был активным функционером демократического движения в Праге, Дрездене и Бреславле. В Дрездене он был связан с поляком Карлом Брозовским и Иоганном Розина Ледером. В конце марта или в первых числах апреля из Дрездена он был направлен в Прагу (*Z. Samberger. Die revolutionäre Zusammenarbeit der tschechischen und sächsischen Demokraten in Frühjahr 1849. — «Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslowakischer Geschichte».* Berlin, 1958, S. 268 u. a.).

⁸⁵ *J. V. Fric. Paměti. Praha, 1885, S. 153.*

⁸⁶ *Z. Samberger. Op. cit., S. 268.*

тире последнего. В беседе участвовал эмиссар французских демократов. Фрич полагал, что это был Ледрю-Роллен⁸⁷. Француз в присутствии Фрича сказал Бакунину, что в Париже возлагают большие надежды на революционное выступление чехов и поляков. Бакунин стал горячо настаивать на немедленном восстании в Праге, явно находясь под влиянием непродуманных обещаний некоторых чешских революционеров, в частности Арнольда. Француз тотчас же ушел, оставив Фрича наедине с Бакуниным. Фрич с полной определенностью заявил Бакунину, что Прага не готова к восстанию. Для подготовки этой акции, по его мнению, требовалось не менее трех месяцев. Фрич добавил, что в Праге опасаются русской оккупации в случае успешного революционного выступления; наконец, он обратил внимание на необходимость обеспечить нейтралитет немецких студентов в Праге, которые могут выступить против чешских студентов и профессоров. Бакунин продолжал настаивать.

На другой день, 14 или 15 апреля, Фрич, на этот раз вместе с Аккортом, еще раз встретился с Бакуниным. Фрич, очевидно не без влияния Аккорта, обещал ускорить подготовку восстания. В переговорах участвовал представитель дрезденского комитета, имя которого нам неизвестно. Он вручил чехам деньги и «сделал устное сообщение о программе движения». 16 апреля Фрич и Аккорт уехали в Прагу⁸⁸. О дальнейшем нам известно лишь, что заговорщики договорились о порядке связи: никаких писем, никаких заметок и записок, только устные переговоры с глазу на глаз без посредников. Логично предположить, что это условие строго соблюдалось, ибо никаких документов ни одному из исследователей этого сюжета обнаружить не удалось. Не увенчались успехом и наши попытки отыскать что-либо в Саксонском государственном архиве в Дрездене.

Восстание в Праге было назначено на 12 мая. Накануне по поручению Бакунина в Прагу направился Август Реккель, чтобы собрать информацию о подготовке восстания. 1 мая он был в Праге и тотчас же встретился с Аккортом, который сообщил ему план восстания. В самых общих чертах он выглядел следующим образом:

⁸⁷ Неттлау считает это предположение маловероятным (*M. Nettlau. Op. cit., S. 105 u. Fußnote 639*).

⁸⁸ *R. Franz. Op. cit., S. 163.*

студенты во главе с Сладковским и Фричем при поддержке небольшой части гарнизона и пролетариев, в особенности из Смихова, должны были занять стратегически важные пункты Вышеград, Петрин и Градчаны. В центре города 200 надежных людей из немецкого студенческого ферейна во главе с Риттигом должны были занять арсенал и монетный двор. Заговорщики рассчитывали на помощь саксонских революционеров, предполагая, что в первый день восстания они войдут в Богемию под руководством польских офицеров. Реккель сообщил Фричу, что восстание в Дрездене начнется в первых числах мая, кроме того он обещал помочь восставшим деньгами и оружием. Большинство заговорщиков настаивало на отсрочке восстания, справедливо считая его не вполне подготовленным. И действительно, организаторы восстания не сумели привлечь на свою сторону крестьян, ибо не выдвинули требования передачи им земель помещиков, а ограничились лишь обещанием отмены долговых обязательств. Тем не менее восстание должно было начаться в субботу 12 мая. Правительству удалось раскрыть заговор и за два дня до назначенного срока арестовать его руководителей и многих участников. В ночь на 10 мая войска разоружили отряды национальной гвардии и заняли все стратегически важные пункты. Власти ввели в Праге и в большинстве городов Богемии осадное положение, которое отменили лишь 16 августа 1853 г.

Всем гражданам предлагалось в течение 48 часов сдать оружие, а иногородним лицам покинуть Прагу. Земский президент опубликовал воззвание к сельскому населению, в котором призывал его к спокойствию и подчинению распоряжениям властей, угрожая в противном случае репрессиями.

Военный суд приговорил 28 заговорщиков к смертной казни, позднее замененной длительным тюремным заключением. После разгрома заговора радикально-демократическая партия перестала существовать. Руководящие позиции в общественной жизни Чехии оказались в руках либералов, которые использовали их для усиления борьбы против демократии и стабилизации абсолютизма в Австрии⁸⁹.

⁸⁹ См. *И. И. Удальцов*. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951, стр. 246—249.

Репрессии не коснулись Реккеля. Он успел уехать из Праги намного ранее и 5 или 6 мая был в Дрездене. Пламя восстания полыхало здесь в полную силу.

* * *

В марте 1849 г., опасаясь ареста, Бакунин покинул Лейпциг и направился в Дрезден. Благодаря многочисленным связям с местными демократами здесь он мог чувствовать себя в безопасности. Среди его друзей был директор саксонской музыкальной капеллы, издатель «Народного листка» Карл Август Реккель, известный своими демократическими убеждениями. Реккель высоко ценил Бакунина как человека редкой силы духа и твердости характера, идеи которого были проникнуты благороднейшим и широчайшим гуманизмом. Вместе с тем Реккель отмечал, что «пылкая фантазия в соединении с бессознательным честолюбием... часто толкала его к самообману насчет действительного положения вещей»⁹⁰.

Другом Бакунина в те времена был также известный немецкий композитор Рихард Вагнер. О дружбе этих людей сохранилось крайне мало сведений. Мы можем сослаться на «Воспоминания» Вагнера, опубликованные много лет спустя. «Все в нем было колоссально, все веяло первобытной свежестью,— писал Вагнер.— В спорах Бакунин любил держаться метода Сократа. Видимо, он чувствовал себя прекрасно, когда, растянувшись на жестком диване у гостеприимного хозяина (Реккеля.— М. М.), мог дискутировать с людьми различных оттенков о задачах революции. В этих спорах он всегда оставался победителем. С радикализмом его аргументов, не останавливающихся ни перед какими затруднениями, выражаемых притом с необычайной уверенностью, справиться было невозможно»⁹¹.

Бакунин был близок с депутатом Чирнером, его посещали польские революционеры Виктор Гельтман и Александр Кржижановский. Оба они приехали в Дрезден из Галиции, где участвовали в вооруженной борьбе.

⁹⁰ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. III, стр. 505.

⁹¹ Р. Вагнер. Воспоминания, т. II. СПб., 1911, стр. 170.

Бакунин жил в здании Королевского зверинца в районе Фридрихштадт в квартире вдовы Науман, сын которой был редактором «Дрезденер цайтунг». Здесь, в королевском здании, Бакунин был недоступен для полиции и находился в полной безопасности. У «доктора Шварца», как называли тогда Бакунина, регулярно собирались 20—30 человек, участников революционной деятельности⁹². В здании, принадлежавшем саксонскому королю, Бакунина навещали Реккель, Вагнер, здесь он встречался с Йозефом Фричем 13 и 14 апреля⁹³.

Подавляющее большинство материалов о деятельности Бакунина в Дрездене накануне майского восстания исчезло в дни реакции. Но и те скромные данные, какими располагают исследователи, позволяют сделать вывод, что Бакунин стремился объединить все потоки революционной борьбы, всех революционеров, независимо от их национальной принадлежности. При содействии Бакунина саксонские демократы связывались с польскими, венгерскими, чешскими революционерами. Он способствовал развитию контактов с Силезией, Западной Германией, Парижем. Деятельность Бакунина в Дрездене вовсе не была «призрачной и демагогической»⁹⁴ — как писали об этом реакционные буржуазные историки — она была весьма энергичной, хотя и не вполне реалистической. Нет ничего случайного в том, что в дни майского восстания Бакунин возглавил вооруженную борьбу трудящихся Дрездена.

Хотя Бакунин избрал Дрезден центром своей революционной деятельности, его главное внимание было обращено не на Саксонию, а на Чехию. Здесь, по его мнению, должны были произойти решающие события.

* * *

После падения Вены и торжества реакции в Пруссии Бакунин пришел к выводу, что немецкая демократия,

⁹² Здание Королевского зверинца сильно пострадало во время второй мировой войны; оно восстановлено, и сейчас там находится поликлиника Дрезден-Фридрихштадт. Дом, как и прежде, имеет четыре выхода, что позволяло друзьям Бакунина собираться на конспиративные собрания в значительном количестве.

⁹³ R. Franz. Op. cit., S. 60. Позднее Бакунин жил на квартире Реккеля — Фридрихштрассе, 29. Это здание не сохранилось.

⁹⁴ V. Valentin. Geschichte der deutschen Revolution 1848/49. Berlin, 1930, S. 481.

столь миролюбиво настроенная в дни революции, теперь поняла, что для сохранения достигнутых и дарованных свобод необходимо приложить серьезные усилия, и нелегально готовилась к решительной схватке с реакцией. «Вся Германия стала готовиться тайно к новой революции»⁹⁵, — писал он в «Исповеди». В такой ситуации союз славянской демократии с немецкой и венгерской казался вполне реальным. Целью этого союза было достижение победы революции в европейском масштабе, что в свою очередь должно было повлечь за собой освобождение славянских народов, «независимость славянских племен». Венгерские и немецкие революционеры-демократы нуждались в союзниках и, казалось, были готовы отказаться от прежних притязаний на владение славянскими территориями и согласиться на создание независимых славянских государств. Линия лидеров «Демократического центра» Д'Эстера и Гекхаммера во время переговоров с Бакуниным как будто бы подтверждала этот прогноз. Поляки должны были стать посредниками между Кошутом и венгерскими славянами, Бакунин был намерен взять на себя аналогичную миссию в переговорах с немцами.

Если накануне и в первые дни революции Бакунин, как и большинство участников революционного и демократического движения Европы, считал, что цементирующей силой освободительного движения славянских народов могут быть только поляки, то теперь, в конце 1848— начале 1849 г., он изменил свою точку зрения и занял другую позицию. Роль центра и руководителя нового славянского движения в его планах должна была принадлежать не Польше, а Чехии. «Я желал, чтобы центром и главою сего нового славянского движения была Богемия, а не Польша»⁹⁶.

Бакунин исходил из того, что Польша была истощена и деморализована предыдущими поражениями и не могла уже освободиться без посторонней помощи. Революционная демократия в Чехии не была разгромлена, и решающие схватки, казалось, были впереди.

С другой стороны, поляки могли направить движение по линии борьбы за создание лишь независимого поль-

⁹⁵ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 104.

⁹⁶ Там же, стр. 106.

ского государства, не придавая большого значения освобождению других славянских народов и созданию независимых славянских государств.

Наконец, восстание в Праге, по мнению Бакунина, должно было стать сигналом для всех австрийских славян. Таким образом, немецкая демократия была призвана оказать славянскому движению моральную поддержку, признать правомерным создание независимых славянских государств в Европе и не допустить прусской интервенции против славянской революции. Поляки должны были договориться о совместных действиях с правительством Кошута, они же должны были сформировать офицерский корпус и снабдить акцию денежными средствами. Главная роль отводилась чехам.

Свои надежды Бакунин возлагал не столько на Прагу и горожан вообще, сколько на крестьянские массы Чехии, Моравии, германских стран. Крупнейшей ошибкой европейской, особенно немецкой, демократии он считал отказ от революционной работы в деревне. А между тем «ничего, казалось, не было легче, как возбудить революционный дух в земледельческом классе, особливо в Германии...»⁹⁷ Но более всего, считал Бакунин, к революционным акциям было склонно чешское крестьянство. «В Богемии до 1848-го года феодализм существовал еще во всей полноте, со всеми его тягостями и притеснениями: господские суды, феодальные налоги и сборы, десятины и другие духовные повинности подавляли собственность имущих крестьян. Класс же неимущих был еще многочисленнее и положение его тягостнее, чем в самой Германии. К тому же в Богемии есть много фабрик, а вследствие того и много фабричных работников; а фабричные работники как бы судьбою призваны быть рекрутами демократической пропаганды»⁹⁸. Бакунин улавливал связь социального и национального вопросов, указывая, что «притесняющий и ненавидимый класс богатых собственников, дворян, аристократии состоит... из немцев, душою и телом преданных австрийской династии»⁹⁹ и старому порядку вещей. В этой ситуации призыв к восстанию мог принести успех. Таковы были, по

⁹⁷ Там же, стр. 107.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

мнению Бакунина, центр революционной борьбы и установка классовых сил в предстоящей революции. То и другое в его схеме являлось одинаково ошибочным. Модель революции, система мероприятий, которые следовало провести в ходе революции, выглядели весьма неопределенно. Основной принцип, однако, ясен: максимум разрушения ради созидания. Революция должна стать решительной, радикальной, она призвана «все так перевернуть и поставить вверх дном, что австрийское правительство после победы не нашло бы ни одной вещи на своем старом месте»¹⁰⁰. В процессе революции следовало: изгнать всех дворян, все враждебное духовенство, конфисковать все господские имения, конфискованное имущество частью разделить между крестьянами, частью превратить в источник чрезвычайных революционных доходов, разрушить замки, сжечь феодальные документы, ликвидировать ипотечную и долговую задолженность.

Вся Богемия превращалась в революционный лагерь, который не только охранял революцию в своем краю, но и являлся бы возбудителем революции вовне, призывал бы к бунту все славянские народы, оказывал помощь венграм, полякам, в конечном итоге — выступил бы против Российской империи.

Революционное правительство, местопребыванием которого Бакунин избрал Прагу, должно обладать неограниченной диктаторской властью. Все политические партии и журналы, равно как и все «проявления болтливой анархии», уничтожались. Основа власти — вооруженный народ, важнейшей обязанностью которого являлась бы охрана революционного порядка внутри страны.

Бакунинские планы установления неограниченной диктаторской власти, регламентации жизни общества, разрушения замков, уничтожения государственных документов были насквозь утопичны и носили на себе следы влияния вейтлингианства, бланкизма и иных сектантских направлений 30—40-х годов XIX в. Утопический план Бакунина был неизвестен или почти неизвестен даже его ближайшим сторонникам. Полную противоположность этому плану составляла реалистическая практическая деятельность Бакунина, направленная на

¹⁰⁰ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 108.

поддержку европейского революционного движения, она-то и превратила русского эмигранта в центральную фигуру майского восстания в Дрездене. Мы уже упоминали, что Бакунина мало волновали события в Германии, в центре его внимания в эти тревожные дни по-прежнему оставалась Прага, на подготовку восстания там были направлены все его усилия. 30 апреля в Прагу был направлен Август Реккель, не владевший чешским языком. Он должен был вести работу среди немецких революционеров Праги, примкнувших к чешскому демократическому движению. Перед отъездом Бакунин вручил ему письмо, в котором писал:

«Дорогие и верные друзья!

Податель этого письма, Реккель, депутат распушенной второй палаты, является одним из главных вождей демократической партии Саксонии, рекомендую его вам как одного из моих лучших друзей и как надежного верного человека. Он направлен к вам, чтобы координировать чешское движение с движением в Германии. Мы не можем больше терять времени, его и так осталось очень мало, чтобы подготовить дело. Если в ближайшем будущем восстание не произойдет, то придут русские; на их вмешательстве строит свои планы европейская реакция, Россия является опорой всех реакционных акций. Мы вошли в контакт с венгерским агентом¹⁰¹; по всей вероятности через 2—3 дня будут получены деньги из Парижа, тотчас же вышлем вам сумму, размер которой зависит от того, сколько мы получим сами...

Тотчас же сожгите это письмо»¹⁰².

8 апреля 1849 г. в Дрезден приехали Д'Эстер, Лотар Бухер и Роберт Рейтер. Они имели встречу с Бакуниным, подробности которой нам остались неизвестны.

1 мая Дрезден посетили Д'Эстер и Шлютер. Об одной из многочисленных встреч с саксонскими демократами впоследствии вспоминал Шлютер. Он писал, что в ней принимали участие Д'Эстер, Бакунин, Виттиг, представители крайней левой франкфуртского парламента, а

¹⁰¹ Имеется в виду Байер, в прошлом офицер австрийской армии, принимавший участие в освободительной борьбе венгерского народа.

¹⁰² «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, стр. 87. Адресаты, К. Сабина и Э. Арнольд, не выполнили указания, и во время следствия документ оказался серьезной уликой против Бакунина.

также польские революционеры Гельтман и Кржижановский. Оба они высказались за поддержку восстания лишь после длительной дискуссии¹⁰³.

* * *

Реккель уехал в Прагу 30 апреля. Двумя днями раньше, 28 апреля, телеграф принес известие об окончательном отклонении королем прусским Фридрихом-Вильгельмом IV императорской короны. Король Саксонии Фридрих-Август заявил о категорическом отказе признать имперскую конституцию и распустил ландтаг. Действия короля вызвали всеобщее недовольство. Первоначально формы его проявления были весьма умеренными: либеральная оппозиция ограничилась направлением столь же многочисленных, сколь и безрезультатных делегаций, петиций, личных визитов и обращений к королю, пытаясь побудить его изменить свою прусофильскую позицию. Даже трое министров, в том числе глава кабинета Гельд, выразили свое несогласие с политикой короля. Они тотчас получили отставку. 2 мая было объявлено о назначении премьер-министром Чишинского, известного приверженца крайней реакции. Это усилило негодование народных масс. Республиканцы призвали народ к оружию. Народ подхватил этот призыв и устремился к цейхгаузу. Вооруженное восстание началось. 3 мая повстанцы дважды атаковали цейхгауз, но вынуждены были отступить под ружейным и артиллерийским огнем гарнизона. Появились первые жертвы. В городе сооружались баррикады. К вечеру их насчитывалось около сотни. Гарнизон был немногочисленным и ненадежным, подкрепления из Пруссии задерживались. Утром 4 мая король и правительство бежали из города и укрылись в крепости Кёнигштейн. Восстание началось и одержало первые успехи лишь благодаря рабочим и ремесленным подмастерьям: они выступили с оружием в руках, они штурмовали цейхгауз.

Саксония принадлежала к наиболее развитой в промышленном отношении части Германии. Саксонский пролетариат наряду с рейнским представлял собой передовую часть немецкого рабочего класса. Естественно и за-

¹⁰³ J. Pfitzner. *Bakuninstudien*, S. 163.

кономерно, что он оказался главной революционной силой. В то же время в Саксонии имелась многочисленная и влиятельная буржуазия, составлявшая лагерь либералов и отчасти умеренных демократов. Она должна была оказать и действительно оказала значительное влияние на ход революционной борьбы в Дрездене.

Дрезденские инсургенты не имели никакого плана восстания. Руководство движением стало создаваться лишь после сражения у цейхгауза. Был образован областной комитет, который через несколько часов был заменен Комитетом безопасности. К вечеру 4 мая было образовано временное правительство. Оно олицетворяло союз умеренных демократов с либералами, к которому примкнуло левое, республиканское крыло движения. В его состав вошли: лидер умеренных демократов Гейбнер, вождь крайних левых адвокат Чирнер и видный чиновник либерал Тодт.

Основная линия правительства сводилась к тому, чтобы склонить на свою сторону войска и принудить короля к капитуляции, не прибегая к революционному воздействию. Оно стремилось повторить опыт вюртембергских демократов, которые таким путем заставили своего короля признать имперскую конституцию¹⁰⁴. Об этом свидетельствуют немногие дошедшие до нас его документы, хранящиеся в Саксонском государственном архиве в Дрездене.

4 мая было опубликовано воззвание к жителям Саксонии. Авторы документа извещали население о бегстве короля и министров из Дрездена, о назначении Комитетом безопасности и бывшими депутатами парламента временного правительства Саксонии. Правительство ставит своей целью способствовать достижению единства и свободы Германии на основе и в рамках имперской конституции. Документ подчеркивал легальный, законный характер временного правительства, ни словом не упоминал о революции и, хотя и объявлял отечество в опасности, его главная идея — сохранить мир, предотвратить дальнейшее развитие вооруженной борьбы. Ради этого правительство обещало обратиться к войскам с предложением подчиняться его приказам и распоряжениям. Документ заканчивался призывом:

¹⁰⁴ См. «Революции 1848—1849 гг.», т. II. М., 1952, стр. 82.

«Гражданин! Пришел великий час решения! Теперь или никогда! Свобода или рабство! Выбирай! Мы стоим за вас, стойте вы за нас»¹⁰⁵.

Переговоры с войсками действительно были начаты. Временное правительство одобрило перемирие, заключенное Комитетом безопасности с начальником дрезденского гарнизона генералом Шульцем сроком на сутки. Реакция выиграла драгоценные часы. 4 мая временное правительство обратилось с воззванием к солдатам, в котором призывало их «протянуть братскую руку народу», «идти вместе с народом», а не против него и выполнить, таким образом, свой гражданский долг¹⁰⁶.

Но столько меры правительства, сколько всеобщее возбуждение, массовый, народный характер восстания оказали известное влияние на войско: среди солдат началось брожение; появились случаи братания с народом, отказа выполнять приказы офицеров. В частности, национальной гвардии, т. е. восставшим, удалось войти в контакт с гарнизоном цейхгауза и договориться о совместной охране главного склада оружия, объявив его государственной собственностью. Правительственная афиша сообщала об этом 4 мая. В документе говорилось, что арсенал занят солдатами и национальной гвардией, он охраняется как национальная собственность. Временное правительство благодарило саксонских солдат, которые «исполнили свой долг в отношении интересов немецкого отечества»¹⁰⁷.

В тот же день в адрес городского магистрата и общинных советов было направлено извещение об образовании временного правительства, в котором предлагалось выполнять его распоряжения¹⁰⁸. Временное правительство обратилось к «бравым согражданам» с призывом не посягать на частную собственность, которая «остаётся священной». Документ напоминал об особой ответственности полиции и всех лиц, обязанных наблюдать за сохранностью частной собственности¹⁰⁹. Эта

¹⁰⁵ StAD AG Dresden, N 1794. Beilage zu den General-Akten über die Wahl, die Thätigkeit der Provisorischen-Regierung, und den Kampf. Bd. V, S. 3.

¹⁰⁶ Ibid., S. 4.

¹⁰⁷ Ibid., S. 7.

¹⁰⁸ Ibid., S. 5.

¹⁰⁹ Ibid., S. 6.

прокламация была опубликована с «Дрезденер пай-тунг» 6 мая 1849 г.

Бакунин знал, что в ряде германских государств, в том числе и в Саксонии, было много разговоров о предстоящей весной 1849 г. революции. Он знал также, что нигде не существовало штаба революционного заговора, не было общенемецкой демократической организации, у республиканцев не было плана действий. В Дрездене — это было особенно хорошо известно проживавшему там Бакунину — не существовало ни плана, ни организации, ни руководителей предстоявшего восстания. Все было предоставлено случаю. Когда началось восстание, «никто не знал, ни что делать, ни куда идти, всякий же следовал своему собственному инстинкту; ибо ничего не было предоставленного. Трудно поверить, но в самом деле было так»¹¹⁰, — писал впоследствии Бакунин.

Когда начались дрезденские события, он увидел в них одну из многочисленных невинных и законных парадных демонстраций, которые вошли в привычку в Германии, никого не удивляли и не пугали. Саксонские бюргеры вышли на мирную, бескровную и безопасную демонстрацию, которая совершенно неожиданно и вопреки их воле завершилась сражением у цейхгауза. По словам Бакунина, революция из конституционной стала демократической. Когда было создано временное правительство, во главе которого оказался демократ Чирнер, у Бакунина появилась надежда на успех. Чирнер тотчас же обратился к Бакунину за помощью: ему были известны связи русского революционера с польскими офицерами. После обеда и вечером шли переговоры Чирнера с Бакуниным и поляками¹¹¹.

Бакунин предлагал Чирнеру немедленно прервать переговоры с генералом Шульцем, который пытался выиграть время, ожидая с часу на час подхода прусских войск. Он настаивал на немедленном переходе в наступление и овладении всем Дрезденом; даже предлагал собрать тотчас же знакомых польских революционных офицеров и повести вместе с ними восставший народ Дрездена на штурм цейхгауза. Чирнер упорствовал: он

¹¹⁰ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 128.

¹¹¹ О содержании этих переговоров Бакунин рассказал в «Исповеди».

стремился идти по легальному пути, придерживаясь принципов парламентаризма. Его поведение было отражением настроений мелкого бюргерства, которое по мере роста решительности рабочих и ремесленных подмастерьев, уже начавших гражданскую войну, все более отходило от движения.

Переговоры затягивались. Время шло. Целый день был потерян в переговорах. К вечеру бюргеры стали расходиться по домам, унося с собой оружие. Добровольцев, прибывших лишь утром 5 мая, было еще немного. В этот же день в Дрезден прибыли из провинции верные монархии войска и первый эшелон пруссаков — фюзелерный батальон гренадерского полка. С их прибытием контрреволюция получила перевес, саксонское и прусское командование, не дожидаясь окончания срока перемирия, перешло в наступление. Только тогда Чирнер согласился с доводами Бакунина. Утром 5 мая Бакунин встретился с польскими офицерами В. Гельтманом и А. Кржижановским. Встреча произошла в большом зале ратуши в присутствии Чирнера, который заверил, что в случае успеха революции она завершится провозглашением демократической республики; он обещал также помощь деньгами и оружием восстанию в Праге и предполагаемой богемской революции. Не без труда, но все же удалось уговорить Гельтмана и Кржижановского принять участие в восстании. Большинство поляков отклонило предложение поддержать восстание, считая его уже проигранным ¹¹².

¹¹² Макс Неттлау, выясняя причины пассивного поведения поляков, запрашивал по этому вопросу участника событий Стефана Борна. 13 июля 1893 г. он направил ему письмо. Со дня событий прошло 45 лет. В прошлом вождь «Рабочего братства», член Союза коммунистов, военный руководитель майского восстания, Стефан Борн, настоящее имя которого Буттермильх, к тому времени окончательно отошел от революционной деятельности, став, по определению Энгельса, «незначительным швейцарским профессором», но все же ответил на письмо. Он объяснил неудачу переговоров влиянием некоего Пфаррера Терлецкого (см. *M. Nettlau. Op. cit., S. 113*) Об этом же писал Мориц Терлецкий в своей брошюре («Relation de l'impressionnement d'un pretre datholique à Dresden pendant les évènements du mois de Mai 1849». Bruxelles, 1849). Гельтман и Кржижановский утверждали, что вопрос был передан на решение Станиславу Понинскому, который счел необходимым воздержаться от участия в восстании, рассматривая его как неподготовленный путч, обреченный на неудачу.

Гельтман и Кржижановский обещали временному правительству поддержку на следующих условиях: их деятельность должна быть тайной; все связи идут только через Бакунина, никаких прямых связей с правительством не будет; в случае провала восстания Чирнер снабжает их паспортами и деньгами.

После переговоров все трое остались в ратуше, в комнате временного правительства, взяв на себя роль «штаба восстания». «Штаб» прежде всего потребовал план Дрездена, чтобы изучить положение в городе и силы противника. С большим трудом план был обнаружен и доставлен в ратушу.

В своих показаниях на следствии Бакунин говорил, что план намеревались размножить, но кажется не сделали этого и он не был известен на баррикадах. В действительности план был отпечатан и разослан, какое-то количество экземпляров несомненно дошло до баррикадных бойцов.

Затем Гельтман и Кржижановский составили набросок регламента на баррикадах, который Бакунин перевел на немецкий язык. Экземпляр этого документа сохранился в Саксонском государственном архиве в Дрездене. Как и большинство актов временного правительства, он был отпечатан в виде афиши. Документ состоит из 5 статей, в них назначается высшее командование баррикад и определяется поведение руководителей баррикад¹¹³.

Командующий войсками инсургентов старший лейтенант Гейнце, беспринципный авантюрист, видевший в революции лишь средство к личной карьере, некоторое время бездействовал, а когда понял, что успех восстания сомнителен, сдался в плен. Бакунин дал его действиям резко отрицательную оценку. «Я был тогда уверен,— писал он,— и теперь еще убежден, что Гейнце действовал как изменник, и не понимаю, как он мог быть осужден как государственный преступник. Он способствовал победе войск гораздо более, чем сами войска, которые, как я уже раз сказал, действовали очень, очень робко»¹¹⁴.

¹¹³ StAD AG Dresden, N 1794. Beilage zu den General-Akten über die Wahl die Thätigkeit der Provisorischen-Regierung, und den Kampf, Bd. V, Bl. 9.

¹¹⁴ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 134.

В тот же день, 5 мая, временное правительство выпустило прокламацию, в которой сообщало, что король Саксонии пригласил прусские войска, чтобы силой навязать свою волю народу, и призывало к борьбе¹¹⁵. Однако торжественная фразеология афиш отнюдь не отражала подлинного настроения членов временного правительства: 6 мая поляки и Чирнер исчезли. Поляки больше не появились. Чирнер возвратился, но совершенно деморализованный. Бакунин оценил поведение Чирнера как предательство и писал о нем в самых резких выражениях: «Чирнер был всеми признанный глава демократической партии в Саксонии; был зачинщик, приурочитель и предводитель революции и бежал при первой грозящей опасности, бежал испуганный еще к тому неверным, пустым слухом; одним словом, показал себя перед всеми, друзьями и врагами, как трус и подлец»¹¹⁶. Вскоре скрылся Тодт. Гейбнер остался, но был совершенно беспомощен и бесполезен в военном деле.

Во главе вооруженной борьбы фактически оказался Бакунин. Немецкий исследователь Рудольф Франц, тщательно изучивший архив Дрездена, не нашел в документах временного правительства решения о передаче командования Бакунину¹¹⁷. Логично предположить, что такого документа не было. Зато в архиве сохранился другой документ, предоставлявший Бакунину право от имени временного правительства давать все распоряжения, которые он сочтет нужными¹¹⁸. Документ подтверждает, что именно Бакунин был военным руководителем восстания. Об этом же свидетельствуют и показания Гейбнера. В ходе судебного следствия Гейбнер сказал: «Бакунина, которого я ранее не знал, я увидел впервые 4 мая вечером в ратуше. В субботу 5 мая с. г. мне стало известно о переговорах Бакунина с Чирнером, ...Бакунин фактически руководил военными операциями... Ему помогали два неизвестных мне господина, о которых я слышал, что они поляки. Я могу со всей решительностью

¹¹⁵ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 135.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Он ссылается на «Приложение к общим актам об избрании, деятельности Временного правительства и борьбе» (StAD AG Dresden, N 1714).

¹¹⁸ StAD AG Dresden, N 1714. Beilage zu den General-Akten über die Wahl die Thätigkeit der Provisorischen Regierung und den Kampf. Bd. V, Bl. 11.

повторить, что в последний момент борьбы именно Бакунин был ведущей фигурой временного правительства. Могу добавить, что Бакунин фактически имел полную, неограниченную власть в руководстве военными операциями; я полагаю, что его следует считать начальником генерального штаба»¹¹⁹.

6 мая Бакунин и Гейбнер направились на баррикады. Они обошли весь город. Гейбнер — хорошо известный защитникам баррикад и пользующийся большой популярностью — выступал с речами. Бакунин ограничивался конкретными, чисто военными указаниями. Он был твердо убежден, что восстание уже проиграно. Руководители оказались не на высоте. Никто не знал ни что делать, ни куда обратиться, не было ни малейшей возможности восстановить порядок. Однако Бакунин остался: он понимал, что, будучи русским, оказался более других подвержен клевете и подозрениям, тем более что подобные эпизоды уже имели место. С 7 мая он был единственным руководителем движения сведущим в военном деле. В тяжелые дни 7—9 мая Бакунин проявил огромную энергию, мужество, выдержку. Фактически он один руководил вооруженной борьбой. Ф. Энгельс высоко оценил действия Бакунина, назвав его способным и хладнокровным командиром. В ночь с 7 на 8 мая Гейнце сообщил Бакунину, что утром предполагается штурм позиций повстанцев объединенными войсками пруссаков и короля саксонского. Силы были неравны. Бакунин направил Гейнце разведать место возможного прорыва. В ратушу на совет были созваны все командиры баррикад. Новым командующим был единодушно избран Стефан Борн.

В 3 часа утра 9 мая прусские и саксонские войска начали наступление на правом и левом флангах. Повстанцы не смогли устоять¹²⁰.

Бакунин и Борн стали разрабатывать план отступления из города, не связывая его с полным поражением. Очевидцы рассказывают, что в этой отчаянной ситуации Бакунин сохранял полное спокойствие¹²¹. В судебных актах имеются два приказа командующего Борна. Пер-

¹¹⁹ Ibid., N 1417a, S. 37f.

¹²⁰ S. Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1898, S. 228. Борн явно преувеличивает свою собственную роль.

¹²¹ См. P. Вагнер. Указ. соч., стр. 189.

вый из них предлагает командирам баррикад немедленно явиться в ратушу для важного совещания¹²². Второй гласил: «Направление отступления на Диппольсвальдер-платц и Фрейберг»¹²³. Оба приказа не датированы. Отступление проходило организованно. Двухтысячный отряд баррикадных бойцов благополучно достиг Фрейберга. Однако дрезденцы не нашли там поддержки. Остатки отряда двинулись в Хемниц, где столкнулись с прямым предательством бюргерства: хемницкий магистрат вступил в союз с жандармами и прусскими войсками. Отряд Борна рассеялся. Некоторые из его участников скрылись в Германии или за границей, другие стали жертвами военных судов и расправы победителей. Бакунин и Гейбнер добрались до гостиницы, легли спать; ночью они были арестованы жандармами и переданы в руки прусского командования. Оба были настолько измучены, что не предприняли никаких мер самозащиты. Впоследствии Бакунин писал, что можно было вырваться из рук бюргеров, но он был «изнеможен, истощен не только телесно, еще более нравственно, и был совершенно равнодушен к тому, что со мною будет. Уничтожил только на дороге свою карманную книгу, а сам надеялся, что, по примеру Роберта Блюма в Вене, меня через несколько дней расстреляют, и боялся только одного: быть преданным в руки русского правительства»¹²⁴. Надежды на участь Блюма не оправдались, а опасения оказаться в России подтвердились.

Жандармы доставили арестованных в Альтенбург, откуда они были переведены в дрезденскую тюрьму, затем в крепость Кёнигштейн. Бакунину были предъявлены совершенно неожиданные обвинения: что он эмиссар Ледрю-Роллена, направленный в славянские земли с целью организации республиканского восстания; он должен был принять меры, способствующие возникновению войны между Пруссией и Россией. Бакунин обвинялся в связях с «левой партией» в Берлине, с парижским революционным комитетом, который направил его с особым поручением в Великое герцогство Познанское, и, наконец, в покушении на жизнь российского императора. На основании этих обвинений Бакунин был при-

¹²² StAD AG Dresden, N 1314, Bl. 10.

¹²³ Ibid., N 1714, Bd. V, Bl. 13.

¹²⁴ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 137.

говорен к смертной казни; та же мера наказания была вынесена Гейбнеру и Реккелю. Это случилось 14 января 1850 г. 6 апреля 1850 г. высший апелляционный суд Саксонии утвердил смертный приговор. Осужденным предложили подать королю прошение о помиловании. Сначала Бакунин отказался, но под давлением адвоката, сообщившего, что у одного из осужденных остаются жена и дети и что он согласился бы подать прошение, но не решается, узнав об отказе Бакунина, согласился подписать просьбу о помиловании¹²⁵.

12 июня 1850 г. король заменил смертную казнь всем троим пожизненным заключением. Гейбнер был амнистирован в 1859 г.; Реккеля освободили в 1862 г.; Бакунин был выдан австрийским властям. 14 июня он уже находился в австрийской тюрьме в Праге. Слухи о готовящемся освобождении революционными единомышленниками своего товарища побудили австрийские власти перевести его в крепость Ольмюц (Оломоуц). Здесь он был заключен в строго изолированную камеру, прикован цепью к стене, лишен письменных принадлежностей. Караул состоял из 25 человек.

Началось новое следствие, новый суд. 15 мая последовал новый приговор: к смертной казни через повешение с уплатой судебных издержек; вновь замена смертной казни пожизненным заключением. Трудно сказать, насколько серьезны были намерения саксонского суда, зато суд в Ольмюце, как и последующее помилование, был чистейшим фарсом¹²⁶. Задолго до суда австрийское правительство согласилось выдать узника России¹²⁷.

¹²⁵ См. *А. И. Герцен. Собр. соч.* в 30-ти томах, т. VII, стр. 359—360.

¹²⁶ Так относился к судилищу сам Бакунин. На вопрос председателя суда, имеет ли он что-нибудь против судей и подтверждает ли свои прежние показания, подсудимый ответил, что против судей ничего не имеет, показания свои подтверждает, но протестует против вторичного суда над ним, хотя выносит этот протест для формы, так как знает, что никаких последствий протест иметь не будет.

¹²⁷ Эпизод выдачи Бакунина России не точно излагал Герцен. Он писал, что Австрия накупило даром кормить чужого преступника, она предложила России его выдать. Николаю он был не нужен, но царь не знал, как от него отказаться. Документы III Отделения, которые после Октябрьской революции стали доступны исследователям, свидетельствуют о том, что Австрия никогда не предлагала выдать Бакунина России, зато русское правительство усиленно этого добивалось (*Вяч. Полонский. Михаил Алек-*

17 мая 1851 г. он был в руках русских властей. Через несколько дней за ним закрылись двери камеры Алексеевского рavelина.

Первое время узник был полностью предоставлен самому себе. Лишь через два месяца в его камеру явился сам шеф жандармов и начальник III Отделения граф Орлов, сменивший на этом посту графа Бенкендорфа. Он передал поручение императора, которое сформулировал следующим образом: «Государь прислал меня к вам и приказал вам сказать: скажи ему, чтобы он написал мне, как духовный сын пишет духовному отцу. Хотите вы писать?»¹²⁸ И Бакунин написал «Исповедь» — один из наиболее сложных и противоречивых документов, какие можно встретить в истории политической борьбы и революционного движения. «Исповедь» была обнаружена и опубликована Вяч. Полонским в 1921 г. Вокруг этой сенсации возникла целая литература. Каждый биограф Бакунина, исследователь бакунизма или анархистского движения непременно стремился изложить максимально подробно обоснованную свою точку зрения и дать свою оценку «Исповеди»¹²⁹

Большинство исследователей совершенно справедливо отмечает, что «великое смирение великого грешника» оставляет «отвратительное впечатление низменным вы-

сандрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление, т. I. М.—Л., 1925, стр. 263—270).

¹²⁸ См. Вяч. Полонский. Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 279.

¹²⁹ Вяч. Полонский. Михаил Бакунин в эпоху сороковых — шестидесятых годов.— М. А. Бакунин. Исповедь и письмо Александру II. М., 1921, стр. 5—44; он же. Бакунин. Том первый: Бакунин-романтик. М.—Л., 1925, стр. 277—311; Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. I. М.—Л., 1926, стр. 394—431; И. Гроссман-Роцин. Сумерки великой души.— «Печать и революция», 1921, кн. 3, ноябрь-декабрь; А. С. Изгоев. Трагедия Бакунина.— «Летопись Дома литераторов», 1921, № 3; Л. Ильинский. Новые материалы о Бакунине.— «Голос минувшего», 1920—1921. М., 1922; Б. Козьмин. М. А. Бакунин «Исповедь».— «Вестник труда», 1921, № 9; А. Корнилов. Еще о Бакунине и его исповеди Николаю.— «Вестник литературы», 1921, № 12; М. Неттлау. «Исповедь» Бакунина.— «Почин», 1922, № 8—9; Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970, стр. 135—141; Н. Ю. Колпинский, В. А. Твардовская. Бакунин в русском и международном освободительном движении.— «Вопросы истории», 1964, № 10; Вера Фигнер. «Исповедь» М. А. Бакунина.— «Задруга». Бюллетень книжного магазина № 1, декабрь 1921.

маливанием прощения у победившего врага», что документ «ошеломляет характером своего содержания». На этом сходились все или почти все историки. Предметом дискуссии оказался вопрос и о том, было ли раскаяние Бакунина искренним, действительно ли он отказался от своих воззрений и проклял свою прошлую деятельность, был ли документ лишь проявлением малодушия или он преследовал иные цели и был написан с каким-то сложным расчетом.

Сейчас, когда стали известны письма Бакунина к родным и другие документы, а главное его деятельность после бегства из сибирской ссылки, можно с полной уверенностью сказать, что «Исповедь» была тактическим приемом в борьбе за свободу, недопустимым с точки зрения революционной этики, но вполне согласовавшимся с методом его дальнейшей деятельности, часто проходившей под девизом «цель оправдывает средства».

Чем бы ни руководствовался автор «Исповеди», она не может быть оправдана с точки зрения революционной этики и морали¹³⁰ Лицемерием и притворством прони-

¹³⁰ Бакунинская «Исповедь» не является единственным случаем обращения дворянских революционеров первого поколения, «страшно далеких от народа», к русскому царю или высшим сановным особам. Почти одновременно с Бакуниным Чаадаев направил позорное послание графу Орлову. В ответ на положительную оценку Герценом в работе «О развитии революционных идей в России» трудов Чаадаева последний писал: «Каждый русский, верноподданный царя, в котором весь мир видит богом призванного спасителя общественного порядка в Европе, должен гордиться быть орудием, хотя и ничтожным, его высокого священного призвания; как же оставаться равнодушным, когда наглый беглец, гнусным образом искажая истину, приписывает нам собственные свои чувства и кидает на имя наше собственный свой позор» («Вестник Европы», 1871, кн. IX, стр. 50—51; *А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. VI. Пг., 1919, стр. 408*). Несколько ранее, 8 апреля 1842 г., в связи с высылкой в Новгород и назначением советником губернского правления Герцен писал Дубельту: «Позвольте мне сохранить веру, что, когда настанет время, вы не отнимите руку помощи — потому что именно она может исторгнуть меня из настоящего положения. Вместе с этой верой в мой груди жива надежда, что будущность даст мне средства доказать мое усердие и ревность, стереть тень, набрасываемую на меня известными Вам обстоятельствами. — Не смею думать, чтоб мое увольнение, основанное на сказанных причинах, могло усугубить тяжесть настоящего — нет, со временем светлый луч милосердия ниспадет с августейшего трона и на меня. Без веры в это — лучше не жить» (*А. И. Гер-*

заны письма Бакунина, направленные из крепости в адрес его родственников. Он усердно играл роль раскаявшегося грешника, писал об угрызениях совести, горевал, что не сумел исполнить своих священных обязанностей перед отечеством, призывал своих близких «к здравому смыслу», в том числе к отказу от занятий философскими абстракциями, порицал свое бывшее стремление к отвлеченностям и призывал заниматься «действительной жизнью» — агрономией и сельским хозяйством, заботиться о крепостном мужике. «Эта обязанность не синекура,— писал он брату,— не простое средство для извлечения дохода, а нечто вроде политического служения, религиозного и морального долга, временно воз-

цен. Полное собрание сочинений и писем, т. III. Пг., 1915, стр. 75).

В тот же день, 8 апреля, в своем дневнике Герцен следующим образом объяснил причины верноподданнического тона письма к Дубельту: «...Я дал себе слово многое сделать, во многом уступить, чтобы добраться до свободы. Я склонил голову,— там нет борьбы, где с одной стороны никаких прав, никакой силы... Написавши такое письмо, я всякий раз делаюсь болен: устал, дрожь, бессилие и волнение. Вероятно, это то самое чувство, которое испытывают публичные женщины, первые разы продавая себя за деньги...» (Там же, стр. 21).

Совсем другое дело второе поколение русских революционеров, разночинная интеллигенция — «молодые штурманы будущей бури», как называл их Герцен. Крупнейший представитель этого поколения Н. Г. Чернышевский, заключенный в ту же крепость, где томился Бакунин, писал своей жене: «Наша с тобой жизнь принадлежит истории, пройдут сотни лет и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости и характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь» (*Вяч. Полонский.* Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 300).

Такого мужества не было ни у Чаадаева, ни у Огарева, не оказалось его и у Бакунина. Сам он хорошо понимал это и скрывал содержание «Исповеди». В беседе с З. Ралли он говорил о письме Николаю I: «Это была большая ошибка с моей стороны; в письме моем я высказал много правды Николаю, но все же отнесся к нему как к человеку, любящему Россию, а этого не следовало делать, потому что Николай был д[еспот] и понять меня не мог. Я много бы дал, чтобы этого письма не существовало... оно было славянофильское, я тогда слишком придавал значения России в вопросе освобождения славян из-под немецкого ига. Написано оно было под влиянием тех оскорблений, которые я вынес в австрийских тюрьмах» (*З. Ралли.* М. А. Бакунин. Из моих воспоминаний.— «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 148).

ложенного правительством на помещиков, из которых лишь немногие добросовестно выполняют его»¹³¹.

Иной раз в стремлении угодить III Отделению узник проявлял сенсационное усердие. В письме брату Александру он писал: «Хотя я и небольшой друг телесных наказаний, но я вижу, что, к несчастью, они еще нужны,—вели же сечь, дорогой друг, вели сечь, но никогда не секи сам, это неблагородно; наказывай всегда так, чтобы крестьяне были убеждены в справедливости понесенного наказания»¹³².

Вероятно, не легко было писать такие унижительные строчки в момент, когда все помыслы направлены к одному: выйти из крепости и продолжать борьбу. Но автор знал, что его переписка читается жандармами самым тщательным образом. Зато в записках и письмах, передаваемых нелегально, мы найдем совсем другие мысли: «... Я не христианин и не смирюсь. Я сумею умереть, если будет нужно; смерть для меня будет счастьем и освобождением, но прежде я должен убедиться в том, что всякая надежда выйти отсюда потеряна для меня. Ибо я чувствую в себе еще силу служить моим убеждениям и моим идеям»¹³³,— писал он на клочке бумаги, переданном сестре Татьяне. Еще более определенно он писал в пространным письме своим родственникам, переданном Татьяне в первое же свидание с родными в 1854 г. «Тюрьма... нисколько не изменила моих прежних убеждений, напротив, она сделала их более пламенными, более решительными, более безусловными, чем прежде»¹³⁴.

Упорные и длительные хлопоты родственников не дали результата: узник оставался в крепости. 14 февраля 1857 г. он вторично обратился к русскому царю, на этот раз к императору Александру II, с просьбой о помиловании. Не будем гадать, чем руководствовался Александр, положив на прошении резолюцию: «Другого для него исхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение»¹³⁵. Именно этого в течение шести лет добивался

¹³¹ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. I, стр. 251—271.

¹³² Там же, стр. 261, 262, 413.

¹³³ Цит. по: Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. I. М., 1926, стр. 445.

¹³⁴ М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. IV. М., 1935, стр. 245.

¹³⁵ М. А. Бакунин. Исповедь..., стр. 139.

Бакунин. Остались позади Алексеевский равелин, Шлиссельбургская крепость, Петербург. «Молящий преступник» оказался в Сибири. Его жизнь и деятельность в годы сибирской ссылки (1857—1861) описаны во всех подробностях в трудах Стеклова и Полонского. Хорошо известны и подробности его побега. 11 августа 1861 г. он был в Иокогаме, 5 сентября оставил Японию, 2 октября оказался в Сан-Франциско, 24 октября — в Панаме, 2 декабря — в Нью-Йорке, 15 декабря — в Лондоне.

Долгие годы тюрьмы и ссылки, подорвавшие его железное здоровье, не сломили революционного духа, но сделали самое страшное для политического деятеля — оторвали его от реальной действительности. Идейный багаж Бакунина оставался на уровне 40-х годов. Об этом наглядно свидетельствовала его первая статья в «Колоколе» «Русским, польским и всем славянским друзьям», опубликованная 15 февраля 1862 г.¹³⁶ В 1862—1863 гг. Бакунин жил в Лондоне, сотрудничал в «Колоколе», но не чувствовал удовлетворения от пропаганды и подготавливаемой революционной работы, которую вели Герцен и его друзья. Как писал Герцен, Бакунину «мало было пропаганды, надобно было неминуемое приложение, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близких и дальних людей, надобны были «посвященные и полупосвященные братья», организация в крае — славянская организация, польская организация. Бакунин находил нас умеренными, не умеющими пользоваться тогдашним положением, недостаточно любящими решительные средства»¹³⁷ Ему было нужно «дело» — восстание, шум клуба, площадь, баррикады, конспирация, шифры, тайные переговоры — иного мятежный дух Бакунина признавать не хотел. Казалось, история предоставила ему возможность еще раз испытать свои силы: в ночь с 22 на 23 января 1863 г. началось восстание в Варшаве.

21 февраля Бакунин оставил Лондон и отправился в Швецию, где тогда развертывалась кампания в поддержку восставших поляков. Бакунин рассчитывал как на активизацию этой кампании, так и на поддержку со стороны финского национально-освободительного дви-

¹³⁶ См. «Колокол», 15 февраля 1862 г., № 122—123. Приложение.

¹³⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XI, стр. 359—360.

жения. Ни того ни другого не произошло. Бакунин принял участие в экспедиции Лапинского, которая также окончилась неудачей¹³⁸. Зато в дни пребывания в Стокгольме Бакунин установил связи со шведскими и финскими демократами, в том числе с редактором прогрессивной газеты «Афтонбладет» Августом Сульманом. Ему-то он и передал в высшей степени интересный и крайне важный для понимания истории бакунинского Альянса документ «Международное тайное общество освобождения человечества»¹³⁹.

Документ позволяет проследить, во-первых, процесс возникновения и замыслы тайного Альянса — Тайного интернационального братства; во-вторых, он представляет интерес для анализа формирования анархистских концепций Бакунина.

Рукопись позволяет с полной достоверностью сделать вывод, что до сентября 1864 г., т. е. до выезда Бакунина в Швецию, существовал тщательно обдуманый план Тайного Интернационала и начала создаваться сама организация. Целью тайного общества объявлялось «объединение революционных элементов всех стран для создания подлинного Священного союза свободы против Священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых»¹⁴⁰. Та-

¹³⁸ См. *Н. Пирумова*. Указ. соч., стр. 207—208; *Н. Берг*. Морская экспедиция 1863 года.— «Исторический вестник», 1881, т. 1, стр. 97.

¹³⁹ Рукопись совсем недавно была обнаружена в королевской библиотеке в Стокгольме и проанализирована финской исследовательницей Л. Круснус-Аренберг, а затем советскими историками Е. Л. Рудницкой и В. Н. Дьяковым в статьях: *Е. Л. Рудницкая*. Новые материалы о связи редакции «Колокола», Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением.— «Вопросы истории», 1967, № 12; *Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков*. О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии (Из переписки М. А. Бакунина с Эмилом Квантенем и Августом Сульманом).— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. V. М., 1970; *они же*. Возникновение Тайного Интернационала Бакунина.— «Новая и новейшая история», 1971, № 6; *они же*. Новые материалы о Тайном Интернациональном братстве М. А. Бакунина.— «Проблемы итальянской истории». М., 1972; *они же*. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.).— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. VI. М., 1974.

¹⁴⁰ *Е. Л. Рудницкая, В. Н. Дьяков*. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества»

кого рода союз мог быть только тайным. «Тайпа должна быть непременно соблюдена, так как иначе мы сами разоблачили бы нашим врагам наши проекты, в некоторой степени незаконные, наш план действий, состояние наших сил, так же как и наши слабые стороны. Мы погубили бы себя в зародыше»¹⁴¹.

Союз должен объединять только единомышленников, т. е. людей, которые придерживаются близких, а если возможно, совершенно одинаковых философских, религиозных, политических и социальных убеждений. В основу Альянса должен быть положен «великий единый принцип, настолько многообещающий и возвышенный, что он станет для людей, признающих его, чем-то вроде религии и даст им силы бороться с трудностями, препятствиями и ... воодушевит их пожертвовать своим честолюбием и личными интересами»¹⁴².

Хотя основная часть рукописи посвящена разъяснению «великого принципа», он формулирован в высшей степени неопределенно: свобода, достоинство и права человека. Весьма туманными представляются контуры будущего общества, которые обозначены в документе следующим образом: «1. Уничтожение права наследования. 2. Свободный брак и свободная семья. 3. Равенство женщин. 4. Усыновление детей обществом... Школа заменяет церковь и подготавливает юношей к свободе. 5. Обязательный труд для всех, труд ассоциированный и свободный. Равенство труда и продукта. Труд — единственная основа политических и социальных прав»¹⁴³.

Единственно возможным путем создания справедливого общества, по мнению автора, является революция, «наиболее полная и радикальная», совершаемая, однако, мирным путем, без насилия и кровопролития, свойственных 1793 г.

Социальная программа Бакунина не была оригинальной и не вносила чего-либо существенно нового в многочисленные проекты социалистов-утопистов. Самостоятельным был лишь план политических преобразований, в основе которого лежал принцип федерализма. Согласно

(1864 г.). — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. V, стр. 313.

¹⁴¹ Там же, стр. 318.

¹⁴² Там же, стр. 321.

¹⁴³ Там же, стр. 344.

этому плану основу будущего общества должны составлять общины; объединенные в федерации, они образуют округ или провинцию. Федеральный союз провинций будет составлять нацию. Нации добровольно, на основе принципов свободы, равенства и справедливости, создадут международную федерацию. Все власти и суд повсюду выборные. Бакунин закончил документ разъяснением, что для реализации его программы необходимо по крайней мере 50, а может быть, более 100 лет. «Но как иезуиты, создавшие тайные общества с лучшей в мире организацией, неустанно и ожесточенно трудились свыше двух веков, чтобы уничтожить всякую свободу в мире, мы, желающие ее торжества, основали общество на длительный срок, которое должно нас пережить и которое будет распущено только тогда, когда вся его программа будет выполнена»¹⁴⁴.

Бакунинский план предусматривал создание типично заговорщической, сектантской организации буржуазно-демократического характера, которая в 60-х годах XIX в. могла нанести рабочему движению только вред, ибо в лучшем случае представляла далекое прошлое рабочего движения, период его зарождения и становления, когда пролетариат был недостаточно развит, чтобы действовать как класс. На самом раннем этапе рабочего движения секты имели свое историческое оправдание, но лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достиг такой зрелости, все секты стали реакционными. Сектантский план Бакунина во многом явился результатом отсутствия связи с рабочим классом, отрыва от пролетарского движения и реальной действительности; он отражал социальную психологию не промышленного пролетариата, а его попутчиков — ремесленника, разорившегося мелкого буржуа.

Документ позволяет сделать три важных вывода. Во-первых, он уточняет время возникновения бакунистского Альянса. Как известно, Ю. М. Стеклов писал о попытке Бакунина создать тайную организацию из итальянцев в конце 1864—начале 1865 г.; он же писал, что в конце 1864 г. существовал лишь проект Интернационального братства. Вяч. Полонский относил начало

¹⁴⁴ Там же, стр. 354.

интенсивной работы Бакунина по созданию Альянса к концу 1864 г. Документ свидетельствует, что в октябре 1864 г. организация уже существовала; Бакунин действовал от имени «великой интернациональной семьи», а о документах тайного общества — «Катехизисе» и «Программе» — писал как об утвержденных «братьями-основателями».

Во-вторых, тайное общество коренным образом отличалось от Интернационала по программным целям, организационной структуре, тактическим принципам; более того, оно ни в малой мере не было совместимо с ним.

В-третьих, во время встречи с Марксом 3 ноября 1864 г. Бакунин скрыл факт существования тайной организации, заявил о своем присоединении к Интернационалу, изъявил готовность действовать в соответствии с его принципами, которые были противоположны как его собственным взглядам, так и принципам созданного им тайного общества. С этого времени он стал на путь двурушничества и борьбы против марксизма и Генерального Совета.

Ошибочные принципы тайного союза впоследствии не были отвергнуты Бакуниным, а легли в основу деятельности Альянса социалистической демократии; если же они развивались и уточнялись, то лишь в сторону анархизма, а не научного коммунизма.

ВСТУПЛЕНИЕ БАКУНИНА
В ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В 60—80-е годы в рабочем движении Европы и Америки большим влиянием пользовались различные утопические системы и сектантские теории: лассальянство — в Германии, прудонизм — во Франции, тред-юнионистский реформизм — в Англии, концепции Мадзини — в Италии. В основании Интернационала, а затем и в его деятельности принимали участие французские и итальянские мелкобуржуазные эмигранты, стремившиеся захватить руководство новой организацией и подчинить своему влиянию международное пролетарское движение. В таких условиях Маркс видел свою задачу как руководителя Интернационала в том, чтобы 1) не выдвигать таких требований, которые могли бы оттолкнуть от Товарищества незрелые элементы рабочего класса; 2) настойчиво преодолевать сектантство, буржуазное и мелкобуржуазное влияние, давать решительный отпор оппортунистическим тенденциям в рабочем движении; 3) привлечь к участию в работе Интернационала все силы, способные в той или иной степени активизировать его деятельность в Европе либо в одной из ее стран. Деятельность Маркса в Международном Товариществе Рабочих была направлена на превращение его в центр сотрудничества между рабочими обществами, существовавшими в разных странах и преследовавшими одинаковую цель: защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

Объединение различных потоков рабочего движения в единое русло должно было способствовать выделению пролетариата из мелкобуржуазной демократии, созданию действительно самостоятельных рабочих организаций, установлению общности действий различных отрядов международного пролетариата. Строя Интернационал на широкой основе существовавших в то время различных рабочих организаций, К. Маркс стремился,

опираясь на практический опыт рабочих масс, поднять их до осознания своих революционных задач, постепенно, шаг за шагом привести их к единой теоретической программе и соединить таким образом социализм с рабочим движением. Эта гибкая и последовательная революционная тактика вполне оправдала себя в дальнейшей деятельности I Интернационала. Стремясь привлечь Бакунина к деятельности Интернационала, Маркс рассчитывал на его поддержку в особенности в борьбе против влияния мадзинистов в итальянском и европейском рабочем движении. Ему было известно, что Бакунин не разделяет концепции Мадзини, знал Маркс и о критическом отношении Бакунина и его сторонников к прудонизму. Известную роль играла огромная популярность личности Бакунина в Италии, Испании, на юге Франции и в отдельных кантонах Швейцарии. Узнав от Ф. Лесснера, что Бакунин находится в Лондоне, Маркс захотел с ним встретиться¹. Встреча произошла 3 ноября 1864 г. О ней Маркс писал Ф. Энгельсу: «Бакунин просит тебе кланяться. Он сегодня уехал в Италию, где проживает (Флоренция). Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне очень понравился, больше, чем прежде... В общем, это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, развились дальше»².

Маркс познакомил Бакунина с документами Интернационала и со своими планами активизации его деятельности. Логично предположить, что главным предметом их беседы был вопрос о борьбе против влияния сторонников Мадзини в итальянском рабочем движении. Бакунин «обещал работать не покладая рук»³.

Вступая в деловой контакт с Бакуниным, Маркс не имел иллюзий в отношении его мировоззрения и деятельности. Он был вполне солидарен с Ф. Энгельсом, который писал, что в основе бакунизма лежит «старый панславистский прием превращать древнеславянскую общинную собственность в коммунизм и изображать русских крестьян прирожденными коммунистами»⁴.

¹ См. «Первый Интернационал», ч. 1. М., 1964, стр. 174.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 13—14.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 429.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 31. В этом письме Энгельс

4 ноября Бакунин уехал в Италию, оставив Марксу свой адрес. В конце ноября Маркс направил по этому адресу несколько экземпляров программных документов Интернационала — Временного устава и Учредительного манифеста для перевода и издания в Италии. Один экземпляр он просил передать Гарибальди⁵. Бакунин не спешил выполнить эти поручения. Марксу пришлось трижды обращаться за ответом, чтобы получить его. В письме от 7 февраля Бакунин следующим образом объяснил причины столь продолжительного молчания: «...Согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр адреса Международного Комитета (Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих.— М. М.) и до сих пор ожидаю ответа. Кроме того, я жду, когда будет напечатан итальянский перевод, чтобы тоже послать его тебе»⁶. Он писал, что демократические силы Италии деморализованы и впали «в крайний скептицизм и равнодушие... вследствие полного фиаско и ошибок централистской, политической и унитаристской, демократической школы», и высказывал убеждение, что лишь социалистическая пропаганда «может вдохнуть жизнь и силы в эту страну»⁷.

Письмо Бакунина содержит следующую любопытную мысль: «Мадзини сильно ошибается, если по-прежнему думает, что инициатива нового движения будет исходить из Италии. Англия, Франция, возможно и Германия, но две первые бесспорно, если говорить только о Европе, а эта великолепная Северная Америка — вот настоящий интеллектуальный центр человечества, где разыграется драма. Остальные пойдут на буксире»⁸. Как видим, это отход от позиций панславизма, на которых упорно стоял Бакунин в дни революции.

Может быть данное обстоятельство в какой-то степени способствовало тому, что Маркс продолжал рассчи-

писал, что он изучает русский язык и почти покончил с грамматикой. Он считал необходимым, чтобы «хоть один из нас» знал языки, историю, литературу и особенности социальных институтов славянских народов, полагая, что в ближайшей революции бакунистский панславизм «опять получит весьма широкое распространение».

⁵ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тивать на поддержку Бакунина и возможность дальнейшего сотрудничества с ним⁹.

Надежды Маркса не оправдались. Вернувшись в Италию, Бакунин установил контакт с радикально настроенными интеллигентами, левыми республиканцами, масонами. Среди его итальянских друзей оказались Северино Фриша — гарибальдиец, участник заговоров против Бурбонов, по профессии врач; Джузеппе Фанелли — революционер, организатор секций Интернационала и альянсистских групп в Испании; неаполитанский адвокат Карло Гамбуцци; Себастиано ди Лукка, Альберто Туччи, Кармелло Палладино. Из самых разнородных элементов была создана тайная организация «Интернациональные братья», в программе которой содержался ряд анархистских положений. В годы пребывания в Италии (1865—1867) под влиянием социальной жизни этой страны у Бакунина окончательно сложилось его мировоззрение, как одна из форм анархизма.

Воззрения и программные принципы бакунизма определяли организационные взгляды Бакунина. Он в одинаковой степени отвергал необходимость создания как самостоятельных пролетарских партий, так и всякого рода централизованных рабочих организаций¹⁰. Для успеха революции необходима лишь тайная, узкая, строго централизованная заговорщическая организация. Она была призвана осуществить «социальную ликвидацию», которая понималась Бакуниным весьма туманно. Она включала прежде всего отмену государства и всех его институтов, упразднение авторитетов, «социальное уравнение классов и индивидов». Программа предусматривала ликвидацию частной собственности путем превращения ее в собственность промышленных и сельскохозяйственных ассоциаций¹¹.

С этими идеями Бакунин выступил на II конгрессе буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы, состояв-

⁹ Постоянной связи между Марксом и Бакуниным установлено не было. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 5 октября 1867 г. Женни Маркс обратилась к Иоганну Филиппу Беккеру с просьбой «раздобыть» адрес Бакунина. Она писала, что Маркс хочет послать Бакунину «свою книгу» — 1-й том «Капитала».

¹⁰ См. М. А. Бакунин. Избр. соч., т. I. М.—Пг., 1922, стр. 49—50.

¹¹ «Règlement de l'Alliance internationale de la Democratie socialiste». Genève, 1869.

шемся в сентябре 1868 г. Конгресс отверг анархистские принципы. Бакупин вышел из лиги и тотчас же основал в Женеве Международный альянс социалистической демократии. Это была открытая организация, имевшая свой руководящий центр, проводящая митинги, съезды, а в дни конгрессов Интернационала отдельные заседания. Альянс имел намерение войти в Интернационал в качестве его коллективного члена, но с самостоятельной программой¹². Программа и устав открытой организации — Международного альянса социалистической демократии — были опубликованы в Женеве в виде брошюры¹³. 29 ноября 1868 г. И.-Ф. Беккер по поручению бюро Альянса переслал этот документ Генеральному Совету с просьбой принять Альянс в Международное Товарищество Рабочих. Направляя документы, Беккер писал, что секции I Интернационала «занимаются почти исключительно паллиативами», т. е. экономическими проблемами, среди которых на первом месте стоят вопросы заработной платы. Конечная же цель упускается из виду, поэтому назрела необходимость появления «такого элемента, который, объединившись, успел бы вовремя внести в движение на континенте некоторую долю здорового идеализма и революционной энергии. Для энергичных натур становится уже очень скучно. История не может обойтись без авангарда»¹⁴. Как видим, претензии Альянса никак нельзя назвать скромными. А между тем теоретический уровень программы был более чем скромным.

В первой статье программы Альянс объявлял себя «атеистическим»; «он стремится к отмене культов и замене веры наукой и божественной справедливости — справедливостью человеческой».

Во второй статье значилось, что Альянс «прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнивания классов и индивидов обоего пола, начиная с отмены права наследования...» Далее следовала ссылка на решения брюссельского конгресса о превраще-

¹² См. Н. Ю. Колпинский. История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного альянса.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1964, стр. 208—232.

¹³ «Programme et Règlement de l'Alliance internationale de la Démocratie socialiste». Genève, [1868].

¹⁴ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.» М., 1936, стр. 233.

нии земли и орудий труда в коллективную собственность. Статья четвертая гласила, что Альянс отвергает «всякое политическое действие, не имеющее прямой и непосредственной целью торжество дела рабочих против капитала».

Статья пятая провозглашала, что «все авторитарные государства... должны будут исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций...»

В статье шестой Альянс отвергал всякую политику, основанную на мнимом патриотизме и на соперничестве наций, и декларировал принцип «международной или всеобщей солидарности рабочих всех стран». Другие статьи формулировали требования буржуазно-демократических свобод¹⁵.

Оценивая программу Альянса, Маркс писал, что это была «поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов (!), отмена права наследования как исходная точка социального движения (сен-симонистский хлам), атеизм, предписываемый членам Интернационала как догма, и т. д., а в качестве главной догмы (по-прудонистски) — воздержание от участия в политическом движении*»¹⁶.

Вопрос о приеме Альянса в Интернационал обсуждался на заседании Генерального Совета 15 декабря 1868 г. Большинство участников обсуждения пришло к выводу, что теоретические принципы Интернационала уже разработаны значительно лучше, чем это сделали члены Альянса, и с возмущением отвергли претензии теоретически неподготовленных людей на право представлять научную программу Интернационала. Был высказан протест по поводу публикации программных документов общества, определявших его связь с Интернационалом до решения вопроса о приеме¹⁷.

Маркс исходил из того, что «детские сказки» — так он назвал программу Бакунина — встретили сочувственный прием в тех странах, где реальные предпосылки самостоятельного рабочего движения были недостаточно развиты. Кроме того, Маркс достаточно хорошо знал Бакунина, чтобы сделать вывод, что программа была для

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 449—450.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 279.

¹⁷ «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870. Протоколы». М., 1964, стр. 21—22.

него делом весьма второстепенным. По этим причинам Маркс счел целесообразным не привлекать внимание к деятельности и документам Альянса, не вступать в полемику, а отказать обществу в приеме в Интернационал на том основании, что в него входят только местные и национальные организации, а не международные объединения. Того же мнения был и Энгельс, которому Маркс переслал документы с просьбой сделать критические замечания. В письме от 18 декабря он оценивал создание Альянса как «дело мертворожденное», которое вскоре само собой развалится, но может стать жизнеспособным, если Генеральный Совет подвергнет его обстоятельной критике¹⁸.

Ответ Маркса был утвержден на заседании Совета 22 декабря в виде циркулярного письма. Оно было разослано всем секциям Товарищества как конфиденциальное сообщение. Все статьи устава, определяющие отношение Альянса к Интернационалу, объявлялись недействительными, в приеме в Интернационал Альянсу было отказано.

Попытка создания внутри Интернационала особой группы, претендующей на «авангардную» роль, встретила всеобщее неодобрение. Даже ближайший сподвижник Бакунина Дж. Гильом писал, что «попытка конституировать в Женеве особую группу наиболее передовых элементов для теоретического обсуждения идей социализма была, по моему личному мнению, делом мертворожденным. Этот кружок, несмотря на все усилия, не смог привлечь на свои заседания рабочую массу»¹⁹. Против параллельного существования двух международных организаций протестовали многие деятели рабочего движения, в частности бельгийские интернационалисты во главе с Де Папом. На приглашение вступить в Альянс бельгийцы ответили решительным отказом. Мотивируя свой отказ, они писали: «Мы не против вашей программы, так как большая часть идей, которые формулированы в программе Альянса,— наши идеи, идеи рабочих-интернационалистов... Как и вы, мы хотим, чтобы земля и все капиталы стали достоянием общества... чтобы наука заменила

¹⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 189. Оценивая программу Альянса, Энгельс писал: «Ничего более жалкого, чем эта теоретическая программа, я никогда не читал» (Там же).

¹⁹ *J. Guillaume*. *L'Internationale*. Documents et Souvenirs (1864—1878), vol. 1. Paris, 1905, p. 92—93.

религию... Как и вы, мы признаем, что все современные государства должны в конце концов исчезнуть и роль общественной власти в будущем должна ограничиться лишь «административными функциями». Не отвергая программы Альянса, бельгийские интернационалисты высказывали опасения, что «новый союз будет соперником и противником Интернационала, должен будет вести борьбу против него», внесет в рабочую среду раскол и разногласия. «Мы думаем,— заключали авторы документа,— что, основав свой Альянс, вы совершили вредное для борьбы рабочих дело. Ввиду этого мы одобряем и поддерживаем решение Генерального Совета Интернационала относительно Альянса и призываем вас отказаться от вашей попытки создать новую международную организацию... дабы не вносить разногласия в среду боющихся рабочих»²⁰.

Не взирая на оппозицию, Бакунин стремился сохранить и расширить Альянс. С этой целью в конце 1868— начале 1869 г. он предпринял поездку по Швейцарии. В январе 1869 г. ему удалось созвать в Женеве съезд своего тайного общества «Интернациональные братья», члены которого и были основателями открытого Международного альянса социалистической демократии²¹. На съезде произошел конфликт, в результате которого Бакунин вышел из Центрального комитета тайного общества «Интернациональные братья». Вскоре было распущено и само общество. Распад тайного общества не мог не отразиться на деятельности и судьбе Альянса социалистической демократии. Но Бакунин продолжал свои усилия, направленные на его укрепление. В конце января 1869 г. он посетил Локль, стремясь основать здесь секции Альянса. Однако его попытка окончилась неудачей: рабочие Локля, несмотря на симпатии к Бакунину, не видели никакой необходимости основывать кроме секции Интернационала новую организацию.

Всеобщая оппозиция заставила бакунистов прибегнуть к маневрам.

27 февраля 1869 г. секретарь Альянса Перрон направил в Генеральный Совет письмо, в котором от имени бюро Альянса сообщал о готовности распустить органи-

²⁰ *J. Guillaume. Op. cit., vol. 1, p. 92—93.*

²¹ На съезде присутствовали Бакунин, Б. Малон, А. Трусов, Н. Жуковский, В. Мрчковский, В. Бертенев, Ш. Перрон, А. Туччи.

зацию в случае приема в Интернационал отдельных секций²². Перрон настойчиво просил Генеральный Совет сообщить его мнение о программе Альянса.

Маркс и его сторонники прекрасно понимали, что детальная и неизбежно резкая критика документа вызовет излишне шумную полемику, которая может повредить делу Интернационала, так как в Интернационал входили различные отряды рабочего класса разных стран, степень их политического развития была весьма различной, что неизбежно сказывалось на их теоретических воззрениях, отражавших уровень классовых антагонизмов, степень напряженности социальных конфликтов, уровень действительного движения. По этим причинам Маркс вновь отказался от детального анализа программы Бакунина. В составленном им ответе²³ сказано, что Генеральный Совет не считает своей функцией рассмотрение отдельных пунктов программы, а ограничивается лишь постановкой вопроса, не содержит ли она чего-либо противоречащего общей тенденции Интернационала, суть которой «полное освобождение рабочего класса»²⁴. Бакунистская программа содержала один пункт, который находился в явном противоречии с этой линией. Статья вторая гласила, что Альянс «добивается политического, экономического и социального уравнивания классов». Уравнивание классов, понимаемое буквально, есть не что иное, как идея гармонии труда и капитала, которую проповедовали буржуазные социалисты. Непременным же условием полного освобождения рабочего класса, заявил Маркс, является уничтожение классов. Именно в этом заключается главная цель Международного Товарищества Рабочих, подчеркивал Маркс. В проекте ответа высказывалась надежда, что формулировка об уравнивании классов будет исправлена, ибо если иметь в виду контекст, в котором находится формула «уравнивание классов», то она кажется простой опiskeй. Поэтому Генеральный Совет не сомневается, что неверная формулировка, дающая повод к весьма опасным недоразумениям, будет исправлена. После этого исправления секции Альянса могут быть допущены в Интернационал. Однако местонахождение и численность каждой секции должны

²² «Лондонская конференция...», стр. 241.

²³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 363—364.

²⁴ Там же, стр. 363.

быть непременно сообщены Генеральному Совету²⁵. 9 марта 1869 г. Генеральный Совет единодушно утвердил составленный Марксом проект ответа, которому был придан характер официального документа. Данное решение было конфиденциально сообщено секретарями-корреспондентами тем секциям Интернационала, которые были ознакомлены с первым письмом Альянса.

Получив ответ Генерального Совета, бюро Альянса приняло рекомендацию Генерального Совета, внесло в устав исправление, заменив слова «уравнение классов» формулой «уничтожение классов». Одновременно было публично объявлено о роспуске международной организации, секция которой предлагалось вступить в Интернационал. Женевская группа Альянса превратилась в секцию Интернационала под названием «Альянс социалистической демократии — Центральная секция». Секция избрала свой комитет под председательством М. Бакунина. Секретарь секции бакунист Перрон 22 июня 1869 г. сообщил Генеральному Совету о реорганизации. 28 июля 1869 г. Генеральный Совет принял секцию в Интернационал. В июле было распущено Центральное бюро Альянса. Его функции перешли к женеvской секции Интернационала — «Альянс социалистической демократии — Центральная секция». Эта секция впоследствии осуществляла руководство тайной бакунистской организацией, действовавшей в рамках Интернационала.

Маркс и его сторонники в то время не знали о сохранении бакунистской организации. И тем не менее Маркс предполагал, что вступление Бакунина и его приверженцев в Интернационал приведет к обострению борьбы внутри него.

Действительность подтвердила, и очень скоро, что Маркс был глубоко прав. Это показал ход подготовки к очередному конгрессу Интернационала, который должен был состояться в Базеле в первый понедельник сентября 1869 г. 16 февраля Генеральный Совет поручил секретарям-корреспондентам спросить, не имеют ли секции предложений о включении в повестку дня конгресса дополнительных вопросов, кроме тех трех проблем, которые были включены в повестку дня на предыдущем кон-

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 364.

грессе. Как известно, это были вопросы о земле, кредите, народном образовании. Представители секций предложили включить в повестку дня предстоящего конгресса еще два пункта: о роли профсоюзов в освобождении пролетариата и о праве наследования. Последний пункт был включен в повестку дня по предложению женевской секции.

Требование отмены права наследования было далеко не новым в социалистических программах прошлого столетия. Сформулированное школой Сен-Симона, оно охотно включалось в программы лидерами тайных и открытых социалистических объединений. Отмена права наследования предусматривалась и программой Союза коммунистов — Манифестом коммунистической партии. В указанном документе эта акция выдвигалась в качестве одного из проявлений «деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения», как «средство для переворота во всем способе производства». При этом отмена права наследования, как и другие акции, рассматривалась как одна из мер, которые делают «необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй»²⁶.

На конгрессах Интернационала, в частности на Лозаннском и Брюссельском, ряд делегатов выступал с требованием ограничения или отмены права наследования, рассматривая его как одну из мер, обеспечивающих переход частных владений в общественную собственность. Эти предложения не встречали возражений Маркса. Однако предложение женевской секции носило совершенно иной характер. Оно рассматривало отмену права наследования как исходную позицию социалистической революции, единственный способ ликвидации частной собственности.

Вопрос о праве наследования обсуждался на заседании Генерального Совета 20 июля 1869 г. Дискуссию открыл Маркс. В своем выступлении он показал, что в качестве экономической меры отмена права наследования не принесла бы пользы, зато вызвала бы «такое раздражение, что обязательно встретило бы почти непреодолимое сопротивление, которое неизбежно привело бы к реакции. Если такое требование будет провозглашено в

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

момент революции, едва ли общий уровень сознания сможет обеспечить ему поддержку. С другой стороны, если бы рабочий класс обладал достаточной властью, чтобы отменить право наследования, он был бы достаточно силен, чтобы провести экспроприацию, которая явилась бы мероприятием гораздо более простым и эффективным»²⁷. Маркс указал, что главные усилия рабочего класса должны быть направлены на отмену частной собственности на орудия производства. «Все средства производства должны быть обобществлены...»²⁸, — сказал он.

Выступления Милнера, Хейлза и Уэстона свидетельствовали о недостаточном четком понимании идей Маркса. По просьбе Генерального Совета Маркс изложил свои мысли в письменном виде для оглашения этого документа на предстоящем конгрессе. В «Докладе Генерального Совета о праве наследования» Маркс раскрыл философский и экономический смысл полемики по этому вопросу. Он показал, что социалисты-утописты, ученики и последователи Сен-Симона, рассматривали право наследования не как юридическое следствие, а как экономическую причину современной организации общества. И пришли к выводу, что отмена права наследования является отправной точкой социальной революции²⁹. Эта точка зрения, которую Маркс характеризовал формулой «сен-симонистская чепуха», легла в основу построений Бакунина и его сторонников. В полном соответствии с основными посылками исторического материализма Маркс показал, что право наследования, как и все гражданское законодательство, является не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, основанной на частной собственности. Рабочий класс должен вести борьбу против причины, а не против следствия, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 593.

²⁸ Там же, стр. 594.

²⁹ Требование отмены права наследования было обосновано последователями Сен-Симона — Анфантенном, Базаром, Бюше, — выступившими в конце 20-х годов XIX в. с популяризацией и развитием его учения. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен в книге «Изложение учения Сен-Симона», в основе которой лежали лекции, прочитанные Базаром в Париже: «Doctrine de Saint-Simon. Première année. Exposition, 1829». Paris, 1830, p. 143—169.

Отмена права наследования будет неизбежным результатом упразднения частной собственности на средства производства, но сама по себе она не может стать отправной точкой коренного социального преобразования. Признать отмену права наследования исходной точкой социальной революции означало бы отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество.

Отвергая требование отмены права наследования как исходный пункт социальной революции, Маркс вовсе не относился к нему нигилистически, он считал, что эта акция может стать одним из многочисленных переходных мероприятий, которые «ведут к цели», т. е. к социализму. В настоящее время Интернационал может поставить своей задачей: 1) более широкое применение уже существующего во многих государствах налога на наследство и использование полученных средств в интересах трудящихся; 2) ограничение права наследования по завещанию, но не семейного права наследования без завещания. В документе Маркс ни разу не упомянул имени Бакунина, он воздержался как от прямой критики его порочных тезисов об отмене права наследования, так и от их изложения. Критика и опровержение бакунистских воззрений велась путем противопоставления им своей точки зрения.

А между тем бакунисты сосредоточили свои усилия на создании тайной организации Альянса и активизации ее деятельности.

Тайный Альянс состоял из двух частей: высшей ступени — «Интернациональных братьев», — осуществляющей руководство тайной организацией в международном масштабе, и организации «Национальные братья», которая должна была складываться в каждой стране. Обе организации имели свои уставы и программы, были строго законспирированы, строились на основе абсолютного, беспрекословного подчинения низших звеньев высшим. Конечная цель организации состояла в том, чтобы служить направляющей силой в момент революции, а ближайшая — осуществлять тайное руководство Международным Товариществом Рабочих. Альянс был тщательно законспирированной организацией, о его деятельности сохранилось крайне мало документов, часть из которых только после весьма скрупулезного анализа и

сопоставления с другими источниками могла служить доказательством факта существования тайного общества. Альянс действовал не в виде постоянной и прочной организации — таким он стал лишь после Гаагского конгресса, — а в виде непрерывных попыток создать внутри Интернационала тайную организацию, меняющую свою форму, свой состав. Не все члены тайного общества были в одинаковой степени посвящены в цели союза, особенно самого Бакунина. Можно предположить, что не все члены тайного общества видели свою цель в расколе Интернационала. Не исключено, что некоторые из друзей Бакунина вовсе не были посвящены в дела Альянса и не знали о его существовании. К ним мог принадлежать даже Д. Гильом, который в ряде интересных работ, хотя и написанных с анархистских позиций, в течение по меньшей мере 40 лет доказывал, что никакой тайной организации бакунисты не имели. Очень возможно, что Малон, будучи бакунистом, тоже не был членом Альянса, хотя и тот, и другой фактически оказывали ему поддержку. Бакунину удалось настолько запутать других и самому запутаться в сетях конспирации, что многие его сторонники, фактически работавшие в тайном союзе, сами того не сознавали. Он конспирировал с разными людьми и группами разными методами, строил одновременно несколько различных обществ и объединений. Сам путался в них, как путался в многочисленных условных словарях, сочиненных им самим. Далеко не все его приверженцы могли разобраться в этой путанице. Об этих манерах Бакунина очень хорошо сказал Герцен: «Он любил не только рев восстания и шум клуба, площадь и баррикады — он любил также и приготовительную агитацию, эту возбужденную и вместе с тем задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспанных ночей, переговоров, договоров, ректификаций, шифров, химических чернил и условных знаков»³⁰.

³⁰ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XI. М., 1957, стр. 365. Известный русский ученый и публицист Григорий Николаевич Вырубов с иронией вспоминал эту страсть Бакунина к конспирации. Однажды Бакунин вручил ему «объемистую рукопись», попросив держать ее содержание в строгой тайне. Это был очередной «Революционный Катехизис» либо очередной проект очередного тайного общества. «На другой день, — писал Вырубов, — возвращая Бакунину этот странный документ, я ему объяснил, что терпеть не могу политических конспираций... Но Бакунин не так-то легко

Бакунин мог сбить с толку своих друзей, тайную полицию, своих противников в Интернационале, в том числе вполне объективную комиссию Гаагского конгресса. Впоследствии, когда многие документы благодаря работам М. Неттлау, Д. Гильома, З. Ралли, М. Сажина и других стали известны исследователям, сомневаться в наличии тайной бакунистской организации внутри Интернационала либо отрицать ее существование могли лишь исследователи, которые стремились не к выяснению исторической истины, а к реабилитации Бакунина.

Ю. Стеклов, тщательно исследовавший вопрос об организации тайного Альянса, приводит ряд свидетельств участников этого общества, которые хотя и не содержат сведений о деятельности союза, но подтверждают факт его существования. Он ссылается на воспоминания З. Ралли, который писал, что Бакунин написал две программы для Альянса: одна из них, весьма якобы похожая на программу Интернационала, предназначалась для открытого Альянса, другая — «для избранных им лично членов, имела в виду организацию интернационального комитета социалистов-революционеров, которые должны были подпольно руководить явным Alliance-ом, считавшимся простыми секциями Международного общества рабочих». Ралли указывал, что руководящая роль в тайном союзе «естественным образом» оказалась в руках Бакунина³¹.

Полемизуя против обвинения Бакунина в диктаторстве внутри Альянса, Ралли указывал, что Бакунин не был провозглашен диктатором, но фактически был пол-

выпускал из рук намеченную жертву.— Вы видели, у нас есть члены-соревнователи, вовсе не обязанные вступать в какие-либо заговоры, а только помогающие словом или пером распространению наших идей. Вам надо непременно записаться в их число.— Пожалуй, только вот эти клятвы на кинжалах очень уж мне не нравятся.— И не нужно их! Это мы для итальянцев придумали; мы довольствуемся вашим словом. Согласны? — При таких условиях согласен.— Он встал, торжественно провозгласил, что принимает меня в члены всемирного братства, крепко обнял и прибавил: «Теперь, как новый брат, вы должны заплатить 20 франков». При этом практическом финале я не мог удержаться от смеха, да и он улыбнулся своей доброй, приятной улыбкой» (см. Г. Н. Вырубов. Революционные воспоминания.— «Вестник Европы», 1913, февраль, стр. 52).

³¹ З. Ралли. М. А. Бакунин. Из моих воспоминаний.— «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 152 и др.

ным руководителем тайного общества³². Следовательно, он не отрицает факта существования Альянса, а лишь уточняет, в каком смысле следует понимать «диктатуру» в нем Бакунина.

В высшей степени противоречивы свидетельства М. П. Сажина. В воспоминаниях о П. Л. Лаврове он писал о существовании тайного бакунистского Альянса как о совершенно точно установленном факте, не вызывающем полемики. «Как известно,— писал он,— Бакунин устроил в Интернационале свой собственный тайный Интернационал, так называемый Альянс. Сюда входили его приверженцы из анархистов самых различных стран»³³.

Десять лет спустя в «Воспоминаниях», опубликованных в 1925 г., М. П. Сажин с той же решительностью и определенностью писал прямо противоположное: «...утверждаю решительно,—заявлял он,—что в мое время, т. е. с 1870 до 1876 г., среди нас, самых близких лиц к Бакунину и работавших вместе с ним, не существовало никакого «заговора против своих же товарищей единомышленников», никакого «тайного союза, имевшего целью секретно, неведомо для массы рядовых членов Интернационала, управлять его деятельностью»³⁴.

Дискуссия об Альянсе продолжается свыше ста лет. Она возникла в дни заседаний Гаагского конгресса. Комиссия по делу об Альянсе пришла к выводу, что тайное общество, созданное на основе принципов, противоположных программе Международного товарищества рабочих, действительно существовало, но недостаточно доказано, что оно продолжает существовать. Весьма противоречивым является второй пункт доклада: Бакунин *пытался* основать в Европе общество под названием Альянс. Однако неясно, удалось ли это ему. Комиссия не располагала достаточным количеством документов, и, кроме того, бакунистам — Н. Жуковскому, Мораго, Марселау, Алерани, Фарга Пелисеру, Гильому — удалось

³² З. Ралли. Указ. соч., стр. 152 и др.

³³ П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников, IV. Из рассказов М. П. Сажина.— «Голос минувшего», 1915, октябрь, стр. 132.

³⁴ М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 59. Заковыченные слова взяты из статьи Г. А. Лопатина «К рассказам о П. Л. Лаврове» (опубликована там же, стр. 128).

настолько запутать вопрос, что решение комиссии было непоследовательным.

Впоследствии Гильом решительно отвергал факт существования Альянса³⁵, Неттлау — признавал, но пытался преуменьшить его значение³⁶, Тестю³⁷ опубликовал ряд документов об Альянсе, но так как его книга содержала массу сознательных подлогов, то и эти документы были взяты под сомнение.

В трудах советских историков Ю. Стеклова, Н. Ю. Колпинского, Т. Г. Васильевой³⁸ на основании большого фактического материала убедительно доказано существование Альянса и дан анализ его деятельности в различных странах, в частности в Испании³⁹, Италии⁴⁰, Швейцарии⁴¹.

³⁵ *J. Guillaume*. L'International. Documents et souvenirs (1864—1878), vol. 2. Paris, 1907, p. 365.

³⁶ *M. Nettlau*. Michel Bakunin. Eine Biographie, vol. 1—3. London 1896—1900.

³⁷ *O. Testu*. L'Internationale et le Jacobinisme auban de l'Europe, vol. I. Paris, 1872, p. 131—156.

³⁸ *Ю. Стеков*. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 3. М.—Л., 1927; *он же*. Первый Интернационал. М.—Л., 1923; *Н. Ю. Колпинский*. История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного Альянса.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1964, стр. 208—232; *Т. Г. Васильева*. К истории получения Марксом и Энгельсом документов об Альянсе социалистической демократии.— «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1970, № 19, стр. 146—156.

³⁹ *А. Гонсалес*. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873. М., 1964; *он же*. Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1873).— «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960, стр. 3—71.

⁴⁰ *И. В. Григорьева*. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.

⁴¹ *И. П. Особова*. Интернационал в Швейцарии.— «Первый Интернационал», ч. 1. М., 1964, стр. 400—448; *В. Г. Мосолов*. Интернационал в Швейцарии.— «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 318—336.

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

После поражения Парижской Коммуны наступил новый период в истории международного рабочего движения и Интернационала. С одной стороны, он характеризовался широким распространением идей Международного Товарищества Рабочих, усилением революционно-социалистической пропаганды, в особенности в тех странах, где организации Товарищества до Парижской Коммуны либо вовсе отсутствовали, либо только складывались и делали первые шаги,— в Италии, Испании, Португалии, Дании. «Гром парижских пушек,— писал В. И. Ленин,— разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата...»¹ С другой стороны, от Интернационала стала отходить часть рабочего класса, подверженная влиянию буржуазии. Иными словами, Парижская Коммуна ускорила процесс размежевания сил в международном рабочем движении. Этот процесс нашел свое отражение в Интернационале. Он проявился не только в ренегатстве реформистских деятелей, но и в углублении противоречий между сторонниками подлинно революционной пролетарской линии и приверженцами различного рода мелкобуржуазных анархистских концепций, среди которых наибольшую опасность представлял бакунизм.

Новые условия классовой борьбы пролетариата настоятельно требовали новых форм его организации: Коммуна показала необходимость создания национальных пролетарских партий в отдельных странах.

Насущной задачей рабочего движения и в частности Интернационала стала выработка политической программы пролетарской борьбы. Против революционной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 222.

линии Генерального Совета выступили как реформистские деятели, в особенности лидеры английских тред-юнионов, так и представители бакунизма, получившего в те годы весьма значительное распространение в рабочем движении ряда европейских стран.

Подъем рабочего и революционно-демократического движения в Испании, Италии, в южных департаментах Франции происходил в обстановке низкого идейного и организационного уровня пролетарских масс. Рабочие этих стран и областей только еще выделялись из общего потока демократического движения. Основную массу пролетариев составляли здесь недавние выходцы из разных слоев населения — разорившиеся ремесленники, крестьяне, кустари; выбитые из своего привычного образа жизни, потерявшие надежду вновь сделаться самостоятельными хозяевами и разбогатеть, они охотно покидали позиции мелкобуржуазного реформизма, мирного анархизма Прудона и становились на путь мелкобуржуазной революционности. Само собой разумеется, что их идеология не была однозначна бакунистской, на нее оказывали влияние различные идейные направления и факторы, в том числе идеи Интернационала и практический опыт рабочего движения в стране².

Однако особенно легко и охотно эти слои воспринимали анархистские воззрения Бакунина и в частности его истолкование опыта Парижской Коммуны, который якобы подтверждал тезис об уничтожении всякого государства, правоту принципов федерализма и анархии³. Естественно и закономерно, что в такой ситуации в центре идейных разногласий оказались вопросы, которые поставила Коммуна: завоевание политической власти пролетариатом, установление его диктатуры, проблемы политической борьбы, роль пролетарских партий, отношение рабочего класса к государству.

² А. Гонсалес. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873. М., 1964; И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; Н. Ю. Колпинский. Общественное движение в Испании и Парижская Коммуна. — «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II. М., 1961; он же. Роль газеты «Emancipation» в пропаганде идей марксизма в Испании (1871—1872). — «История социалистических учений». М., 1962.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 104.

По всем этим вопросам марксисты и бакунисты занимали противоположные позиции. Противоборство не ограничивалось сферой идеологических разногласий: бакунисты активизировали свои усилия, направленные на захват руководства Интернационалом и превращение его в орудие своей анархистской политики.

Еще в дни подготовки Базельского конгресса Бакунин предпринимал меры, направленные на захват руководства Генеральным Советом, добиваясь его перевода из Лондона в Женеву. Ради достижения этой цели он стремился добиться большинства на конгрессе. Однако силы бакунистов в Интернационале в то время были очень незначительны. Секции открытого Альянса, вступившие в Товарищество, существовали в Женеве, Неаполе, Испании. Группы тайного Альянса действовали на юге Франции, в горной Юре, в Испании. В Италии в 1868—1869 гг. было создано бюро тайного Альянса, но секции Интернационала еще не были организованы. В Испании бакунисты создали секции Товарищества, но их успехи были весьма ограничены.

Бакунин не добился в Базеле осуществления своих планов, но ему удалось достичь консолидации анархистских сил внутри Товарищества, а в вопросе о праве наследования собрать большинство голосов, правда не абсолютное.

Следующим этапом борьбы против Генерального Совета явились нападки на него органа федерации Интернационала Романской Швейцарии «Эгалите», в редакцию которой входил Бакунин. Газета обвиняла Совет в нарушении устава, преувеличенном внимании к ирландскому вопросу, пренебрежении «делами крайне важными», отказе издать документы Базельского конгресса и т. д.

Вопрос о нападках «Эгалите» обсуждался на заседании Совета 14 декабря 1869 г. 1 января 1870 г. на чрезвычайном заседании Совета был утвержден текст ответа Федеральному совету Романской Швейцарии, написанный Марксом⁴. Документ был разослан секциями Интернационала.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 402—409. До получения письма Романский федеральный совет реорганизовал редакцию «Эгалите», из нее были удалены сторонники Бакунина.

Весной 1870 г. бакунисты предприняли новую враждебную акцию — они попытались захватить руководство Романской федерацией. В апреле 1870 г. в Ла-Шо-де-Фоне состоялся съезд федерации. Бакунистам удалось создать большинство, избрать свой федеральный совет. Съезд завершился расколом федерации и образованием двух федеральных советов.

Основу этих событий, кроме стремления бакунистов захватить гегемонию в Интернационале, составляли идейные разногласия в швейцарских организациях между марксистами и анархистами, программные принципы которых становились все более и более популярными.

Воззрения анархистов на роль и задачи Международного Товарищества Рабочих были изложены в статье Бакунина «Политика Интернационала», опубликованной в августе 1869 г. на страницах «Эгалите»⁵.

Автор начинает статью с утверждения, что «политические и религиозные убеждения человека находятся в полнейшей независимости от принадлежности его к Интернационалу».

Совершенно неважно — утверждал он — религиозен или атеист член Товарищества, принадлежит он к той или иной политической партии или нет. Важно, чтобы это был рабочий либо человек, готовый служить делу рабочих, он должен понять принципы Товарищества, принять их и дать торжественное обещание сообразовать с ними отныне все свои действия и всю свою жизнь.

Отношение к политике формулировано в анализируемом документе недостаточно определено. «Мы думаем, что основатели Интернационала поступили очень умно, не касаясь первоначально в программе Союза политических и религиозных вопросов. У них самих были, несомненно, ясные и определенные политические и антирелигиозные взгляды, но они воздержались от занесения их в программу, так как главной их целью было прежде всего объединение рабочих масс всего цивилизованного мира ради общего дела». Поэтому и решено было, утверждал Бакунин, не касаться ни религиозных, ни политических вопросов, а найти самую элементарную основу для объединения всех «эксплуатируемых и страдающих».

⁵ М. Бакунин. Избр. соч., т. IV. Пг.— М., 1920, стр. 5—22.

Бакунин подробно объяснял, почему из программы Интернационала «кажущимся и только кажущимся образом» была удалена всякая политическая тенденция. До сих пор в истории существовала только политика привилегированных классов, имеющая целью сохранение их господства над народом; современная буржуазная политика во всех ее разновидностях, от консервативной до самой радикальной, имеет только одну цель: укрепление господства буржуазии, сохранение рабства пролетариата. Интернационал отбросил все известные политические системы, чтобы на этой основе создать подлинно рабочую, интернациональную политику.

По мнению Бакунина, организаторы Товарищества придавали ему исключительно экономический характер, полагая, что в ходе борьбы против капитала рабочий вскоре дойдет «до признания всех политических, философских и социалистических принципов Интернационала», выражающих его подлинные цели: уничтожение классов, «уничтожение всех территориальных государств, всех политических отечеств и создание на их развалинах великой международной федерации всех производительных групп, национальных и местных», а также уничтожение всех культов и религиозных систем.

С особым усердием Бакунин нападал на сторонников политической борьбы пролетариата в рамках буржуазного общества. Если социалист утверждает, что политический переворот должен предшествовать экономическому, значит он фальшивый, буржуазный социалист, «...всякое политическое движение,— писал он,— которое не ставит непосредственной и прямой целью окончательное и полное экономическое освобождение рабочих и которое не начертало на своем знамени ясно и определенно принцип экономического равенства, означающего полное возвращение капитала труду или же социальную ликвидацию, ...всякое такое политическое движение есть буржуазное и, как таковое, должно быть исключено из Интернационала»⁶ Бакунин предупреждает рабочих, что тезис: «политическая свобода есть предварительное условие экономического освобождения» — означает отказ от революции в пользу реформы, призыв к союзу с радикальной буржуазией. «Международное Общество Рабо-

⁶ М. Бакунин. Избр. соч., т. IV, стр. 18.

чих, верное своему принципу, никогда не протянет руки политической агитации, не имеющей своей непосредственной и прямой целью — полное экономическое освобождение рабочих, т. е. уничтожение буржуазии, как класса экономически обособленного от массы, и не поможет никакой революции, которая с первого же дня, с первого же часа не начертает на своем знамени — социальная ликвидация»⁷. Но революция — процесс объективный, она совершается в силу «естественного хода вещей», ее можно предугадать, «предчувствовать», но нельзя ускорить. Поэтому в период подготовки революции деятельность Интернационала должна ограничиться агитацией, имеющей исключительно экономический характер — уменьшение рабочего времени и увеличение заработной платы, а его организационная работа должна свестись к объединению рабочих масс и организации масс сопротивления⁸.

Итак, Бакунин считал, что пока рабочие массы не восприняли политических, философских и социалистических принципов Интернационала: уничтожение классов и государства — Товарищество не может вести иной политики, кроме «практического освобождения», т. е. агитации за уменьшение рабочего дня и увеличение заработной платы. Так архиреволюционная программа Бакунина сводится к самым скромным тред-юнионистским требованиям, с которыми мог согласиться любой реформист. Принципам Интернационала решительно противоречили выдвинутые в документе анархистские догмы отрицания политической борьбы, уничтожения всех «политических отечеств», создания великой международной федерации и другие бакунистские идеи.

Не только воззрения бакунистов делали неизбежным обострение борьбы в Интернационале. Не в меньшей мере ее обуславливали практические акции сторонников Бакунина, в частности в дни франко-прусской войны и Парижской Коммуны⁹.

⁷ Там же, стр. 21.

⁸ См. там же, стр. 22.

⁹ 28 сентября 1870 г. в Лионе произошли знаменательные события: Бакунин с группой своих сторонников занял ратушу. Он намеревался провести «социальную ликвидацию», которая предусматривала упразднение административной и правительственной государственной машины, создание во всех федерированных коммунах

Однако Бакунин оказался не в состоянии извлечь уроки из печального опыта, а ограничился тем, что обвинил французский народ в отсутствии революционной энергии: «...я окончательно потерял веру в революцию во Франции,— писал он своему другу.— Эта страна совершенно перестала быть революционной. Сам народ сделался здесь доктринером, резонером, буржуа на манер буржуазии... Милитаризм и бюрократизм, юнкерская наглость и протестантский иезуитизм пруссаков в трогательном союзе с кнутом моего драгоценного государя и повелителя, императора всероссийского, станут господствовать на европейском континенте бог знает в продолжение скольких десятилетий. Прощай все наши мечты о близком освобождении! Теперь начинается убийственная и страшная реакция»¹⁰. Таким образом, новый период международного рабочего и революционного движения Бакунин расценил лишь как эпоху «страшной реакции». Поскольку бакунисты были членами Интернационала, международная реакция получила желанный повод обвинить все его секции в анархистских воззрениях и в путчизме. В такой ситуации последовательная борьба против бакунизма, решительное размежевание с ним стали одной из важнейших задач марксистского направления в Интернационале.

Важным этапом борьбы марксизма против бакунизма была Лондонская конференция Интернационала, состоявшаяся 17—23 сентября 1871 г. Мы не станем подробно анализировать подготовку, ход конференции и ее решения, а ограничимся лишь вопросом о борьбе против бакунизма, который находился в центре внимания этого форума. Борьба шла по разным линиям, стержневым оказался вопрос об участии пролетариев в политической жизни. Французский делегат Э.-М. Вайян предложил принять специальное решение, которое констатировало бы, что политический и социальный вопросы являются двумя

комитетов спасения Франции, образование революционного конвента Франции в Лионе. Путчистское выступление, плохо подготовленное, не учитывавшее общей ситуации и поэтому преждевременное, не получило поддержки масс и закончилось неудачей. Не имела успеха и попытка Бакунина организовать новое восстание в Марселе и Лионе.

¹⁰ Цит. по: Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4. М.—Л., 1927, стр. 58.

сторонами главной задачи рабочего класса — уничтожения классов. Его предложение, поддержанное Ш. Лонге и К. Мартеном, гласило: «Перед лицом необузданной реакции, одержавшей временную победу, реакции, насильственно подавляющей всякое требование социалистической демократии и пытающейся насильственно сохранить классовые различия, конференция напоминает членам Международного товарищества, что политический вопрос и вопрос социальный неразрывно связаны между собой, что они являются лишь двумя сторонами одного и того же вопроса, который Интернационал ставит себе целью разрешить, — вопроса об уничтожении классов.

В той же мере, в какой рабочие признают экономическую солидарность, они должны признавать также и солидарность политическую, их объединяющую, и во имя окончательного торжества своего дела сплотить свои силы на политической почве не в меньшей мере, чем на почве экономической»¹¹.

Мотивируя свое предложение, Вайян сказал, что оно не должно вызвать продолжительной дискуссии, так как «выражает подлинный дух» устава. В действительности предложение вызвало весьма продолжительную и острую дискуссию.

Испанский бакунист Лоренцо поставил под сомнение правомочность конференции решать вопрос, поднятый Вайяном, и предложил обсудить его на конгрессе, который облечен правом выдвигать новые принципы¹². Его поддержал французский бакунист Бастелика. Если Лоренцо пытался снять с обсуждения вопрос, ссылаясь на формальные моменты, не вдаваясь в дискуссию по существу, то Бастелика повел себя иначе: «... не заключается ли то, что именуют политикой, в расточении энергии рабочих ради посылки одного рабочего в парламент либо в муниципальный совет? Подобную политику ребяческой шумихи он считает никчемной. [В известные моменты воздержание является революционной политикой]»¹³.

Против участия в политической борьбе выступил и лидер бельгийской делегации С. Де Пап. Его аргумента-

¹¹ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.». М., 1936, стр. 60.

¹² См. там же, стр. 61.

¹³ Там же, стр. 62.

ция сводилась к тому, что избрание одного-двух социалистов в парламент не приведет к усилению влияния социалистической партии. Кроме того, в ряде стран, в том числе в Бельгии, рабочие вынуждены оставаться в стороне от политики в силу существующих законов¹⁴. Объективно такая точка зрения сближала Де Папа с бакунистами¹⁵. Позицию Де Папа поддержал бельгийский делегат Л. Веррейкен. Он также полагал, что вопрос об участии в политической борьбе следует решать в зависимости от условий страны, в которой действует организация Товарищества, и потребовал перенесения этого вопроса на очередной конгресс.

Прудонист Стеенс выступил за участие рабочих в политике. Однако, как и Бастелика, Стеенс понимал политическое движение как непосредственную революционную борьбу: «Он против легальной политической деятельности, он стоит за революционную политику. Он вовсе не намерен бросаться в объятия мелких политиков-адвокатов»¹⁶. Позиция бельгийского прудониста оказалась весьма близкой к линии французских бланкистов.

В защиту предложения Вайяна выступили Маркс, Энгельс, Серрайе, Франкель, Утин и другие делегаты. В своих выступлениях они показали, что воздержание от политики объективно выгодно врагам рабочего класса. Серрайе указывал, что вне политической жизни страны Товарищество не имеет никакого значения, а политический абсентеизм может лишь «скомпрометировать дело трудящихся»¹⁷.

Научное разъяснение смысла и значения политической деятельности рабочего класса содержится в выступлениях на конференции Маркса и Энгельса. Маркс показал, что воздержание от политики может нанести и

¹⁴ «Лондонская конференция I Интернационала...», стр. 63—64.

¹⁵ Там же, стр. 62. Недооценка политической деятельности рабочих в парламенте была свойственна и Вайяну. В известной мере она была следствием бланкистского влияния, от которого не были свободны многие французские социалисты. На конференции Вайян говорил, что политика вовсе не сводится ксылке рабочих депутатов в парламент, «ибо и самые парламенты должны быть уничтожены. Политика Товарищества должна быть социалистической и преследовать лишь одну цель — уничтожение классов» (Там же).

¹⁶ Там же, стр. 73.

¹⁷ Там же, стр. 74.

уже наносит большой вред развитию освободительного движения трудящихся. В Германии оно позволило Швейцеру и другим политикам, состоявшим на жаловании у Бисмарка, предпринять попытку втянуть рабочих в правительственную политику. Во Франции «это преступное воздержание от политики позволило Фавру, Пикару и другим завладеть 4 сентября властью»¹⁸. Маркс согласился с тем, что политику надо вести в соответствии с условиями каждой страны, но никакая специфика условий не должна вести к отказу от политической деятельности. Корректируя выступления своих сторонников, Вайяна, Утина и других, Маркс обратил внимание на значение парламентской деятельности рабочих депутатов: «... не следует думать,— говорил он,— что иметь в парламентах рабочих — маловажное дело. Если им зажимают рот, как это было с Де Потером и Кастио, если их изгоняют, как это было с Мануэлем, то такие репрессии и нетерпимость оказывают сильное воздействие на народ; если же они, напротив, подобно Бебелю и Либкнехту, получают возможность говорить с парламентской трибуны, то к ним прислушивается весь мир; и в том и в другом случае это создает нашим принципам большую популярность»¹⁹. Маркс сослался на пример Бебеля и Либкнехта в дни франко-прусской войны, когда их выступления в рейхстаге потрясли всю Германию²⁰. «Каждый рабочий, проведенный в парламент,— победа над ними (буржуазными правительствами.— М. М.),— заявил Маркс,— но выбирать надо настоящих людей, а не Толенов»²¹.

21 сентября на заседании конференции выступил Энгельс. Он указал, что абсолютное воздержание от политики невозможно, даже газеты сторонников воздержания занимаются политикой. Вопрос идет о том, какую и как политику проводить. Следует проводить рабочую политику: «рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»²². Энгельс ре-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 646.

¹⁹ Там же, стр. 647.

²⁰ См. там же.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 421—422.

шитительно отверг утверждение бакунистов, будто политическое действие равнозначно признанию существующего порядка: «... раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка»²³ Энгельс изложил коренные положения научного коммунизма о диктатуре пролетариата и пролетарской партии. Он показал связь политической борьбы с проблемой завоевания рабочим классом политического господства. Цель Интернационала — уничтожение классов, средство — политическое господство пролетариата.

После долгих прений конференция приняла предложение Утина: передать предложение Вайяна на редактирование Генеральному Совету. 7 октября Совет конституировал комиссию, в состав которой вошел Энгельс, а 16 октября утвердил сделанный Энгельсом доклад по поводу резолюции о политическом действии рабочего класса. В принятом решении подчеркивалось, что экономическое движение и политическое действие рабочего класса неразрывно связаны между собой. Резолюция указывала, что «организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов»²⁴.

Так был решен главный вопрос конференции, определявший генеральную линию дальнейшего развития Интернационала и международного рабочего движения на новом его этапе. Это решение наносило сокрушительный удар всем сектантским течениям и группам как внутри Международного Товарищества Рабочих, так и во всем международном рабочем движении, прежде всего главному в то время врагу марксизма — анархизму, в его бакунистской разновидности.

На девятом заседании конференции, 22 сентября, обсуждался вопрос о тайных обществах. Он был поднят по причинам различного порядка. С одной стороны, репрессии против Интернационала вынуждали многие организации, даже в национальном масштабе, переходить к нелегальной деятельности; с другой — тайные общества, вовлекавшие в свои ряды рабочих, направляли их дви-

²³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 422.

²⁴ Там же, стр. 427.

жение по ложному пути, дезорганизовывали Интернационал. Особую опасность представляли заговорщические тенденции бакунистов и бланкистов. Против этих тенденций было направлено предложение Генерального Совета, сформулированное на конференции Марксом:

«В странах, в которых регулярная организация Международного Товарищества вследствие препятствий со стороны правительства стала в настоящий момент неосуществимой, Товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными наименованиями. Категорически воспрещаются, однако, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова»²⁵. Внося данное предложение на обсуждение конференции, Маркс указывал, что оно ни в малой степени не означает отказа от нелегальной деятельности, а направлено к тому, чтобы предотвратить превращение секций в заговорщические группы. «Одно дело — тайная организация, — говорил он, — а другое дело — тайные общества в собственном смысле слова, против которых, *наоборот*, следует вести борьбу»²⁶.

21 сентября конференция заслушала доклад Маркса о расколе в Романской федерации, который был положен в основу резолюции по этому вопросу²⁷. Конференция предлагала всем честным рабочим Юры вновь присоединиться к Романской федерации. Если же такое объединение окажется невозможным, то отколовшиеся секции впредь будут именоваться «Юрской федерацией».

Таким образом пресекались попытки бакунистов сосредоточить в своих руках руководство всеми секциями Интернационала в Романской Швейцарии. Конференция предупредила, что Генеральный Совет впредь будет обязан открыто разоблачать все печатные органы Интернационала, которые, подобно «Прогрессу» и «Солидарите», будут обсуждать перед буржуазной публикой вопросы, не подлежащие оглашению.

На конференции было зачитано решение Альянса социалистической демократии от 6 августа 1871 г. о само-

²⁵ Там же, стр. 652.

²⁶ Там же.

²⁷ «Лондонская конференция...», стр. 131—135; см. также *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 432—435.

ропуске²⁸. По этому вопросу было принято постановление, в котором говорилось, что все существующие организации Интернационала должны именоваться и конституироваться в соответствии с принципами Общего устава и запрещалось создавать сепаратные организации под сектантскими названиями, «претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества»²⁹. Конференция подтвердила право Генерального Совета принимать новые секции или отказывать им в приеме. На этом вопрос об Альянсе был объявлен исчерпанным.

Никто из сторонников Генерального Совета не считал законной борьбу против бакунизма. Об этом наглядно свидетельствовал весь ход конференции и, в частности, обсуждение нечаевского процесса. Делегат Русской секции Утин ознакомил конференцию с авантюристическими действиями Нечаева, выступавшего перед русской революционной молодежью от имени Интернационала, и обратил внимание на причастность Бакунина к деятельности Нечаева. Ответственность же за авантюристические акции Нечаева буржуазная пресса всех стран возлагала на Интернационал. Конференция поручила Утину опубликовать в «Эгалите» отчет о процессе Нечаева, составленный по материалам русской прессы. Генеральный Совет должен был опубликовать заявление о непричастности Интернационала к делу Нечаева. Такое заявление было опубликовано в ряде печатных органов Международного Товарищества Рабочих, в том числе в «Фольксштаат» и в «Эгалите». В документе указывалось, что Нечаев никогда не был ни членом, ни представителем Международного Товарищества Рабочих, что утверждение об основании им секции в Брюсселе является ложью. В заключение Генеральный Совет осуждал действия Нечаева.

Лондонская конференция представляла собой важный этап борьбы за сплочение всех революционных сил рабочего класса на платформе научного коммунизма. Маркс высоко оценил ее значение, указав, что в ходе ее работы было «сделано больше, чем на всех предыдущих конгрессах, вместе взятых...»³⁰.

²⁸ «Лондонская конференция...», стр. 257—258.

²⁹ Там же, стр. 130.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 249.

Конференция сыграла свою роль в борьбе против сектантства в рабочем движении, в особенности против бакунизма³¹. В соответствии с уставом, решения конференции получали обязательную силу для всех секций Интернационала лишь в случае одобрения их местными организациями. Подавляющее большинство секций и федераций так и поступило. Решения конференции одобрили секции Романской Швейцарии, Испании, социал-демократы Кракова, организации Интернационала в Австрии, Венгрии, Дании, Федеральный совет Голландии, Португальский федеральный совет, подпольные секции во Франции. Вокруг Генерального Совета объединялись все подлинно революционные силы, на противоположном полюсе оказались все мелкобуржуазные сектантские организации бакунистов.

В дни конференции руководители Альянса социалистической демократии выжидали и маневрировали, но недолго. Вскоре они открыто выступили против решений конференции и Генерального Совета.

12 ноября 1871 г. в Сонвиле открылся съезд бакунистских секций Юрской федерации, который заявил, что резолюции Лондонской конференции противоречат принципам Интернационала, и потребовал созыва внеочередного конгресса для отмены решений конференции и выборов нового состава Генерального Совета. В циркуляре съезда были подвергнуты критике важнейшие положения программы Товарищества и предпринималась попытка заменить их бакунистскими догмами. Сонвилевский циркуляр был распространен бакунистами в Италии, Испании, Швейцарии, Бельгии, Франции. Он проник и в буржуазную прессу. Бакунин рассылал десятки писем с призывом поддержать решения конгресса в Сонвиле. Письма адресовались не только его сторонникам, но и всем, кого можно было использовать в борьбе против Генерального Совета. Бакунисты связались с лассальянцами в Германии и с лассальянскими эмигрантами в Лондоне. Последние стремились добиться выхода из Интернационала Лондонского коммунистического общества немецких рабочих. Однако революционное крыло общества сумело дать отпор этим попыткам и добилось исключения из его состава лассальянцев. В органе лас-

³¹ См. «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 129—173.

сальянцев «Нойер социал-демократ» публиковались клеветнические нападки на Генеральный Совет и статьи, отвергавшие решения Лондонской конференции.

Действия бакунистов и их союзников вынудили Генеральный Совет предпринять решительные меры. 10 января 1872 г. в «Фольксштаат» была опубликована статья Энгельса «Съезд в Сонвиле и Интернационал». Энгельс писал, что положение в Международном Товариществе Рабочих в настоящее время весьма сложное. С одной стороны, Парижская Коммуна придала ему такую мощь и таков влияние, какими оно никогда ранее не располагало, в то же время против Товарищества объединились европейские правительства, которые пустили в ход все средства, чтобы поставить вне закона великое братство рабочих. Такая ситуация настоятельно требовала единства и сплоченности всех организаций Интернационала, а вместо действий, направленных на укрепление такого единства, небольшая группа членов Интернационала, именовавшая себя Юрской федерацией, выступила с гласным циркуляром, имевшим целью посеять раздор среди членов Товарищества. Эта группа, возглавляемая Бакуниным, уже свыше двух лет непрерывно подрывала единство во французской Швейцарии. Пока эти интриги ограничивались Швейцарией и велись втихомолку, Генеральный Совет считал возможным не давать им широкой огласки, однако открытый циркуляр, разосланный в ряд стран и опубликованный в прессе, вынуждал к публичному выступлению.

Анализируя бакунистский план реорганизации Международного Товарищества Рабочих, Энгельс указывал, что он сводится к следующему: «... никаких подчиненных дисциплине секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никаких орудий борьбы!»³² Энгельс напомнил, что в дни Базельского конгресса сторонники Бакунина ратовали за максимальное расширение прав Генерального Совета, рассчитывая, что им удастся, захватив его в свои руки, превратить в инструмент распространения бакунистской доктрины на все секции Товарищества. И лишь когда замысел потерпел фиаско, бакунисты выступили за лишение Совета всех прав, предоставленных ему уставом

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 483.

и решениями Базельского конгресса, за превращение его в «простое статистическое и корреспондентское бюро». Энгельс подверг обстоятельной критике тезис бакунистов о реорганизации Интернационала в соответствии с анархистским идеалом будущего общества. Он показал, что пролетарская организация должна строиться на основе реальных потребностей классовой борьбы, а не на фантастических представлениях об обществе будущего. «Подобно тому, — писал он, — как первые христиане взяли за образец для своей организации свой воображаемый рай, точно так же и мы, видите ли, должны сделать своим образцом будущий общественный рай г-на Бакунина, а вместо того, чтобы бороться, — творить молитвы и надеяться. И эти люди, проповедующие нам подобный вздор, выдают себя за единственных подлинных революционеров!»³³ Энгельс указал, что необходимость партийной дисциплины диктуется потребностями борьбы, ходом пролетарского движения, только твердое соблюдение устава и всех организационных принципов Товарищества позволило его секциям и федерациям добиться серьезных успехов. Что касается бакунистской попытки создания организаций в соответствии с анархистскими принципами, то она привела к резко отрицательным результатам и поставила многие секции Швейцарской Юры на грань распада³⁴. В начале декабря (по другим сведениям примерно в середине января) Маркс и Энгельс приступили к работе над закрытым циркуляром «Мнимые расколы в Интернационале». 5 марта Генеральный Совет принял решение одобрить циркуляр и направить его в федерации и секции для ознакомления всех членов Товарищества. В конце мая документ был опубликован на французском языке.

³³ Там же.

³⁴ Две секции в Биле, секция в Невшателе, секция в Локле не ответили на письма комитета федерации. Исчезла секция в Вальде-Рю, в Сен-Блезе, с грехом пополам восстановлена секция в Локле, в критическом положении находилась секция в Ла-Шо-де-Фоне. Секция часовщиков в Куртелари превращается в профессиональный союз с уставом швейцарских часовщиков, иными словами, покидает Интернационал. Распались секции в Коржемоне и в Катебе. В Женеве существует всего одна секция. Таковы плачевные итоги попыток бакунистов создать организацию на основе своих принципов.

Работа «Мнимые расколы в Интернационале» содержала документальный обзор взаимоотношений Товарищества с бакунистским Альянсом. Документы убедительно свидетельствовали о непрерывной борьбе, которую начиная с 1869 г. Альянс вел против Генерального Совета и всех секций Интернационала, отвергавших его сектантскую программу.

Маркс и Энгельс разоблачили бакунизм как одно из проявлений политического сектантства, враждебного массовому рабочему движению. Они показали, что корни сектантства заключаются в воздействии на рабочий класс мелкобуржуазной среды. В период становления рабочего движения, на самом раннем его этапе, возникновение сект имело свою историческую закономерность. Пролетариат был еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. В такой ситуации отдельные мыслители предлагали свои проекты устранения социальных противоречий буржуазного общества. Секты, созданные утопистами, были чужды всякому коллективному движению рабочего класса — политике, стачкам, союзам. Поэтому рабочие массы оставались либо безразличными, либо враждебными их пропаганде: рабочие Франции не признавали сен-симонистов и фурьеристов, английские чартисты не хотели знать оуэнистов. И все же в момент своего возникновения секты служили рычагами рабочего движения, но как только массовое движение переросло их, они стали реакционными. Об этом свидетельствовал опыт пролетарского движения Европы. Сектантство — «детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади»³⁵.

Интернационал являлся полной противоположностью сектантским организациям, он представлял собой боевой союз пролетариев всех стран, объединившихся в общей борьбе против классового господства буржуазии, организованного в государство. Программа Интернационала намечала лишь основные линии пролетарского движения, их теоретическая разработка происходила под воздействием потребностей практической борьбы и в результа-

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 30.

те обмена мнениями в секциях, на съездах, где допускались все оттенки социалистических убеждений.

На каждом новом историческом этапе воскресают старые ошибки, которые преодолеваются в процессе движения. Так случилось и в Интернационале: в его недрах возродились сектантские группы, хотя и в слабо выраженной форме. «Альянс, полагающий, что восхождение сект — огромный шаг вперед, сам служит убедительным доказательством того, что их время прошло. Ибо если при своем возникновении они представляли элемент прогресса, то программа Альянса... представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, прикрытых звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретин или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартовских или иных прокуроров»³⁶. Именно так отнеслась к Альянсу Лондонская конференция, единодушно одоблив резолюцию, которая указала, что рабочему классу нужны не секты, а самостоятельная массовая революционная организация. В резолюции раскрыты характерные черты бакунизма — теоретическая отсталость, оторванность от массового движения, псевдореволюционный авантюризм, — показана их отрицательная роль в революционном процессе.

В письмах к своим сторонникам Маркс и Энгельс развивали и разъясняли отдельные положения резолюции, продолжали критику теории и практики бакунизма, намечали основные направления борьбы против него³⁷. Готовились к борьбе и бакунисты. Решительное размежевание пролетарских революционеров с мелкобуржуазными деятелями приближалось.

Сектантские и реформистские элементы в рабочем движении разных стран поддерживали борьбу бакунистов против марксизма. Лассальянцы, прудонисты, реформистские деятели тред-юнионов, равно как и бакунисты, сошлись на платформе отрицания диктатуры пролетариата, принципа партийности и дисциплины. С особым усердием все они нападали на организационные принципы Интернационала, в частности ставили под сомнение прерогативы Генерального Совета как органа

³⁶ Там же, стр. 31.

³⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 288, 329, 366 и др.

борьбы за единство действий рабочего класса на основе решений конгрессов Товарищества. Ряд организаций поддержал требование Альянса о пересмотре Общего устава и Организационного регламента Интернационала. Практически речь шла о ликвидации Генерального Совета либо по меньшей мере о решительном ограничении его функций. По существу это была борьба за руководство Интернационалом и за подчинение европейского рабочего движения анархистским догмам Бакунина. Борьбу анархистов, которая вела к расколу и ослаблению рабочего движения, использовали буржуазно-радикальные силы в Италии и Англии.

21 мая 1872 г. на заседании Генерального Совета Маркс говорил, что «Интернационал переживает сейчас чрезвычайно критический период». Необходимы срочные меры, направленные на укрепление его программных и организационных принципов путём полного размежевания с анархизмом и его союзниками.

В середине апреля Энгельс получил от Лафарга сведения чрезвычайной важности: в Испании внутри Интернационала существует тайная бакунистская организация — Альянс. Это известие меняло характер борьбы против бакунизма. Теперь речь могла идти не только и даже не столько об идейной критике, сколько об организационном размежевании, об удалении из Интернационала чужеродной организации. Одним из важных направлений деятельности Маркса и Энгельса стал сбор материалов о деятельности тайного Альянса.

Разоблачение тайной бакунистской организации явилось следствием борьбы марксизма против анархизма и прямым результатом деятельности П. Лафарга. В Испании формировалась группа передовых испанских рабочих, которая испытывала значительное влияние научного коммунизма. Х. Меса, Ф. Мора, А. Лоренцо явно тяготились той формой организации, которую навязывали испанским секциям Интернационала бакунисты. С одной стороны, была совершенно аморфная децентрализованная массовая организация, а рядом с ней тайная, сверхцентрализованная организация избранных. Такая форма организации не соответствовала реальным потребностям массового движения. Меса, Мора и другие члены федерации были приняты в тайный Альянс в дни репрессий против Интернационала и рассматривали его как совер-

шенно необходимую форму организации. Они и теперь не выступали в принципе против всякой нелегальной деятельности, речь шла о том, что данная организация в данной ситуации оказалась излишней и вредной.

В дни Сарагосского съезда на собрании членов Альянса Меса внес предложение о его роспуске. Предложение было отвергнуто. После съезда некоторые члены Альянса рассказали Лафаргу все, что знали и думали о тайном обществе. 12 апреля Лафарг сообщил эти сведения Энгельсу³⁸. 27 апреля Лафарг со слов Мора информировал Энгельса о письме Бакунина, в котором раскрывались цели Альянса как организации, призванной «руководить Интернационалом»³⁹.

5 мая брюссельская «Либерте» опубликовала корреспонденцию Лафарга о Сарагосском съезде. «Альянс конституировался,— писал Лафарг,— как тайное общество... Он видел свою миссию в том, чтобы руководить Интернационалом и следить за чистотой его принципов...»⁴⁰ Так появилось в печати первое открытое заявление о существовании тайного Альянса. Энгельс видел свою задачу в том, чтобы сделать этот факт достоянием широкого круга деятелей Интернационала.

22—23 апреля он писал Теодору Куно: «В Сарагосе 8—11 апреля⁴¹ состоялся съезд испанских членов Интернационала, на котором наши одержали победу над бакунистами. Теперь выясняется, что в Испании внутри Интернационала спокойно продолжал существовать под руководством Бакунина Альянс социалистической демократии в качестве *тайного общества* — тайного общества, направленного не против правительства, а против рабочих масс! У меня есть полные основания подозревать, что то же самое происходит и в Италии»⁴². В письме от 7 мая Энгельс настойчиво предлагал Либкнехту опубликовать статью Лафарга, напечатанную в «Либерте», «в которой он разоблачает тайные интриги бакунистов и описывает блестящую победу, одержанную там нашими сторонниками над ними. Это — решающий удар по остолопу Бакунину»⁴³.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 204/3.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр., 3190.

⁴⁰ «La Liberté», 5.V 1872.

⁴¹ В действительности с 4 по 11 апреля.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 377.

⁴³ Там же, стр. 383. Сведения о победе на съезде Энгельс получил

15 мая в письме, адресованном Либкнехту, Энгельс вновь возвратился к вопросу об Альянсе. «Что Альянс продолжал существовать в качестве тайного общества, по крайней мере в Испании, доказано и признано,— наши собственные сторонники состояли в нем, полагая, что так оно и должно быть. Это очень скверное обстоятельство для г-на Бакунина»⁴⁴. Энгельс предлагал напечатать вторую статью Лафарга о Сарагосском съезде, чтобы как можно шире разгласить факт существования тайного бакунистского общества внутри Товарищества.

Маркс и Энгельс помогли Лафаргу наладить связь с приверженцами Генерального Совета в Женеве, в частности с редакцией «Эгалите». В мае — августе 1872 г. Энгельс вел обширную переписку с Утиным, Беккером, Меса, Лафаргом, стремясь собрать максимум документов о существовании и деятельности тайного Альянса⁴⁵.

Такого рода доказательства были крайне необходимы, ибо открытие Лафарга не базировалось на документах и его аргументы было легко опровергнуть. Разумеется, открытие Лафарга не было только случайностью: деятельность Лафарга в Испании, его постоянные столкновения с бакунистами привели его к убеждению в существовании их тайной организации внутри испанских секций Интернационала. Но внутреннего убеждения и случайных фактов было явно недостаточно для дискредитации и разоблачения Бакунина и его сторонников в Международном Товариществе Рабочих.

Поэтому деятельность Энгельса по сбору документов об Альянсе была необходимым и крайне важным элементом борьбы против бакунизма⁴⁶. Она приобрела особую важность еще и потому, что приближалось время созыва очередного конгресса Интернационала, на котором столкновение с бакунистами было неизбежным.

от Лафарга, который преувеличил успех сторонников Генерального Совета. Получив более подробные сведения, Энгельс писал Либкнехту, что первые сообщения Лафарга о победе были «несколько преувеличены» (Там же, стр. 394).

⁴⁴ Там же, стр. 393.

⁴⁵ Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М., 1971, стр. 177.

⁴⁶ См. Н. Ю. Колпинский. История разоблачения..., стр. 208—232; Т. Г. Васильева. Указ. соч., стр. 146—156.

БОРЬБА ПРОТИВ БАКУНИЗМА
В ИСПАНИИ

В течение XIX столетия в Испании произошла целая серия политических переворотов и революций. Все они в той или иной степени и форме отражали процесс борьбы между силами феодализма и капитализма, борьбы, которая вследствие экономической и политической отсталости страны не могла привести и не привела к полной победе буржуазии. Слабость капиталистического развития, а стало быть, и слабость испанской буржуазии, с одной стороны, сила феодальных пережитков, в частности наличие мощного крупного землевладения — с другой, обусловили постоянную половинчатость, незавершенность буржуазных революций, которые никогда не перерастали в буржуазно-демократическую революцию. По этой причине столь устойчивым оказался дух консерватизма, усугубляемый огромным влиянием католической церкви. В ходе борьбы за торжество капиталистического развития сначала против абсолютизма, а затем и против народных масс сложился союз крупной торговой и финансовой буржуазии с обуржуазившимися помещиками и земельной аристократией. Последнее обстоятельство обусловило сохранение ряда пережитков феодализма в деревне и преобладающую роль крупных землевладельцев в политической жизни страны¹.

События 1854—1856 гг. не решили объективных исторических задач, стоявших перед революцией. Следовательно, подавление революции в июльские дни 1856 г. представляло конец лишь одной из тех революционных «волн», которые бьют старый режим, но не добивают его, не устраняют почвы для следующих буржуазных

¹ См. *И. М. Майский*. Испания 1808—1917 гг. Исторический очерк. М., 1957; *А. Гонсалес*. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873. М., 1964.

революций². Церковь, двор и армия — вот три института, которые претендовали на право определять политическое развитие Испании в 50—60-х годах XIX в.

Вплоть до 1869 г. в Испании были запрещены все культы, кроме католического, свобода совести отсутствовала, а всякая попытка иноверческой пропаганды преследовалась и сурово подавлялась. В дни революции духовенство лишилось части земельных имуществ, но не утратило своих экономических позиций, так как церкви было разрешено приобретать новые земли, и она энергично пользовалась этим правом, лихорадочно спеша возместить свои потери. Влияние духовенства было весьма значительным в политической жизни страны, оно распространялось на кортесы, муниципалитеты, давало себя знать в министерских советах. Самые видные, влиятельные и могущественные министры вынуждены были считаться с католической церковью. Отцы церкви относились к светской власти с открытой враждебностью и вызывающим высокомерием.

Сам королевский двор был рабом церкви, которая проповедовала покорность. Особенно сильным оказалось влияние церкви при дворе королевы Изабеллы II, царствовавшей до сентября 1868 г. В ее окружении преобладали священники и монахини. Духовником королевы был безумный фанатик патер Кларет, одним из наперсников оказался автор ханжеской книги «Золотой ключ» монах Сирило де ла Аламеда, которого она сделала архиепископом толедским. Ближайшая подруга королевы монахиня Петросинио была уличена судом в мошенничестве, но это не помешало ей пользоваться при дворе неограниченным доверием.

В условиях государственных переворотов, борьбы группировок при дворе и в кортесах решающая роль в политической жизни страны постепенно перешла к армии. Генералы, претендовавшие на роль политических деятелей, постоянно вступали в союз с крайней реакцией. Этот союз служил политической основой преторианского режима, которому в течение столь долгого времени подчинена была Испания.

Господство реакции не было столь устойчивым, как казалось ее представителям. Народные массы не отка-

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

зались от борьбы за свои требования. В 1857, 1861, 1863 гг. Испания была свидетелем крестьянских восстаний, происходивших под лозунгом борьбы за землю. Эти восстания были жестоко подавлены, что, разумеется, не могло устранить и действительно не устранило объективной основы народного недовольства и народных движений. 10 апреля 1865 г. власти учинили кровавую расправу над массовой демонстрацией протеста против гонений на либеральную профессию. Улицы Мадрида покрылись кровью убитых и раненых студентов. В 1866 г. произошли кровавые столкновения между типографскими рабочими Мадрида и полицией. В январе 1866 г. вспыхнуло военное восстание в Аранхуэсе под руководством генерала Прима. Тогда же началось народное восстание в Барселоне. 22 июня 1866 г. правительство жестоко подавило военное восстание в Мадриде, казнив 60 его участников. В августе — сентябре были распущены все оппозиционные организации, произошли массовые высылки в колонии негодных журналистов, писателей и политических деятелей. Все дела народного просвещения были переданы католическому духовенству. Возмущение народных масс возрастало. Революция была неизбежна.

Сигналом к ней явились события 18 сентября 1868 г. в Кадисе. В этот день стоявшая здесь эскадра под командой адмирала Топето начала восстание под лозунгом «Да здравствует народный суверенитет!» На следующий день Топето занял Кадис. Восстание очень быстро охватило всю Испанию. Вскоре Мадрид оказался в руках инсургентов. Революционная хунта под председательством Паскуаля Медосы раздала народу 40 тыс. ружей. Изабелла II, осознав бесперспективность дальнейшего сопротивления, бежала за границу.

Первые победы революции, бегство Изабеллы вызвали бурю восторга по всей Испании. Однако деятели сентябрьского переворота стремились не допустить дальнейшего подъема революционной борьбы и принимали все меры к отстранению широких масс от участия в политической борьбе.

В стане победителей начались разногласия. Одна часть стремилась провозгласить республику, другая хотела сохранить монархию, ограничившись заменой династии. Постепенно власть сосредоточилась в руках генералов

Прима и Серрано, которые отражали интересы крупных финансистов, торговой буржуазии и обуржуазившихся помещиков. 25 октября 1868 г. был издан декрет, введший всеобщее избирательное право, свободу совести, печати и обучения, союзов и собраний. На основе этого декрета состоялись выборы в избирательные кортесы, которые дали большинство прогрессистам. Лишь несколько мандатов получили республиканцы, еще меньше — карлисты. 11 февраля 1869 г. генерал Серрано торжественно открыл учредительные кортесы, которые облекли его званием главы исполнительной власти. Целью кортесов была выработка конституции.

Борьба разгорелась вокруг вопроса о свободе совести. В адрес кортесов поступило 9 тыс. петиций, под которыми стояло 3 млн. подписей, требовавших оставить католичество единственной религией. Все же прогрессисты приняли либеральную конституцию, которая провозглашала свободу культов, лишала членов династии Бурбонов права на престол и на занятие каких-либо государственных должностей. Либеральный глянec в конституции 6 июня был рассчитан на обуздание народной революции, волны которой поднимались все выше и выше и грозили захлестнуть монархический строй, сохраненный конституцией.

16 ноября 1869 г. кортесы избрали королем Испании сына итальянского короля Амадея. Он пытался управлять, опираясь на конституцию, но встретил сильную оппозицию с разных флангов. Крайне правые элементы (карлисты и альфонсисты) нашли энергичную поддержку у католической церкви. Священники отказывались принять присягу на верность конституции и открыто призывали к мятежу. Против Амадея выступали также республиканцы, недовольные сохранением монархии в стране. Стороннику либеральной буржуазии Амадею не удалось стабилизировать свою власть: за 2 года правления он был вынужден 6 раз менять министров и 3 раза созывать новые кортесы. В такой обстановке король счел за благо отречься от власти. «...Королю Амадею надоела его испанская корона; он — первый король, устроивший забастовку — отрекся от престола»³, — писал Ф. Энгельс. Главной силой, которая заставила Амадея «устроить за-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 436.

бастовку» и подорвала господство либеральной буржуазии, были трудящиеся массы — рабочие и крестьяне, стремившиеся к осуществлению радикальных преобразований.

Рабочий класс Испании, заявивший о своем существовании активным участием в революции, все же был еще очень слаб и малочислен. В подавляющем большинстве это был либо ремесленный предпролетариат, либо рабочие мелких предприятий. Помимо участия в общедемократическом движении, направленном на свержение монархии и установление республики, рабочие массы начали борьбу против капиталистической эксплуатации. Одной из форм этого сопротивления было создание обществ взаимопомощи, которые с ростом классовых противоречий превращались в орудия сопротивления капиталу. Позднее на их основе возникли отраслевые профсоюзы. С 1837 по 1867 г. было организовано около 30 рабочих ассоциаций, из них 11 — в Каталонии⁴. Сентябрьские события дали дополнительный импульс процессу создания рабочих организаций. В 1869 г. в Испании действовали 195 рабочих обществ, в которых состояло не менее 25 тыс. человек.

В эти бурные, полные революционного драматизма дни конца 1868 г. в Мадриде появился один из ближайших сторонников Бакунина, активный деятель Альянса Джузеппе Фанелли. Вскоре ему удалось создать в Мадриде первую секцию Интернационала в составе 21 человека, из которых лишь трое были посвящены в дела Альянса и получили членские билеты⁵.

В январе 1869 г. усилиями Фанелли была образована секция в Барселоне, которая в мае 1869 г. оформилась как Барселонская федерация и стала затем самой влиятельной федерацией Интернационала в Испании. Во главе ее оказались члены тайного Альянса: Рафаэль Фарга Пелисер, Гаспар Сентиньон и Гарсиа Виньяс.

Фанелли пробыл в Испании до середины февраля 1869 г. За это время он познакомил членов первых секций с уставом Интернационала, рассказал о его деятель-

⁴ I. I. Morato. El partido socialista obrero español. Madrid, 1932, p. 47.

⁵ См. А. Гонсалес. Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1872). — «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960, стр. 12.

ности, но главное внимание сосредоточил на пропаганде программы бакунистского Альянса, выдав его доктрины воздержания от политической деятельности и немедленной отмены государства за программные принципы Международного Товарищества Рабочих. Именно эти идеи были положены в основу первого манифеста, опубликованного мадридской группой Интернационала 24 декабря 1869 г.

В середине 1869 г. в Барселоне была создана первая испанская секция тайного Альянса, которая повела энергичную пропаганду анархизма в стране, используя для этой цели печатный орган секций Товарищества «Федерасьон де Барселона». На Базельском конгрессе делегатами от испанских секций были члены Альянса Фарга Пелисер и Сентиньон.

После Базельского конгресса, решения которого стали известны рабочим Испании и получили их горячее одобрение, в стране стали возникать секции Интернационала, тяготевшие к бакунизму.

29 июня 1870 г. в Барселоне состоялся I конгресс испанских организаций Интернационала, который прошел под знаком полного идеологического господства бакунизма. Об этом наглядно свидетельствовала резолюция конгресса «О политике», в которой говорилось, что всякое участие рабочих в политике тормозит развитие революционного движения, рекомендовалось отказаться от всякой политической деятельности и сосредоточить усилия на создании федераций по профессиям, которые одни только могут обеспечить успех социальной революции.

Конгресс избрал Федеральный совет⁶, который разделял принципы бакунизма, заявив в своей программной декларации, что в вопросах религии придерживается атеизма, в политике — анархии, в вопросах экономики — коллективизма.

Маркс и Энгельс были знакомы с положением дел в испанской организации лишь по прессе и поэтому ничего не знали о деятельности там тайного Альянса. Секретарем-корреспондентом для Испании был француз Серрайе. В дни франко-прусской войны он отправился во Францию, чтобы принять участие в борьбе за республи-

⁶ В состав совета вошли Лоренцо, Мораго, Боррель, Франциско и Анхель Мора, все они были членами Мадридской федерации.

ку, и остался в Париже, став видным деятелем Коммуны. 7 февраля 1871 г. Генеральный Совет передал его полномочия Ф. Энгельсу⁷. Энгельс тотчас же с присущей ему энергией взялся за дело. Он детально проанализировал обстановку в стране, где происходила буржуазная революция, дальнейший подъем которой был неизбежным. В движение там были вовлечены широкие массы народа, готовые к решительной борьбе, но не имевшие сколько-нибудь четкой программы действий и мучительно искавшие путей избавления страны от социальных недугов. Энгельс исходил также из того, что влияние анархистской идеологии в ее бакунистской разновидности вовсе не являлось лишь результатом недоразумений и происков бакунистов, а имело глубокие объективные причины, которые коренились в экономике страны, ее социальной структуре, особенностях политической жизни Испании, наконец в специфике испанского пролетариата, не закончившего процесс выделения из общей массы мелкобуржуазного «народа». Поэтому в своих первых документах, адресованных Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих и своим сторонникам в Испании, Энгельс воздерживался от прямой и открытой критики бакунизма. Он вел полемику против анархизма путем противопоставления бакунистским догмам позиции Генерального Совета, основанной на теории научного коммунизма. Образцом такой гибкой и последовательно принципиальной тактики является его первое письмо в адрес Испанского федерального совета, датированное 13 февраля 1871 г.⁸

В указанном документе Энгельс писал, что Генеральный Совет регулярно получал испанские рабочие газеты: барселонскую «Федерасьон», мадридскую «Солидаридад», выходящую в Пальме еженедельную газету «Обреро», а затем «Революсьон сосиаль». Знакомство с этой прессой позволило сделать вывод, что «идеи социаль-

⁷ Работа Ф. Энгельса в качестве секретаря-корреспондента для Испании исследована в капитальной монографии: *Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала*. М., 1971, стр. 116—134. См. также: *А. Гонсалес. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873*. М., 1964; *он же. Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1872)*. — «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960.

⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 290—293.

ной революции все больше становятся общим достоянием рабочего класса вашей страны»⁹. Говоря о неизбежности известного влияния старых политических партий — буржуазных или аристократических — на рабочий класс, Энгельс указывал, что лучшим средством освобождения рабочих от воздействия их противников является создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, выражающую коренные интересы пролетариата и направленную на его освобождение от социального и экономического гнета. Детали этой политики в разных странах определяются особенностями их исторического развития и другими факторами, но общие «принципы и цель пролетарской политики будут везде одни и те же, по крайней мере во всех странах Запада»¹⁰.

Идея создания самостоятельной пролетарской партии, которую Маркс и Энгельс выдвинули и обосновали еще на заре своей революционной деятельности, имела чрезвычайно важное значение для развития самостоятельного рабочего движения в Испании. Известно, что бакунисты в Испании, как и повсюду, выступали против образования пролетарских партий марксистского типа. Внедрение идеи создания самостоятельной пролетарской партии в рабочие организации и рабочие массы несомненно способствовало успеху в борьбе против бакунизма.

Вторая мысль документа — необходимость политической борьбы и бесперспективность рабочего движения в случае отказа от политики. Энгельс, писал, что господствующие классы эксплуатируют трудящихся не только могуществом своего богатства, но также силой государства, при помощи армии, бюрократии, суда.

Отказ от политической борьбы означает игнорирование одного из самых могущественных средств борьбы и пропаганды. Энгельс ссылается на опыт Германии, где рабочие, организованные в политическую партию, сумели послать шесть депутатов в рейхстаг, создать там оппозиционную группу во главе с Бебелем и Либкнехтом, которая оказала могущественное воздействие на развитие пропаганды принципов интернационализма. Следовательно, Энгельс, не называя носителей порочной идеи отказа от политической борьбы — бакунистов, на-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 290.

¹⁰ Там же, стр. 291.

носит сильный удар их ошибочным и вредным построением.

Позитивная программа действий, выдвинутая Энгельсом перед Федеральным советом,— создание самостоятельной пролетарской партии и активное участие в политической борьбе — являлась мощным орудием борьбы против бакунистских доктрин, за освобождение рабочего класса от мелкобуржуазной идеологии.

Энгельс знакомил испанских деятелей Интернационала не только с теорией научного коммунизма, но и с деятельностью Международного Товарищества Рабочих и Генерального Совета. В указанном документе он обстоятельно, хотя и в предельно сжатой форме, осведомил своих испанских корреспондентов о положении дел в федерациях и секциях Интернационала в странах Европы и Америки. Влияние бакунизма в Федеральном совете продолжало, однако, оставаться господствующим. Об этом наглядно свидетельствовала конференция испанских секций Интернационала, начавшая свою работу 10 сентября 1871 г. в Валенсии. Конференция происходила нелегально. В ее работе приняли участие представители 13 местных федераций. Остальные либо были полностью дезорганизованы репрессиями, либо по другим причинам не могли послать делегатов. От Федерального совета присутствовали Лоренцо и Мора, от Мадридской федерации делегатом был Хосе Меса.

Конференция утвердила устав Испанской федерации Интернационала, которая состояла из профессиональных секций, объединенных по территориальному признаку в местные федерации. Высшим органом был объявлен съезд, он должен был избирать Федеральный совет. Устав предусматривал объединение секций по профессиональному признаку в национальном масштабе. Федерация строилась в соответствии с положениями Общего устава и Организационного регламента Интернационала¹¹. Это решение отражало стремление передовой части испанских пролетариев и их руководителей к созданию своей

¹¹ См. Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала, стр. 116—117; А. Гонсалес. Из истории борьбы..., стр. 20; «Asociacion Internacional de los Trabajadores. Organizacion social de los secciones obreras de la Federacion regional Espanola adoptada por la conferencia regional de Valencia celebrada en setiembre de 1871». Barcelona, [1871], p. 40.

организации в национальном масштабе и находилось в явном противоречии с бакунистскими доктринами автономии и федерализма. Зато бакунистская идеология оказала определяющее воздействие на решение конференцией вопроса о политической борьбе рабочего класса, по которому была принята развернутая резолюция. Конференция со всей решительностью отвергала участие рабочего класса в политической борьбе, провозглашала принцип политического индифферентизма как неизбежное следствие анархии, на основе которой будет создано будущее общество в виде всемирной федерации аграрных и промышленных автономных коммун. В документе было сказано, что подлинная демократия, т. е. «свободное осуществление индивидуальных прав», может быть достигнута «лишь в условиях анархии, т. е. отмены политического государства и замены его рабочим государством, функции которого должны быть чисто экономическими»¹².

Конференция избрала новый Федеральный совет в составе Франсиско Мора (генеральный секретарь), Анхеля Мора, Валентина Саенса, Иносенте Кальеха и пяти секретарей-корреспондентов: Пабло Иглесиаса, Хосе Меса, Ансельмо Лоренцо, Иполито Паули, Виктора Пакеса. Мораго, оставивший свой пост во время преследований Интернационала и не решавшийся покинуть Лиссабон, был выведен из состава совета и редакции «Эмансипасьон».

На конференции делегаты Альянса окончательно оформили организацию своего тайного общества на Иберийском полуострове. Впрочем, большинство из них не вполне разобралось в истинных целях Альянса и, полагая, что тайная организация добивается дальнейшего развития Интернационала, приняло решение, что все члены Федерального совета должны быть осведомлены о его деятельности. Это решение фактически ставило тайный Альянс под контроль Интернационала и разрушало планы бакунистов о подчинении его тайному Альянсу¹³.

¹² См. А. Гонсалес. История испанских секций..., стр. 125.

¹³ Именно так расценили решение конференции М. Бакунин и Г. Мораго. Впоследствии Хосе Меса сообщил об этом эпизоде Гаагскому конгрессу следующие сведения. В январе 1872 г. его посетил Мораго и предложил созвать всех членов мадридского Альянса. Мораго показал письмо Бакунина, которое содержало инструкцию о взаимоотношениях Альянса с Товариществом. Суть ее заключалась в следующем: Альянс должен существовать внутри Интер-

Итоги конференции в Валенсии нельзя оценить одноплавно, они были весьма разпоречивы и двойственны. С одной стороны, они свидетельствовали об усилении стремления рабочих к созданию единой организации с общей программой и уставом. С другой — они показали, что анархистские идеи воздержания от политики все еще господствовали в рабочем и революционном движении Испании¹⁴. Делегатом на Лондонскую конференцию Интернационала был избран Ансельмо Лоренцо. Он получил императивное указание предложить принять устав Испанской федерации в качестве образца организационных принципов для всех федераций Товарищества.

Прибыв в Лондон, Лоренцо встретился с Карлом Марксом и его семьей. Много лет спустя Лоренцо с большой теплотой вспоминал о беседе с Марксом, в которой Маркс выразил свое удовлетворение положением дел в Испании¹⁵. Маркс познакомил Лоренцо с Энгельсом, Эккариусом, Юнгом, Серраиё, Вайяном и другими деятелями Интернационала.

Встречи и беседы с Марксом и Энгельсом произвели на Лоренцо сильнейшее впечатление и вызвали сомнения в правильности бакунистских догм. И все же он выполнил поручение Валенсийской конференции и предложил внести изменения в организационную структуру Интернационала в соответствии с уставом, принятым Испанской федерацией.

Предложенный Лоренцо «Проект организации рабочего класса» выглядел следующим образом: все рабочие определенной местности образуют секцию по профессии. Секции всех профессий образуют местную федерацию со

ационала, но держаться на некотором расстоянии от него, чтобы лучше за ним наблюдать и легче им управлять. Для этого надо, чтобы члены Интернационала, входящие в его советы, комитеты секций и другие руководящие органы, всегда составляли меньшинство в секциях Альянса (см. «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы». М., 1970, стр. 316—317.)

¹⁴ Н. Ю. Колпинский в одном из примечаний к своей книге высказывает предположение, что некоторые члены Испанского федерального совета рассматривали воздержание от политики как временный тактический маневр, рассчитанный на отделение рабочих от буржуазных партий. Он указывает, что такую точку зрения высказывал несколько позднее Х. Меса.

¹⁵ См. А. Лоренцо. Из воспоминаний о I Интернационале.— «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 302—305.

своим местным советом, составленным из делегатов от каждой секции. Секции одной и той же профессии в данной области образуют областную федерацию этой профессии с высшим советом, избираемым на конгрессе всех секций данной профессии. Все местные федерации образуют областную федерацию с областным федеральным советом, избираемым на конгрессе представителей всех местных федераций. Все областные федерации образуют международную федерацию с генеральным советом, избираемым на конгрессе всех областных федераций¹⁶.

Указанный документ, как и большинство решений Валенсийской конференции, является противоречивым. С одной стороны, он носит совершенно определенный мелкобуржуазный, анархо-синдикалистский характер и ставит утопические задачи. В то же время устав Испанской федерации имел большое практическое значение. Энгельс отмечал, что превосходная организационная структура Испанской федерации дала ей возможность вовлечь в Интернационал профсоюзы и стать действительно массовой и влиятельной организацией рабочего класса Испании.

19 сентября 1871 г. на четвертом заседании Лондонской конференции Энгельс в качестве секретаря-корреспондента для Испании огласил этот проект.

При обсуждении проекта Перре заявил, что организация романских секций приблизительно такая же, как и предлагает испанский проект. Маркс согласился с этой репликой и добавил, что проект заранее предполагает присоединение профсоюзов к Интернационалу, тогда как главная трудность, в частности в Англии, заключается в том, чтобы внушить тред-юнионам и рабочим обществам сознание необходимости примкнуть к Товариществу.

Франкель и Утин поддержали Маркса. Прения были продолжены на следующем заседании. В итоге было принято предложение, внесенное Утиным и Перре: отклонить предложение Лоренцо, сославшись на статью 10 Общего устава, которая гласила: «Объединяясь в неразрывный союз братского сотрудничества, рабочие обще-

¹⁶ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.». М., 1936, стр. 154—157.

ства, вступающие в Международное товарищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои уже существующие организации»¹⁷. Разъясняя смысл предложения Утина, Маркс сказал, что указанная статья имеет своей целью добиться присоединения к Товариществу английских рабочих организаций; отмена ее повлечет за собой их отход¹⁸.

Конференция вынесла братскую благодарность членам испанских секций за предложенный проект, отметив, что эта работа «лишний раз свидетельствует об их преданности делу Международного Товарищества»¹⁹. Лоренцо согласился с предложением, поблагодарил конференцию за высокую оценку деятельности испанских секций и выразил уверенность, что в ближайшем будущем испанские рабочие заслужат ее полностью²⁰.

Дебаты по организационному вопросу прошли очень спокойно. Ни Маркс, ни Энгельс, ни кто-либо из их сторонников не сочли нужным подвергать резкой критике документ, который несомненно содержал ряд неверных, утопических тезисов. Они исходили при этом из того, что предложения Испанской федерации отражали уровень рабочего движения в стране, выражали взгляды полуремесленных пролетариев, которые медленно и не прямой дорогой шли к признанию принципов научного коммунизма конечной целью своего движения. На опыте многолетней борьбы за партию основоположники научного коммунизма знали, что процесс преодоления утопических, мелкобуржуазных воззрений весьма длителен, требует упорной и настойчивой разъяснительной работы, которая далеко не сразу приносит свои плоды.

Иначе обстояло дело при обсуждении основного вопроса конференции, от того или иного решения которого зависело направление деятельности и в известной мере судьба Интернационала,— о политическом действии рабочего класса, обсуждению которого бакунисты всячески препятствовали²¹.

По этому вопросу все анархисты выступили против участия рабочих в политической борьбе и против созда-

¹⁷ Там же, стр. 46.

¹⁸ Там же, стр. 47.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См. там же, стр. 128—132.

ния самостоятельных пролетарских партий. Вопреки анархистам, конференция приняла резолюцию, в которой говорилось о неразрывной связи экономического и политического движения рабочего класса²².

Решения Лондонской конференции рассеяли ложное представление о тождестве программы Международного Товарищества Рабочих и программы бакунистского Альянса, они показали лживость утверждений, будто тайная организация Альянса существует повсюду и необходима для руководства и контроля над легальным объединением. Результатом Лондонской конференции было резкое обострение борьбы между сторонниками Генерального Совета и приверженцами Альянса.

Юрская федерация направила в Испанию своего эмиссара, который должен был склонить испанские секции к активному выступлению против Генерального Совета и решений Лондонской конференции. Однако Федеральный совет решил не предпринимать никаких акций, которые могли бы вызвать раскол. Даже барселонская секция, в которой влияние Альянса было особенно значительным, отказалась от открытого выступления и крайне неодобительно отозвалась о действиях юрцев. В письме от 14 ноября 1871 г., написанном рукой Алерини и адресованном Бастелика, говорилось: «...открытый разрыв нанес бы нашему делу такой удар, от которого оно с трудом оправилось бы, если бы вообще его выдержало. Поэтому мы ни в коем случае не можем одобрить ваши *сепаратистские тенденции*...»²³ Происки швейцарских бакунистов в Испании, казалось, потерпели крах. Однако доктрины Бакунина, его идеология, продолжали оставаться преобладающими в испанских секциях Товарищества, что мешало их членам понять принципиальную сторону борьбы научного коммунизма против анархизма. По этой причине Испанский федеральный совет не высказал своей позиции в отношении решений Лондонской конференции. Правда, в ноябре 1871 г. орган Федерального совета «Эмансипасьон» опубликовал резолюции Лондонской конференции. Более того, публикации была предпослана статья, в которой говорилось, что резолюция «О политическом действии рабочего класса»

²² «Лондонская конференция...», стр. 128.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 360.

не противоречит линии газеты. Была сделана всего одна оговорка: ввиду особых условий развития политической жизни пролетариям следует уклониться от участия в парламентских выборах и в предвыборной кампании. Это означало определенный сдвиг членов Федерального совета в сторону позиций Генерального Совета и появление нового противоречия между ними и последовательными приверженцами Бакунина²⁴ Однако Федеральный совет все еще не решался четко и ясно определить свое отношение к лондонским решениям и Генеральному Совету.

Колесания между Альянсом, к которому принадлежали члены Федерального совета, и Интернационалом продолжались. Маркс и Энгельс добивались, чтобы Федеральный совет занял определенную и последовательную позицию. Но дело двигалось медленно: два письма Энгельса в адрес Федерального совета были оставлены без ответа. 25 ноября 1871 г. Энгельс направил Лафаргу тревожное письмо, в котором высказывал предположение, что это молчание не является случайным, он не исключал возможности раскола испанской организации и даже перехода ее в лагерь Бакунина. Энгельс просил Лафарга принять все возможные меры для создания новых секций, чтобы в случае раскола иметь опору в Испании²⁵ В тот же день Энгельс направил третье письмо Федеральному совету. Высказав недоумение по поводу длительного молчания, Энгельс сообщал, что располагает сведениями об интригах группы членов Интернационала, которые стремятся добиться раскола организации и в этих целях распространяют всякого рода клевету. Эн-

²⁴ Позиция совета, несомненно, была ошибочной, ибо отказ от использования такой важной формы легальной политической деятельности, как участие в парламентских выборах, наносил ущерб развитию рабочего движения и в конечном итоге означал проведение на практике принципа воздержания. И все же его отношение к политике отличалось от бакунистского. Один из членов редакции «Эмансипасьон», Х. Меса, в письме П. Лафаргу от 28 ноября 1871 г. писал: «По моему мнению, рабочие не должны уклоняться от политики, как они поступали до сих пор; события заставляют нас участвовать в ней. Но рабочие должны ставить этот вопрос самостоятельно, выступать совершенно отдельно от остальных партий, на революционной основе, на основе воздержания от голосования. Это единственный вид политики, который годится для нас ныне» (ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 1298).

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 295.

гельс просил довести до его сведения обвинения бакунистов. «Мы требуем немедленного ответа на настоящее письмо; если вы на него не ответите,— пишет Энгельс,— то мы должны будем заключить, что ваше молчание является преднамеренным и что вы поверили вышеупомянутой клевете, не имея мужества сообщить нам об этом. И мы будем вынуждены поступить в этом случае так, как от нас этого потребуют интересы Интернационала»²⁶.

29 ноября 1871 г., до получения письма Энгельса, Мора сообщил, что ему ничего не известно о клеветнических выпадах против Генерального Совета²⁷. Вскоре Энгельс ознакомился со статьей «Политика Интернационала», опубликованной в «Эмансипасьон» 27 ноября 1871 г., перепечатанной затем в «Федерасьон», и пришел к выводу, что в Испании бакунисты потерпели поражение. 15 декабря 1871 г. он писал Либкнехту: «С Испанией все в порядке, мы одержали решительную победу. Соответствующее решение конференции получило *признание* (ты найдешь об этом в «Égalité» статью из «Emanсipation»), и даже воздержание от выборов, на котором они пока еще настаивают, близко к краху. Впрочем, фарс с воздержанием от политики ограничивается лишь несколькими бакунистами и остатками прудонистов (от большинства из них мы избавились) и на этот раз окончательно провалился. С Испанией — дело решенное»²⁸. 19 декабря Энгельс сообщил Генеральному Совету, что испанская организация поддержала лондонские резолюции.

Последующие события показали, что Энгельс преувеличивал степень достигнутых успехов. В своих суждениях он опирался на информацию, полученную от сторонников Генерального Совета в Испании. Среди них выделялись Хосе Меса и Франсиско Мора. Меса, в то время еще совсем молодой человек, исключительно энергичный, в высшей степени одаренный, не имевший систематического образования, стал одним из первых пропагандистов марксизма в Испании, а позднее одним из организаторов Социалистической рабочей партии. В трудах

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 472.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 200017.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 305.

Маркса и Энгельса он видел программу борьбы за освобождение испанского и международного пролетариата. К проискам Альянса и доктринам Бакунина Меса относился отрицательно и оказал большую помощь в разоблачении тайного Альянса. Франсиско Мора, сын бедного крестьянина, до 18 лет не умевший ни читать, ни писать, стал страстным пропагандистом марксизма, а затем признанным руководителем рабочего движения в Испании. Оба они выступили сторонниками политической борьбы, хотя и с оговорками, и лондонских резолюций. Однако их позиции придерживались далеко не все и даже не большинство испанских интернационалистов.

Федеральный совет пытался найти некую равнодействующую между анархизмом и лондонскими резолюциями. Он продолжал настаивать на своей ошибочной тактике отказа от участия в парламентских выборах, отвергая, однако, бакунистский принцип полного отрицания политической борьбы.

После длительных колебаний Федеральный совет принял решение опубликовать сонвильерский циркуляр. Первой его опубликовала барселонская «Федерасьон», а 2 декабря он появился на страницах «Эмансипасьон», без всяких комментариев и с указанием, что в следующем номере будет опубликована резолюция 30 секций Женевы, одобряющая линию Генерального Совета.

В течение декабря на страницах «Эмансипасьон» был опубликован ряд статей и заметок, в которых газета стремилась разъяснить испанским рабочим политические задачи Интернационала. Бакунисты увидели в них угрозу своим доктринам и господству Альянса в Испании. Они повели борьбу против Федерального совета. Этой борьбой руководил Бакунин, который в период наибольшего обострения конфликта внутри Испанской федерации написал своим сторонникам около 60 писем²⁹.

В конце декабря 1871 г. в Мадрид приехал Поль Лафарг, еще ранее установивший связь с Федеральным советом. В центре борьбы в испанских секциях стоял тогда вопрос об отношении к сонвильерскому циркуляру, который был опубликован в рабочей прессе лишь под давлением Бакунина и его друзей. На разъяснение характера

²⁹ См. Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4. М.—Л., 1927, стр. 155, 163, 164.

этого документа в первую очередь и направил Лафарг свои усилия. Ему удалось добиться публикации в «Эмансипасьон» резолюций тех организаций Интернационала, которые одобряли линию Лондонской конференции и осуждали позицию Юрской федерации³⁰. Не без влияния Лафарга Федеральный совет отверг бакунистское требование о созыве внеочередного конгресса.

7 января 1872 г. состоялось собрание Мадридской федерации Интернационала, на котором обсуждался сонвильерский циркуляр. Это было первое собрание, на котором присутствовал Лафарг. Мораго стремился добиться одобрения сонвильерского циркуляра. В итоге длительных и жарких прений было принято решение, отвергавшее право собрания решать юрский вопрос и выносить порицание Генеральному Совету и указывавшее, что это прерогатива конгресса. Собрание предложило местному совету запросить все секции, считают ли они своевременным или нет созыв чрезвычайного конгресса. Лафарг справедливо видел в решении собрания косвенное отклонение бакунистского циркуляра. Он высказывал надежду добиться, чтобы все члены старого областного совета вместе с членами вновь избранного подписали протест против сонвильерского циркуляра, содержавшего ложные сведения о Генеральном Совете³¹.

³⁰ «Emanсipacion», 1, 7.I 1872.

³¹ П. Лафарг — Ф. Энгельсу, 7 января 1872 г. — «Новая и новейшая история», 1957, № 1, стр. 17—18. Такого рода документ составлен не был отчасти потому, что юрский вопрос мало интересовал испанские секции, занятые борьбой за свое существование в условиях наступления реакции. Лафарг писал Энгельсу о целесообразности воздержаться от дальнейшей дискуссии по этому вопросу. В дополнение к письму от 26 августа он сообщил о доверии к Генеральному Совету испанских секций. В частности, он ссылаясь на письмо одной из секций провинции Леон, в котором подробно изложено мнение секции по юрскому вопросу. Авторы писали, что не могут принять участия в споре, не будучи в должной мере знакомыми с обстоятельствами, но не допускают, чтобы Генеральный Совет, деятельность которого одобрили четыре конгресса, вдруг перестал заслуживать доверия. По их мнению, не следовало форсировать созыв чрезвычайного конгресса, поскольку в сентябре состоится очередная. Лафарг заключает: «Если бы юрский вопрос не был здесь до такой степени предан забвению, было бы достаточно опубликования одной этой резолюции, чтобы решить его в пользу Генерального Совета. Но мы считаем, что лучше, по крайней мере в настоящий момент, не касаться больше этого вопроса» (П. Лафарг — Ф. Энгельсу, 25—26 января 1872 г. — Там же, стр. 23).

В ответном письме Лафаргу, датированном 19 января 1872 г., Энгельс положительно оценил сведения из Испании. Он писал, что письмо его «очень порадовало». Поведение Мораго он объяснял влиянием Бакунина. Решение собрания Мадридской федерации отложить все вопросы до съезда Энгельс рассматривал как победу, он видел в нем хотя и косвенный, но отрицательный ответ на требование немедленного созыва конгресса Интернационала. Ф. Энгельс оценил документ как проявление здравого смысла и врожденного чувства солидарности рабочих масс, их способности инстинктивно разобраться в вопросе, что вредно и что полезно для успеха их борьбы. «Для рабочих Интернационал, — заключал Энгельс, — великое завоевание, которого они ни в коем случае не хотят лишиться; для этих же доктринеров-интриганов он лишь арена для мелких ссор отдельных лиц и сект»³².

Через несколько дней после собрания Лафарг был вызван к мадридскому губернатору, который в ультимативной форме предложил ему оставить пределы Испании. Лафарг уехал в Алькала-де-Энарес, а спустя несколько дней вернулся в Мадрид, где до августа 1872 г. проживал под именем Пабло Фарга, не принимая участия в открытых собраниях.

В суровых условиях подполья он продолжал свою деятельность, вел активную борьбу против анархизма, пропагандировал идеи научного коммунизма. На страницах «Эмансипасьон» Лафарг регулярно публиковал статьи, в которых пропагандировал идеи научного коммунизма, вел активную борьбу против мелкобуржуазной идеологии республиканцев и анархистов³³. Федеральный совет оказывал активную поддержку пропагандистской деятельно-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 322—323.

³³ На страницах «Эмансипасьон» им были опубликованы: «Аполог Сен-Симона» (1.I 1872), «Царство буржуазии» (21.I 1872), «Панацея буржуазии» (28.I и 4.II 1872), «Организация труда», (11, 18, 2.II и 3.III 1872), «Продукты первой необходимости» (9, 16.III 1872), «Программа республиканской партии и программы Интернационала» (6.VII 1872) и другие. Энгельс высоко оценивал статьи Лафарга. В письме Лауре Лафарг он писал: «Поздравляю тебя со статьями Поля в «Емансипасіон», которые всем нам очень понравились и оказывают весьма освежающее действие в пустыне господствующей у испанцев отвлеченной декламации» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 358). О значении этих статей см.: А. Гонсалес. История испанских секций..., стр. 144—145.

ти Лафарга, которая была положительно встречена большинством членов испанской организации Интернационала. Идея проведения самостоятельной политики, отличной от буржуазных радикалов и независимой от нее, постепенно внедрялась в сознание рабочих масс.

Ярким фактом преодоления бакунизма в испанском рабочем движении было письмо Испанского федерального совета, подписанное Мора, в адрес съезда буржуазных республиканцев в Мадриде, которое содержало требования рабочих и предлагало съезду высказать свое отношение к ним. Письмо поставило Интернационал в положение организованной партии³⁴; оно ознаменовало начало практического проведения в жизнь решений Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса. О положительных сдвигах в деятельности Испанского федерального совета Энгельс говорил 30 января 1872 г. на заседании Генерального Совета. Он сказал, что, хотя Испанский совет до сих пор «практически воздерживался от политики, тем не менее, он вынужден действовать не только в социальной области, но и в политической. Фактически он вполне признает выраженный в резолюциях конференции принцип, что политические и социальные вопросы неразрывно связаны между собой»³⁵

Высоко оценивая стремление испанских интернационалистов освободиться от мелкобуржуазной идеологии и анархистских воззрений, отыскать правильное решение сложнейших вопросов, вставших перед рабочим движением в бурные годы буржуазно-демократической революции, Энгельс указывал на недостаточную политическую зрелость группы «Эмансипасьон», которая выдвигала явно нереальные задачи: немедленное вооруженное восстание и проведение социалистических преобразований. В письме Лафаргу Энгельс в очень мягкой форме указывал, что требование на другой день после решающих событий передать землю и орудия труда тем, кто должен владеть ими, — явно невыполнимо. Энгельс писал, что испанские интернационалисты вынуждены выставлять эти требования, хотя в действительности они,

³⁴ Так оценивал эту акцию Лафарг в письме Энгельсу от 25—26 января 1872 г. («Новая и новейшая история», 1957, № 1, стр. 21—23).

³⁵ «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965, стр. 55.

вероятно, более практичны. «Бакунистский хлам не может быть вычищен за один день; достаточно уже того, что этот процесс начался наконец всерьез»³⁶.

Линия Федерального совета и «Эмансипасьон», сближение в главном и решающем с позицией Генерального Совета вызвали недовольство Альянса. Его лидеры во главе с Мораго, при участии буржуазных демократов, основали газету «Отверженный» («El Condenado»), ставшую главным рупором пропаганды бакунизма. Страницы газеты использовались для клеветнических выпадов против сторонников Генерального Совета, в особенности против Лафарга³⁷.

В марте 1872 г. Мадридская федерация исключила из своих рядов членов редакции «Эмансипасьон», входивших также в состав Федерального совета, на том основании, что их письмо съезду республиканцев якобы явилось нарушением принципов Интернационала. Это решение свидетельствовало о стремлении анархистов захватить руководство Испанской федерацией. Действия Мораго и его сторонников представляли особую опасность помимо всего прочего потому, что были предприняты в условиях ожесточенных преследований Международного Товарищества Рабочих со стороны многих правительств, в том числе испанского. Еще в октябре 1871 г. правительство Малькампо поставило перед парламентом вопрос о запрещении организации Интернационала в Испании, обвинив его в отрицании частной собственности, семьи, религии и морали. Разгорелись острые дебаты, которые закончились победой левого крыла прогрессистов и республиканцев — противников запрещения Товарищества. В ответ на это 18 декабря 1871 г. король издал декрет о закрытии заседаний парламента и 25 декабря назначил Сагасту главой правительства. Сагаста возобновил преследования. 17 января 1872 г. Интернационал был объявлен вне закона.

Однако ни правительственные преследования, ни проiski бакунистов не смогли остановить роста влияния организаций Интернационала и его Федерального совета. За шесть месяцев, прошедших со времени Валенсийской конференции, число местных федераций увеличилось с 13 до 70; в 100 других местностях велась подгото-

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 358.

³⁷ См. А. Гонсалес. История испанских секций..., стр. 145—146.

вительная работа для создания новых федераций, были организованы по профессиональному признаку общества сопротивления в национальном масштабе, образован союз каталонских фабричных рабочих. К весне 1872 г. в испанские секции входило около 25 тыс. человек³⁸.

С середины марта Испанский федеральный совет начал подготовку ко второму съезду организаций Интернационала, о ходе которой Энгельс был подробно информирован. Естественно и закономерно в тех условиях в центре внимания съезда должен был оказаться организационный вопрос. Именно здесь бакунисты намеревались дать бой Федеральному совету, а косвенно и Генеральному Совету Интернационала. Доклад на съезде было поручено сделать Лоренцо и Лафаргу. Последний обратился к Марксу и Энгельсу с просьбой помочь ему в выполнении задания, особенно в обосновании прав и полномочий Генерального Совета.

Отвечая на вопрос Лафарга, Маркс писал, что согласно Общему уставу Генеральный Совет выносит решение в качестве арбитра высшей инстанции, но выполнение их в каждой стране зависит от самого Интернационала. Следовательно, Генеральный Совет является орудием защиты общих интересов всего Интернационала. Совет необходим как орудие сохранения единства и препятствие проникновению в организацию враждебных элементов. В основе деятельности Совета лежит принцип, что Международное Товарищество является боевой организацией пролетариата.

Маркс советовал Лафаргу постоянно опираться на решения Лондонской конференции, которые уже были признаны подавляющим большинством секций и федераций Товарищества. Поэтому лица и организации, не признающие решений конференции, должны будут вступить в конфликт с огромным большинством Интернационала³⁹. Маркс направил Лафаргу выдержки из закрытого циркуляра «Мнимые расколы в Интернационале», написанного им и Энгельсом в середине февраля — начале марта 1872 г., но опубликованного лишь в мае. Советы Маркса помогли Лафаргу и его друзьям подготовиться к борьбе на предстоящем съезде.

³⁸ См. *А. Гонсалес. История испанских секций...*, стр. 150.

³⁹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 366—367.

Второй съезд Испанской федерации состоялся в Сарагосе 4—11 апреля 1872 г. В его работе приняли участие 45 делегатов, представлявших 31 местную федерацию. По указанию правительства полиция сорвала публичные заседания съезда, он проходил подпольно. В адрес съезда поступили приветствия от Британского федерального совета, от французской секции Ферре, от немецких социал-демократов. От имени Генерального Совета делегатов национального испанского съезда поздравил Ф. Энгельс. Он отметил большие успехи организации Интернационала в Испании, которые превратили его в большую силу в городе и в деревне. Энгельс пожелал испанским деятелям Интернационала новых успехов в руководстве революционным движением пролетариата, подчеркнув, что нет такой силы в мире, которая была бы способна уничтожить Интернационал, ибо он порожден объективными условиями развития современного общества⁴⁰.

Как и ожидалось, наиболее острые споры на съезде вызвал организационный вопрос. Мораго внес предложение пересмотреть устав, лишив Федеральный совет права приема секций, наблюдения за выполнением устава местными организациями и утверждения их уставов. Иными словами, свести его функции к роли корреспондентского и статистического бюро. Это были те же самые предложения, которые рекомендовал конгресс в Сонвилле по отношению к Генеральному Совету. Принятие их, особенно в Испании, где правительство стремилось всеми мерами ликвидировать Интернационал, означало бы его фактическое уничтожение как самостоятельной организации. После долгой дискуссии конгресс подавляющим большинством голосов принял решение о сохранении без изменений устава, принятого в Валенсии. Попытка уничтожить Интернационал под предлогом более совершенной организации его провалилась. Сарагосский конгресс, подтвердив полномочия Испанского федерального совета, косвенно подтвердил решение Базельского конгресса о предоставлении Генеральному Совету полномочий, на которые с особым ожесточением нападали бакунисты.

⁴⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 58—59.

Поражением бакунистов явилось решение съезда о незаконности исключения из Мадридской федерации редакторов «Эмансипасьон» и восстановлении их в правах членов Интернационала.

Важное значение имело решение съезда о коллективной собственности: съезд указал, что конечной целью борьбы рабочего класса является установление коллективной собственности на землю и орудия труда.

Ощутимого успеха делегаты Альянса добились в связи с рассмотрением сонвильерского циркуляра: съезд принял решение поддержать требование руководства Бельгийской федерации о пересмотре Общего устава на очередном конгрессе Интернационала.

Это решение свидетельствовало о сохранении бакунистского влияния и незрелости организационных воззрений большинства делегатов. Однако главная опасность коренилась не здесь: бакунистам удалось, скрыв от большинства делегатов наличие тайной организации, сохранить ее и добиться избрания нового Федерального совета исключительно из альянсистов. Местопребыванием совета конгресс определил Валенсию. Мора и Лоренцо сложили свои полномочия, никому не сообщив о существовании тайного Альянса. С этого времени Федеральный совет полностью отдал себя в распоряжение бакунистской организации⁴¹.

Итоги съезда свидетельствовали о напряженной борьбе сторонников Генерального Совета и бакунистов, в ходе которой ни одна из сторон не добилась решительных успехов. Борьба далеко не закончилась, ближайшие события это подтвердили.

Некоторые сторонники Генерального Совета, в частности редакторы «Эмансипасьон», знали о существовании Альянса, считали его деятельность вредной, но не спешили с открытыми разоблачениями, надеясь, что им удастся убедить в целесообразности роспуска сектантского объединения. С этой целью они направили организациям Альянса документ, в котором объявили о самороспуске мадридской секции Альянса и предлагали последовать ее примеру.

⁴¹ После выхода Мора и Лоренцо «Федеральный совет был и душой и телом предан Альянсу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 364).

«Альянс,— писали они,— уклонился с того пути, по которому, по нашему мнению, он должен был следовать в нашей стране; он искажил идею, которая вызвала его к жизни, и вместо того, чтобы быть составной частью нашего великого Товарищества... Альянс совершенно отделился от остальной части Товарищества и превратился в обособленную, как бы высшую организацию, стремящуюся все себе подчинить; тем самым он внес недоверие, раздоры и раскол в нашу среду...»⁴² В ответ на это конфиденциальное обращение альянсисты во главе с Мораго добились решения секции разных профессий об исключении трех редакторов «Эмансипасьон» Меса, Кальеха и Саенса из Интернационала.

9 июня на общем собрании Мадридской федерации Лафарг и его сторонники привели убедительные доказательства раскольнической деятельности тайного Альянса. Они потребовали создания специальной комиссии для расследования деятельности Альянса и последующего сообщения его результатов организациям Товарищества во всех странах⁴³. Альянсисты сумели провести решение об исключении всех редакторов «Эмансипасьон» из федерации⁴⁴. Исключенные образовали Новую мадридскую федерацию и обратились в совет с просьбой о ее признании. Совет ответил категорическим отказом, основываясь на принципе автономии секций: бакунисты понимали, какую опасность представляет для них новая федерация. Лафарг и его друзья обратились к Генеральному Совету. Руководствуясь статьей 7 раздела II и статьей 4 раздела IV Организационного регламента, Совет принял в состав Товарищества новую организацию⁴⁵. Позднее конгресс в Гааге одобрил это решение и единогласно признал действительным мандат делегата Новой мадридской федерации — Лафарга.

⁴² Обращение подписали Х. Меса, В. Пахес, Ф. Мора, П. Иглесиас, И. Кальеха, В. Саенс, А. Мора, Л. Кастильон и И. Паули (см. А. Гонсалес. Из истории испанских секций..., стр. 51).

⁴³ См. «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 419.

⁴⁴ А. Гонсалес. Из истории борьбы..., стр. 53.

⁴⁵ Статья 7 предоставляла Генеральному Совету право разрешать разногласия между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами; статья 4 предусматривала право федерации отказывать в приеме или исключать из своей среды отдельные секции, но не право лишать их звания организаций Интернационала (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 450—452).

Установив факт существования тайного Альянса, Лафарг, а затем Меса и Мора обратились к Энгельсу — как секретарю-корреспонденту для Испании — с предложением, чтобы Генеральный Совет официально потребовал от Испанского федерального совета разъяснений его взаимоотношений с Альянсом. Исполнительный комитет принял такое решение. Энгельс обратился к своим испанским корреспондентам с просьбой прислать ему документы, разоблачающие Альянс. Редакторы «Эмансипасьон» ответили не сразу: они все еще не решались пойти на открытый разрыв с бакунистской организацией.

Более решительно действовали альянсисты, которые пускали в ход все средства, чтобы не допустить развития оппозиционного движения. Лафарг и другие сторонники Генерального Совета шельмовались как предатели⁴⁶.

7 июля Федеральный совет направил секциям секретное обращение о порядке выборов делегатов на Гаагский конгресс. Оно предусматривало избрание делегатов голосами всех членов Интернационала, что на деле означало направление на конгресс официальных кандидатов Альянса. Этот документ, тщательно скрываемый от сторонников Генерального Совета, все же попал в руки Новой мадридской федерации и был переслан Генеральному Совету. 24 июля Исполнительный комитет поручил Энгельсу направить Испанскому федеральному совету в Валенсии запрос. В документе было указано, что наличие внутри Международного Товарищества Рабочих тайного общества, именуемого Альянсом социалистической демократии, не только противоречит духу и букве устава, но и равносильно прямой измене. На этом основании Генеральный Совет решил положить конец тайным проидам и требует от Испанского федерального совета информации об Альянсе, которая будет представлена конгрессу в Гааге. Информация должна содержать следующие сведения:

- 1) списки членов Альянса в Испании с указанием обязанностей, выполняемых в Интернационале;
- 2) итоги расследования характера деятельности Альянса в Испании, его организаций и филиалов за пределами страны;

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 365.

3) экземпляр конфиденциального циркуляра Испанского федерального совета от 7 июля 1872 г.;

4) объяснения по поводу того, как Федеральный совет считает возможным совместить выполнение своих обязанностей по отношению к Интернационалу с наличием в составе совета членов Альянса.

Энгельс настаивал на немедленном ответе, предупреждая, что в противном случае Генеральный Совет будет вынужден открыто объявить, что Испанский федеральный совет изменил Интернационалу в интересах тайного общества, чуждого и враждебного Товариществу Рабочих⁴⁷.

1 августа Федеральный совет сообщил, что не может ответить на письмо, написанное по-французски, ввиду отсутствия переводчика. 3 августа ответ был направлен: совет сообщал, что тайная организация распущена на Сарагосском съезде. Иными словами, Федеральный совет отказался выполнить требования Исполнительного комитета Генерального Совета.

Раскольнические действия бакунистов встретили решительный отпор со стороны Маркса и Энгельса. 6 августа на заседании Генерального Совета Энгельс огласил составленное им обращение «Генеральный Совет — всем членам Международного Товарищества Рабочих». Проект обращения содержал анализ деятельности и доктрин бакунистского Альянса социалистической демократии, а также предложение конгрессу в Гааге об исключении из Интернационала всех членов Альянса и предоставлении Генеральному Совету необходимых полномочий для предотвращения подобных заговоров в дальнейшем. Документ вызвал оживленную дискуссию. Ряд членов Генерального Совета выступил против его публикации до расследования дела об Альянсе. Совет ограничился принятием проекта к сведению.

Это решение свидетельствовало об отсутствии единства в Совете, о наличии в нем колеблющихся, нерешительных элементов, что в свою очередь являлось отражением общего процесса борьбы различных сект и направлений в Интернационале и европейском рабочем движении той поры. Однако один аргумент противников публикации документа следовало учесть: отсутствие ис-

⁴⁷ См. там же, стр. 116—118.

черпывающего документального обоснования о подрывной деятельности Альянса, в частности в Испании. Ряд таких документов находился в распоряжении Новой мадридской федерации, которая к тому времени (6 августа) еще не была принята в Интернационал и не спешила с посылкой документов в Лондон.

15 августа по предложению Энгельса Совет принял федерацию в Товарищество. Эта акция способствовала превращению ее в центр сплочения революционных сил интернационалистов в Испании. 22 августа федерация приняла решение передать Генеральному Совету документы о тайном Альянсе для рассмотрения на конгрессе. На другой день Пахес послал в Лондон официальное письмо, в котором раскрывалась история борьбы с тайным Альянсом бывших членов Испанского федерального совета. В последующие дни, 25 и 26 августа и 2 сентября, Хосе Меса отправил документы Альянса Энгельсу⁴⁸. Материалы Меса сыграли существенную роль в разоблачении деятельности Альянса на Гаагском конгрессе.

Накануне конгресса весьма активизировали свою раскольническую деятельность испанские бакунисты. Теперь они открыто выдвигали требование упразднения Генерального Совета и ликвидации права международных конгрессов принимать решения по принципиальным вопросам. Полная автономия секций и федераций, доведенная до анархии, в конечном итоге могла завершиться распадом Интернационала. Испанский федеральный совет все же решил участвовать в Гаагском конгрессе. Ему удалось направить туда делегацию в составе Алерини, Фарга, Пелисера, Мораго и Марселау. Делегация получила императивный мандат, который обязывал ее действовать в полном единстве с Юрской и Итальянской федерациями. Мандат запрещал испанским делегатам участвовать в голосовании, если не будет изменена система голосования. Согласно новой системе, предложенной испанцами, подсчет голосов на конгрессе должен производиться по количеству членов, которых представляли лишь делегаты с императивными мандатами. Если делегаты не имеют такого мандата, они не могут участвовать в голосовании до тех пор, пока их организация не примет решения по обсуждаемому вопросу. Это требование на-

⁴⁸ См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3306, 3307, 3823.

ходило в полном противоречии с основными организационными принципами Международного Товарищества Рабочих, изложенными в его документах. Позиция испанской делегации на Гаагском конгрессе по программным вопросам также была враждебна принципам Интернационала: в процессе работы конгресса она выступала в составе бакунистско-реформистского блока против линии Генерального Совета. В ходе следствия по делу тайного Альянса испанские делегаты дали ложные показания, заявив, что тайная организация Альянса в Испании распущена. Им удалось ввести в заблуждение делегатов Гаагского конгресса и избежать исключения из Товарищества.

Только П. Лафарг выступал с последовательно революционных позиций и упорно отстаивал линию Маркса и Энгельса.

Решения конгресса нанесли сильный удар по бакунизму, подорвали его влияние в Испании, укрепили позиции Новой мадридской федерации, сплотившей вокруг себя революционные элементы испанского пролетариата, действовавшие на основе линии Генерального Совета.

На последнем заседании Гаагского конгресса четыре испанских делегата поддержали протест меньшинства против принятых конгрессом решений. Вместе с юристами они направились в Сент-Имье, в Швейцарию, на конгресс бакунистов⁴⁹. Этот конгресс отказался признать решения, принятые в Гааге. Объявив их «авторитарными», бакунисты разных стран заключили «Пакт дружбы, солидарности и взаимной защиты». Он был направлен против Генерального Совета и всех организаций Интернационала, признавших решения Гаагского конгресса. Бакунисты со всей определенностью выступили за полную независимость секций, под которой понимали отказ от подчинения какому-либо регламенту и дисциплине. В решении своего конгресса они записали, что автономия и независимость федераций и секций являются первым

⁴⁹ В работе конгресса в Сент-Имье приняли участие делегаты испанской, итальянской, юрской федераций, представители ряда французских секций и один делегат от двух американских секций. Всего собралось 15 человек. Половина из них никогда не принадлежала к Интернационалу (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 381).

условием освобождения трудящихся, а «всякая законодательная и регламентирующая власть», т. е. постановления, принятые большинством, является отрицанием автономии. На этом основании конгресс отвергал «право законодательства» любого конгресса, иными словами, обязательность его решений. Чтобы исключить возможность «кривотолков», бакунисты в своих решениях записали: «...ни при каких условиях большинство любого конгресса не может навязать свое решение меньшинству»⁵⁰. Конгресс четко определил основные принципы абстениционистского анархизма, заявив:

1) первой обязанностью пролетариата является разрушение всякой политический власти;

2) *всякая организация политической власти, якобы временной и революционной, имеющей целью осуществление этого разрушения, явилась бы лишь новым обманом* и была бы так же опасна для пролетариата, как и все ныне существующие правительства⁵¹.

Это было сказано после событий Парижской Коммуны, которая несомненно была «временной и революционной политической властью»! Конгресс в Сент-Имье, которым руководили Бакунин и его друзья Коста, Кафьеро, Фанелли, провозгласил раскол в Интернационале. Раскольниками отныне руководил Юрский комитет.

Возвратившись в Испанию, бакунистские делегаты опубликовали манифест, содержащий клеветнические выпады против решений Гаагского конгресса и восторженный отзыв о конгрессе в Сент-Имье. Манифест был одобрен и поддержан Федеральным советом, принявшим решение созвать внеочередной съезд испанских секций, который должен был определить отношение к решениям в Гааге и Сент-Имье.

Новая мадридская федерация заявила, что этим решением Федеральный совет поставил себя вне Интернационала, и потребовала заменить его новым временным советом, который строго придерживался бы устава Товарищества, а не указаний Альянса. Предложение поддержали федерации Лериды, Толедо, Сарагосы, Витории, Алькала-де-Энареса, Валенсии, Дении и другие

⁵⁰ См. А. Гонсалес. Из истории борьбы..., стр. 67—68; I. I. Morato. Historia de la seccion española de la Internacional. Madrid, 1930, p. 156—157.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 382.

организации. Новая мадридская федерация развернула энергичную деятельность, стремясь противодействовать попыткам бакунистов ошельмовать решения Гаагского конгресса и добиться их осуждения местными организациями. В результате 12 федераций поддержали Гаагский конгресс, осудив, таким образом, резолюции, принятые в Сент-Имье.

25 декабря в Кордове открылся съезд испанских федераций, созданный бакунистами. Из 101 федерации — официальная цифра, приводимая Федеральным советом, — было представлено только 36. Делегаты ряда крупных промышленных центров отсутствовали. Большинство присутствовавших являлось противниками Генерального Совета. Съезд отверг решения Гаагского конгресса и **Общий устав Интернационала**. **Федеральный совет** был упразднен и заменен **Федеральной комиссией**, полномочия которой были крайне ограниченными и сводились к корреспондентско-статистическим функциям. Был отвергнут Устав Испанской федерации, выработанный на съезде в Валенсии и подтвержденный в Сарагосе. Секции объявлялись «автономными» и лишались права поддерживать какие-либо связи с Генеральным Советом. Конгресс принял решение о присоединении к пакту в Сент-Имье. Таким образом испанские федерации, участвовавшие в работе Кордовского съезда, сами поставили себя вне рядов Интернационала.

Именно так оценил сложившуюся ситуацию Ф. Энгельс. В «Заметках для Генерального Совета» он рекомендовал издать декларацию, указав в ней с полной определенностью, что нельзя одновременно быть и в Интернационале и вне его, заявлять о своей принадлежности к нему и тут же объявлять его законы недействительными⁵². То же самое писал Маркс Фридриху Больте. Он считал целесообразным и необходимым констатировать официальным решением выход из Интернационала его противников, отвергавших устав и решения конгресса. В противном случае раскольники появятся на следующем конгрессе и попытаются парализовать его работу. *«Открыто находясь вне Интернационала, эти люди не опасны, а лишь полезны, но, будучи враждебными элементами внутри него, они разрушат движение во всех странах,*

⁵² См. там же, стр. 310—311.

где обрели почву»⁵³. Маркс настаивал на принятии Генеральным Советом самых решительных мер.

26 января 1873 г. Генеральный Совет принял резолюцию, в которой указывал, что все общества и отдельные лица, отказывающиеся признать решения конгресса или сознательно уклоняющиеся от выполнения обязанностей, налагаемых на них Уставом и Организационным регламентом, ставят себя вне рядов Товарищества Рабочих и не являются больше его членами⁵⁴.

Это в целом правильное решение было недостаточно, так как не содержало формального исключения альянсистских раскольников из Интернационала. Бакунисты сохранили возможность продолжать свою деятельность, прикрываясь маской Интернационала и лживым лозунгом борьбы за его единство. Данное обстоятельство помогло Испанской федерации сначала нейтрализовать сопротивление ряда секций, а затем привлечь некоторые из них на свою сторону.

Сторонники Генерального Совета продолжали борьбу за сплочение своих сил. 26 января 1873 г. они образовали Временный федеральный совет в Валенсии. В своем первом документе — циркуляре от 2 февраля 1873 г. — совет объявил себя «верным хранителем устава Интернационала» и решительно осудил сторонников анархии⁵⁵. Интернационалисты собрали свой конгресс в Толедо⁵⁶. Он происходил 15—18 мая 1873 г. Съезд подтвердил верность решениям Гаагского конгресса, избрал Федеральный совет и назначил на август 1873 г. съезд в Валенсии. Ему не суждено было состояться, ибо восстание летом 1873 г. выдвинуло перед рабочим классом иные проблемы.

Три дня спустя после отречения от престола короля Амадея кортесы провозгласили республику. Это случилось 12 февраля 1873 г. Во главе первого республиканского правительства, составленного из радикалов и республиканцев, был поставлен адвокат Николас Фигерас. Это было правительство промышленной буржуазии.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 473—474.

⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 651—652.

⁵⁵ «La Emancipación», 2.II 1873.

⁵⁶ На конгрессе присутствовали представители пяти федераций. В поддержку решений Гаагского конгресса первоначально выступили 12.

10 апреля состоялись выборы в Учредительные кортесы. Во время выборов бакунисты отказались выдвинуть самостоятельные кандидатуры, рабочие голосовали за буржуазных республиканцев, большинство которых было федералистами. Кортесы провозгласили Испанию федеративной республикой, президентом был избран известный публицист, переводчик сочинений Прудона Пи-и-Маргаль. 3 июля была опубликована новая конституция Испании, предоставлявшая широкое самоуправление ее провинциям. В программу, выдвинутую Пи-и-Маргалем, входили требования упрочения федеративной республики, регулирования детского труда, продажи государственных земель крестьянам, отделения церкви от государства, уничтожения рабства на Кубе. Проведение в жизнь этой программы улучшило бы экономическое и политическое положение трудящихся и создало бы благоприятные условия для их дальнейшей борьбы за социальное освобождение.

Бакунисты, стремившиеся к немедленному достижению своей конечной цели и не признававшие необходимости установления демократической республики как неперемennого этапа освободительной борьбы пролетариата, не поддержали программу Пи-и-Маргалья и сумели побудить некоторые слои испанского пролетариата принять участие в восстании крайних федералистов — «непримиримых», которые требовали превращения Испании в федерацию отдельных кантонов, на основе полной автономии последних, по образцу Швейцарии.

С 5 по 11 июля кантональные восстания вспыхнули во многих городах страны. В Гренаде, Севилье, Кордове, Малаге, Валенсии, Кадисе, Мурсии, Картахене, Алькое были учреждены хунты, отказавшиеся подчиняться центральному правительству в Мадриде. Реакция активизировала свои действия на севере страны. 18 июля Пи-и-Маргаль подал в отставку: его место занял Сальмерон — буржуазный республиканец, враг федерализма, сторонник централизации. Он начал с того, что направил войска против повстанцев. Буржуазия, напуганная участием рабочих в восстании, охотно поддержала его. Обреченное на поражение по своим целям и тактике, не имея достаточных объективных предпосылок и должного руководства, восстание было быстро и сравнительно легко подавлено. Революция резко пошла по нисходящей линии.

3 января 1874 г. генерал Павиа и маршал Серрано совершили государственный переворот. В стране была установлена военная диктатура. Кортесы были разогнаны, рабочие организации, в первую очередь секции и федерации Интернационала, объявлены вне закона. 29 декабря 1874 г. представитель крупной буржуазии и землевладельцев генерал Мартинес Кампос произвел новый переворот, в результате которого сын Изабеллы II был провозглашен королем Испании Альфонсом XII. В Испании была установлена буржуазно-помещичья монархия.

В условиях гражданской войны, обострения классовой борьбы до ее высшей формы — вооруженного восстания перед пролетарскими организациями в качестве первоочередной, насущной задачи встала выработка политической линии поведения рабочих масс в эпоху революции. От активности рабочего класса зависели судьба республики и ее дальнейшее развитие.

На помощь интернационалистам пришел Энгельс. В письме к Хосе Меса он наметил основные линии деятельности испанской организации Интернационала в бурные дни революции⁵⁷. На основе анализа положения в стране Энгельс сделал вывод, что испанская революция призвана произвести буржуазно-демократические преобразования, о немедленном решении задач социалистической революции не может быть и речи⁵⁸. Более того, пролетариат не должен выступать с социалистическими требованиями. Его историческая обязанность активно включиться в борьбу за победу буржуазно-демократической революции. Рабочий класс должен активно участвовать в политической борьбе, в частности не бойкотировать выборы в кортесы, а выступить в качестве особой партии, со своей собственной, но не социалистической, программой, предусматривающей роспуск постоянной армии, отделение церкви от государства, продажу земли

⁵⁷ Письмо не сохранилось. Его содержание восстановлено по ответным письмам Х. Меса. Эта работа выполнена Н. Ю. Колпинским (*Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса...*, стр. 239—240).

⁵⁸ В статье «Бакуисты за работой» Энгельс писал: «Испания страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 457—458).

крестьянам на льготных условиях, законодательное ограничение рабочего дня.

Энгельс считал необходимым установление прочного единства всех демократических сил — рабочего класса, крестьянства, левого крыла буржуазных республиканцев. Платформой этого единства должна была стать борьба против феодально-клерикальной реакции, за доведение революции до конца.

Анализ печатного органа Новой мадридской федерации «Эмансипасьон», проведенный Н. Ю. Колпинским, позволил сделать вывод, что в ряде вопросов испанские интернационалисты отошли от присущего анархистам нигилистического отношения ко всем буржуазно-демократическим требованиям. На страницах газеты были выдвинуты и обоснованы требования ликвидации постоянной армии (в передовой статье 7 марта), ограничения в законодательном порядке рабочего дня, регламентации детского труда (22 марта). Резкой критике газета подвергла бакунистскую доктрину воздержания от политической борьбы.

Линия газеты, однако, не была последовательно революционной. Х. Меса, который в значительной степени определял ее, явно недооценивал возможностей, предоставляемых пролетариату политическими свободами, и значения демократических преобразований, которые могла произвести республика. Он выступал против участия рабочих в выборах. Низкий уровень развития рабочего класса, явившийся следствием отсталости страны в социально-экономическом и политическом отношении, не позволил одному из наиболее ярких его лидеров сделать правильные выводы.

Неправильная позиция Меса и других сторонников Интернационала была следствием объективных факторов, она отражала уровень классового сознания передовых испанских рабочих, которые были еще очень далеки от марксизма. По этой причине Энгельс не только не разорвал с Меса и «Эмансипасьон», но и воздержался от открытой критики их тактики и воззрений, ограничившись лишь противопоставлением их позиции своей научной, революционной точки зрения на проблемы испанской революции.

Позиция Энгельса, которая систематически излагалась и пропагандировалась в документах Новой мадрид-

ской федерации, оказала известное влияние также и на линию Испанского федерального совета. В его воззвании к испанским рабочим говорилось, что установление республики «является шагом к прогрессу». Хотя в рамках этой республики нельзя добиться освобождения трудящихся, но можно «готовить почву для политической борьбы рабочего класса». Надо использовать ту маленькую частицу свободы, которую предоставляет республика, для «полного освобождения». Однако основная линия документа была выдержана в духе бакунистских доктрин, что проявилось в выдвижении неосуществимого в тех условиях требования уничтожения частной собственности⁵⁹. Все промежуточные этапы на пути к освобождению пролетариата бакунисты продолжали отрицать полностью. Сторонники Альянса по-прежнему отрицали целесообразность борьбы за политические свободы. По их мнению, завоевание трудящимися политических прав не принесет народу улучшения экономического положения, а лишь отвлечет его от бунтарских настроений, посеет государственные иллюзии. С особым усердием бакунисты отвергали необходимость участия масс в политической борьбе, в частности в выборах в парламент.

Высшим критерием истинности всякой теории является практика, жизнь. Для проверки политических доктрин особое значение имеет политическая жизнь революционной эпохи. Революция отбрасывает порочные концепции, вносит коррективы в другие, подтверждает жизнеутверждающую силу третьих. В ходе революции идет самая суровая проверка социальных и политических теорий и направлений.

Испанские альянсисты, завоевавшие на свою сторону большинство секций Интернационала, встретили революцию, имея на вооружении теорию Бакунина, из которой они заимствовали главным образом следующие политические постулаты:

— политическая борьба не нужна, если она немедленно не приводит к конечной цели: полному освобождению пролетариата;

— политическое движение отвлекает народные массы от бунтарства и приобщает их к буржуазной государственности;

⁵⁹ См. Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса..., стр. 241.

— форма политического правления пролетариату безразлична, все равно монархия или республика;

— промежуточные этапы достижения цели не являются неизбежными и необходимыми, в частности этап буржуазно-демократических преобразований;

— необходимо немедленное и полное уничтожение государства со всеми его институтами, создание анархического антиавторитарного режима;

— недооценка роли рабочих организаций, в особенности их высшей формы — пролетарской партии, необходимость которой вообще отрицалась.

Революционные события в Испании очень быстро и самым решительным образом опровергли бакунистские доктрины. Первые дни революции, в частности провозглашение республики, показали полную несостоятельность политического абсентеизма бакунистов. Политическое вмешательство рабочего класса в дела республики стало совершенно необходимым и очевидным для рабочих масс, которые требовали этого. Альянсисты, которые в течение ряда лет проповедовали отказ от участия в политических событиях, в том числе и в революции, которая не ставит своей целью немедленное освобождение пролетариата, оказались перед трудноразрешимой дилеммой: либо отказаться от участие в революции и лишиться всякого авторитета, уважения и опоры в рабочих массах, либо принять участие в политической борьбе, не ставящей своей целью немедленное освобождение пролетариата, и таким образом отойти от своей доктрины, нарушив ее в самом кардинальном пункте.

А между тем события требовали немедленного и определенного решения. На массовых митингах и собраниях рабочие Барселоны, Алькоя и других промышленных центров потребовали разъяснения линии испанской организации Интернационала в парламентской, как и всякой другой, политической борьбе. Бакунисты «нашли» ответ: Интернационал, как организация, не должен вмешиваться в политическую деятельность, но отдельные члены Интернационала могут действовать как им угодно, каждый по своему усмотрению. Альянсисты не формулировали своей избирательной платформы, не позаботились о выдвижении своих кандидатов. И это в момент, когда все монархические фракции — радикалы-монархисты, альфонсисты, карлисты — бойкотировали

выборы, в которых участвовали лишь два крыла республиканцев-федералистов и рабочая масса. Кандидаты Интернационала могли бы одержать победу в промышленных районах Каталонии, Валенсии, Андалузии и составить в кортесах пролетарскую фракцию, достаточно сильную, чтобы определять исход борьбы между двумя фракциями республиканцев. Но непременным условием такого успеха могло стать лишь выступление Интернационала как целого; бакунистские же лидеры предложили голосовать «по своему усмотрению».

Вскрывая противоречивость позиции бакунистов, Энгельс указывал, что, с одной стороны, они отказались от политического индифферентизма, с другой — не сумели преодолеть его полностью. Включившись в политику, они действовали не в интересах рабочего класса, а способствовали успеху фракции федералистов-«непримиримых», выступавших с требованием безграничного автономизма, которое сближало их с бакунистами. Так практика революционной борьбы отвергла важнейший постулат бакунизма — политическое воздержание.

Опровергла она и тезис бакунистов о немедленной ликвидации государства. Средством достижения этой цели бакунисты избрали всеобщую экономическую стачку, которую провозгласили в момент вооруженного восстания, охватившего ряд испанских провинций. Энгельс резко критиковал бакунистскую программу всеобщей стачки⁶⁰.

Бакунисты попытались начать всеобщую стачку в момент политического кризиса, принявшего острые формы.

⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 460. Впоследствии «реальные политики» II Интернационала объявили метод общей политической забастовки неприемлемым для пролетариата, ссылаясь на критику его Энгельсом. Они умалчивали при этом, что Энгельс критиковал не всякую забастовку, а лишь определенный род общей забастовки, всеобщую экономическую забастовку анархистов, выдвигаемую ими *взамен* политической борьбы пролетариата. Опыт революции в России доказал, что общая политическая забастовка является величайшей школой пролетарской революции и важнейшим средством мобилизации и организации пролетариата. Энгельс критиковал анархистов не за всеобщность стачки, а за их отказ от политической борьбы — всеобщая стачка непременно должна принять политический характер, чтобы стать успешной, за отказ от организации; он, наконец, утверждал, что путем лишь всеобщей стачки невозможно достичь «уничтожения государства».

Федералисты-республиканцы во главе с Кастелером под напором народного движения были вынуждены уступить власть Пи-и-Маргалю. Последний, стремясь найти опору в рабочей массе, наметил программу мероприятий, осуществление которой не только приносило непосредственную выгоду рабочим, но и побуждало к дальнейшим акциям, давая толчок социальной революции. Самым разумным актом для рабочей организации была бы поддержка правительства Пи-и-Маргалья; однако бакунисты, отвергавшие любые мероприятия, исходившие от государства, к ликвидации которого они стремились, поддержали «самых сумасбродных шарлатанов среди интрансжиентов, но только не министра»⁶¹. В момент начала мятежа «непримиримых» лжеинтернационалисты призвали рабочих к всеобщей забастовке. В условиях вооруженной борьбы всеобщая стачка не могла привести к успеху. Об этом наглядно свидетельствовали события в Барселоне — крупнейшем промышленном центре Испании, который много раз был свидетелем баррикадных боев. Вместо призыва к оружию рабочих призвали к общей стачке. Барселонские рабочие не откликнулись на этот призыв. В дни кантонального восстания они остались в бездействии, что в значительной степени облегчило победу мадридского правительства.

Иначе развернулись события в Алькое. 7 июля рабочее собрание под влиянием альянсистов приняло решение объявить забастовку, которая вскоре переросла в вооруженную борьбу с полицией. Победа досталась бакунистам, которые водворились в ратуше, создав «комитет благосостояния». Итак, первым шагом бакунистов после успеха восстания оказалось создание революционного правительства, т. е. акция, которую они самым решительным образом отвергли на конгрессе в Сент-Имье. Следовательно, практика, жизнь, революционная борьба тотчас же заставила бакунистов отказаться от своей доктрины немедленной ликвидации государства и создать революционное правительство, в состав которого вошли одни бакунисты. Это правительство проявило «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность»⁶². 12 июля при подходе к городу

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 461.

⁶² Там же, стр. 465.

правительственных войск комитет сложил свои полномочия. Войска без боя вступили в город на основе обещания всеобщей амнистии.

Аналогичные события произошли в Санлукар-де-Баррамеда, где анархисты вопреки своим принципам также образовали революционное правительство, но не знали, что делать со своей властью.

Революционная эпоха отвергла бакунистский принцип автономии и федерализма. Летом 1873 г. «непримиримые» подняли восстание в Андалузии. Оно очень быстро распространилось по стране, захватив Севилью, Гранаду, Малагу, Кадис. Все крупные города Испании, кроме Мадрида и Барселоны, оказались в руках восставших. Рабочие приняли в борьбе самое деятельное участие, но без собственной программы и собственного руководства, ибо, находясь под влиянием бакунистов, отрицательно относились к политическому действию. Зато они хорошо усвоили бакунистский принцип автономии, по крайней мере для отдельных городов, и поддержали интрансигентов.

Восстание развивалось стихийно, восставшие провинции не были связаны друг с другом и не стремились к объединению усилий. Каждый город действовал самостоятельно, считая важнейшим делом отделение от других городов, полную автономию, что исключало возможность координации усилий в масштабе страны. Каждый город объявлял себя суверенным кантоном и учреждал революционный правительственный комитет. Бакунисты, увидевшие в сепаратизме «непримиримых» осуществление своих идеалов, принимали участие во всех органах власти, но повсюду оставались в меньшинстве и большой роли не играли. Кроме требования полной автономии, которое, казалось, близко к осуществлению, они заявляли о необходимости «немедленного и полного освобождения рабочего класса», но на это требование «непримиримые» не обращали внимания. Отсутствие связи между восставшими кантонами привело к быстрому подавлению восстания. Так потерпела крах бакунистская идея федерации и полного автономизма.

Наконец, заключительный этап восстания — события в Картахене — развеял миф, усердно пропагандируемый Бакуниным, о способности деклассированных эле-

ментов принять участие в революции и сыграть в ней определяющую роль. Бакунин выставял русского разбойника в качестве образца для всех подлинных революционеров. Не без влияния этой проповеди правительство Картахены выпустило на волю 1800 каторжников, заключенных в городской каторжной тюрьме. Эта акция не только не укрепила сил повстанцев, но и внесла в их ряды полную деморализацию.

В процессе революционной борьбы бакунисты были вынуждены отказаться от своей программы, по крайней мере от ее политической части. Сначала они отбросили доктрину неперемного воздержания от политической деятельности и, в частности, воздержания от участия в выборах. Вскоре та же судьба постигла их тезис о немедленном уничтожении государства; на практике вместо уничтожения государства они пытались создать множество мелких государств. Затем был отброшен принцип неучастия рабочих в любой революции, которая не преследует цель немедленного полного освобождения пролетариата, и бакунисты участвовали в чисто буржуазном движении. Несостоятельным оказался и принцип бакунистов, будто учреждение революционного правительства, в том числе временного, представляет лишь новый обман и новую измену рабочему классу.

Впреки своему собственному принципу бакунисты приняли участие во всевозможных правительственных комитетах отдельных городов; при этом во всех этих органах оставались в меньшинстве рядом с буржуазными деятелями, составлявшими подавляющее большинство.

Революция учит, писал В. И. Ленин. Она учит не только массы, но и их руководителей, для которых революционный опыт является лучшей школой. Если политические руководители масс в ходе революционной борьбы отбрасывают различного рода элементы своего учения, не выдержавшие самой суровой и самой надежной проверки в огне революции, и, отбросив их, добиваются положительных результатов, то такого рода пересмотр социально-экономических доктрин не только вполне оправдан и закономерен, но и является обязательным для солидной политической партии и ее руководителей.

Ничего подобного не произошло в дни испанской революции. Не было достигнуто никакого прогресса в организации пролетарских сил, никакой пользы для Интернационала, никакого приближения к главной цели — освобождению пролетариата. Произошло как раз обратное. Отсутствие единства действий рабочего класса, активно участвовавшего повсюду, но лишь в сепаратном, в «автономном» движении отдельных кантонов, отсутствие единой программы, на основе которой можно было бы объединить движение в национальном масштабе, обусловили поражение движения, которое, казалось, имело все шансы на успех.

Кантональное движение провалилось самым позорным образом и было подавлено почти без сопротивления, малыми правительственными силами.

Все это имело пагубные последствия для организации Интернационала в Испании. Реакция сумела ловко использовать неправильное поведение и порочную политическую линию бакунистов для дискредитации имени Интернационала в народных массах. Многие рабочие, разочарованные в практике бакунизма и ошибочно отождествлявшие Альянс с Товариществом, вышли из Интернационала.

В Барселоне рабочие секции решительно выступили против линии «Федерасьон» — главного печатного органа бакунистов — и вышли из Интернационала. В ряде городов (в Хересе, Пуэрто-де-Санта-Марка и др.) федерации приняли решение о самороспуске. В Лохе население изгнало членов Интернационала, проживавших в городе. В Мадриде бакунистская федерация не проявляла ни малейших признаков жизни, а Новая мадридская федерация была вынуждена бездействовать, чтобы не нести ответственность за грехи бакунистов. В Валенсии Федеральный совет распался.

Подводя итоги деятельности бакунистов в дни испанской революции, Энгельс указывал, что она привела «не только к тому, что хорошо организованные и сильные своей численностью испанские секции Интернационала, — как мнимого, так и настоящего, — полетели в пропасть вслед за интрансигентами и ныне фактически не существуют, но вдобавок еще к тому, что им приписывается множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут себе даже представить рабо-

чего восстания. А вследствие этого может быть на целые годы стала невозможной новая организация Интернационала среди испанского пролетариата». Бакунисты Испании дали образец того, заключает Энгельс, «как не следует делать революцию»⁶³. Новая мадридская федерация и ее сторонники, группировавшиеся вокруг «Эмансипасьон», были еще крайне малочисленны и слабо связаны с рабочим движением, чтобы оказать сколько-нибудь существенное воздействие на ход революционной борьбы. Рабочий класс оставался под влиянием бакунистов.

Анализ причин успехов бакунизма в Испании был дан Марксом и Энгельсом в ряде произведений той или более поздней поры. Суммарно их можно свести к следующему⁶⁴.

1. К началу 70-х годов XIX в. развитие капитализма в Испании сделало большие успехи, промышленный переворот шел быстрыми темпами, но далеко не был завершен. Испания в значительной степени оставалась страной ремесла и мануфактуры, а не крупной капиталистической промышленности. Количество самостоятельных ремесленников в стране к 70-м годам почти в три раза превышало число наемных промышленных рабочих. Значительную часть последних составляли лица, занятые в мелких полукустарных предприятиях. Недавнее мелкобуржуазное прошлое либо настоящее создавало благоприятные условия для сохранения мелкобуржуазной психологии и распространения мелкобуржуазной идеологии.

2. Широкое распространение анархизма в его бакунистской разновидности определялось массовым разорением многих тысяч мелких собственников города и деревни. Часть их склонялась к прудонизму, имевшему некоторое распространение в Испании. Это были разорившиеся мелкие товаропроизводители, которые, однако, еще надеялись восстановить свое положение мелкого хозяйчика путем дешевого кредита и прочих прудонистских рецептов. Они придерживались мирного анархизма Прудона. Таких было немного. Большинство же уже полностью потеряло всякую надежду на избавление от

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 474.

⁶⁴ Эта работа проведена А. Гонсалесом. См. А. Гонсалес. Из истории борьбы..., стр. 69—71.

пролетаризации и пауперизма и присоединилось к бунтарскому анархизму Бакунина.

3. Испанский пролетариат подвергался жестокой эксплуатации, которая усугублялась его подлым политическим бесправием, отсутствием рабочего законодательства. Власти и слышать не хотели о каком-либо законодательном регулировании отношений между трудом и капиталом. Это вызывало ненависть к государству и государственному аппарату принуждения, создавая благоприятную почву для анархистской проповеди ликвидации государства и нигилистического отношения к политическим акциям.

4. Большим влиянием среди трудящихся Испании пользовались идеи федерализма, распространяемые буржуазными республиканцами, которые своей политикой уже разочаровали массы. Бакунисты пропагандировали тот же мелкобуржуазный федерализм, но придавали ему более радикальные формы. Рабочие, еще не успевшие проверить бакунистов в процессе практических действий, охотно поддерживали радикальный, псевдопролетарский федерализм Альянса.

5. Бакунизм распространялся в Испании в обстановке революционного подъема, в бурное, предгрозовое время, когда народные массы с огромной силой тянулись к решительным революционным действиям, с энтузиазмом воспринимали крайние, архиреволюционные лозунги, которыми были столь богаты бакунистские доктрины.

6. Идеи научного коммунизма не были известны сколько-нибудь широкому кругу пролетарских деятелей Интернационала. Правда, вокруг Лафарга — первого пропагандиста марксизма в Испании — объединилась группа сторонников Генерального Совета; но, во-первых, она была немногочисленной, во-вторых, — далеко не все из ее участников полностью освободились от влияния анархистских воззрений.

Совокупность всех этих факторов в значительной степени обусловила победу бакунизма в испанском рабочем движении и поражение рабочего класса в революции.

Опыт революционной борьбы, ее итоги были подведены Марксом и Энгельсом в ряде работ, из которых наибольшее значение имеет серия статей Энгельса «Бакунисты за работой», опубликованных в органе германских социал-демократов «Фольксштаат» 31 октября,

2 и 5 ноября 1873 г.⁶⁵ Перед Энгельсом стояла очень сложная задача: революционные события, направляемые бакунистами, не дали положительного опыта, а имели лишь негативный опыт борьбы. Но и отрицательный опыт масс был чрезвычайно важен для Энгельса. В своих статьях он показал, какой огромный вред нанес анархизм испанскому революционному движению. Эти документы существенно обогатили марксистское учение о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции, о соотношении действия «снизу» и «сверху», участия рабочего класса в революционном (но не пролетарском) правительстве, вооруженном восстании и т. п.

После объявления организаций Интернационала в Испании вне закона испанские бакунисты организовали ряд тайных заговорщических секций, от имени которых они выступали на международных анархистских конгрессах в Женеве (1873), Брюсселе (1874), Берне (1876), Вербье (1877) и Лондоне (1881). Но эти секции лишь претендовали на руководство рабочим движением, а на деле были от него полностью оторваны, стояли в стороне.

В результате правительственных преследований в сентябре 1874 г. прекратила свое существование Новая мадридская федерация. Ее руководитель Хосе Меса эмигрировал в Париж.

Годы деятельности Интернационала в Испании были периодом накопления рабочим классом политического опыта и теоретического багажа, временем острой борьбы марксизма против бакунизма и возмужания испанского пролетариата. Период юности рабочего движения, который остался далеко позади для английских, французских, немецких рабочих, в Испании только начинался. Идейные шатания и колебания, политическая незрелость, отсутствие опыта, блуждание в потемках, поиски истины там, где ее невозможно найти,— эти и многие другие черты начального этапа рабочего движения с большой наглядностью проявились в Испании. Идейные блуждания испанских интернационалистов эпохи I Интернационала, их увлечение бакунистскими доктринами, а затем разочарование в анархизме представляются нам фазой,

⁶⁵ Подробнее см.: *Н. М. Пирумова*. О статье Ф. Энгельса «Бакунисты за работой». — «Энгельс и проблемы истории». М., 1970, стр. 244—258.

пусть самой первоначальной, теоретических поисков на пути к научному коммунизму.

В. И. Ленин писал, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁶⁶. Этот процесс «родовых мук» был не только русским, национальным, в той или иной форме и степени он повторялся в большинстве стран на раннем этапе пролетарского освободительного движения. Начальной, предварительной фазой этого процесса в Испании и была эпоха I Интернационала, основным содержанием которой была борьба марксизма против бакунизма, поиск единственно правильной революционной теории, первый шаг по пути соединения ее с массовым рабочим движением. Широкое распространение бакунизма в испанском рабочем движении было отнюдь не случайным моментом, а представляло собой закономерное, исторически обусловленное явление. Закономерным был временный (но не кратковременный) успех анархизма, закономерными были заблуждения первых испанских марксистов Мора, Меса, Лоренцо, закономерной была и борьба Маркса и Энгельса против бакунизма в испанских секциях и федерациях Товарищества.

Эпоха Интернационала не прошла бесследно для страны. Ее главнейшим позитивным итогом была активизация процесса выделения пролетариата из общей массы мелкобуржуазного «народа», формирования самостоятельных классовых организаций рабочих, как профессиональных, так и политических, приобщение рабочего класса Испании к международному рабочему движению.

Формирование пролетарских организаций представляло тем более знаменательное явление, что происходило в острой борьбе между марксизмом и анархизмом, между пролетарской и мелкобуржуазной идеологией и, несмотря на засилье анархизма, революционные пролетарские элементы добились значительных успехов.

Именно в эпоху Интернационала сложились в Испании первые группы социалистов, положивших начало процессу соединения рабочего движения с марксизмом.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

БАКУНИЗМ В ИТАЛИИ

В первые годы деятельности Интернационала в Италии три фактора тормозили процесс выделения пролетариата из потока общедемократической борьбы и окончательно отделения социалистического движения от мелкобуржуазного: незавершенность воссоединения страны, широкое распространение в рабочем классе идей утопического социализма и мелкобуржуазного демократизма, запоздалое развитие капитализма и как его следствие специфическая структура рабочего класса, преобладание ремесленного пролетариата.

С первых дней существования Интернационала ему пришлось выдерживать серьезное сопротивление мадзинистов созданию его организаций в Италии. На съезде итальянских рабочих обществ в Неаполе, происходившем в октябре 1864 г., обсуждалось предложение демократа Дженнаро Бовио о создании международного объединения рабочих организаций. Бовио предложил периодически созывать международные конгрессы рабочих и разработать для них общий устав. Сави, один из руководителей мадзинистов, информированный о возникновении Международного Товарищества Рабочих, сообщил, что в 1865 г. будет созван международный рабочий конгресс. Неаполитанский съезд решил направить на предстоящий конгресс делегацию итальянских рабочих. Впоследствии Энгельс в письме к Бовио расценил этот факт как доказательство признания исторической необходимости союза рабочих всех стран, «даже в тех странах, с которыми мы тогда не могли установить связи, так как не знали, к кому обратиться»¹. Предложение Бовио не было приня-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 374.

то. Его отклонение значительно задержало развитие пролетарского движения в Италии.

Мадзинистские лидеры Г. Стампа и маркиз Танари участвовали в работе Лозаннского конгресса; в итальянской прессе были опубликованы некоторые документы Интернационала². Одним из противников Мадзини в Италии оказался Бакунин. Во время встречи с Марксом 3 ноября 1864 г. он принял на себя распространение идей Товарищества в Италии, заверив Маркса, что отныне будет участвовать только в социалистическом движении рабочего класса, но вместо работы в Интернационале занялся созданием тайной организации «Интернациональные братья». Это была сектантская группа, в программу которой вошли некоторые положения утопического социализма.

Первое время Бакунин ограничил сферу своей деятельности сравнительно узким кругом левых мадзинистов. Позднее, в 1866—1867 гг., он установил связи с неаполитанским обществом «Свобода и справедливость», издававшим еженедельную газету того же назначения. Обществом руководили буржуазные демократы-гарibaldiйцы, находившиеся под влиянием утопического социализма и стремившиеся к установлению контактов с рабочими. Экземпляры газеты рассылались многим известным деятелям демократического и рабочего движения той поры, в том числе Марксу. Маркс получил два первых номера журнала накануне Лозаннского конгресса. Его внимание привлекла статья «Римский вопрос», содержащая критику мадзинизма. 4 сентября 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «Получил из *Неаполя* два первых номера газеты «*Libertà e Giustizia*». В первом номере они объявля-

² В работе Товарищества принимала участие Ассоциация совместного прогресса — общество взаимопомощи итальянских рабочих-эмигрантов в Лондоне. Ее представитель Доменико Лама участвовал в митинге 28 сентября 1864 г. Вскоре в состав Товарищества были приняты другие члены ассоциации, среди которых наибольшую активность проявлял Фонтана. Он был назначен секретарем-корреспондентом для Италии. Большинство членов Ассоциации были мадзинистами. Они оказались инициаторами первого серьезного конфликта в Генеральном Совете, происшедшего в связи с вопросом о взаимоотношениях между Интернационалом и буржуазными республиканцами (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 31, стр. 71, 74, 397). Подробнее см.: *И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966, стр. 67—71.*

ют себя *нашим органом*. Я дал этот номер Эккарриусу с собой, чтобы он показал его на конгрессе³. В номере 2-м, который я пошлю тебе, имеется очень удачная атака на *Мадзини*. Полагаю, что к этому причастен Бакунин⁴. В последнем Маркс ошибался: Бакунин не имел отношения к статье, хотя был настроен антимадзинистски.

На страницах газеты «Свобода и справедливость» были опубликованы решения Лозаннского конгресса. Пропагандируя их, деятели указанной организации высказали свою солидарность с тезисом конгресса о неразрывном единстве социального и политического освобождения пролетариата⁵. В конце 1867 г. реакционные власти Неаполя закрыли газету, прекратилась и деятельность группы. Однако ее работа не прошла бесследно, она подготовила почву для образования в Неаполе первой итальянской секции Товарищества, во главе которой оказались деятели ассоциации Стефано Капоруссо и Карло Гамбуцци.

Немногочисленные секции Товарищества строили свою деятельность под влиянием самых различных и непримиримых идейных направлений: Генерального Совета, бакунистского Альянса, мадзинистских организаций. При этом меньше всего средств воздействия на секции было у Генерального Совета. Летом 1869 г. бакунисты начали энергичную подготовку к Базельскому конгрессу, намереваясь получить на нем большинство и захватить руководство Интернационалом. Италия занимала не последнее место в этих планах. Бакунин добивался посылки на конгресс как можно большего числа своих сторонников в качестве представителей итальянских секций⁶.

Руководство итальянского Альянса направило Бакунину мандат от несуществующего общества механиков, Фанелли получил мандат от рабочего общества во Флоренции, не входившего в Интернационал⁷. Неаполитанскую секцию представлял Стефано Капоруссо, который активно поддерживал Бакунина.

³ Имеется в виду Лозаннский конгресс I Интернационала, делегатом которого был Эккарриус.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 288.

⁵ См. В. И. Григорьева. Указ. соч., стр. 91 и др.

⁶ М. Nettlau. M. Bakunin e l'Internazionale in Italia dal 1864 al 1872. Ginevra, 1928, p. 153—154; «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 448.

⁷ Фанелли не участвовал в работе конгресса, так как заболел на пути в Базель.

Деятельность Неаполитанской секции оказалась в поле зрения полиции, которая внимательно наблюдала за ростом ее популярности и ожидала повода для перехода к репрессиям. Такой случай представился. В начале февраля с кожевенных фабрик Неаполя было уволено около 40 рабочих. Началась забастовка. Местные власти использовали ее, чтобы нанести удар секции. 6 февраля 1870 г. были арестованы пять наиболее деятельных ее членов, в том числе Капоруссо и Гамбуцци⁸.

Преследования вызвали полную растерянность в рядах еще неокрепшей секции. Ее бывший председатель Капоруссо, выйдя из тюрьмы, встал на путь открытого ренегатства; он откровенно выступал против восстановления секции, а сторонников ее реорганизации, в частности Гамбуцци, третировал как полицейских агентов. Не без влияния Бакунина Капоруссо был исключен из секции. Принимая меры к реабилитации Гамбуцци, Бакунин преследовал корыстные, фракционные цели, но сама акция исключения Капоруссо была вполне справедлива.

К началу 70-х годов Интернационал в Италии лишь начинал процесс своего становления. Его первые приверженцы из среды революционной интеллигенции и рабочего класса действовали весьма энергично, но это были лишь первые, авангардные столкновения. Настоящая схватка была впереди.

В 1870 г. мир стал свидетелем падения Второй империи. Война с Пруссией вынудила Наполеона III отозвать французский гарнизон из Рима, и светская власть папы, лишившегося поддержки французских войск, была свергнута восставшим народом. В 1871 г. Рим стал столицей Италии. Присоединением Рима завершилось объединение страны. Заветная цель итальянских патриотов казалась достигнутой: Рим был освобожден, Италия стала единой. Однако объединенная Италия оказалась не демократической республикой, о какой мечтал народ, какой она представлялась Мадзини и Гарибальди. Она стала конституционной монархией, полицейско-бюрократической, антинародной, власть в которой принадлежала блоку крупных буржуа и землевладельцев.

Незавершенность буржуазно-демократической революции на долгие годы определила особенности социаль-

⁸ Гамбуцци был освобожден за отсутствием улик, остальные приговорены к месяцу тюремного заключения.

но-экономического и политического развития страны. В единой, но не свободной Италии происходила перегруппировка политических сил, менялись идеологические направления, складывалось новое соотношение классового противоборства. Наступал новый этап в развитии рабочего и социалистического движения. На все эти явления и процессы огромное воздействие оказало величайшее движение в истории XIX столетия — Парижская Коммуна.

Парижская Коммуна вызвала мощные отклики во всех классах итальянского общества. Демократическая пресса писала, что в Париже вновь провозглашены великие принципы свободы, а Франция «послужит маяком, освещающим путь прогресса в Европе». Стачки и политические демонстрации рабочих, массовые выступления крестьян, волнения в армии стали обычным и весьма распространенным явлением в стране⁹. Реакционные же круги организовали в прессе клеветническую кампанию как против коммунаров Парижа, так и против прогрессивных деятелей Италии.

Коммуна послужила могучим ускорителем процесса размежевания сил в лагере демократов-младзинистов, способствовала выделению социалистического пролетариата из общей массы мелкобуржуазного народа.

Джузеппе Мадзини — признанный вождь республиканской партии, борец за единство и демократизацию страны, организатор многочисленных заговоров, известный широким слоям трудящихся масс Италии как непреклонный поборник справедливости — в первые дни героической борьбы в Париже высказал свое отрицательное отношение к Коммуне. Правда, он сделал это только в письмах друзьям и долго не решался открыто выступить с осуждением великой битвы пролетариев. Лишь 26 апреля на страницах «Рома дель popolo» появилась его статья «Коммуна Франции». Она содержала резкое осуждение парижского восстания и призыв отвергнуть программу коммунаров. Автор утверждал, что Коммуна облегчит реставрацию монархии во Франции¹⁰. Демократическая пресса дружно выступила против Мадзини, заявив, что его позиция не отражает настроения респуб-

⁹ В. Е. Невлер. Италия и Парижская Коммуна. — «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, стр. 662—680.

¹⁰ «La Roma del Popolo», 26.IV 1871.

ликанской партии¹¹. В ответ на прогнозы Мадзини демократическая «Газеттино роса» писала: «Париж, даже пав, спасет Францию и республику... Монархия невозможна более во Франции... Коммуна провела блестящее сражение — сражение за свободу против деспотизма. Почет Парижу!»¹² Под влиянием Коммуны позиции мадзинизма и буржуазной демократии покинули ее левые представители Андреа Коста, Освальдо Ньюкки-Виани, Энрико Биньями, Антонио Риджо и многие другие. Они обратили свои взоры к Интернационалу.

Разочарованием рабочих масс и демократических элементов в мадзинизме, отсутствием социалистической школы и массовой пролетарской организации, слабостью секций Товарищества сумели воспользоваться для укрепления своих позиций в итальянских организациях Интернационала бакунисты.

После выступления Мадзини с критикой в адрес Коммуны Бакунин опубликовал «Ответ одного интернационалиста Мадзини» и брошюру «Политическая теология Мадзини и Интернационал». По свидетельству Дж. Гильома, оба произведения имели большой успех; благодаря полемике против Мадзини Бакунин создал Интернационал в Италии¹³.

Бакунин не забыл, что Мадзини, зная его лишь по имени, выступил в защиту его от обвинений в шпионаже в пользу царского правительства. «...Мадзини благородно стал тогда на мою защиту. Нужно ли мне говорить, что я глубоко привязался к этой изумительной личности, чистейшей и величайшей из всех, каких я когда-либо встречал в своей жизни. Я люблю Мадзини, я чту его так же сегодня, как чтил девять лет тому назад, и все-таки я должен против него выступить. Я должен стать против него на сторону Маркса. Такова фатальность, уклониться от которой мне не позволяют ни мои убеждения, ни моя религия, не менее глубокая и не менее чистая, чем его, Мадзини»¹⁴.

В «Ответе одного интернационалиста Мадзини» последний характеризуется как один из самых благород-

¹¹ «Gazzettino rosa», 14.V 1871.

¹² «Gazzettino rosa», 22.V 1871.

¹³ Дж. Гильом. М. А. Бакунин.— «Былое», 1906, № 8.

¹⁴ М. Bakunin. La théologie politique de Mazzini et l'International, Neuchatel, 1871, p. 45—46.

ных и самых чистых деятелей века. «К сожалению,— писал Бакунин,— в самой основе революционной программы итальянского патриота заложен был с самого начала существенно ложный принцип, который парализовал и сделал бесплодным его самые героические усилия и самые гениальные комбинации и рано или поздно должен был увлечь его в ряды реакции. Это принцип какого-то в одно и то же время метафизического и мистического идеализма, соединенного с патриотическим честолюбием государственного деятеля. Это культ бога, культ божеской и человеческой власти, это вера в мессианское предназначение Италии, царицы наций, вместе с Римом, столицей мира, это политическая страсть к величию и славе государства, необходимо основанных на нищете народов. Это, наконец, религия всех догматических и абсолютных умов, страсть к единообразию, которое они называют единством и которое является могилой свободы»¹⁵.

Критику Мадзини Бакунин начал с пропаганды одного из основополагающих тезисов своей программы — атеизма. Он утверждал, что главной причиной выступления Мадзини против освобождения народных масс является вера в бога, «вторжение мистических идей и чувств в его сознание»¹⁶. Главным врагом свободы ныне является «армия бога». Под ее знаменем выступают все реакционеры — «от Наполеона III до Бисмарка, от императрицы Евгении до королевы Изабеллы», между ними Бакунин помещает папу с его «мистической ризой», здесь же «все короли, весь официальный, официозный и дворянский мир и все привилегированные Европы», «все пиявки промышленного, торгового и банковского мира, патентованные профессора и все государственные чиновники: высшая и низшая полиция, жандармы, тюремщики, палачи и вместе с ними попы, составляющие ныне черную полицию душ, работающую в пользу государства; все генералы, эти гуманные защитники общественного порядка, и редактора продажной прессы, такие чистые представители всех официальных добродетелей»¹⁷.

¹⁵ *Михаил Бакунин*. Избр. соч., т. V. Пг.— М., 1922, стр. 59.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 60.

Антитезу «армии бога» составляет лагерь революции. Революция это — «смелые отрицатели бога, божественного порядка и принципа власти, и наоборот, и поэтому именно верующие в человечество, в человеческий порядок и человеческую свободу»¹⁸. Трагедия Мадзини — по мнению Бакунина — в том, что он разделял оба противоположных течения: был одновременно и жрецом и революционером. Одно из двух начал — бог или революция — должно было взять верх. Победило первое, и Мадзини стал реакционером.

Критика мадзинизма с позиций «чистого атеизма» не могла достичь цели и не способствовала бы росту влияния бакунизма, особенно в Италии — цитадели католицизма, если бы она не сочеталась с анализом и освещением вполне земных проблем общественного движения. Бакунин доказывал, что материалисты-атеисты стремятся к освобождению общества, а идеалисты — к освящению и установлению вечного рабства. Отсюда ясно, утверждал Бакунин, «что теоретический материализм имеет необходимым следствием практический идеализм и, наоборот, идеалистические теории находят свое возможное существование лишь в самом грубом практическом материализме»¹⁹. Поясняя свою мысль, формулировка которой не грешит излишней четкостью, автор ставит вопрос, что представляют собой идеалисты и материалисты в общественной жизни. «Вчера на наших глазах где были материалисты и атеисты? В Парижской Коммуне. А где были идеалисты, верующие в бога? В Версальском национальном собрании. Чего хотели парижские революционеры? Они хотели окончательного освобождения человечества, посредством освобождения труда. А чего хочет теперь победоносное Версальское собрание? Окончательного падения человечества под двойным игом духовной и светской власти»²⁰.

Бакунин указал на два «преступления», совершенные Мадзини перед социалистической демократией. Во-первых, его выступление против коммунаров, которые самоотверженно защищали «самое человеческое, самое справедливое, самое великое дело, когда-либо

¹⁸ Михаил Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 60.

¹⁹ Там же, стр. 65.

²⁰ Там же.

происходившее в истории, дело освобождения трудящихся всего мира»²¹. Во-вторых, Мадзини повинен в выступлении против принципов социализма и Международного Товарищества Рабочих, которое эти принципы отстаивает.

В заключение Бакунин делал вывод, что Мадзини окончательно порвал с революцией и занял место в рядах международной реакции.

Выступление Бакунина в защиту Интернационала и Коммуны, в которой он видел воплощение своего идеала ликвидации государства, торжества автономизма и федерализма, резкое осуждение версальской реакции нашли самый благоприятный отклик как в среде радикально настроенной демократической молодежи, так и в рабочих массах страны.

С особым усердием Бакунин полемизировал с Мадзини по вопросу об отношении к религии, той именно проблеме, которая давно уже составляла предмет полемики радикальных республиканцев с Мадзини.

Бакунин очень ловко обошел главные вопросы, которые служили водоразделом между Мадзини и Интернационалом: уничтожение классов, ликвидация частной собственности на орудия и средства производства, национализация земли и другие.

Выступление Бакунина сразу подняло его авторитет в кругах радикально настроенной молодежи Италии²². Ее представители почти не обратили внимания на элементы анархистских идей, которые и сам автор не стремился акцентировать. Бакунина еще не знали как противника Маркса и Генерального Совета, но хорошо помнили как героя революции, мученика реакции, многие видели в нем авторитетного представителя Интернационала. К прежним сторонникам Бакунина — Гамбуцци, Фанелли, Фриша — прибавились новые. В начале сентября 1871 г. в переписку с ним вступил редактор газеты «Пролетарио италиано», секретарь рабочего общества «Освобождение пролетариата» в Турине (сек-

²¹ Бакунин напомнил, что Мадзини не в первый раз выступает против пролетарского движения и, в частности, против парижских рабочих. После июньских дней 1848 г. он повторил все клеветнические обвинения против июньских инсургентов, распространявшиеся буржуазными республиканцами.

²² *E. Riemerschmid. Der Einfluss Bakunins auf die italienische anarchistische Bewegung. Winterthur, 1956.*

ции Интернационала) Карло Терцаги²³. В конце сентября направил Бакунину свое первое письмо Кармело Палладино. В Локарно Бакунина посетили студент-агроном Тестини, в будущем член Миланской секции Интернационала, сотрудник «Газеттино роса» Винченцо Глецца. Не способные правильно воспринять программные принципы Интернационала, они охотно поддерживали их бакунистскую интерпретацию. Популярности Бакунина способствовала сложность идейной борьбы вокруг Интернационала в Италии, определяемая расколом внутри мелкобуржуазной демократии: гарибальдийцы и мадзинисты по-разному отнеслись к Парижской Коммуне и Интернационалу.

Гарибальди был возмущен нападками Мадзини на Коммуну до такой степени, что 21 октября 1871 г. обратился с письмом к редактору «Рома дель пополо» Джузеппе Петрони, в котором писал: «Кто дал вам право бросать проклятия павшим? Ведь это единственные люди, которые в наше время тирании, лжи, трусости и разложения высоко держали святое знамя правды и законности и с ним в руках погибли»²⁴. В сентябре Гарибальди открыто заявил о своей солидарности с Интернационалом, приветствуя его как борца против милитаризма за братство народов²⁵. Разумеется, солидарность с Интернационалом не означала перехода на его позиции. До конца жизни Гарибальди оставался мелкобуржуазным революционером. Зато молодые гарибальдийцы, участвовавшие в политической жизни в совершенно иных условиях, должны были пойти дальше своего учителя.

Мадзини не собирался отступать. Осенью 1871 г. он значительно активизировал нападки на Интернационал.

²³ Терцаги оказался предателем, став в 1872 г. полицейским агентом.

²⁴ Цит. по: «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, стр. 877. 7 ноября 1871 г. Энгельс сообщил содержание письма на заседании Генерального Совета, отметив, что «оно окажет большое влияние в Италии». После получения текста письма, опубликованного в итальянской прессе, Энгельс включил его почти целиком в отчет о заседании Совета, опубликованный в «Истерн пост» 11 ноября 1871 г. 13 ноября он писал Т. Куно, что «письмо к Петрони представляет для нас громадную ценность» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 272).

²⁵ См. *И. В. Григорьева*. Указ. соч., стр. 150. См. также: *G. Garibaldi*. *Lettere e proclami*. Milano, 1954.

Критикуя линию Товарищества, он усмотрел в ней отрыв социальной проблемы от политической, отождествив таким образом принципы Интернационала с анархистским призывом воздержания от политической деятельности. Это было опасно. Выдавая порочные доктрины бакунизма за якобы программные принципы Товарищества, Мадзини мог без большого труда опровергнуть их и таким образом дискредитировать Интернационал. Эта акция могла произойти на съезде рабочих обществ, который должен был начать свою работу 1 ноября 1871 г. в Риме.

12 октября на страницах «Рома дель popolo» было опубликовано послание Мадзини к делегатам съезда; в нем была сформулирована центральная задача съезда: создание единой организации рабочих обществ. Пока она не будет решена, съезд не должен заниматься иными вопросами. Мадзини не формулировал программных установок новой организации рабочих, но полагал, что съезд должен сделать два важных заявления: решительно отмежеваться от Коммуны и Интернационала и указать, что итальянские рабочие — прежде всего итальянцы, они не могут быть равнодушными ни к одному из вопросов национального развития своей страны. «Советы» Мадзини содержали требования не просто отказа от пролетарской революции, но прямого осуждения попытки пролетариата завоевать государственную власть. Отвергая принципы Коммуны и ее деятельность самым решительным образом, Мадзини объективно становился на сторону версальцев. Революционная, прогрессивная деятельность Интернационала по сплочению пролетарских армий осуждалась, принципы Товарищества отвергались. Наконец, идеи пролетарского интернационализма предлагалось заменить тезисом о примате национального развития — национализмом.

Против Мадзини вновь выступил Бакунин. Он направил своим единомышленникам, либо действительным, либо предполагаемым, письмо, не предназначенное для печати, а поэтому отличавшееся от предыдущих статей отсутствием маскировки, свойственной многим работам Бакунина, определенностью и четкостью формулировок идей. В документе отчетливо просматривается главная линия Бакунина — попытка подменить марксизм анархизмом, навязать Товариществу свои

доктрины. Выступая против Мадзини, автор направлял свои критические аргументы прежде всего и главным образом против Маркса и Энгельса.

Бакунин выступил в роли сторонника Коммуны и защитника Интернационала от мадзинизма. Но эта защита велась с позиций, очень далеких от принципов Товарищества. Выступая с критикой рабочей организации, которая строилась бы на основе мадзинистских принципов и вряд ли проводила бы политику в интересах пролетариата, Бакунин выступил с критикой самой идеи создания рабочей организации, заявив, что всякая организация — это «проклятая фикция государства, которое поглощает и сосредоточивает в себе естественную коллективную жизнь народа»²⁶.

Бакунин использовал опровержение мадзинистской критики Интернационала для своих собственных нападок на Товарищество. Мадзини пишет о «плохо организованных обществах», «которые начинают вам говорить о свободе, чтобы неизбежно прийти к анархии и деспотизму центра и города, в котором находится этот центр» (имеется в виду Интернационал и его Генеральный Совет, находящийся в Лондоне). Бакунин комментирует: «Анархия — это мы, сторонники уничтожения государства в Интернационале; деспотизм — немцы в Интернационале и Лондонский Генеральный Совет, сторонники централизации, народного государства»²⁷. И продолжает: «Мадзини любит деспотизм, он слишком пророк, слишком жрец, чтобы не обожать его; только, уступая духу времени, он называет его «свободой». Мадзини хочет римского деспотизма, но не лондонского; а мы не жрецы и не пророки и одинаково отвергаем как лондонский, так и римский деспотизм»²⁸. Критика в адрес Генерального Совета вполне откровенна и включает всякую возможность двух толкований.

В рассматриваемом документе Бакунин еще не отказывался от политики полностью, более того, он одобрительно отзывается о политике Международного Товарищества Рабочих. «Интернационал, — писал он, — не отвергает вообще политики; он необходимо должен будет вмешиваться в политику, пока он принужден бу-

²⁶ Михаил Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 154.

²⁷ Там же, стр. 155.

²⁸ Там же.

дет бороться против буржуазного класса. Он отвергает только буржуазную политику и буржуазную религию, потому что первая устанавливает грабительское господство буржуазии, а вторая ее санкционирует и освящает. Буржуазия священна. Мадзини хочет запрячь пролетариат в колесницу буржуазной политики, а этого-то мы и не хотим совершенно»²⁹.

Однако, признав возможность политической деятельности, Бакунин самым решительным образом отрицает целесообразность для пролетариата и его руководителей участвовать в политической власти, ибо это участие тотчас же приведет к отходу от революционных позиций: «Мы, разумеется, искренние социалисты и революционеры; но если нам дадут власть и мы сохраним ее только в продолжение нескольких месяцев, мы не будем тем, что мы являемся теперь... мы ненавидим власть, всякую власть, как ее ненавидит народ»³⁰. Обращаясь к революционной молодежи Италии, многие представители которой все еще следовали мадзинистской политике борьбы за республику под лозунгом «Бог и народ», Бакунин призывал ее порвать с заговорщической деятельностью и республиканскими предприятиями Мадзини и выработать «свою собственную политику». Это должна быть политика борьбы не за Республику — Государство, а за Республику — Коммуну, Республику — Федерацию, за социалистическую и действительно народную Республику, за систему Анархии. «Это политика социальной революции, которая стремится к уничтожению *Государства* и к экономической, вполне свободной организации народа, организации снизу вверх федеративным путем»³¹.

Критикуя мелкобуржуазную, утопическую идею Мадзини о замене «современной», т. е. капиталистической, системы наемного труда системой добровольного товарищества, основанного на соединении труда и капитала в одних руках, Бакунин совершенно неожиданно, даже для его построений, никогда не отличавшихся силой логики, формулирует вывод, что капиталистическое государство, ведающее всем национальным трудом, — к чему стремится Мадзини, — будет представлять

²⁹ Там же, стр. 162.

³⁰ Там же, стр. 166.

³¹ Там же, стр. 171.

собой «коммунистическое, централизованное, всемогущее государство, разрушитель всякой свободы и всякой автономии, как личностей, так и коммун, такое, о каком мечтают ныне немецкие социалисты школы Маркса и против которого мы, анархисты, боремся больше, чем Мадзини, хотя и исходя совершенно из другой точки зрения»³². По существу Бакунин выступает здесь против марксовской идеи диктатуры рабочего класса, создания пролетарского государства, которое возьмет на себя наряду с другими также функции организации производства, руководства и управления экономикой, он приписывает «немецким социалистам школы Маркса» идею создания капиталистического государства, ведающего всем национальным трудом. В какой-то степени эта идея может быть отнесена к школе «королевско-прусского социалиста» Ф. Лассаля, против которой упорно и настойчиво боролись Маркс и Энгельс, а не к Марксу.

Завуалированная критика Маркса и Генерального Совета содержится также в рассуждениях Бакунина о причинах могущества Интернационала и его «постоянно возрастающей силы»: «Интернационал могуч,— писал Бакунин,— потому что он не навязывает народу никакого абсолютного догмата, никакой непреложной доктрины; потому что программа его формулирует лишь собственные инстинкты, реальные стремления народа. Он могуч, потому что не старается, как вы всегда это делали, образовать непреложную силу вне народа, и потому что лишь организует народную силу. И он может это делать, ...так как он не претендует (на право.— М. М.) навязать народу программу, полученную сверху и тем самым чуждую и противоречащую народным инстинктам...»³³

Интернационал действительно был организацией, отражавшей реальные стремления народа, сильной своей связью с народными массами. Но ряд формулировок, несомненно, неверен, и своим острием эти критические ремарки направлены против Маркса: программа Интернационала якобы не формулирует «никакой непреложной доктрины», а основана лишь на «собственных инстинктах» народа. В основе программных документов

³² Михаил Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 175.

³³ Там же, стр. 179.

Интернационала лежала вполне определенная, «непреклонная доктрина» — марксистское учение об обществе, основанное не на «инстинктах» народа, а на научном анализе закономерностей развития исторического процесса. Труды Маркса и Энгельса, решения Генерального Совета принадлежали к «полученным сверху» и, по мнению Бакунина, могли быть только «чуждыми» интересам народа. Это был протест против усиливающейся централизации руководства Интернационалом, повышения роли Генерального Совета, торжества идей марксизма в секциях Товарищества, особенно идеи создания пролетарской партии, которая приняла после Лондонской конференции характер обязательного решения.

В противоречии с принципами научного коммунизма находится и утверждение Бакунина: «Народ естественный и законный враг государства; ...всякая власть ему ненавистна»³⁴. С этих позиций Бакунин критиковал итоги объединения Италии в единое государство и пропагандировал идею федерализма. Подлинное единство, по его мнению, может быть создано лишь на основе ликвидации государства.

«Когда исчезнут государства, живое, плодотворное и благодетельное единство областей и наций, международное единение сначала всего цивилизованного мира, потом всех народов земли путем свободной федерации и организации снизу вверх будет развиваться во всем своем величии, не божественном, а человеческом»³⁵.

Бакунин ставил перед революционной итальянской молодежью вполне конкретную задачу: «помочь итальянскому народу разрушить единое итальянское государство» и противопоставить знамени политического единства Мадзини «федеральное знамя итальянской нации, итальянского народа»³⁶. Бакунин различал два вида федерализма: аристократически-консортерийский³⁷, антинародный, представляющий собой политическую организацию сверху вниз, и «истинно народный», начинающийся снизу, с товариществ и коммун, который неизбежно станет институтом социализма.

³⁴ Там же, стр. 189.

³⁵ Там же, стр. 192—193.

³⁶ Там же, стр. 193.

³⁷ Consorteria — крупная буржуазия.

Анархистские воззрения Бакунина проявляются при изложении вопроса о работе в деревне, среди крестьянства. Революционные возможности итальянского крестьянина, по мнению Бакунина, заложены в его бедности и отсутствии собственности на землю. Эти факторы создают из массы итальянского крестьянства «всемогущую армию для социальной революции»³⁸. «Руководимая городским пролетариатом и организованная революционной социалистической молодежью, эта армия будет непобедима»³⁹.

Бакунин не отрицал роли рабочего класса в революции: городской пролетариат должен стать во главе ее непобедимой армии. Однако восстания одного городского пролетариата недостаточно для победы социальной революции; успех такого восстания в лучшем случае приведет к победе политической революции. В дальнейшем реакция и равнодушие крестьян задушат городскую революцию. Лишь революция одновременно в городах и деревнях, всеобъемлющая революция может быть социальной. Бакунин видел главную силу революции в крестьянстве и городских низах, но, стремясь использовать в своих целях Интернационал — пролетарскую организацию, он по крайней мере на словах признавал ведущую роль рабочего класса в социальной революции. В противном случае ему пришлось бы открыто заявить о разрыве с принципами Товарищества и выходе из него, что в планы Бакунина не входило. Критикуя Мадзини за его тезис — «нам пока нечего делать в деревне», — Бакунин объяснял такую позицию стремлением к политической революции, которая не завершается разрушением государства, а будет означать замену его «каким-нибудь господством или другим государством»⁴⁰. Революция в городе может быть только политической, зато крестьянская революция может быть только социальной. «Мадзини это знает, — заключает Бакунин, — и поэтому он обращался исключительно к городскому пролетариату, который он надеется «обуржуазить», тогда как «обуржуазить» крестьян ему казалось невозможным»⁴¹.

³⁸ Михаил Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 200.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 204.

⁴¹ И. В. Григорьева пришла к выводу, что полемика Бакунина со-

В заключение «Послания» Бакунин советовал своим друзьям принять участие в Римском съезде и попытаться устроить там первое сражение, открыто выступить против Мадзини со своими предложениями и таким образом объявить свою программу Италии и Европе.

Критика мадзинизма велась Бакуниным с анархистских позиций, включавших требование отмены государства, отрицание целесообразности особой рабочей политической организации, узкое понимание политической борьбы, исключающее возможность завоевания пролетариатом политической власти. Автор резко выступал против всякого «авторитета», т. е. руководства из единого центра, называя его деспотизмом и противопоставляя ему принцип анархии; пытался еще раз обосновать идею федерализма как антитезу централизма, в условиях только что объединившейся Италии призывал к борьбе за ее новую децентрализацию.

С противоположных позиций критиковал Мадзини и отстаивал принципы Интернационала Энгельс. 28 июня в выступлении на заседании Генерального Совета он указал, что Мадзини необоснованно приписывает Интернационалу три принципа, которыми он якобы руководствуется в своей деятельности: «во-первых, отрицание бога, то есть отрицание всякой морали; во-вторых, отрицание отечества, которое оно (Товарищество.— М. М.) растворяет в конгломерате коммун — неизбежной участью их явилась бы взаимная вражда; в-третьих, отрицание собственности, что означает лишение рабочего плодов его труда, ибо право личной собственности заключается в праве каждого на то, что он произвел»⁴². Итак: атеизм, федерализм, отрицание права личной собственности.

В предельно ясной форме Энгельс отвергает все три обвинения: Интернационал никогда не выдвигал принцип атеизма в качестве обязательного условия принадлежности к нему; он всегда был сторонником единства, а не распада, он выступал против «лозунга о национально-

держит мысль, что крестьянство от природы представляет собой более революционный элемент, чем городской пролетариат (И. В. Григорьева. Указ. соч., стр. 160). Приведенная нами цитата представляется нам дополнительным доказательством справедливости выводов автора.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 638.

стях» лишь потому, что этот лозунг направлен на разделение народов и установление вражды между ними. Интернационал стремился не упразднить, а установить личную собственность, т. е. обеспечить каждому плоды его труда, которые при существующей ныне системе попадают в карманы немногих; эту систему Мадзини предлагает оставить без изменений⁴³. Энгельс писал, что Мадзини был и остается буржуазным демократом, который охотно соглашался на предоставление политических прав рабочим с целью сохранения социальных привилегий буржуазии, но всегда выступал против попыток рабочего класса изменить существующий строй социальной несправедливости. Его выпады против июньских инсургентов 1848 г. возмутили даже противника восстания Луи Блана. Что касается позитивной программы Мадзини, то Энгельс определяет ее столь же точно, сколь и лаконично: «Необходимо, чтобы итальянские рабочие знали, что у великого агитатора и заговорщика Мадзини для них только один совет: *Просвещайтесь, обучайтесь как можно лучше* (как будто это возможно сделать, не имея средств!)... *старайтесь как можно больше создавать кооперативные потребительские общества* (даже не производственные!) — *и упуйте на будущее!!!*»⁴⁴

1—6 ноября 1871 г. в Риме состоялся съезд рабочих обществ, созданный мадзинистами. В его работе приняли участие делегат от Неаполитанской секции Интернационала бакунист Альберто Туччи и делегат от секции Интернационала в Джируженти Карло Кафьеро. Туччи и Кафьеро участвовали в обсуждении «Договора о братстве» — проекта программы объединения рабочих обществ, предложенного мадзинистами. Они сумели добиться отклонения съездом ссылки проекта на «принципы Джузеппе Мадзини».

Мадзинистское большинство съезда предложило специальную резолюцию, одобряющую социальные и политические принципы своего учителя. Против резолюции выступил Туччи, который пытался изложить суть разногласий Интернационала с Мадзини. Его пространная речь содержала ряд аргументов, заимствованных из бакунинского послания. Он говорил об экономическом равенстве

⁴³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 639.

⁴⁴ Там же, стр. 306; см. также т. 33, стр. 224—226.

классов, отстаивал федералистский принцип «снизу вверх», негативно отозвался о политической борьбе⁴⁵. Его поддержал Кафьеро. Однако мадзинистское большинство все же провело свою резолюцию. В знак протеста Кафьеро, Туччи и делегат Братства ремесленников Ливорно Де Монтель покинули съезд. Действия Кафьеро были одобрены Марксом и Энгельсом⁴⁶.

Летом 1871 г. ни Маркс, ни Энгельс, ни Генеральный Совет не располагали какими-либо достоверными сведениями о деятельности бакунистов в Италии. Однако они были уверены, что анархисты попытаются активизировать свою деятельность в этой стране. Уже в первом письме в адрес Кафьеро, написанном 1—3 июля 1871 г., Энгельс указывал, что председатель Неаполитанской секции Капоруссо и его друзья принадлежат «к секте русского Бакунина»⁴⁷. Энгельс писал, что у Бакунина имеется своя собственная теория, представляющая собой смесь коммунизма и прудонизма, основанная на полном незнании законов политической экономики. Анархия, отказ от политических действий, которые, по мнению Бакунина, могут быть только «авторитарными», избавление общества от гнета и тирании путем отмены права наследования — вот основные элементы его доктрины, на основе которой он создал секту; в нее входит небольшая группа французских и швейцарских рабочих, некоторые члены Интернационала в Испании и Италии.

В письмах Кафьеро Энгельс разъяснял цели Товарищества, знакомил с его организационной структурой. Энгельс писал, что Интернационал представляет собой центр сношений и совместных действий самых разных рабочих организаций. Даже в Генеральном Совете вместе работали сторонники различных взглядов. Именно в этом заключалась сила Товарищества.

⁴⁵ См. *И. В. Григорьева*. Указ. соч., стр. 161.

⁴⁶ 9 ноября 1871 г. Маркс писал Зорге: «В Италии мы делаем быстрые успехи. Огромная победа над партией Мадзини» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 269). 14 ноября Энгельс сообщил Генеральному Совету о съезде в Риме, что «все это дело — мистификация, организованная Мадзини для воскрешения своего гаснущего влияния, и оно целиком оправдалось» («Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965, стр. 14).

⁴⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 201.

Различие во взглядах не являлось препятствием для совместной работы в рамках Интернационала, если расхождения мнений не нарушали единства и устойчивости Товарищества. Обычно Генеральному Совету это удавалось предотвращать во всех случаях кроме столкновения с бакунистами, которые стремились навязать свои доктрину и программу всем организациям. Энгельс допускал возможность пребывания бакунистов в Интернационале при условии соблюдения ими общих норм, обязательных для всех членов, хотя считал такую перспективу маловероятной⁴⁸.

Разъяснения Энгельса были направлены на то, чтобы наладить работу итальянских секций в духе программы Интернационала и не позволить бакунистам, влияние которых в Италии было значительно, совлечь итальянские организации с правильного пути на путь анархизма. Той же цели служило написанное Энгельсом «Заявление Генерального Совета в редакцию итальянских газет по поводу статей Мадзини об Интернационале»⁴⁹, опубликованное в «Плебе» и «Газеттино роса» 12 декабря 1871 г. Это был первый документ, содержащий открытое выступление Энгельса против попыток выдать догмы Бакунина за принципы Интернационала, а фактически первое открытое выступление против бакунизма в Италии.

Поводом для выступления Энгельса была статья Мадзини «Документы об Интернационале», напечатанная в «Рома дель popolo»⁵⁰, в которой автор в качестве «документа Интернационала» привел запись речи Бакунина на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне в 1868 г. Речь содержала бакунистские требования уравнивания классов и отмены права наследования. Напомнив, что в 1868 г. Бакунин не был членом Интернационала, что Брюссельский конгресс отклонил приглашение принять официальное участие в бернском конгрессе лиги, разрешив членам Интернационала участвовать в нем лишь в частном порядке⁵¹, Энгельс указывал, что Интерна-

⁴⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 218—224.

⁴⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 477—478.

⁵⁰ *G. Mazzini. Documenti sull'Internazionale.*— «La Roma del Popolo», 16, 23.XI, 7.XII 1874.

⁵¹ «Troisième Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Bruxelles, 1868, p. 40.

ционал не может нести ответственность за действия и декларации Бакунина.

Формулируя отношение Генерального Совета к доктринам Бакунина, Энгельс писал, что Совет всегда выступал против попыток подменить широкую программу Интернационала «узкой и сектантской программой Бакунина», принятие которой повлекло бы за собой исключение из Интернационала большинства его членов, тогда как действующая ныне программа Товарищества открывает доступ в его ряды большинству рабочих организаций, в том числе и приверженцам Бакунина⁵².

Выступление Энгельса было в высшей степени своевременным и крайне необходимым, в особенности для Италии, ибо полемика против мадзинизма, борьба внутри итальянских секций приобрели иной аспект и иную проблематику. Главным вопросом, вокруг которого шла борьба внутри Интернационала и его итальянских организаций, оказалась резолюция Лондонской конференции о характере и роли политического действия пролетариата. Критика буржуазного государства и буржуазной политики мадзинизма была уже пройденным, как бы предварительным этапом к дискуссии о позитивных задачах политической борьбы пролетариата. Иными словами, от критики буржуазной политики с позиций мелкобуржуазного утопического социализма следовало перейти к пониманию политических задач с позиций научного коммунизма. В начале 70-х годов преодоление именно этого рубежа, этой грани являлось объективной задачей итальянского — и не только итальянского — рабочего движения. В Италии оно происходило в условиях отсталости социально-экономического развития страны, идейной незрелости рабочего класса и его идеологов, которые почти не знали ни трудов Маркса и Энгельса, ни документов Интернационала.

Большое значение имела специфика идеологической борьбы в итальянском рабочем и демократическом движении. Она шла вокруг стремления мадзинистов придать рабочему движению по преимуществу политический характер, оставив в стороне экономические сюжеты. Сторонники Интернационала выдвигали тезис о недостаточности чисто политических преобразований, трак-

⁵² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 478.

туемых в мелкобуржуазном духе. С этих позиций критиковал Мадзини и Бакунин, но в своей критике он, как и подобает анархисту, дошел до отрицания политической борьбы и одновременно использовал критику для популяризации своих анархистских воззрений. Возникла вполне реальная возможность укрепления и расширения влияния в Италии бакунизма.

Итальянские рабочие были поставлены перед альтернативой либо платформа Мадзини, либо платформа Интернационала в ее бакунистской трактовке. По этой причине борьба внутри организаций Товарищества в Италии иной раз принимала драматический характер. В частности, так случилось в Турине, где раскол с мадзиннистами был осуществлен с сектантских бакунистских позиций, что привело к сужению массовой базы новой секции Интернационала, образованной в декабре 1871 г. под названием «Освобождение пролетария»⁵³.

Напряженной была борьба в Милане. Здесь существовало мадзиннистское Общество моральной взаимной помощи и просвещения рабочих. Осенью 1871 г. в него вступили бакунисты Винченцо Пецца и Тестини. Они развернули энергичную агитацию за присоединение общества к Интернационалу, толкуя его принципы в духе доктрин Бакунина. В обществе происходили бурные дискуссии, в которые вскоре включился Теодор Куно. Революционную деятельность Куно начал в Германии, где был близок с Либкнехтом и Бебелем; в результате полицейских преследований он оставил Германию и эмигрировал сначала в Австро-Венгрию, затем в Италию, где устроился работать в качестве инженера на одном из миланских предприятий. В Милане Куно тотчас же принялся за организацию секций Международного Товарищества Рабочих. Первое время он был связан с секретарем немецкой секции Интернационала И.-Ф. Беккером, осенью 1871 г. вступил в переписку с Энгельсом⁵⁴.

Вскоре у Куно обнаружились серьезные расхождения с бакунистами в толковании программных документов Товарищества. 1 ноября 1871 г. Куно обратился к

⁵³ См. *И. В. Григорьева*. Указ. соч., стр. 170—171.

⁵⁴ См. *Т. Куно*. Из воспоминаний.— «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 210.

Энгельсу, попросив у него совета по вопросу об организации секции, не сообщив, однако, о своих разногласиях с бакунистами. Энгельс ответил 13 ноября. Он писал, что связи Генерального Совета с Миланом ограничиваются «Газеттино роса», и советовал Куно самостоятельно найти приверженцев Интернационала. Подчеркивая большое значение создания организации в Милане, крупнейшем промышленном центре Италии, Энгельс писал, что такая акция «будет иметь совершенно особую ценность»⁵⁵.

30 ноября Куно сообщил Энгельсу, что в ближайшее время можно рассчитывать на организацию секции в Милане, и просил прислать 50—60 членских карточек Интернационала. Энгельс ответил 16 декабря, но письмо до Куно не дошло, так как было перехвачено полицией. Куно удалось создать Рабочий кружок, который на чрезвычайном собрании 7 января 1872 г. принял решение о присоединении к принципам Интернационала. В тот же день об этом было направлено уведомление Энгельсу. 30 января Энгельс доложил Генеральному Совету об образовании секции, устав которой по его предложению был единодушно одобрен⁵⁶.

27 декабря 1871 г. Куно направил письмо Энгельсу, в котором сообщал о сонвильерском циркуляре и просил подробных разъяснений и инструкции. Энгельс ответил письмом от 24 января. Оно содержало информацию о борьбе Генерального Совета против Альянса и развернутую характеристику бакунизма. Энгельс советовал Куно проявить максимум внимания к дискуссии о сонвильерском циркуляре, ибо присоединение к нему явилось бы косвенным одобрением ложных обвинений и клеветы в адрес Генерального Совета, которыми избилует бакунистский документ. Энгельс сообщал, что Совет вскоре выступит с официальными разъяснениями⁵⁷ по поводу конгресса в Сонвилье и бакунистских обвинений, и советовал Куно принять меры, предотвращающие заявление Миланской секции до появления документа.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 272.

⁵⁶ «Генеральный Совет Первого Интернационала...», стр. 54.

⁵⁷ Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Мнимые расколы в Интернационале».

Разъяснения Энгельса были использованы Куно в ходе дискуссии, происходившей в Миланской секции. Результат оказался в высшей степени положительным: секция не поддержала сонвильерский циркуляр и приняла резолюцию, опровергавшую сообщение «Бюллетеня Юрской Федерации» о присоединении секции к указанному документу. Резолюция не была опубликована, не знал о ней и Генеральный Совет: 28 февраля Куно был арестован; полиция изъяла у него все документы Интернационала. Деятельность Куно в Милане была в высшей степени плодотворной, он сумел добиться не только отклонения сонвильерского циркуляра, но и принятия резолюции о целесообразности и необходимости политического действия пролетариата, т. е. одобрения решения Лондонской конференции.

Арест и последовавшая за ним высылка Куно из Италии отрицательно сказались на дальнейшей деятельности Миланской секции. В ней заметно усилилось влияние бакунизма⁵⁸. Победа анархизма пришла не сразу. Секция не участвовала в работе общенациональной конференции итальянских бакунистов в Римини, происходившей в августе 1872 г. Однако в сентябре она заявила о своем согласии с решениями конференции, а в марте 1873 г. ее представители участвовали во втором общенациональном съезде итальянских бакунистских организаций.

Положительную роль в распространении идей Интернационала и борьбе против бакунизма сыграла группа итальянских политических деятелей, объединившаяся вокруг газеты «Плебе». Газета была основана в 1868 г. в городе Лоди гарибальдийцем Энрико Биньями. Члены редакции газеты стояли на позициях буржуазного демократизма и лишь постепенно переходили к пролетарской революционности. Газета выступала против нападок Мадзини на Коммуну и сочувственно относилась к деятельности Интернационала. На ее страницах постоянно публиковались документы Товарищества и мате-

⁵⁸ После ареста Куно секретарем секции стал Мауро Гандольфи. Он продолжал поддерживать связь с Энгельсом, но одновременно сблизился с бакунистами. Письма Энгельса не сохранились. Известно лишь, что он, как и прежде, направлял в Милан документы и газеты Интернационала (см. *Н. Ю. Коллинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М., 1971, стр. 168*).

риалы о рабочем движении в Европе. Через Кафьеро редакция была связана с Энгельсом. 13 октября Энгельс направил на имя Э. Биньями⁵⁹ резолюцию Генерального Совета об исключении Дюрана из Интернационала⁶⁰. Документ был опубликован 19 октября. 23 ноября газета опубликовала резолюцию Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса»; 12 декабря поместила письмо Энгельса в редакцию «Рома дель пополо» и заметку «О положении Интернационала в странах Европы»; 24 апреля 1872 г. в газете была опубликована статья Энгельса «Письма из Лондона»⁶¹. В «Плебе» публиковались материалы о целесообразности и необходимости политической борьбы. Так, 27 января 1871 г. газета писала: «..мы не в состоянии представить себе подлинного социального преобразования без политической акции»⁶².

Постоянные контакты с Энгельсом и Генеральным Советом были особенно ценны еще и потому, что газета ни по какой линии не была связана ни с Бакуниным, ни с бакунизмом.

В конце 1871 г. было образовано рабочее общество в Ферраре, которое приняло решение стать секцией Интернационала. 3 марта 1872 г. общество направило в адрес Генерального Совета просьбу о принятии его в Товарищество, оговорив, однако, «сохранение автономии секции». Энгельс ответил 16 апреля. Он предложил дать разъяснение о смысле оговорки насчет «автономии», вероятно предполагая наличие анархистских настроений⁶³. Энгельс направил обществу Общий устав и Организационный регламент, просил довести его до сведения всех членов и в случае согласия поставить его в известность. Вскоре был получен ответ, в котором Энгельса информировали о полном одобрении присланных документов. 7 мая 1872 г. Генеральный Совет единогласно утвердил устав новой секции и принял ее в Интернационал. Впоследствии Энгельс характеризовал Феррарскую и Туринскую секции как «самые лучшие» в Италии.

⁵⁹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 253.

⁶⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 439.

⁶¹ См. там же, стр. 477—478, 476; т. 18, стр. 69—71.

⁶² «Plebe», 27.1 1871.

⁶³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 67—68.

В конце 1871 — начале 1872 г. в стране возникло несколько бакунистских групп, присваивавших себе название секций Интернационала. Часть их обращалась в Генеральный Совет с просьбой о приеме, но неизменно получала отказ по причине анархистских принципов. Большинство даже не пыталось установить контакт с Генеральным Советом.

Весной 1872 г. бакунисты предприняли попытку объединить всех сторонников Интернационала в Италии на основе своих принципов, которые выдавались ими за программные принципы Международного Товарищества. 17—18 марта в Болонье состоялся съезд анархистских групп Генуи, Мантуи, Мирандолы. В работе съезда приняли участие представители нескольких рабочих союзов и Неаполитанской секции.

В это время в центре внимания рабочих организаций и секций Товарищества оказались решения Лондонской конференции, в особенности вопросы о политическом действии и создании самостоятельной партии, и сонвильерский циркуляр с его требованием радикальной перестройки Международного Товарищества.

Большинство итальянских организаций поддержало бакунистские тенденции, хотя и с оговорками; часть выступала за политическую борьбу. Во многих организациях росло стремление к объединению интернационалистов в национальном масштабе. Возникла идея создания Итальянской федерации Интернационала и, как непременного условия и предварительного этапа, созыва всеитальянского съезда. Инициатором выступила Туринская секция, принявшая 28 января 1872 г. резолюцию о созыве съезда и взявшая на себя функции организационного комитета. Предложение было внесено и сформулировано бакунистом Карло Терцаги, предательская роль которого была еще неизвестна. Предложение было поддержано Неаполитанской секцией, в которой идеи бакунизма доминировали вполне отчетливо и определенно.

В то же время целый ряд рабочих союзов, политически связанных с гарибальдийцами, отстаивал проект съезда демократов с целью всеобщего примирения гарибальдийцев, мадзинистов, интернационалистов. Оба проекта общенационального съезда оживленно обсуждались в демократической и социалистической прессе, а также в организациях Интернационала.

Съезд анархистских групп в Болонье был задуман как этап подготовки к общенациональному съезду. В выступлениях делегатов и в документах съезда содержались элементы признания важности политических проблем; в них отмечалось, что съезд отвергает не политическую борьбу в целом, а лишь стремление свести всю проблему освобождения пролетариата к завоеванию политических свобод на манер буржуазных республиканцев. Эти идеи противоречили анархистской платформе. Однако в целом решения съезда, несомненно, свидетельствовали об успехе бакунизма. Съезд принял решение, отвергавшее участие во всяких выборах государственных органов, и признал лишь одно средство борьбы — всеобщее восстание с целью освобождения пролетариата. Съезд рассмотрел вопрос об отношении рабочих союзов к Генеральному Совету и Юрскому федеральному комитету. Было принято решение рассматривать оба комитета как простые корреспондентские бюро⁶⁴. В решениях съезда нашли отражение крайне противоречивые идейные влияния, среди которых на первое место выдвигался бакунизм.

После съезда начался рост влияния Бакунина в Романье. Среди лидеров рабочих союзов на первое место выдвинулся последовательный анархист Андреа Коста.

Неополитанская секция оказалась в руках бакунистов. «В Неаполе они *все* — бакунисты, среди них только один Кафьеро, по крайней мере, преисполнен добрых намерений, с ним я переписываюсь»⁶⁵, — сообщал Энгельс. Кафьеро был первым деятелем, при посредничестве которого Энгельс установил связи с Италией.

Энгельс познакомился с Кафьеро в Лондоне в конце 1870 г. через итальянских эмигрантов. В мае 1871 г. Кафьеро решил вернуться в Италию и обещал действовать там в интересах Интернационала. Энгельс снабдил его документами Товарищества, рекомендациями и, возможно, полномочиями Совета. Первая попытка

⁶⁴ Это решение серьезно компрометировало Бакунина. Последний объявил его недоразумением, заявив, что Юрский комитет претендует лишь на руководство своей федерацией и не намерен играть роль второго руководящего центра наряду с Генеральным Советом (см. «Archives Bakounine», vol. I, deuxième partie. Leiden, 1963, p. 255).

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 358.

Кафьеро включиться в движение кончилась неудачно. Прибыв во Флоренцию, он вступил в контакт с Международным демократическим обществом, стремясь на его основе создать секцию, однако полицейские преследования сорвали этот план. В июне Кафьеро приехал в Неаполь. Здесь он развил энергичную деятельность по реорганизации секции и добился определенных успехов. Секция стала поддерживать постоянные контакты с Генеральным Советом, регулярно проводились ее собрания, секретарь секции Кармелло Палладино информировал Энгельса о работе неаполитанских интернационалистов. Однако деятельность секции была прервана полицией: 20 августа секция была распущена министерским указом, ее организаторы, в том числе и Кафьеро, оказались в тюрьме. В начале 1872 г. секция возобновила свою деятельность, но как анархистская организация.

Кафьеро сыграл положительную роль в организации Туринской секции, в установлении контактов Энгельса с рядом итальянских газет, в том числе с «Плебе», в ознакомлении рабочих с документами Интернационала, в борьбе против мадзинизма и бакунизма. Последним выступлением Кафьеро в защиту Генерального Совета было его участие в полемике против мелкобуржуазного демократа Стефанони, стремившегося скомпрометировать Генеральный Совет и лично Маркса⁶⁶.

Формирование воззрений Кафьеро представляло весьма сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, ему посчастливилось лично знать Энгельса, который не только познакомил его с основными документами Интернационала, но в ряде своих писем разъяснил специфику применения его принципов в условиях Италии. С другой стороны, личные контакты Кафьеро с анархистами, его аристократическое происхождение, а главное сложность обстановки в итальянских организациях Товарищества толкали его к бакунизму. Поворот в сторону анархизма произошел весной 1872 г. В это время Кафьеро установил контакт с Бакуниным, вступил с ним в переписку и вскоре передал ему некоторые письма Энгельса. Тот переправил их Гильому. 10 мая «Бюллетень Юрской федерации» сообщил о наличии в его

⁶⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 490—492; т. 18, стр. 80—82; см. также: *И. В. Григорьева. Указ. соч.*, стр. 219—223.

распоряжении писем Энгельса. Туринские бакунисты также переслали юрцам письмо Энгельса.

20 мая 1872 г. Кафьеро приехал в Локарно, где произошла его встреча с Бакуниным. Между тем Энгельс, не получая никаких известий от Кафьеро и ознакомившись с заявлением юрского бюллетеня, заподозрил недоброе. 14 июня он написал письмо Кафьеро в Неаполь, не зная, что его корреспондент уехал оттуда. Энгельс потребовал объяснений по поводу заявления газеты, указав, что, кроме Кафьеро, он никому не писал в Италию⁶⁷. Мы не располагаем сведениями об ответе Кафьеро, неизвестно, направил ли он вообще какой-либо ответ, но немного раньше, между 31 мая и 3 июня 1872 г., он написал Энгельсу письмо, в котором сообщал о своем полном согласии с Бакуниным и об окончательном переходе на позиции анархизма⁶⁸.

Связь между Генеральным Советом и Неаполитанской секцией окончательно оборвалась.

В большинстве рабочих организаций Италии вскоре после Коммуны весьма активизировался процесс преодоления мадзинизма в рабочем и социалистическом движении. Однако антитезой мадзинизму и в частности его мелкобуржуазному пониманию смысла политической борьбы рабочего класса оказалось анархистское отрицание всякого политического действия, которое непосредственно не ведет к окончательному освобождению пролетариата, т. е. одна из главных догм Бакунина. На смену мадзинизму пришел бакунизм. Он, разумеется, не имел столь широкого распространения как мадзинизм, его воздействие было локальным и кратковременным. Но во время максимального обострения борьбы марксизма против бакунизма в I Интернационале большинство итальянских секций оказалось на стороне Бакунина. Исключение составлял лишь север страны, где капиталистическое развитие достигло значительных успехов, имела крупная промышленность и многочисленный рабочий класс. Здесь преодоление влияния мадзинизма не было связано с переходом на анархистские позиции.

Опорой Генерального Совета в Италии стала Туринская секция. Она образовалась в декабре 1871 г. В сек-

⁶⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 411—412.

⁶⁸ *M. Nettlau. Op. cit.*, p. 327—328; *И. В. Григорьева. Указ. соч.*, стр. 224—226.

цию вошло около 400 рабочих механического завода, арсенала и железнодорожных мастерских. Секретарь секции Терцаги, тайный полицейский агент, владелец газеты «Пролетарио итальяно», проводил бакунистскую линию. На страницах газеты он публиковал материалы против решений Лондонской конференции и добился резолюции секции о поддержке сонвильерского циркуляра.

23 ноября 1871 г. в «Пролетарио итальяно» была опубликована декларация туринских рабочих, в которой содержался протест против решения «Лондонского Большого Совета — поставить социализм на второй план после политики».

В ответ на этот выпад Ф. Энгельс направил «Заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Proletario Italiano», в котором разъяснял позицию Совета в отношении политического действия пролетариата»⁶⁹.

Позиция Терцаги вызвала протест со стороны секции. Терцаги был смещен с поста секретаря, его место занял Чезаре Берт. По предложению Энгельса Совет направил в Турин участника Парижской Коммуны, члена Совета Витале Реджиса. Последний, прибыв в Италию нелегально, под именем Этьена Пошара, провел в Турине большую работу по разъяснению принципов Интернационала. Большинство рабочих с удовлетворением восприняло его разъяснения, что Интернационал вовсе не придерживается бакунистских догм воздержания от всякой политики и отрицания всякого авторитета. Члены Туринской секции пришли к выводу о коренном отличии Товарищества от тайных политических обществ прежних времен и постепенно подходили к пониманию его истинной роли в рабочем движении.

Пропаганда Реджиса приносила самые положительные результаты. Это хорошо понимали бакунисты и приняли свои меры. На открытом собрании Туринской секции Терцаги сообщил о присутствии делегата Совета и назвал его имя, что фактически означало выдачу Реджиса итальянской полиции. Последнему пришлось немедленно уехать. Позорная акция не спасла анархистов, их влияние в секции оказалось невелико. Об этом свидетельствуют отказ секции участвовать в анархистской конференции в Римини и заявление, что созыв конферен-

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 473—474.

ции будет поддержан ею лишь в случае открытого присоединения ее участников к принципам Интернационала. В августе 1872 г. секция была разгромлена полицией, ее комитет арестован.

К середине 1872 г. большинство секций утратило связи с Генеральным Советом, влияние идей которого оказалось ослабленным. Причиной того были, с одной стороны, полицейские преследования, с другой — усиление влияния бакунистов. «Во всей Италии,— писал Энгельс,— мы знаем только одну хорошую секцию — Туринскую, может быть еще Феррарскую. Милан после отъезда Куно полностью в руках бакунистов, в Неаполе так было всегда, а «рабочие союзы» в Эмилии, Романье и Тоскане также целиком в руках Бакунина»⁷⁰. Успехи анархистской пропаганды позволили друзьям Бакунина созвать общеитальянскую конференцию организаций Интернационала в Римини 4 августа. Конференция заявила о полном разрыве всяких связей и «всякой солидарности» с Генеральным Советом и призвала все антиавторитарные секции направить своих делегатов в Невшатель, где 2 сентября должен был начать свою работу конгресс противников «авторитарных» принципов.

Последней акцией Туринской секции была публикация ею в своем печатном органе «Пополино» написанного Энгельсом обращения Генерального Совета к итальянским секциям Международного Товарищества Рабочих по поводу конференции в Римини. Это обращение было направлено Энгельсом итальянским секциям Милана, Турина, Феррары и Рима, признанным Советом и находившимся в постоянных сношениях с ним. Энгельс дезавуировал решение конференции о разрыве всякой солидарности с Генеральным Советом и созыве «антиавторитарного» конгресса в Невшателе⁷¹. Редакция «Пополино» предпослала публикации введение: «Помещая следующее письмо, сообщаем, что мы не могли сделать этого раньше, так как члены правления газеты «Эмансипасьон дель пролетарио», которым оно было адресовано, были заключены в тюрьму в связи с забастовкой; прерванная с ними связь была восстановлена только в последние дни»⁷².

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 429.

⁷¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 120.

⁷² «Il Popolino», 29.IX 1872.

К моменту открытия Гаагского конгресса в Италии почти отсутствовали организации Товарищества, стоявшие на позициях Генерального Совета. Большинство секций оказалось в руках альянсистов. «Италия стала обетованной землей Альянса...»⁷³ — писали Маркс и Энгельс. Объясняя причины успеха Альянса социалистической демократии в Италии, они ссылались на письмо Бакунина к Франсиско Мора от 5 апреля 1872 г., автор которого отмечал: «...Италия, после Испании и вместе с Испанией, быть может, является в настоящее время наиболее революционной страной. В Италии есть то, что не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода, молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не изношена до такой степени, как буржуазная молодежь других стран. Теперь она очертя голову бросается в революционный социализм, принимая всю нашу программу, программу Альянса. Мадзини, наш гениальный и могучий противник, умер, мадзинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все более поддается влиянию той молодежи, которая носит его имя, но которая идет или, вернее, бежит бесконечно дальше его»⁷⁴.

Комментируя эти суждения, Энгельс акцентировал внимание на наличии в итальянских секциях Интернационала деклассированных элементов, но главной причиной временного успеха бакунизма в Италии была идейная и политическая отсталость рабочего класса, явившаяся следствием специфики экономической и политической жизни страны. Полуремесленные слои трудящихся, преобладавшие в те годы среди итальянского пролетариата, казалось, обрели в бакунистских доктринах свое кредо. Бакунин располагал широкими связями с радикальными слоями интеллигенции, порвавшими с мадзинизмом, но не нашедшими своей программы действий. Силы сторонников Совета оказались ослабленными полицейскими репрессиями, которые весьма усилились как раз накануне Гаагского конгресса.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 375.

⁷⁴ «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы». М., 1970, стр. 566.

БАКУНИЗМ В ШВЕЙЦАРИИ

Структура рабочего класса Швейцарии 60—70-х годов прошлого века характеризуется двумя чертами. Во-первых, большинство швейцарских рабочих было связано с ремесленным производством, рассеянной мануфактурой и домашней промышленностью. Крупные капиталистические фабрики имелись лишь в Женеве, Цюрихе, Базеле. Мелкое производство ремесленного типа (часовщики) безраздельно господствовало в горных кантонах Юры.

Во-вторых, значительную часть рабочих составляли эмигранты (немцы, итальянцы, французы); многие из них были вынуждены покинуть пределы своей родины из-за полицейских преследований их как участников революционного и демократического движения. Они оказывали значительное влияние на развитие рабочего движения в стране.

Первая секция Международного Товарищества Рабочих в Швейцарии была основана 11 октября 1864 г. и состояла преимущественно из немцев и французов. Во главе ее стояли И.-Ф. Беккер и Ф. Дюпле. Швейцарские организации участвовали в деятельности Интернационала. Большинство его конгрессов было проведено в этой стране: Женевский (1866), Лозаннский (1867), Базельский (1869). Швейцарские делегации были там самыми многочисленными. Однако не все делегаты занимали правильную позицию. Многие стояли на позициях прудонизма, а затем бакунизма. Этому способствовала специфика политической жизни страны.

В большинстве кантонов шла борьба между радикалами и консерваторами. Первые стремились привлечь на свою сторону рабочих и в ряде случаев это удавалось. Однако рабочие играли роль орудия в их руках, не более. Политика радикалов порождала разочарование, вызы-

вала протесты. Создавались благоприятные условия для анархистской проповеди воздержания от политики.

Нельзя упускать из виду также и то обстоятельство, что в деятельности швейцарских секций как Юры, так и женевской «фабрики» принимали участие буржуазные и мелкобуржуазные политиканы. Их деятельность вызывала в рабочей среде отвращение ко всякой политической борьбе, которое бакунисты использовали для пропаганды политического индифферентизма.

В Женеве бакунистам также удалось завоевать определенные позиции в рабочем движении благодаря специфическому политическому неравенству внутри рабочего класса. Квалифицированные рабочие женевского часового производства, так называемые рабочие фабрики, состояли почти исключительно из граждан города, они обладали политическими правами и участвовали в избирательных кампаниях. Большинство женевских пролетариев — чернорабочие, строители — состояло главным образом из эмигрантов, в основном итальянцев; не будучи женевскими гражданами, они не пользовались политическими правами, не могли принимать участия ни в избирательных кампаниях, ни в других видах политической деятельности. Среди них бакунисты пытались, и не без успеха, найти себе опору в борьбе с деятелями Интернационала — сторонниками Генерального Совета. Однако сезонные рабочие, постоянно меняющие место работы и жительства, не могли служить надежной опорой бакунистской организации. Значительно более твердой опорой оказались рабочие Швейцарской Юры, занятые в часовом производстве. Их труд был связан с ремесленно-кустарной промышленностью, раздробленной на мелкие предприятия, подчиненные капиталистам. Юрские рабочие оказались неспособными собственными силами отстаивать свои классовые интересы и влиять на политику правительства страны или кантона. Опыт первых политических акций рабочих — их участие в избирательных кампаниях — не принес осязаемых результатов. Подобно женевским, юрские рабочие оказались жертвой обмана со стороны буржуазных политиканов, то радикальных, то консервативных. Первые неудачи породили у них недоверие и антипатию к политической борьбе вообще. Эти настроения легко могли быть использованы и действительно были использованы бакунистами.

Немногочисленная юрская интеллигенция, значительная часть которой была тесно связана с мелкобуржуазной, ремесленной средой, после неудачных попыток участия в избирательных кампаниях пришла к нигилистическому отношению к политике и охотно воспринимала анархистские построения. Из ее среды вышли ученики и последователи Бакунина Джеймс Гильом, Фриц Хенг, Фриц Робер и др.

Впервые Бакунин посетил Юру в феврале 1869 г., куда он был приглашен Гильомом. Много лет спустя Гильом вспоминал, что весть о приезде Бакунина взволновала весь Локль. В мастерских и революционных кружках оживленно обсуждали чрезвычайно богатую, полную приключений жизнь русского анархиста, события которой оказались хорошо известны многим жителям городка. В «Интернациональном кружке» Локля Бакунин прочел лекцию о философии народа, об исторических судьбах буржуазии. О содержании ее нам ничего не известно.

Главная цель поездки в Локль заключалась в вербовке новых членов для тайного Альянса. Гильом вспоминал, что Бакунин в конфиденциальной беседе сообщил ему о существовании тайного общества, познакомил с его программой и предложил вступить в организацию, на что Гильом ответил согласием и привлек к делам общества своего учителя Константа Мерона¹. Последний был в восторге от того, «что наряду с Интернационалом будет существовать тайное общество, способное предохранить его от опасностей, которым его могли подвергнуть интриганы и честолюбцы»². Итак, тайное общество внутри Интернационала в Локле было основано в феврале 1869 г.

¹ Мерон был одним из руководителей республиканского восстания 1831 г. в Невшателе. После неудачи восстания был арестован в Берне. В 1832 г. бернские власти выдали его прусскому правительству. Королевский суд приговорил Мерона к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Вскоре ему удалось бежать из заключения. Он оказался в Швейцарии, где продолжал свою революционную деятельность. До революции 1848 г. был связан с карбонариями. В 1866 г. вместе с Гильомом основал секцию Интернационала в Локле. Революционер прошлого поколения, его сектантского заговорщического этапа, Мерон, вполне естественно, поддерживал бакунистов.

² *J. Guillaume. L'Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878)*, vol. 1. Paris, 1906, p. 128.

Гильомом по инициативе Бакунина. Подробности этого факта исследователям неизвестны, и вряд ли станут известны в будущем, ибо основатель его, Гильом, в течение 45 лет, вплоть до самой своей смерти в 1916 г., отрицал существование тайного союза.

Из работы Гильома известно, что в конце мая 1869 г. Бакунин вновь посетил Юру. Он присутствовал на митинге, состоявшемся в предместье Локля. Участники митинга приняли резолюцию, в которой влияние программы Альянса просматривается весьма отчетливо. Она рекомендовала «воздерживаться от участия в буржуазной политике», а так как, по мнению Бакунина, всякая политика является буржуазной, то эта рекомендация означала предложение полного отказа от политики. Резолюция предлагала начать дискуссию по вопросу об отмене права наследования³. В целом документ представлял собой популяризацию программы Альянса и явился первым актом подготовки бакунистов к конгрессу Интернационала в Базеле.

Значительно сложнее обстояло дело в Женеве. На общих собраниях секций шла острая борьба между сторонниками бакунизма и Генерального Совета.

Среди «рабочих фабрики», равно как и среди основной массы промышленных рабочих, бакунизм не только не находил поддержки, но и встречал отпор, особенно в вопросе об участии в политической деятельности, к которой часть рабочих, являвшихся полноправными гражданами Женевы, проявляла значительный интерес. Сезонные рабочие, не имевшие политических прав, поддерживали требование Альянса об отказе от участия в политике. Одно время бакунистов поддерживали некоторые прудонистски настроенные рабочие, которые не усматривали большой разницы между двумя разновидностями анархизма. Они порвали с бакунизмом в ходе дискуссии о коллективной собственности на землю, ибо отражали настроения тех слоев мелкой буржуазии, которая более всего стремилась к упрочению своего положения в качестве мелких хозяйчиков.

В центре дебатов находился вопрос о повестке дня предстоящего конгресса Интернационала. Бакунисты

³ См. Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 3. М.—Л., 1927, стр. 365.

выдвигали на первый план две проблемы: об отмене права наследования и о коллективной собственности на землю.

Часть женевских интернационалистов отвергла требование отмены права наследования, другая не видела в нем ничего плохого. Оба бакунистских требования — об отмене права наследования и о коллективной собственности на землю — в итоге долгих дебатов были одобрены общим собранием секции⁴.

Бакунисты стремились направить на конгресс как можно больше своих приверженцев. Спешно была восстановлена секция в Невшателе, ее мандат был вручен бакунисту Мартино, который не принимал никакого участия в работе Интернационала. Женевская секция Альянса, хотя и не признанная Романским федеральным советом, направила на конгресс испанского альянсиста Гаспара Сентиньона⁵, он был принят в секцию всего за день до избрания делегатом. В Женеве кандидатура Бакунина не прошла. Однако он получил мандат из Лиона, можно предположить, что это результат содействия А. Ришара, а также от секции неаполитанских механиков — здесь не обошлось без помощи Гамбуцци, который в те дни возглавлял Неаполитанскую секцию Интернационала. Из Женевы на конгресс были делегированы два альянсиста Броссе и Хенг. Юрская организация направила четырех альянсистов: Флоке, Ф. Робера, Швицгебеля и Гильома.

С 6 по 11 сентября 1869 г. в Базеле происходил очередной IV конгресс Интернационала. Делегаты конгресса с большим вниманием и одобрением заслушали «Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих»⁶. Ветеран немецкого и международного рабочего движения, в прошлом член Союза коммунистов, Фридрих Лесснер, являвшийся делегатом конгресса от Лондонского немецкого просвети-

⁴ См. там же, стр. 436.

⁵ По всей вероятности, это псевдоним, принадлежавший не испанцу. Сентиньон изучал медицину в Венском университете, проживал в Барселоне. С Бакуниным его связывала какая-то тайна. В 1872 г. Сентиньон отошел от движения; с этого времени о его деятельности нам ничего не известно. Умер в 1903 г.

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 386—399. Автором документа был Маркс, который на конгрессе не присутствовал.

тельного общества рабочих, писал Марксу, что чтение доклада то и дело прерывалось бурей одобрения⁷, что, несомненно, являлось свидетельством укрепления авторитета Генерального Совета. Тем не менее Бакунин не отказался от своих попыток добиться избрания нового Генерального Совета и перевода его местопребывания в Женеву⁸. Для реализации замысла прежде всего необходимо было обратить внимание делегатов конгресса на идеи бакунизма, привлечь на его сторону новые элементы, особенно из среды колеблющихся. Поэтому конгресс стал ареной острой, то явной, то скрытой, борьбы между марксизмом и бакунизмом, которая на долгие годы оказалась одной из центральных проблем международного рабочего движения.

Первое столкновение произошло при утверждении повестки дня конгресса. Делегаты Цюрихской секции предложили включить в повестку дня вопрос о прямом народном законодательстве: такая статья только что была включена в конституцию Цюрихского кантона. Представители германской социал-демократии В. Либкнехт и Риттинггаузен поддержали цюрихцев. Ряд делегатов выступил против предложения цюрихцев, указывая, что выдвинутый ими вопрос актуален лишь для Швейцарии, в других странах практика референдума является нереальной. Однако их аргументы не выходили за рамки идейной основы Интернационала и его программных документов. Иными были возражения Бакунина и бельгийского делегата Гинса. Они сводились к принципиальной недопустимости всякого участия в политической деятельности. «Счастье наше,— говорил Гинс,— что в Бельгии мы не имеем всеобщего избирательного права, которое, по

⁷ См. «Базельский конгресс Первого Интернационала». М., 1934, стр. 150.

⁸ Ю. Стеклов ставил под сомнение утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса о попытке Бакунина захватить руководство Генеральным Советом на Базельском конгрессе на том основании, что идеи анархизма не получили в то время большого распространения в организациях Интернационала, а деятельность Альянса социалистической демократии только начиналась (см. Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 3, стр. 366). Мы согласны с тем, что реальных возможностей победы анархизма на Базельском конгрессе не было, но это не дает основания отрицать наличие у Бакунина надежды и намерений добиться такой победы. В своей деятельности он очень часто уходил с позиций реальности.

мнению кое-кого, должно нас спасти»⁹. Бакунин оценил предложение цюрихцев как попытку «вести принцип национальной или буржуазной политики в программу Интернационала»¹⁰. Он и его сторонники возражали против всякого участия в политической борьбе. Поэтому Либкнехт и Риттинггаузен выступали не только и даже не столько в поддержку предложения цюрихцев, сколько против «антигосударственных» принципов Бакунина.

Об этом эпизоде Лесснер писал Марксу: «Вчера после обеда завязался горячий спор по цюрихскому вопросу, и Бакунин при этом проявил все свое отвращение ко всякому политическому действию. Однако *Либкнехт, Риттинггаузен* и другие здорово задали ему перцу; еще после заседания он рычал как дикий лев. Французы в большинстве высказались против него»¹¹.

Во вопросу о земельной собственности конгресс подтвердил решения, принятые в Брюсселе, о необходимости упразднения частной собственности на землю и превращения ее в общественную собственность. Против резолюции голосовала лишь фракция правых прудонистов, отстаивавших принцип индивидуальной собственности. Бакунисты выступали вместе с марксистами. Это дало повод правому прудонисту Фрибуру заявить, что «немецкий коммунист Карл Маркс, русский варвар Бакунин и бешеный авторитарий Бланки составили всемогущий триумвират»¹².

Бланки не имел к конгрессу никакого отношения. Бакунин выступал в защиту коллективной собственности с анархистских позиций, связывая отмену частной собственности на землю с требованием «социальной ликвидации». «Я голосую за обобществление земли в частности и всего социального богатства вообще в смысле социаль-

⁹ Цит. по: Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 3, стр. 368.

¹⁰ Михаил Бакунин. Избр. соч., т. IV, стр. 241. Бакунин впоследствии писал, что благодаря упорству французских, итальянских, испанских, бельгийских делегатов и части делегатов Романской Швейцарии это предложение было отклонено. Вопрос этот больше не поднимался на Базельском съезде (Там же, стр. 242). В действительности конгресс принял решение включить этот пункт в повестку дня, но поставить его последним; конгресс не успел рассмотреть вопрос. Из пяти пунктов было рассмотрено только три.

¹¹ «Базельский конгресс...», стр. 148.

¹² E. Fribourg. L'Association Internationale des Travailleurs. Paris, 1871, p. 140.

ной ликвидации. Под социальной ликвидацией я понимаю правовую экспроприацию всех нынешних собственников посредством отмены политического и юридического государства как высшей санкции и единственной гарантии современной собственности... Я — решительный противник государства и всякой буржуазной государственной политики. Я требую разрушения всех национальных и территориальных государств и основания на их развалинах интернационального государства рабочих»¹³. На анархистскую речь Бакунина не последовало реакции со стороны марксистов. Может быть потому, что по обсуждаемому вопросу о земле позиция была единой.

Острая борьба разгорелась по вопросу об отмене права наследования. Позиция Маркса и Генерального Совета, которую изложил на конгрессе Г. Эккариус, сводилась к тому, что право наследования представляет не причину, а следствие, юридический результат общественного строя, основанного на частной собственности; поэтому отмена права наследования не может быть исходным пунктом социального преобразования, она может быть отнесена к переходным мерам переходной эпохи, которая характеризуется тем, что, с одной стороны, современная буржуазная основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы заставить принять переходные мероприятия, рассчитанные на радикальное переустройство общества¹⁴.

В своем выступлении по докладу Генерального Совета Бакунин согласился с тем, что юридические институты являются следствием экономического развития. Однако, говорил он, «право, будучи следствием экономических фактов, в свою очередь становится причиной последующих фактов, само становится реальным и сильным фактом, без аннулирования которого невозможно радикальное преобразование существующего порядка вещей». «...Юридическое право, — резюмировал он, — бывшее некогда следствием, стало в свою очередь причиной других следствий; чтобы прийти к другим следствиям, необходи-

¹³ Дж. Гильом впоследствии вспоминал, что, разъясняя термин «интернациональное государство», Бакунин указывал, что он выражает идею отрицания государства (*J. Guillaume. Op. cit., vol. 1, p. 198*).

¹⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 383—385.*

мо было превратить их в противоположность. Таким образом получилось, что право наследования, поскольку оно гарантировано государством, стало основой и главным условием частной собственности на средства труда»¹⁵.

Точку зрения Бакунина поддержало большинство комиссии, назначенной конгрессом для разработки вопроса. Такая позиция была не случайной. Она определялась составом комиссии, в которую входили пять членов Альянса: Бакунин, Гильом, Ришар, Фарга Пелисер, Хенг; их поддерживали бельгиец Брисме, француз Дерёр и И.-Ф. Беккер; меньшинство составляли В. Либкнехт, М. Гесс, Де Пап и Г. Юнг. Если позиция комиссии была predeterminedена ее составом, то результаты голосования оказались неожиданными. За предложение комиссии об отмене права наследования голосовало 32 делегата, против 23, воздержалось 13, отсутствовало 7. За предложение Генерального Совета—19, против—37, воздержалось—6, отсутствовало—13. Ни одно из предложений не было принято, ибо не собрало абсолютного большинства. Однако предложение Бакунина получило больше голосов, чем Генерального Совета. Впервые за всю историю Интернационала Генеральный Совет потерпел поражение на конгрессе. Первое выступление Бакунина хотя и не завершилось победой, но принесло ему значительный успех. На Интернационал надвигалась серьезная угроза, борьба против которой стала главной задачей марксистов.

Попытка бакунистов перевести Генеральный Совет в Женеву и коренным образом изменить его состав окончилась неудачей. Местом пребывания Совета вновь был определен Лондон. Прежний состав Совета был переизбран единогласно¹⁶. С этой попыткой связана линия бакунистов на расширение полномочий Совета, в частности поддержка Бакуниным предложения Эжкарюса о предоставлении Генеральному Совету права временного исключения из Интернационала секций, действия которых идут вразрез с его программными принципами. В заключение конгресса друзья Бакунина предложили созвать очередной конгресс Товарищества в Барселоне или в Вервье.

¹⁵ «Базельский конгресс...», стр. 60.

¹⁶ Там же, стр. 77.

Оба предложения оказались отвергнутыми, было принято решение созвать конгресс в 1870 г. в Париже.

Решения Базельского конгресса встретили одобрение большинства швейцарских секций, которые развернули активную деятельность, направленную на их реализацию. Наибольший отклик в организациях Интернационала нашла резолюция о земельной собственности; в ней отчетливо проявился социалистический характер Интернационала¹⁷. С другой стороны, именно эта резолюция вызвала наиболее резкие возражения со стороны ряда мелкобуржуазных противников Генерального Совета. Одним из них оказался Аманд Гёгг, резко выступивший против базельских решений на страницах газеты «Фелльбайзен» — органа немецких просветительных обществ.

После Базельского конгресса авторитет Генерального Совета и секций, стоявших на его позициях, в Швейцарии заметно повысился. Одновременно происходил процесс падения популярности Бакунина и Альянса среди рабочих Женевы. Возвратившись из Базеля в Женеву, Бакунин пробыл там всего несколько недель, во время которых мало занимался общественной деятельностью. «Я почти не ходил или очень редко ходил на заседания Интернационала и выступал только один раз, накануне своего отъезда»¹⁸. 28 октября Бакунин присутствовал на заседании Альянса, на котором обсуждался вопрос о решении Федерального совета Романской федерации от 16 августа 1869 г. Как известно, этим решением совет

¹⁷ И. П. Особова совершенно справедливо считает, что важнейшим документом по данному вопросу явился «Манифест к земледельческому населению», написанный И.-Ф. Беккером в ноябре 1869 г. на основе решений Базельского конгресса. Основная идея документа сводилась к доказательству неизбежности разорения и гибели мелкого крестьянского хозяйства, не способного выдержать конкуренции с крупным капиталом, опирающимся на достижения науки и техники. Выход для крестьянина только один — превращение земли в общественную собственность и обработка ее кооперативными товариществами. Манифест получил широкое распространение не только в странах немецкого языка — Германии, Австрии, Швейцарии, в Неаполе он был издан на итальянском языке, в Мадриде — на испанском, в Невшателе — на французском. На русский язык манифест был переведен Русской секцией и опубликован в «Народном деле» (№ 6—7, 1870). На польском языке брошюра вышла в Женеве в 1883 г. (см. *И. П. Особова. Интернационал в Швейцарии.* — «Первый Интернационал», ч. 1. М., 1964, стр. 438—440).

¹⁸ Цит. по: *Ю. Стеклов. Указ. соч.*, т. 3, стр. 412.

отказал Альянсу в приеме. Проект протеста Альянса был написан Бакуниным. Перед отъездом Бакунин пытался созвать в Локле альянсистскую конференцию, но эта попытка окончилась неудачей. 30 октября 1869 г. Бакунин уехал из Женевы.

Бакунин утверждал, что после возвращения из Базеля до 30 октября он почти не принимал участия в работе Интернационала и в общественной деятельности. Это не точно. В октябре 1869 г. он был занят резкой полемической схваткой с М. Гессом.

2 октября 1869 г. парижская газета, выходявшая под редакцией Делеклюза, опубликовала статью М. Гесса «Коммунисты и коллективисты на Базельском конгрессе». Автор в высшей степени отрицательно оценивал линию и поведение Бакунина на конгрессе. Он обвинил Бакунина в панславизме, который объективно служил или мог служить интересам царской России, в попытке изменить программу и организацию Интернационала и, правда косвенно, в двурушничестве, в том, что он предпочел уклониться от открытого боя, формально подчиниться решениям конгресса, а на деле тайно продолжать подрывную работу.

Смысл данного эпизода заключался в следующем. Статья *впервые* подвергла критике воззрения Бакунина во французской прессе и могла подорвать его влияние во французских секциях Интернационала.

Бакунин полагал, что за Гессом стоит К. Маркс. Именно в нем Бакунин видел своего главного врага в Интернационале. Он признавал заслуги Маркса и считал: «Если бы я пошел теперь открытой войной против Маркса, три четверти интернационального мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять»¹⁹. Именно поэтому Бакунин хотел спровоцировать Маркса на выступление и таким путем получить желанный повод напасть на своего противника, который к тому же выступил первым. Подобные выходки в недалеком будущем весьма облегчили союз Бакунина с Нечаевым.

30 октября 1869 г. Бакунин уехал из Женевы. Гильом, а с оговорками и Стеклов объясняют этот шаг чисто личными мотивами. Трудно сказать, насколько они были

¹⁹ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 337—340.

существенны, но несомненно главная причина отъезда имела иной характер: политическое положение Бакунина в Женеве значительно ухудшилось, он стал терять свои недавно еще крепкие позиции.

Бакунин переехал в Локарно. 2 ноября 1869 г., сообщая об этом Огареву, он с восторгом писал, что попал «просто в царство небесное» и боялся лишь одного, как бы «мягкость жизни и воздуха» не смягчили его «дикую социалистическую беспардонность». «...Здесь даже и на буржуа сердиться нельзя: так они еще просты и так нераздельно живут и смешиваются интересами с народом»²⁰. «Здесь, кажется, все вдвое дешевле против Женевы, а приволье, а свобода, а простота и теплота (климат Ниццы), и воздух, и красота. Ну, просто царство небесное»²¹. В этом «царстве небесном» Бакунин занялся переводом первого тома «Капитала» на русский язык — к этому темному эпизоду в его жизни мы еще вернемся, — изучал труды Конта и Прудона, писал книгу «Об упразднении государства». Но его главным занятием оставалось руководство подрывной деятельностью Альянса, направленной против Генерального Совета Интернационала. Он поддерживал регулярную переписку с значительным числом своих сторонников. В письме к Огареву от 23 ноября 1869 г. он сообщал, что должен написать каждый день не одно, а несколько писем. В число его корреспондентов входили: Герцен, Огарев, Жуковский, Гильом, Ришар, Гамбуцци, Набруцци, Беккер, Мрчковский, Линдегер, Дюваль, Броссе, Перрон, Швицгебель, Фарга Пелисер, Мораго, Сентиньон, Озеров, Талиндье, Фохт, Беллерю, Нечаев и др. В упомянутом письме Огареву Бакунин назвал цифру 44 корреспондента, из которых 19-ти он писал два-три раза в неделю, шестерым два раза в месяц, остальным не менее раза в два месяца. Около 700 писем в год, многие из которых достигали размеров брошюры. Оживленная, обширная корреспонденция позволяет составить представление о той энергии, с какой Бакунин продолжал свою деятельность. Его навещали деятели анархистского движения Гамбуцци, Сентиньон, Фанелли, Сажин, Пецца, Кафьеро, бывал и Нечаев.

²⁰ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 333.

²¹ Там же.

Первое время пребывания в Локарно в центре внимания Бакунина находилась швейцарская организация Интернационала. Именно здесь началась открытая борьба бакунистов против Генерального Совета. Большую активность в ней проявляли ближайшие сподвижники Бакунина Перрон и Робен. Оба они входили в состав редакционной коллегии «Эгалите», на страницах которой был опубликован ряд статей, содержащих враждебные выпады против Генерального Совета. Так, 6 ноября 1869 г. передовая статья обвиняла Генеральный Совет в нарушении параграфа Устава, который предусматривал издание Советом информационного бюллетеня о положении рабочих в европейских странах. В следующем номере от 13 ноября газета выдвигала предложение о создании особого федерального совета для Англии якобы для того, чтобы облегчить Генеральному Совету выполнение его функций по руководству общими делами Интернационала, а в действительности для того, чтобы ослабить его авторитет и влияние в английском рабочем классе путем противопоставления ему федерального совета, состав которого определялся бы оппортунистически настроенным Всеобщим советом тред-юнионов. 27 ноября газета выступила со статьей, посвященной воздержанию от политики, намекая, что Генеральный Совет в нарушение Устава проводит иную линию в данном вопросе. 11 декабря газета резко напала на резолюцию Генерального Совета по ирландскому вопросу. Сходную позицию заняла газета «Прогресс». Вопрос о выпадах «Эгалите» и «Прогресса» обсуждался на заседании Генерального Совета 14 декабря 1869 г., а 1 января 1870 г. на чрезвычайном заседании Совета был утвержден текст циркулярного письма к Федеральному совету Романской Швейцарии²². Документ не предназначался для печати, но Генеральный Совет намеревался ознакомить с ним все комитеты, состоявшие в переписке с Советом.

До получения решения Совета его сторонники в Женеве начали решительную борьбу против раскольнических акций бакунизма. Уже 4 января 1870 г. секретарь Федерального совета в Женеве Перре направил Генеральному Совету письмо, в котором разоблачил намерения бакунистов захватить Романскую федерацию, а в слу-

²² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 402—409.

чае неудачи вызвать в ней раскол²³. Опасность заставила Федеральный совет действовать решительно и принять отставку семи членов (из девяти) редакционного совета «Эгалите», выступавших против линии Генерального Совета.

8 января 1870 г. Федеральный совет принял отставку, а 15 января «Эгалите» опубликовала заявление самих редакторов. В отставку вышли Перрон, Робен, Дютуа, Линдегер, Пинье, Гильом и Беккер. Последний вскоре взял свое заявление обратно. В состав редакции вошли сторонники Генерального Совета.

С января 1870 г. газета стала действительно органом Интернационала, отражавшим взгляды женевских рабочих.

Циркулярное письмо Генерального Совета пришло в Женеву, когда конфликт в редакции «Эгалите» был уже закончен. 28 февраля Федеральный совет обсудил документ и принял решение о полной солидарности с ним. 3 февраля в адрес Генерального Совета был направлен ответ Романского федерального совета. Он содержал решительный протест против выпадов «Эгалите»; в отношении «Прогресса» было указано, что данная газета является органом группы социалистов Невшательского кантона и не имеет к Романской федерации никакого отношения. Документ содержал заверение, что враждебные Совету статьи больше не появятся на страницах «Эгалите», ибо она будет находиться под контролем Федерального совета. Совет осудил поведение Робена и Перрона как недостойное членов Интернационала и высказал намерение «навсегда избавиться от этих господ»²⁴. Документ содержит обещание «огласить на романском конгрессе, который состоится в Ла-Шо-де-Фоне в первый понедельник апреля, ваши резолюции, а также другие обвинения по адресу прежней редакции»²⁵.

Первая атака бакунистов в Женеве окончилась неудачно²⁶. Однако бакунисты не намеревались сдавать ору-

²³ И. П. Особова. Указ. соч., стр. 440; ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 324/1, 2.

²⁴ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 7—23 сентября 1871 г.» М., 1936, стр. 253.

²⁵ Там же.

²⁶ Подрывные, раскольнические действия Бакунина вызвали возмущение даже среди людей, которые до этих событий сотрудничали с ним. И.-Ф. Беккер считал Бакунина виновником раскола Роман-

жия, были полны решимости продолжать борьбу против принципов Интернационала, стремясь подчинить его своим целям. Весной 1870 г. они развернули энергичную подготовку к очередному съезду Романской федерации, открытие которого было назначено на 4 апреля 1870 г. Стремясь захватить руководство, они добивались приема Женевской секции Альянса в федерацию, намеревались перевести местопребывание Федерального совета и редакции «Эглите» в Юру. В результате очень сложных и далеко не всегда честных маневров бакунисты обеспечили себе большинство мандатов на съезде: от 13 секций, в которых состояло около 700 человек, они направили 21 делегата, а Федеральный совет — от 23 секций с числом членов 1500 человек направили всего лишь 19 делегатов.

Формальное большинство имело для бакунистов большое значение, так как в повестку дня съезда были включены важные организационные вопросы: пересмотр устава федерации, статута печатного органа, состав и местопребывание совета на будущий год, место созыва очередного съезда. Водоразделом, который четко разграничивал два направления в Романской федерации — марксистов и бакунистов, — оказался вопрос о политической деятельности²⁷. Приверженцы Бакунина настойчиво отстаивали тезис о воздержании пролетариев и организаций Интернационала от политической борьбы. Один из них, П. Робен, писал своему другу Э. Гинсу, что лучшей политикой является полное воздержание от нее²⁸. Бакунин называл участие рабочих в политических кампаниях «местнической политикой буржуазного радикализма»²⁹. Гильом утверждал, что во время выборов (в Швейцарии) можно заниматься только пустяками³⁰.

ской федерации. В письме к Ф. Зорге от 3—5 мая 1870 г. он называл Бакунина демагогом и интриганом (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 307/3).

²⁷ Это хорошо понимал и сам Бакунин, который накануне съезда писал, что генеральное сражение «произойдет главным образом по вопросу о воздержании или участии рабочих в местной политике» (см. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III. М.—Л., 1927, стр. 365).

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 351/11.

²⁹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III, стр. 364.

³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 391/3.

Швейцарские сторонники Генерального Совета, которые составляли подавляющее большинство в женевских секциях, в полном соответствии с программными документами Интернационала, доказывали необходимость самого активного участия рабочих масс в политической борьбе. Они не строили себе иллюзий о возможности достичь коренных целей движения посредством избрания нескольких рабочих депутатов в представительные органы. Они лишь совершенно справедливо полагали, что присутствие рабочих депутатов в этих учреждениях еще более наглядно покажет пролетариям, что коренного преобразования существующего строя ни от парламента, ни от какого-либо другого государственного института буржуазной страны нельзя ожидать, и это убеждение придаст рабочему классу импульс для борьбы за полную реорганизацию общественных отношений путем создания собственной организации³¹.

Съезд открылся 4 апреля в Ла-Шо-де-Фоне. В его работе приняли участие 37 делегатов швейцарских секций Интернационала³². Сторонники Генерального Совета — женевские делегаты — первым пунктом повестки дня предложили обсуждение программы. Бакунисты, которые составляли незначительное большинство, потребовали сначала обсудить вопрос о приеме в Романскую федерацию Альянса социалистической демократии. Н. Утин предложил отложить решение этого вопроса. Делегат секции Сонвилле бакунист А. Швицгелль настаивал на немедленном решении. Голосование не дало результата, так как оба предложения собрали по 18 голосов. Председатель конгресса Дюпле присоединился к предложению Утина, и таким образом решение вопроса было отложено³³.

³¹ Этой точки зрения придерживался Н. Утин. В письме к Юнгу от 24 марта 1870 г. он писал: «Конечно, я *вовсе не думаю, чтобы можно было достичь преобразования существующего порядка, введя некоторых рабочих в парламент* и в городское самоуправление, но я вижу в этом здоровую агитацию, которая будит сознание рабочих классов и которая дает им понять наглядно, что *от современных учреждений*, где царствуют исключительно интересы привилегированных классов, *ждать нечего*, и тогда рабочие станут с большой энергией организовываться для борьбы за полную перемену всех отношений людей и вещей» (цит. по: Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 292).

³² J. Guillaume. Op. cit., vol. 1, p. 3.

³³ Ibid., p. 5.

На следующий день конгресс вернулся к обсуждению отложенного вопроса. Разгорелась острая полемика, в ходе которой Утин выступил с резкой обвинительной речью против Альянса, в особенности против его основателя Бакунина, обвинив последнего в стремлении к личной диктатуре и назвав альянсистов «врагами рабочего класса». Дюпле обвинил Альянс в пропаганде атеизма и отрицании законов морали³⁴.

Эти резкости пошли на пользу бакунистам. В результате голосования 21 делегат высказался за прием Альянса, 18 — против. В ответ на это меньшинство, в том числе Дюпле, покинуло зал. Бакунисты пытались продолжать работу, но были выдворены из зала заседаний председателем рабочего кружка интернационалистов, которому принадлежало помещение. Между тем в ближайшие дни приехали опоздавшие делегаты, соотношение сил изменилось: сторонников Генерального Совета оказалось 27, а бакунистов всего 23. Совместная работа оказалась невозможной. Марксисты и бакунисты заседали отдельно, причем обе группы делегатов объявили себя съездом. Полный раскол стал фактом.

Бакунисты приняли резолюцию «Об отношении Интернационала к правительствам». В документе было указано, что всякое правительство или политическое государство представляет собой не что иное, как организацию буржуазной эксплуатации, всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике не может иметь иных результатов, кроме укрепления существующего строя, «что парализовало бы революционно-социалистическое действие пролетариата»³⁵. На этом основании конгресс Романской федерации рекомендовал «всем секциям Интернационала отказаться от всякой деятельности, имеющей своей целью социальное преобразование при помощи политических реформ, и перенести всю свою деятельность на создание федеративных профессиональных союзов — единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции»³⁶.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., p. 17.

³⁶ Ibid., p. 17. См. также: *Б. П. Козьмин*. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 292.

Конгресс сторонников Генерального Совета призвал членов Интернационала активно участвовать в политической жизни, указывая, однако, что рабочее представительство само по себе не может привести к освобождению труда, оно полезно лишь как «агитационное средство», а «всякая политическая агитация подчинена социалистическому движению и является для него лишь средством»³⁷.

Тотчас же после окончания работы съездов 7 апреля 1870 г. обе организации обратились в Генеральный Совет с просьбой вынести решение либо по крайней мере высказать свое суждение о расколе.

28 июня 1870 г. Совет принял предложенную Марксом резолюцию, в которой было указано, что Романский федеральный совет, имеющий местопребывание в Женеве, должен сохранить свое наименование, а Федеральный комитет, имеющий местопребывание в Ла-Шоде-Фоне,— избрать любое наименование, которое найдет для себя подходящим³⁸. Претензия бакунистов на руководящую роль в швейцарских секциях была отвергнута. Решение Совета встретило одобрение в Женеве и в других швейцарских центрах Интернационала³⁹.

Совершенно иначе отнеслись к нему бакунисты. На страницах газеты «Солидарите» Федеральный совет юрцев опубликовал ответ-протест, в котором говорилось, что Федеральный совет не просил Генеральный Совет высказывать свое суждение по поводу конфликта в Романской Федерации, он лишь информировал о случившемся. «Мы не обращались к Генеральному Совету с просьбой быть третейским судьей в конфликте, ибо знали, что всякое вмешательство лишь усилило бы конфликт. Мы надеялись сами восстановить мир путем взаимных уступок, а не вмешательства какой-либо власти или судьи. Генеральный Совет допустил, на наш взгляд, большую ошибку, вынеся свой приговор без согласия и просьбы заинтересованных сторон»⁴⁰. Далее говорилось, что юрцы решительно отвергают право Совета вмешиваться во внутренние дела федераций, считая такого рода вмешательство нарушением автономии

³⁷ ЦИТ. по: Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 300.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 451.

³⁹ См. «Лондонская конференция...», стр. 255—257.

⁴⁰ Цит. по: J. Guillaume. Op. cit., vol. 1, p. 56—58.

секций и групп. Они писали, что Генеральный Совет пытается отнять у федеральных конгрессов право избирать свои федеральные советы и присвоить его себе; в этом случае «не будет никакого Интернационала, а будут лишь подданные Генерального Совета»⁴¹.

Заявление юрцев представляло собой не просто отказ принять рекомендацию Генерального Совета, а попытку поставить под сомнение его право выносить какие-либо решения, даже в форме рекомендаций, превратить его в простое корреспондентско-статистическое бюро. Под флагом борьбы против «авторитарности», за полную автономию секций бакунисты проповедовали организационный нигилизм, анархистский отказ от всякой дисциплины, от пролетарской организованности. Линия и деятельность бакунистов привели к потере ими всякого влияния в рабочих массах Женевы.

В мае 1870 г. Женевская секция Интернационала приняла решение обсудить вопрос о деятельности бакунистского Альянса. Бакунину, Жуковскому, Перрону и Генри Сутерланду было направлено приглашение явиться на собрание 15 мая. Ни один из приглашенных не явился, и собрание, по предложению Утина, решило исключить всех четырех из Женевской секции Интернационала. Однако решение не было окончательным, в августе 1870 г. секция вернулась к этому вопросу. Альянсисты вновь получили приглашение на собрание секции 13 августа. В извещении говорилось: «Считаем нужным довести до вашего сведения, что на собрании будет оглашено письмо, содержащее требование об исключении вас из секции». Бакунисты вновь не сочли нужным явиться на собрание; 13 августа они были исключены из секции⁴². Вскоре бакунисты были исключены из Центральной секции в Ла-Шо-де-Фоне и из секции плотников Женевы⁴³.

Бакунисты почти полностью потеряли почву в Женеве. Робен уехал в Париж. Перрон отходит от участия в рабочем движении. Центром бакунизма стали секции Швейцарской Юры.

⁴¹ Ibid., p. 58.

⁴² Ibid., p. 76.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 351/18; И. П. Особова. Указ. соч., стр. 447.

ПОДГОТОВКА К КОНГРЕССУ

Лондонская конференция поручила Генеральному Совету определить время и место созыва очередного V конгресса.

На предстоящем конгрессе надо было решить многообразные и сложные задачи. Конгресс должен был подвести итог деятельности Интернационала за три бурных года, прошедших после конгресса в Базеле. Он был призван наметить дальнейшие задачи организации, учитывая опыт Коммуны, обобщенный в решениях Лондонской конференции. Острой проблемой оставалась борьба против бакунизма как в идейно-теоретическом, так в особенности в организационном аспекте: предстояло решить вопрос о тайном Альянсе. В сложной ситуации, в которой находился Интернационал, надо было учесть многие факторы и ничего не упустить при подготовке конгресса.

Трудности возникли при выборе места созыва конгресса 5 января 1872 г. Либкнехт в письме Энгельсу предложил Германию или район вблизи ее границ. Мотивируя свое предложение, Либкнехт указывал, что в немецких секциях сторонники Генерального Совета составляют подавляющее большинство¹.

В ответном письме от 18 января 1872 г. Энгельс общал, что место работ конгресса пока не определено, но Германия не годится². Германия исключалась из-за преследований сторонников Интернационала; Франция — по той же причине. Маркс и Энгельс возражали против Лондона, ибо противники обвинили бы Генеральный Совет в том, что он имеет там большинство.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2719.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 319.

И.-Ф. Беккер предлагал созвать конгресс в Женеве. Но в Швейцарии было много приверженцев Бакунина. Отвечая на предложение Беккера, Энгельс писал, что альянсисты пустят в ход все средства, чтобы обеспечить себе большинство. «Юрцы будут представлять фиктивные секции; итальянцы, за исключением Турина, пришлют *только* друзей Бакунина, даже и Милан, где эти господа после высылки Куно снова взяли верх; испанцы разделятся, в каком соотношении — сказать еще нельзя. Германия будет по отношению представлена слабо, также и Англия; Франция — лишь несколькими эмигрантами, находящимися в Швейцарии, и, быть может, здешними; бельгийцы очень ненадежны; таким образом, чтобы обеспечить *внушительное* большинство, нужно будет еще приложить огромные усилия, потому что незначительное большинство было бы не лучше отсутствия всякого большинства...»³

В мае Маркс вел переговоры с Голландским федеральным советом. Секции Товарищества в этой стране были немногочисленны, но многие рабочие с уважением относились к нему. Голландский федеральный совет поддержал решения Лондонской конференции. Известную роль играло географическое положение страны, облегчавшее приезд делегатов из большинства стран. 11 июня Генеральный Совет по предложению Маркса принял решение созвать конгресс в Гааге 2 сентября 1872 г.

18 июня Совет избрал комиссию для составления официального извещения о конгрессе в составе Энгельса, Вайяна и Мак-Донелла. Извещение было написано Энгельсом. В нем было указано время и место созыва конгресса, а также содержалась информация об изменении повестки дня, намеченной в 1870 г. для предполагаемого конгресса в Париже. В документе было указано, что наиболее важным вопросом конгресса в Гааге будет пересмотр Общего устава и Регламента. Более подробная программа будет составлена Генеральным Советом позднее⁴.

Бакунисты немедленно выступили против решения Генерального Совета. Они надеялись, что конгресс

³ Там же, стр. 391.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 87—88.

соберется в Швейцарии. Большинство секций и федераций поддержало решение Генерального Совета Интернационала.

Подготовка к конгрессу проходила в условиях острой борьбы против дезорганизаторской деятельности самых различных антимарксистских направлений. Подрывные действия раскольнических элементов приняли столь острые формы, что поставили под угрозу существование Интернационала как ведущей революционной организации пролетариата. 21 мая 1872 г. на заседании Генерального Совета Маркс говорил, что Интернационал переживает сейчас весьма критический период⁵.

Окончательно утвердить программные и организационные принципы Товарищества можно было только при условии самого решительного размежевания с бакунизмом и его союзниками.

Центром подготовки конгресса стал Генеральный Совет, роль которого после Лондонской конференции значительно возросла. В его состав входило теперь около 60 человек, значительная часть которых была либо соратниками Маркса и Энгельса, либо испытывала сильное влияние их учения. Однако в Совете были представители других направлений: бланкисты, либеральные тред-юнионисты, бывшие деятели чартизма.

В июне — июле Совет обсуждал Общий устав и Организационный регламент, при этом в центре внимания оказался вопрос о расширении прав Генерального Совета. Было принято предложение Лео Франкеля, поддержанное Марксом, дополнить статью 2-ю указанием на обязанность Совета «следить за соблюдением принципов Товарищества и охранять их»⁶, что означало возложение на Генеральный Совет функций исполнительного органа Интернационала. С возражениями выступил один из лидеров английских тред-юнионов секретарь Совета Джон Хейлз. Он ратовал за максимальное ограничение функций и полномочий Генерального Совета.

Острая полемика шла и вокруг предложения Маркса дополнить статью 6-ю тезисом о праве Совета вре-

⁵ См. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 174—199.

менно, до решения конгресса, не принимать в Интернационал или исключать из него за нарушение устава секции, федеральные советы, федерации.

Хейлз утверждал, что принятие такой поправки будет означать предоставление Совету права в любое время распустить Товарищество, закрыв все секции и федерации. В действительности смысл предложения Маркса сводился к тому, чтобы сохранить единство Товарищества на основе его программных принципов и препятствовать враждебным элементам захватить руководство им. Несмотря на резкие протесты Хейлза, Роча, Эккарриуса, составленный Энгельсом текст дополнения был принят абсолютным большинством голосов против четырех.

По предложению Энгельса было внесено составленное Марксом дополнение к статье 4-й устава о предоставлении Совету права изменять место и срок созыва конгресса и созывать в особых случаях полномочную закрытую конференцию вместо конгресса.

Принципиальное значение имела поправка Маркса к статье 1-й устава. Принятая в 1864 г. статья гласила: «Настоящее Товарищество основано для того, чтобы *служить центром сношений и сотрудничества*». Выделенные нами слова Маркс предложил заменить: «организовать общие действия рабочих разных стран».

Предложение Маркса отражало реальный рост авторитета Интернационала, явившийся результатом его 8-летней деятельности по сплочению и организации пролетарских масс.

Важным дополнением к уставу явился новый текст статьи 8-й, написанный Марксом и предложенный Вайяном.

Статья 8-я, кратко излагавшая основной смысл решений Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса, гласила: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись *в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами*. Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — *уничтожение классов*».

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата»⁷.

Идеи создания самостоятельной пролетарской партии и установления диктатуры пролетариата были относительно новыми для документов Интернационала, но не для Маркса и Энгельса.

К выводу о необходимости создания пролетарской партии основоположники научного коммунизма пришли еще в 40-е годы. Уже в те годы они доказали, что создание пролетарской партии является непременным условием победоносной социалистической революции. «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия»⁸, — писал Энгельс.

Маркс и Энгельс дали основные положения стратегии и тактики пролетарской партии, определив ее задачи в строгом соответствии со своим материалистически-диалектическим мировоззрением; наметили ряд важных организационных принципов построения коммунистической партии, поставили ряд других вопросов, вошедших неотъемлемой частью в марксистско-ленинское учение о партии.

Основные элементы учения о диктатуре пролетариата также были разработаны Марксом и Энгельсом задолго до основания I Интернационала. Уже в апреле 1850 г. в соглашении о создании нелегального Всемирного общества коммунистов-революционеров было выдвинуто требование подчинения всех привилегированных классов диктатуре пролетариата⁹.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, ст. 424.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 275.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 551.

В программных документах Интернационала, однако, эти идеи, а тем более термины, появились не сразу. Дело в том, что к моменту образования Интернационала в рабочем движении Европы и Америки большим влиянием пользовались различные утопические системы и сектантские теории.

В таких условиях задача революционных марксистов заключалась в том, чтобы, с одной стороны, не выдвигать в Интернационале таких требований, которые могли бы оттолкнуть от него незрелые элементы рабочего класса; с другой — настойчиво преодолевать сектантство, буржуазное и мелкобуржуазное влияние, давать решительный отпор оппортунистическим тенденциям. Только таким путем можно было сделать рабочих более восприимчивыми к усвоению основ научного коммунизма, к пониманию действительных условий освобождения пролетариата.

«Было очень трудно сделать так, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения... Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть *fortiter in re, suaviter in modo* (сильным по существу, мягким по форме.— М. М.)»¹⁰.

После Парижской Коммуны и 8-летней деятельности Интернационала это время настало. События сделали возможным «прежнюю смелость речи». Ярким тому доказательством явилась статья 8-я.

Выступая в поддержку предложения, внесенного Вайяном, Маркс говорил: «У нас два рода противников: сторонники воздержания от политики, они ополчились на эту резолюцию более, чем кто-либо; и рабочие Англии и Америки, которые позволяют буржуазии использовать себя в политических целях. Мы должны положить этому конец, разоблачить это положение дел»¹¹.

Данная резолюция была направлена прежде всего против анархистского отрицания роли политического движения рабочего класса — главного тезиса бакунистов. В то же время она наносила удар по реформист-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 13.

¹¹ «Генеральный Совет Первого Интернационала...», стр. 196.

скому пониманию смысла политической борьбы пролетариата.

Большую работу по подготовке конгресса, разоблачению бакунистов и других антимарксистских элементов, сплочению пролетарских сил проводил Подкомитет Генерального Совета¹². Он обсуждал вопрос о подрывной деятельности тайного Альянса в Испании, а также в других странах: Бельгии, Португалии, Швейцарии. На заседании 5 июля было принято решение просить Генеральный Совет поставить на предстоящем конгрессе вопрос об исключении Бакунина и всех членов Альянса из Интернационала. Доклад Генеральному Совету о деятельности Альянса было поручено сделать Марксу и Энгельсу¹³. Этот доклад был оглашен Энгельсом на заседании Совета 6 августа¹⁴.

В документе сказано, что Генеральный Совет располагает документами, которые содержат неоспоримые доказательства существования внутри Интернационала тайного общества, основу которого составляет Альянс социалистической демократии. Цель этого общества — добиться раскола Товарищества и тайно передать руководство им сектантской группировке, возглавляемой Бакуниным.

Ядром Альянса является Юрская федерация. От нее исходят все призывы, которые повторяются другими секциями и газетами, находящимися в распоряжении тайного общества. В Италии имеются организации, которые

¹² Подкомитет, или Постоянный комитет, возник из комиссии, образованной в 1864 г. для разработки программы и устава. Позднее в него входили секретари-корреспонденты для различных стран, генеральный секретарь Генерального Совета и казначей. Комитет не был предусмотрен уставом Международного Товарищества Рабочих. Он играл роль рабочего исполнительного органа, осуществлявшего широкий круг обязанностей по повседневному руководству Интернационалом, в частности он готовил документы для рассмотрения их Генеральным Советом, 18 июня 1872 г. Генеральный Совет принял решение передать все организационные дела Исполнительному комитету, который с июля стал называться Постоянным комитетом. В его состав в это время входили: Маркс (секретарь-корреспондент для Германии, России, Голландии), Энгельс (для Италии и Испании), Франкель (для Венгрии), Серрайн (для Франции), Врублевский (для Польши), Юнг (для Швейцарии), Курне, Хейлз (секретарь Генерального Совета), Мак-Доннел (для Ирландии), Ле Муссю (для французских секций в Америке).

¹³ «Генеральный Совет Первого Интернационала...», стр. 234.

¹⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 110—115.

выдают себя за секции Интернационала, но они никогда не выполняли Устава и даже не ставили вопроса об их приеме в Товарищество.

Агенты Альянса действуют также в Бельгии и на Юге Франции. Наиболее сильная организация Альянса находится в Испании, где бакунисты сумели убедить членов Интернационала, что принадлежность к тайному обществу является их обязанностью, «чуть ли не долгом каждого»¹⁵.

Энгельс показал, что деятельность Альянса ослабляет силы пролетариата и его союзников, он предложил внести на конгрессе предложение об исключении из Интернационала всех членов Альянса.

Проект вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой ряд членов Совета выступил против опубликования обращения до расследования дела об Альянсе. Совет ограничился принятием документа к сведению.

8 августа Подкомитет направил обращение ко всем испанским секциям, в котором предлагал произвести расследование о деятельности тайного Альянса и сообщить результаты Генеральному Совету¹⁶.

Кроме работы в Генеральном Совете и Исполнительном комитете Маркс и Энгельс вели оживленную переписку с руководителями федераций, секций, отдельными деятелями Товарищества¹⁷.

В центре внимания Маркса и Энгельса оказалась немецкая социал-демократия — наиболее мощный и организованный национальный отряд Интернационала.

29 июля 1872 г. Маркс писал Кугельману, что на предстоящем конгрессе в Гааге, «речь будет идти о жизни или смерти Интернационала», поэтому Германия должна иметь возможно большее число представителей¹⁸.

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ См. там же, стр. 116—118. Из сохранившейся рукописи видно, что первый абзац написан рукой Маркса.

¹⁷ См. А. Коротеева. Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963, стр. 76 и др.; она же. Торжество идей марксизма в Интернационале. Гаагский конгресс.— «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 175—186.

¹⁸ В этом письме Маркс сообщал о своем намерении выйти из Генерального Совета, но предварительно он хотел бы «оградить Интернационал от разлагающих элементов» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 424). Ранее, 27—28 мая, Энгельс писал Либкнехту о намерении его и Маркса выйти из состава Генерального Совета следующее: «Гинс представил проект, по которому Генеральный

Маркс вел переписку с русскими политическими деятелями, от которых получил ценные сведения и документы о подрывной деятельности бакунистов в России, о связях Бакунина с Нечаевым¹⁹.

Внимание Энгельса было сосредоточено на Испании и Португалии. Странники Генерального Совета Лафарг, Меса, Мора и другие сообщили обширные сведения о бакунизме. Многим членам Интернационала Энгельс помог разобраться в сущности анархизма и разъяснял коренные положения теории и тактики марксизма, что несомненно способствовало разрыву с бакунизмом некоторых колеблющихся сторонников Бакунина и членов Альянса.

Энгельс был также тесно связан с деятелями Интернационала в Дании. Он переписывался с Л. Пиа, А. Геллефом, К. Михельсоном, А. Барняковым и другими лицами.

Маркс и Энгельс имели регулярную связь с американскими деятелями Международного Товарищества Рабочих Ф. Зорге, К. Больте, З. Мейером. В своих письмах основоположники научного коммунизма раскрыли решающее значение конгресса для будущих судеб Интернационала. Результатом их деятельности было сплочение пролетарских революционеров в ряде стран, превращение секций и национальных федераций в опору Генерального Совета в борьбе против бакунизма.

Как бы подводя итог огромной работе по подготовке конгресса, Энгельс писал: «Наконец-то все идет хорошо, но это не основание для того, чтобы усыплять себя. Если члены Интернационала выполнят свой долг, конгресс в Гааге будет иметь большой успех; он подведет прочный фундамент под организацию, и Товарищество снова сможет спокойно развиваться и с новой силой оказывать сопротивление всем своим внешним врагам»²⁰.

Энгельс был прав: оснований для успокоения не было. Чем ближе к конгрессу, тем больше становился

Совет упраздняется. Лично мне это было бы на руку: ни я, ни Маркс в Генеральный Совет все равно вновь не войдем; при теперешних условиях у нас почти не остается времени для работы, и этому нужно положить конец» (там же, стр. 401—402).

¹⁹ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 343—363; «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 168—263.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 434.

накал борьбы; об этом свидетельствовали съезды и конференции организаций Интернационала в Англии, США, Бельгии, Испании, Швейцарии, проходившие в преддверии конгресса с конца 1871 по сентябрь 1872 г.

В испанской организации бакунисты составляли большинство. На Сарагосском съезде в состав Федерального совета были избраны только члены тайного Альянса.

Сторонников бакунизма не оказалось на съезде Североамериканской федерации. В его работе приняли участие 23 делегата от 22 секций (12 немецких, 4 французских, 3 американских, Ирландская, Итальянская, Скандинавская). Они представляли примерно 1 тыс. членов. Съезд заявил о своей полной поддержке Генерального Совета, согласился с тезисом о расширении его функций и полномочий. Делегатами на конгресс в Гааге были избраны Ф. Зорге и С. Дерёр. Ввиду недостатка средств съезд предоставил секциям право направить мандаты партийным товарищам в Европу. Секция № 1 направила такой мандат Марксу, а секция № 6 — Энгельсу.

Острая борьба развернулась в Англии. До Лондонской конференции Интернационала Федерального совета для Англии не было, его функции выполнял Генеральный Совет, в состав которого входили многие лидеры тред-юнионов. Среди них было немало реформистов, лишь временно примкнувших к Интернационалу. Первое крупное революционное событие должно было отбросить их на враждебные пролетариату позиции. Таким событием оказалась Парижская Коммуна. Отношение к ней явилось водоразделом между революционным и реформистским крылом. Оджер, Лекрафт и другие поспешили отмежеваться от Коммуны. Укрепление идейных и организационных позиций Интернационала в Англии стало одной из неотложных задач Генерального Совета, для ее решения был создан Британский федеральный совет. В его состав наряду с представителями революционного крыла рабочего движения вошли реформистские элементы. С первого дня они пытались превратить совет в инструмент своей политики. Сторонники Маркса, М. Барри и Ф. Лесснер, стремились прежде всего к тому, чтобы выработать устав совета в соответствии с принципами Интернационала. Им удалось добиться принятия именно такого документа. В уставе, опубликованном в марте 1872 г., указывалось, что «экономическое освобождение

рабочего класса является великой целью, которой должно быть подчинено всякое политическое движение»²¹.

Принятие этой формулы не означало полной победы марксизма в Совете. Противоборство революционных и реформистских сил продолжалось. Острая дискуссия шла по аграрному вопросу²², еще более жаркие прения вызвала ирландская проблема²³.

Реформистское крыло Временного федерального совета во главе с Хейлзом и Кларком выступило за ограничение прав Генерального Совета при исключении из Товарищества секций за нарушение ими устава, пыталось противопоставить Британскую федерацию и ее совет Генеральному Совету.

Важной вехой развития Интернационала в Англии стал первый съезд английских секций, происходивший в Ноттингеме в конце июля 1872 г. На съезде развернулась острая полемика между сторонниками и противниками линии Генерального Совета, являвшаяся частью борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма, который стал центром притяжения всех антимарксистских, в том числе и реформистских, сил в Интернационале. Съезд одобрил решения Лондонской конференции, выразил доверие Генеральному Совету.

Резолюция Ноттингемского съезда о политической деятельности в главном и основном совпадала с решением Лондонской конференции. Было принято решение об основании независимой рабочей партии Англии на основе принципов Товарищества.

Съезд выдвинул требования всеобщего избирательного права, национализации земли, 8-часового рабочего дня, независимости Ирландии, полного уничтожения современной системы наемного рабства. Эти решения ознаменовали успех революционного крыла Британского федерального совета²⁴.

²¹ См. В. Э. Кунина. Роль К. Маркса и Ф. Энгельса в создании и упрочении Британского федерального совета. 1871—1873 гг.— «Новая и новейшая история», 1961, № 1, стр. 38.

²² Ир. А. Бах. Маркс и аграрный вопрос в Интернационале.— «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 65—82.

²³ Л. И. Гольман. Ирландский вопрос в I Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма.— «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955, стр. 484—578.

²⁴ Подробнее см.: В. Э. Кунина. Указ. соч., стр. 35—51.

Накануне конгресса обострилась борьба марксистов и бакунистов в Бельгии. Состав бельгийского рабочего класса в то время был крайне неоднородным. Он включал в себя массу бывших ремесленников, кустарей, разорившихся крестьян, наемных рабочих ремесленных, полукустарных предприятий. Недавние мелкие собственники, не верящие в возможность восстановить уже утраченную собственность и по этой причине легко поддающиеся влиянию псевдореволюционной фразы, оказались той средой, в которой влияние бакунистских идей держалось особенно устойчиво.

Бакунистам удалось сыграть на болезненно обостренном чувстве национального самосохранения, свойственном населению маленькой Бельгии, находившейся под постоянной угрозой аннексии. Демагогическая проповедь полной автономии секций, упреки в «авторитарности», направляемые в адрес Генерального Совета, находили отклик в массах бельгийского пролетариата. Это позволило анархистам значительно активизировать свои действия в Бельгии, особенно после Лондонской конференции. Бельгийский федеральный совет оспаривал необходимость участия в политической деятельности, а 28 ноября 1871 г. выпустил специальное воззвание, в котором солидаризировался с анархистским тезисом воздержания от политики²⁵.

Ознакомившись с этим документом, Гильом заявил, что он видит в лице бельгийцев своих союзников²⁶. Бакунин назвал бельгийскую организацию «наиболее разумной, пылкой, деятельной, солидной и замечательной во всех отношениях»²⁷.

В декабре 1871 г. съезд бельгийских секций обсудил сонвильерский циркуляр и вопрос о расколе Швейцарской федерации. Бакунист Э. Гинс и другие делегаты обвиняли Маркса в попытках толкнуть Интернационал на путь политической борьбы, что якобы являлось нарушением устава. Съезд принял решение добиваться на очередном конгрессе пересмотра Устава Международного Товарищества Рабочих и поручил Бельгийскому федеральному совету подготовить проект нового устава. Это

²⁵ «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 345.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 395/1.

²⁷ «Михаил Бакунин. 1876—1926. Неизданные материалы и статьи». М., 1926, стр. 125.

решение означало попытку пересмотра постановлений Лондонской конференции.

Генеральный Совет принимал меры к тому, чтобы оградить бельгийскую организацию от влияния бакунистов и направить ее деятельность по действительно революционному пути. Секретарь-корреспондент для Бельгии Ш. Роша просил Бельгийский федеральный совет объяснить его отношение к резолюциям Лондонской конференции. В своем обращении он запрашивал, почему в центральном органе бельгийских секций «Интернасьональ» не опубликованы решения Лондонской конференции, зато постоянно публикуются материалы бакунистской прессы, направленные против этих решений. В ответе на письмо Роше Де Пап объяснял позицию газеты опасением новых репрессий против организации Товарищества в Бельгии, которые могли, по его мнению, завершиться запрещением Интернационала. Все же 26 ноября 1871 г. в газете были напечатаны материалы конференции.

Маркс и Энгельс неоднократно поднимали вопрос о позиции бельгийской организации на заседаниях Генерального Совета и Постоянного комитета, вели постоянную переписку со своими сторонниками в Бельгии, стремясь помешать присоединению Бельгийской федерации к бакунистам.

Руководство федерации, однако, все более определенно становилось на путь поддержки бакунизма. На страницах «Либерте» и «Интернасьональ» давалась позитивная оценка раскольнической линии как бакунистов, так и их объективных союзников — лассальянцев и либеральных тред-юнионистов. 7 мая 1872 г. Энгельс писал Либкнехту: «В Бельгии Брюссельский федеральный совет довел все до полного развала... рабочие в провинции гораздо лучше, но самая гнилая почва — в Брюсселе, и, пока центр остается там, вряд ли получится что-либо путное»²⁸.

Ближайшее будущее показало, что Энгельс был глубоко прав, хотя, разумеется, далеко не все организации Товарищества оказались на позиции Федерального совета. В активной оппозиции к нему оказались французская эмигрантская секция в Брюсселе, немецкие эми-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 385.

грантские секции в Вербье и в Льеже. В июле — августе 1872 г. была предпринята попытка создания новой федерации в Брюсселе, но она не увенчалась успехом.

Раскольнические элементы добились успеха на чрезвычайном съезде Бельгийской федерации, состоявшемся 14 июля 1872 г. в Брюсселе. Большинством голосов (9 из 13) съезд одобрил составленный Гинсом проект устава. Проект предусматривал сохранение Генерального Совета, но значительно ограничивал его полномочия; Совет лишался права вмешиваться в конфликты между секциями и федерациями и внутри них; проект отвергал право Совета исключать из Интернационала секции или федерации. Разногласия между секциями должна была решать федерация, между федерацией и Генеральным Советом — другие федерации, Совет должен был состоять из представителей отдельных стран, каждая должна иметь в нем один голос. Право назначения секретарей-корреспондентов изымалось из прерогатив Совета и передавалось федерациям. С совокупность этих ограничений функций Совета фактически означала его уничтожение, хотя прямо об этом не говорилось. Таким образом, в главном, основном вопросе полемики между марксистами и бакунистами — в вопросе о принципах построения пролетарской партии — съезд оказался на позициях бакунизма²⁹.

Съезд принял решение направить на конгресс в Гаагу представителей только официально признанных секций³⁰.

В состав бельгийской делегации были избраны А. Эрман, Д. Брисме, Х. Герхард, П. Флюз. На конгрессе делегация поддерживала бакунистов.

Де Пап уклонился от участия в съезде, вероятно он не разделял анархистских воззрений большинства его участников, однако от борьбы с раскольниками отказался. Более того, в своих письмах в Лондон он пытался

²⁹ Оценивая проект устава, принятый конгрессом, Энгельс писал: «Подлинным автором бельгийского проекта устава является, конечно, опять Бакунин» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 408*).

³⁰ Ф. Энгельс в письме И.-Ф. Беккеру от 5 августа 1872 г. положительно оценил это решение. См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 429*.

затушевать разногласия в федерации, а после конгресса выражал несогласие с его решениями.

26 октября 1872 г. он писал Марксу: «...я сожалею о расколе, существующем в Интернационале; я скорблю о том резком и оскорбительном тоне, которого продолжают придерживаться как та, так и другие стороны; я считаю вредными для нашего Товарищества некоторые решения, принятые в Гааге. Таковыми являются исключение из Интернационала и увеличение полномочий Генерального Совета по отношению к национальным федерациям и секциям и особенно то, что Генеральный Совет перемещают в Америку, то есть в страну, где ему будет довольно трудно иметь точное представление о том, что происходит в секциях и федерациях Старого Света. Впрочем, чтобы высказаться с большим знанием дела, я ожидаю опубликования протоколов»³¹. Как видим, недовольство Де Папа вызвали главные, кардинальные решения конгресса³².

Колебания Де Папа отрицательно сказались на деятельности Бельгийской федерации, они способствовали усилению в ней бакунистов. Де Пап недооценивал силы анархистов в бельгийских секциях, особенно в руководстве, да и сами разногласия не казались ему столь острыми. По свидетельству Энгельса, «Де Пап позорным образом дал себя надуть, он писал, что все обстоит благополучно»³³.

В условиях острой борьбы против бакунизма происходила подготовка к конгрессу в Швейцарии. Именно в Швейцарии бакунисты объявили открытую войну Генеральному Совету и принципам Интернационала.

Большинство швейцарских секций решительно поддержало резолюцию Лондонской конференции и выступило против сонвильерского циркуляра. 23 ноября и 2 декабря 1871 г. так поступили женевские секции. 20 декабря 1871 г. с заявлением против сонвильерского циркуляра выступил Романский федеральный совет.

³¹ «Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века». М., 1970, стр. 446.

³² Подробнее о Де Папе см.: А. Е. Коротеева. Сезар де Пап и Карл Маркс (1865—1875).— «Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века», стр. 275—301; «De Paepre Cesar. Marx et Bakounine. Correspondance». Paris, 1974.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 312.

27 января 1872 г. циркуляр был отвергнут Цюрихской секцией. 28 января общее собрание четырех секций Романской федерации в Ла-Шо-де-Фоне одобрило решения Лондонской конференции и потребовало исключения из Интернационала Бакунина, Гильома и их сторонников³⁴.

Важное значение в борьбе против бакунизма сыграл съезд Романской федерации, происходивший 2—3 июня 1872 г. в Веве. Одобрив решения Лондонской конференции, съезд отметил, что предложение бакунистов о ликвидации Генерального Совета направлено на дезорганизацию Интернационала³⁵.

На съезде было принято решение об объединении всех секций, признающих резолюции Лондонской конференции, в единую Швейцарскую федерацию. Бакунисты выступили против создания федерации, утверждая, что эта акция «может послужить лишь инструментом в руках тех, кто мечтает о создании политической национальной рабочей партии в общешвейцарском масштабе»³⁶. Действия бакунистов воспрепятствовали созданию федерации.

В мае 1872 г. в Локле состоялся съезд Юрской федерации. Его делегаты резко выступили против всех аспектов линии Генерального Совета. На этой же позиции оказался внеочередной съезд Юрской федерации в Ла-Шо-де-Фоне, состоявшийся в августе 1872 г. Съезд избрал делегатами на Гаагский конгресс Гильома и Швицгебеля, которым было категорически предписано требовать упразднения Генерального Совета и устранения всякого авторитета в Интернационале.

На конгрессе в Гааге немецкие и романские секции были представлены Беккером и Т. Дювалем, Цюрихская секция — немецким социал-демократом Г. Фридлиндером. Все они выступили в поддержку Генерального Совета.

Обстановка в итальянских организациях Интернационала после Лондонской конференции определялась прежде всего объективными факторами. Экономическая и политическая отсталость страны повлекла за собой идейную и политическую незрелость рабочего класса,

³⁴ «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 325.

³⁵ «Egalité», 13.VI 1872.

³⁶ «Bulletin de la Fédération jurassienne», 15.VII 1872.

преобладание полуремесленных слоев в общей массе пролетариата содействовало сравнительно широкому распространению бакунистских идей в рабочем движении. С другой стороны, популярность личности Бакунина, его широкие связи с радикальными слоями интеллигенции несомненно способствовали развертыванию анархистской пропаганды. Бакунин стремился превратить итальянские организации в инструмент борьбы против Генерального Совета. С этой целью он и его приверженцы направили свои усилия на создание как можно большего числа организаций, чтобы таким путем иметь возможность направить на Гаагский конгресс многочисленную делегацию.

В конце 1871 г.— первой половине 1872 г. в стране было образовано большое количество анархистских групп, которые объявили себя секциями Интернационала.

Решения конференции этих групп в Римини — о создании Итальянской федерации, о созыве Международного конгресса анархистов, о разрыве всяких отношений с Генеральным Советом — поставили их вне Интернационала.

В ответ на эти решения Генеральный Совет принял меры, которые свели до минимума возможности анархистов предпринять какие-либо действия, прикрываясь именем Интернационала. На Гаагском конгрессе представители Италии отсутствовали³⁷.

Известное распространение бакунизм получил во Франции, в особенности на юго-востоке страны. В Марселе и Лионе ряд активных деятелей Интернационала А. Ришар, А. Бастелика и некоторые другие стали сторонниками Бакунина. В Париже его поддерживали Бенуа Малон, Аристид Рей, Эли и Элизе Реклю. Из них влиянием в рабочем классе Франции пользовался лишь Малон.

³⁷ Несмотря на крайне неблагоприятные условия, идеи Интернационала все же проникали в социалистическое движение Италии, внутри которого сформировалось марксистское направление, стремившееся направить итальянское рабочее движение на правильный путь, оно оказывало значительное влияние на формирование и развитие пролетарских организаций. Подробнее см.: *И. В. Григорьева*. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; *она же*. Энгельс и Миланская секция Интернационала в 1871—1872 годах.— «Новая и новейшая история», 1957, № 2.

Бакунизм оказывал воздействие и на других социалистов, в частности на Варлена, который называл себя «антиавторитарным коммунистом». Варлен, как и большинство социалистов Франции, не пришел к выводу о необходимости создания политической партии рабочего класса. Подготовку к революционной борьбе он представлял лишь в виде «энергичной пропаганды через газету, через открытые и закрытые собрания, через организацию рабочих обществ»³⁸. На Базельском конгрессе Варлен поддерживал бакунистское предложение о праве наследования. Однако практика политической борьбы вскоре убедила Варлена в ошибочности бакунистской концепции.

Жестокая реакция после разгрома Коммуны не сломила воли французского пролетариата. Его движение постепенно возрождалось. Уже в августе 1871 г. Генеральный Совет получил первые сведения о восстановлении секций Интернационала. 5 августа Э. Прене сообщил Э. Дюпону о деятельности секции в Ла Сьоте (близ Марселя). Письмо содержало предупреждение об опасности раскольнической деятельности бакунистов³⁹.

Информация о деятельности секций начала поступать из Северной Франции, из Гавра и других городов⁴⁰.

На Лондонской конференции французская делегация была многочисленной. Кроме секретаря-корреспондента Дюпона в ее работе приняли участие Франкель, Лонге, Вайян, Серрайе, Делаэ, Мартен, Тейс⁴¹.

После Лондонской конференции процесс воссоздания Интернационала во Франции пошел значительно быстрее. Секции активизировали свою деятельность. Большая заслуга в этом принадлежала Серрайе, который в октябре 1871 г. сменил Дюпона на посту секретаря-корреспондента для Франции⁴².

³⁸ «La vie ouvrière», 5.V 1913.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 39/1.

⁴⁰ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.» М., 1936, стр. 97.

⁴¹ Лондонская конференция приняла постановление о положении Международного Товарищества Рабочих во Франции, в котором была высказана твердая уверенность, что полицейские преследования не смогут уничтожить организации Интернационала во Франции.

⁴² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 324.

Большую активность проявляла Бордоская федерация. Осенью 1871 г. в Бордо появились активные деятели Интернационала, в числе которых был друг Лафарга Жан Ларок. Деятельность организации Интернационала шла по преимуществу в легальных рабочих профессиональных обществах⁴³.

С декабря 1871 г. начала действовать группа членов Интернационала в Тулузе, которая вскоре организовала комитет, последний связался с Лароком и Серрайе⁴⁴.

Создавались секции и в других местностях. Некоторым из них пришлось столкнуться с бакунистами. Так произошло в Пезнасе, где во главе секции стоял ветеран рабочего движения Калас. Он твердо проводил линию Генерального Совета в борьбе против бакунистов. Острая борьба против бакунистов развернулась в Монпелье. Председатель местного радикального комитета Поль Брусс вел раскольническую политику, противодействовал всем акциям Генерального Совета. 18 августа секция приняла решение потребовать от конгресса исключения Брусса из Товарищества.

В феврале 1872 г. Генеральный Совет получил первые сведения о попытках восстановления организации Интернационала в Париже. 13 марта Серрайе сообщил Генеральному Совету, что ему удалось установить связь с Парижем, откуда он получил письмо; вскоре в Лондон приехал делегат парижских рабочих, чтобы получить полномочия на создание секции. В середине марта секция была образована. Ее устав по предложению Маркса был одобрен Генеральным Советом. Вскоре секция создала свой печатный орган⁴⁵.

Накануне Гаагского конгресса организации Товарищества во Франции добились известных успехов. Парижская секция с полным основанием писала, что «партия пролетариата воссоздала свои ряды». Секция со всей решительностью выступала против раскольнической деятельности бакунистов. Нормандская федерация департамента Нижняя Сена и Эн в обращении к конгрессу ратовала за участие рабочих в политической борьбе,

⁴³ Г. П. Новикова. Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны.— «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 74—88.

⁴⁴ «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 280.

⁴⁵ Там же, стр. 282—283.

более того, утверждала, что пролетариат может взять власть в свои руки, ссылаясь при этом на опыт Коммуны⁴⁶.

На Гаагском конгрессе все французские делегаты поддерживали Генеральный Совет, голосовали за включение в устав статьи о политическом действии рабочего класса, за расширение полномочий Совета, за исключение Бакунина и Гильома из Интернационала.

К лету 1872 г. в организациях Международного Товарищества Рабочих разных стран развернулась острая борьба между сторонниками и противниками Генерального Совета. Как правило, инициаторами атак на революционные принципы Интернационала выступали бакунисты. Силы бакунистов были весьма скромными по сравнению с огромными массами пролетариев, объединенных в Товариществе⁴⁷, но их поддерживали другие противники Генерального Совета; бакунизм оказался своеобразным центром сплочения всех антимарксистских сил в Интернационале.

В Лондоне против Совета выступали представители Французской секции 1871 года. Секция образовалась в сентябре 1871 г. Ее ядро составили эмигранты — участники Коммуны. Секция выработала устав, который рассматривался на чрезвычайном заседании Генерального Совета и был передан на специальную комиссию Совета, в состав которой входили: Маркс, Юнг и Серрайе. После ознакомления с уставом Маркс от имени комиссии 17 октября 1871 г. сделал сообщение Генеральному Совету и внес резолюцию⁴⁸, в которой было указано, что ряд пунктов устава секции противоречат Общему уставу, что исключает возможность приема секции в Интернационал. Генеральный Совет рекомендовал секции привести эти пункты в соответствие с принципами Интернационала, изложенными в уставе. 31 октября секция выступила с заявлением о несогласии с резолюцией Генерального Совета; документ ставил под сомнение полномочия Совета, повторив нападки бакунистов. Заявление секции обсуждалось на заседании Генерального Совета 7 ноября 1871 г., где была принята резолюция, под-

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 53/4.

⁴⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 330—331.

⁴⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 441—444.

тверждающая решение Совета от 17 октября⁴⁹. Вскоре секция распалась на несколько групп, враждовавших друг с другом.

Противником Генерального Совета оказалась группа членов Лондонского коммунистического просветительного общества немецких рабочих. Указанная группа связалась с французскими раскольниками и на собрании общества предложила выйти из Интернационала. Предложение было отклонено незначительным большинством (27 против 20). Тотчас же сторонники Интернационала предложили исключить меньшинство из общества, что и было принято. Меньшинство направило своего делегата Шерцера в Генеральный Совет, но он не был допущен на заседание.

В Испании друзья и приверженцы Бакунина имели сильное влияние на рабочих. Исход борьбы марксистов против бакунистов в январе 1872 г. был не ясен.

Сторонники Бакунина оставались хозяевами положения в итальянских организациях Интернационала. Руководство секциями почти повсюду оказалось в их руках, но «за ними стоит не так уж много народа, так как огромнейшая масса итальянских рабочих все же до сих пор еще настроена мадзинистски и останется таковой, пока Интернационал будет отождествляться там с поддержанием от политики»⁵⁰.

Против Генерального Совета выступили некоторые представители английских тред-юнионов, отражавшие настроения аристократического меньшинства рабочего класса, которое противилось стремлению Генерального Совета направить пролетарскую борьбу в Англии по революционному пути.

В американские организации Интернационала проникли буржуазные и мелкобуржуазные деятели. Подобно бакунистам, они ратовали за «автономию» секций, стремясь в максимальной степени ограничить роль Генерального Совета. В Германии не была закончена борьба против лассальянцев. По ряду вопросов против Маркса выступали французские бланкисты и прудонисты.

В борьбу против Интернационала включились буржуазные радикалы, стремившиеся подчинить рабочее

⁴⁹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 466—470.

⁵⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 331.

движение своему влиянию. В Италии с этих позиций выступила группа Стефанони, в Англии — буржуазные республиканцы, которые блокировались с деятелями французской секции 1871 г. и лассальянцами-эмигрантами, исключенными из Лондонского коммунистического просветительного общества немецких рабочих. 8 июня 1872 г. «Эмансипасьон» писала: «Буржуазия пытается извратить принципы рабочей солидарности, чтобы внести в наше Товарищество разрушающую децентрализацию»⁵¹. Газета указывала, что такую линию проводит буржуазия Англии, Америки, Бельгии, Швейцарии, Германии, Италии, и призывала рабочих извлечь уроки из этой политики.

Борьба по идейным и организационным вопросам в Интернационале происходила в обстановке суровых полицейских репрессий в ряде стран и повсеместной травли Товарищества буржуазной прессой.

Программные принципы противников Маркса были различны, тактические планы не совпадали, равно как и воззрения по организационным вопросам. Однако специфика каждого из направлений не касалась главного. Этим главным было отрицание диктатуры пролетариата и принципов построения пролетарской партии, а именно организационных принципов Интернационала. С особым усердием враждебные элементы нападали на права и прерогативы Генерального Совета, прекрасно сознавая, что этот орган был самым серьезным препятствием на пути их раскольнических акций, главным инструментом борьбы против сектантства, за единство действий различных отрядов рабочего класса. После Лондонской конференции, особенно с мая 1872 г., подрывные действия раскольнических элементов приняли столь острые формы, что поставили под угрозу существование Интернационала как ведущей революционной организации пролетариата.

Выход был только один: самым решительным образом разгромить все сектантские раскольнические направления и группы, и в первую очередь бакунизм, и обеспечить победу марксистских принципов.

⁵¹ «Emancipacion», 8.VI 1872.

ГААГСКИЙ КОНГРЕСС —
РЕШАЮЩИЙ ЭТАП БОРЬБЫ
ПРОТИВ БАКУНИЗМА

2—7 сентября 1872 г. в Гааге происходил пятый и фактически последний конгресс Международного Товарищества Рабочих. Это был самый представительный конгресс в истории Интернационала¹. В его работе приняли участие 65 делегатов от 15 стран, в том числе 18 французов, 15 немцев, 7 бельгийцев, 5 англичан, 5 испанцев, 4 голландца, 4 швейцарца, 2 австрийца, датчанин, венгр, австралиец, ирландец, поляк.

Делегаты имели 95 мандатов, из них были делегированы на конгресс: Бельгией — 17, Германией — 15, Францией — 14, Швейцарией — 11, Америкой — 7, Генеральным Советом — 6, Испанией — 5, Англией — 7, Голландией — 4, Данией — 2, Ирландией — 2, Венгрией — 2, Португалией — 1, Польшей — 1, Австрией — 1. Отличительной чертой конгресса было широкое участие в нем делегатов-рабочих. Среди делегатов было 5 портных, 4 печатника, 4 учителя, 4 литератора, 3 сапожника, 3 врача, 2 чертежника, 2 столяра, 2 кожевника, 2 машиниста, 2 инженера, 2 щеточника, химик, торговец, мастер музыкальных инструментов, ткач, ювелир, литограф, старатель, мастер искусственных цветов, фарфорщик, гравер, мастер сапожных колодок. 20 делегатов не указали свою специальность².

Делегатами конгресса были видные деятели Международного рабочего движения — Маркс, Энгельс, Гепнер,

¹ Подробнее о конгрессе см.: А. Коротеева. Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963; она же. Торжество идей марксизма в Интернационале. Гаагский конгресс.— «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 174—216; она же. Гаагский конгресс I Интернационала.— «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955, стр. 579—658.

² «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы». М., 1970, стр. 81.

Дюпон, Зорге, Лафарг, Лесснер, Лонге, Серрайе и др. На открытых заседаниях, которые происходили в вечернее время, присутствовали голландские рабочие. Газеты мира от крайне реакционных до рабочих направили на конгресс своих представителей.

Перед конгрессом стояли в высшей степени важные и многообразные задачи. Ему предстояло подвести итоги деятельности Товарищества со времени Базельского конгресса, разработать основные вехи программы борьбы рабочего класса в новых условиях, сложившихся после разгрома Коммуны. На долю конгресса выпала задача обобщить опыт первого в истории пролетарского государства, наметить меры укрепления национальных организаций Товарищества, расширения интернациональных связей различных национальных отрядов пролетариата.

За три года, прошедшие после Базельского конгресса, внутри Международного Товарищества Рабочих выявились значительные расхождения во взглядах на его организационные и программные принципы. Были предприняты попытки ослабить, расколоть Товарищество, увести его в сторону от намеченных целей. Особую опасность представлял бакунизм, раскольнические, дезорганизаторские действия которого поставили под угрозу существование Интернационала как руководящего центра европейского рабочего движения.

Борьба против бакунизма естественно и закономерно заняла центральное место в работе конгресса не только потому, что он представлял главную опасность и вполне реальную враждебную силу внутри Интернационала, но и потому, что без опровержения его доктрин, как организационных, так и идеологических, невозможно было наметить и развить программные положения рабочего движения и подвести итог великим историческим событиям. Позитивные потребности рабочего движения требовали разработки тех именно проблем, которые являлись главным предметом полемики марксизма против бакунизма — диктатура рабочего класса, пролетарская партия и политическое действие рабочего класса и его партии. Особенностью марксистской теории, закономерностью ее развития является выдвижение на первый план тех именно проблем или их сторон, которые диктуются либо позитивными потребностями рабочего движения, либо характером противников, с которыми

приходится бороться и которые представляют главную опасность для данного этапа движения. В начале 70-х годов прошлого века, особенно в момент Гаагского конгресса, оба элемента совпадали: главный противник — бакунизм — пытался дать бой по самым актуальным, самым злободневным проблемам эпохи. Данное обстоятельство поставило борьбу против бакунизма в центр внимания конгресса.

Разногласия начались на первом заседании. Энгельс внес предложение избрать комиссию для проверки полномочий в составе 7 человек. Делегат от секций № 29 и 42 в Нью-Йорке Арсен Сова предложил составить комиссию из представителей всех федераций, выделив по одному человеку от каждой. Мотивируя свое предложение, он указал, что иной метод комплектования комиссии может дать повод для упрека, что в ней только сторонники Генерального Совета.

Конгресс единодушно согласился с Энгельсом, но Сова потребовал, чтобы его предложение поставили на голосование. Его поддержали Гильом и Мораго. В итоге было принято предложение Энгельса; в состав комиссии избраны: Маркс, Ранвье, Роч, Мак-Доннел, Дерёр, Герхард и Франкель.

Комиссия признала подавляющее большинство мандатов действительными, но число недействительных мандатов все же оказалось весьма значительным. Были признаны недействительными мандаты Флюза от Вервье, Алерини от марсельской организации, Жуковского от секции пропаганды в Женеве, а также мандаты нью-йоркских секций № 2 и 12. Отложили решение вопроса о допуске на конгресс делегата Гаагской секции Д. Дава, так как против него были выдвинуты обвинения, в которых было необходимо разобраться. Вопрос о допуске испанских делегатов Мораго, Марселау, Фарга Пелисера и Алерини комиссия предложила отложить до выполнения испанской организацией своих обязательств по отношению к Генеральному Совету³ Решение комиссии вызвало столь бурные прения, что через час председательствующий был вынужден закрыть заседание, ибо стало ясно, что без установления порядка обсуждения принятие решения невозможно.

³ Имелась в виду неуплата Испанской федерацией членских взносов.

На следующем заседании Энгельс предложил по каждому мандату выслушивать двух ораторов за и двух против, установив регламент по пять минут, затем ставить вопрос на голосование. Предложение было принято. Первым слово взял Швицгембель, который оспорил мандат коммунара Вайяна от секции в Ла-Шо-де-Фоне на том основании, что она не принадлежит к числу французских секций, а входит в Романскую федерацию. Вайян заявил, что имеет поручение защищать Романскую федерацию против Юрской, деятели которой выдвинули принципы, способные расколоть Товарищество. Гильом в оскорбительном, провокационном тоне выступил против Вайяна и сказал, что имя Вайяна вписано в мандат другим почерком и в другое время; иными словами, весьма прозрачно намекнул на подлог. Он утверждал, что секция в Ла-Шо-де-Фоне якобы связана с реакционерами и монархистами Невшательского кантона⁴. Конгресс не принял во внимание выпады Гильома, мандат Вайяна был утвержден.

Острая дискуссия развернулась вокруг мандата Лафарга. Алерини заявил протест против признания Новой мадридской федерации, которая принята Генеральным Советом якобы в нарушение устава. Он добавил, что новая федерация не уплатила взносов Генеральному Совету. В ответ Лафарг огласил свою статью, в которой он впервые разоблачал факт существования тайного Альянса в Испании, что и является, пояснил он, причиной ненависти к нему альянсистов. Мораго в ответ заявил, что исключение редакторов «Эмансипасьон» было проведено в строгом соответствии с уставом. «Испанская федерация,— сказал он,— самая боеспособная из всех федераций, и все споры и раздоры в Испании возникли лишь после приезда и вмешательства этого одного лица»⁵.

Против инсинуаций испанских альянсистов энергично выступил Энгельс. «...нам предстоит решить — сказал он,— должно ли Международное Товарищество Рабочих и впредь управляться на основании демократических принципов или им будет руководить клика (крики и протесты против слова «клика»), организованная тайно

⁴ «Гаагский конгресс...», стр. 90.

⁵ Там же, стр. 94.

и в противоречии с Уставом. Здесь присутствует шесть лиц, принадлежащих к этому тайному обществу: четыре испанца, Швицгембель и Гильом»⁶. Гильом прервал оратора резким возгласом: «Это неверно!» Энгельс ответил, что располагает доказательствами. Он указал, что, приняв Новую мадридскую федерацию, Совет отступил от устава, но «сделал это сознательно, с намерением таким образом спасти Международное Товарищество Рабочих в Испании»⁷.

На этом прения закончились. Лафарг был единогласно утвержден делегатом конгресса от Новой мадридской федерации. Конгресс отверг мандаты делегата от Марселя Алерини и делегата от секции пропаганды и революционного действия в Женеве Жуковского.

Сложнее обстояло дело с мандатами испанских делегатов Мораго, Марселау, Фарга Пелисера и Алерини⁸, которые были признаны недействительными, ибо Испанская федерация не уплатила членских взносов.

Фарга Пелисер, признав обвинение правильным, попросил об отсрочке взносов за последние три месяца. По вопросу об Альянсе он предложил «внести ясность», вероятно не связывая участие в деятельности Альянса с признанием мандатов. Он весьма лестно отозвался об Испанской федерации, как о «единственной, которая в настоящее время имеет виды на успех в борьбе против капитала»⁹. Энгельс высказал предположение, что испанские делегаты входят в Альянс, существующий под другим названием.

Ему в резкой форме ответил Марселау. По его мнению именно Альянс, а вовсе не Генеральный Совет «основал и привел в цветущее состояние Международное Товарищество Рабочих в Испании». Испанские делегаты считают для себя честью принадлежать к Альянсу, ибо альянсисты «являются испытанными членами партии и настоящими солдатами революции». Единственной причиной конфликта в испанской организации он назвал деятельность «одного определенного лица», имея в виду Лафарга. Что касается тайного Альянса, то, выполнив

⁶ «Гаагский конгресс...», стр. 94.

⁷ Там же.

⁸ Алерини был избран делегатом конгресса от Барселонской федерации и от марсельской организации Интернационала.

⁹ «Гаагский конгресс...», стр. 99.

свою миссию, он стал не нужен и был распущен на Сарагосском съезде¹⁰.

Мораго заявил, что принадлежность членов делегации в прошлом к Альянсу не является тайной. Это знали не только их избиратели, но и полиция, которую уведомил об этом Лафарг, напечатав статью о деятельности тайного общества¹¹. Лафарг протестовал против обвинения его в предательстве, заявив, что, поскольку Альянс не занимается политикой, он не является враждебным по отношению к правительству. Предателей надо искать в рядах Альянса, и он готов назвать их имена¹².

Полемика закончилась решением о допуске испанцев.

Бакунисты оспаривали все мандаты членов Генерального Совета, а также ряда видных деятелей революционного крыла Товарищества Лафарга, Зорге, Дерёра, коммунара Вайяна, Барри и др. Все мандаты, оспариваемые анархистами, были признаны действительными. Генеральный Совет одержал победу, но, с другой стороны, дискуссия показала, как далеко зашли разногласия.

Противоречия между анархистами и интернационалистами проявились в ходе дискуссии о роли и прерогативах Генерального Совета.

В процессе деятельности Интернационала менялась его организационная структура, изменялись роль и функции Генерального Совета. Во Временном уставе 1864 г. было указано, что Совет является исполнительным международным органом для осуществления связи между рабочими обществами. Практика очень скоро показала, что такое ограничение его функций не способствует активизации работы Товарищества, сфера деятельности Совета стала расширяться.

На Женевском конгрессе 1866 г. во Временный устав были внесены изменения, он был утвержден в качестве Общего устава и дополнен Организационным регламентом. Права и обязанности Совета были сформулированы более детально. Практика постепенно превратила Генеральный Совет в организационный и идеологический центр, который вел огромную текущую работу. Расширение сферы деятельности и функций Совета диктовалось необходимостью обеспечить единство действий различных

¹⁰ Там же, стр. 20, 99.

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² См. там же, стр. 22.

секций и федераций в главном, при сохранении за ними широких прав и полной автономии в решении частных вопросов. Расширение прав Совета и вся его деятельность были важнейшим элементом борьбы за утверждение в международном рабочем движении организационных принципов пролетарской партийности.

Лондонская конференция не внесла в устав каких-либо изменений, но ее решение о создании самостоятельных пролетарских партий должно было повлечь за собой изменение организационных принципов Интернационала, в первую очередь расширение прав Генерального Совета. Поэтому на конгрессе бакунисты и их сторонники стремились к максимальному ограничению полномочий Совета, к превращению его в корреспондентско-статистическое бюро. В этом заключался основной смысл проекта Бельгийской федерации, составленного Гинсом и предложенного Эрманом.

Обсуждению проблем организационной структуры Товарищества были посвящены заседания 5 и 6 сентября. В центре внимания оказался вопрос о полномочиях Генерального Совета. Эрман от имени бельгийской делегации заявил, что следует сохранить Генеральный Совет, но лишить его при этом какой-либо власти¹³. В защиту расширения прав Генерального Совета выступил Лафарг. Ему возражал Гильом, обстоятельно изложивший бакунистскую концепцию «автономии». В освободительном движении, по его мнению, сложились два направления, «выявились две великие идеи»: централизация и свободная федерация. Первая допускает наличие группы лиц, призванных заниматься исключительно пропагандой социальных доктрин, и полагает, что без этой центральной группы невозможно достичь единства движения. Другое направление рассматривает Интернационал как «продукт экономических условий»: связь между федерациями устанавливает и обуславливает тождество интересов, порожденное капиталистической эксплуатацией. Именно оно, это тождество, делает излишним Генеральный Совет¹⁴.

Иными словами, в адрес марксистов был брошен упрек в стремлении формировать движение и добиваться

¹³ «Гаагский конгресс...», стр. 119.

¹⁴ См. там же, стр. 43, 119.

его единства на основе своих социальных доктрин, а не на базе объективного тождества экономических интересов. Искусственно противопоставляя социальную доктрину марксизма объективным экономическим интересам пролетариата, он столь же искусственно противопоставлял марксистской позиции тезис о примате экономических факторов, которые якобы автоматически способны привести к единству действий различных национальных потоков движения.

Это было главное возражение анархистов против марксистского учения о партии: либо единство фатально неизбежно, либо, если отсутствует тождество интересов,— невозможно. В обоих случаях партия представляется излишней.

Гильом упрекал Совет в пассивности, в отсутствии энергии. «Строил ли когда-нибудь Генеральный Совет баррикады и намерен ли он это делать в будущем? Что полезного он сделал где-либо? Если спросят: нужна ли Международному Товариществу Рабочих голова, то мы ответим: «Нет!»»¹⁵ Гильом, а вслед за ним Мораго предложили преобразовать Генеральный Совет в «Центральное бюро переписки и статистики».

Отвечая анархистам, Зорге сказал: «Гильом хотел бы видеть Международное Товарищество Рабочих без головы, но этим он низводит его до степени низших животных организмов. Мы хотим иметь не только голову, но голову с мозгом...»¹⁶

Группа делегатов (Зорге, Беккер, Дюваль Гепнер, Лафарг и др.) внесла предложение немедленно начать обсуждение по 2-й и 6-й статьям Организационного регламента. Статья 2-я обязывала Генеральный Совет приводить в исполнение постановления конгрессов и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего устава и регламента Интернационала.

Статья 6-я предоставляла Совету право временно исключать секции, федеральные советы или комитеты и федерации Интернационала до очередного конгресса¹⁷.

Против статьи 2-й выступил Мораго; он повторил свои клеветнические измышления о «тиранических замашках» Совета.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 144.

Подавляющее большинство делегатов конгресса высказалось за включение в устав статьи 2-й.

Конгресс перешел к обсуждению статьи 6-й, представлявшей Совету право исключения отдельных организаций из Интернационала.

Отстаивая целесообразность и необходимость включения новой статьи в устав, Маркс сообщил о фактах создания полицейской агентурой фиктивных секций Товарищества. Такие случаи имели место во Франции, Австрии и других странах. Оградить Товарищество от полицейских провокаторов можно лишь путем предоставления Генеральному Совету в некоторой мере чрезвычайных полномочий — права исключать организации, не дожидаясь конгресса.

Мораго внес поправку к резолюции о полномочиях Генерального Совета. Она гласила: «Генеральный Совет не обладает никакой властью над секциями и федерациями. В его функции входит служить посредником между различными региональными федерациями, являясь лишь центром для корреспонденции и статистики, с предоставлением ему полной свободы инициативы предлагать различным региональным организациям или конгрессу решения, которые он сочтет наиболее подходящими в соответствии, с данными, полученными путем корреспонденции и статистики»¹⁸.

Примерно такой же позиции придерживалась бельгийская делегация, от имени которой Брисме высказал следующую точку зрения: «Бельгийцы не желают давать Совету какую-либо власть, и это принципиальный вопрос, в котором все бельгийцы единодушны. Делегаты долины Ведры требовали даже полного упразднения Генерального Совета, мы же требуем, чтобы Генеральный Совет был только управляющим Международного Товарищества Рабочих и не вмешивался во внутренние дела отдельных стран»¹⁹.

Отвечая бакунистам, Маркс говорил: «Мы скорее согласились бы упразднить Генеральный Совет, чем превратить его, как предлагает Брисме, в какой-то почтовый ящик»²⁰.

¹⁸ «Гаагский конгресс...», стр. 152.

¹⁹ Там же, стр. 122.

²⁰ См. там же, стр. 123—124.

Несмотря на многочисленные возражения, статья 6-я была принята подавляющим большинством²¹.

Это решение конгресса ознаменовало серьезную победу марксистских принципов партийности над анархией, автономизмом и федерализмом; был нанесен удар по анархистским идеям сепаратизма и организационной раздробленности. В противовес им были провозглашены принципы централизма и дисциплины, чуждые мелкому буржуа и деклассированному интеллигенту, но присущие и необходимые революционному пролетариату в борьбе против капитализма. Именно в этом и заключался главный смысл решений Гаагского конгресса по вопросу о расширении прав Генерального Совета.

Французские делегаты Вайян, Арно и Курне предложили внести в устав статью о политическом действии рабочего класса. Между статьями 7-й и 8-й Общего устава они предложили вставить следующий текст:

«В своей борьбе против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий, то есть для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата»²².

Поддерживая включение этого решения в устав, Вайян говорил: «Экономическая борьба должна быть неотделимой от политической борьбы, и в процессе революции путем диктатуры пролетариата должно быть осуществлено уничтожение классового господства... Мы должны об-

²¹ При голосовании статья 6-я была принята 36 голосами против 6, 15 воздержалось.

²² «Гаагский конгресс...», стр. 125, 129.

разовать собственную партию, противостоящую всем партиям господствующих и имущих классов, не имеющую ничего общего с буржуазными классами»²³.

В защиту идеи политической борьбы выступил видный деятель Эйзенахской партии Гепнер. «Воздержание от политики,— утверждал он,— ведет в полицейский участок»²⁴.

Гепнер опроверг обвинения Генерального Совета в бездеятельности. «Генеральный Совет упрекают в том, что он не организовал революции, не строил баррикады. Неужели эти люди настолько невежественны, что думают, будто революции можно *делать*? Неужели они не знают, что революции происходят естественным путем, что они являются следствием исторического развития?»²⁵

Гильом протестовал против обвинения в абсентеизме, сказав, что он и его друзья являются врагами буржуазной политики, но приверженцами политики социальной ликвидации, разрушения государства. Комментируя предложение Вайяна и новые статьи устава, Гильом утверждал, что в основе их лежат идеи Манифеста Коммунистической партии, в котором провозглашен «принцип завоевания политической власти, захвата государственной власти... Мы же отвергаем завоевание политической власти в государстве и требуем, наоборот, полного уничтожения государства»²⁶.

Предложение французских интернационалистов было принято подавляющим большинством голосов. Так как «Резолюция об уставе», содержащая предложение Вайяна, была принята большинством свыше $\frac{2}{3}$ голосов, то, согласно статье 12 Общего устава, она стала частью этого устава.

Решения конгресса по организационным вопросам явились крупнейшей победой марксистских принципов партийности над мелкобуржуазным организационным нигилизмом, федерализмом, автономизмом, анархизмом. Они были направлены как против бакунизма и прудонизма, так и против цеховой замкнутости английского тред-юнионизма и составили организационную основу будущих массовых пролетарских партий.

²³ См. «Гаагский конгресс...», стр. 129—130.

²⁴ Там же, стр. 130.

²⁵ Там же, стр. 131.

²⁶ Там же, стр. 132.

Торжество марксистских организационных принципов построения рабочей партии на Гаагском конгрессе было достигнуто благодаря опыту Парижской Коммуны, которая показала деятелям международного рабочего движения, в особенности самим парижским коммунарам, необходимость создания самостоятельной пролетарской политической партии. На конгрессе Вайян говорил, что воздержание от политики привело правых прудонистов в лагерь контрреволюции. Коммунар Лонге, решительно выступивший за создание пролетарской партии на основе принципов, принятых конгрессом, заявил: «Будь у нас рабочая политическая организация 4 сентября, Интернационал, сплотившийся на площади Кордери 5 сентября, явился бы ядром Коммуны»²⁷.

При наличии организации Коммуна, отразив вторжение, укрепились бы в Париже и в Берлине. Коммуна пала из-за отсутствия организации, о которой я говорил. Если бы в нашей программе была статья IX, мы были бы вооружены для борьбы»²⁸.

Опыт Парижской Коммуны в огромной степени обогатил марксистские идеи о пролетарской партии, ее роли в подготовке и проведении революции, закреплении ее успехов, проведении системы социально-политических преобразований после победы революции и завоевания пролетариатом политической власти.

До Коммуны Маркс и Энгельс рассматривали партию прежде всего как организацию, призванную освободить

²⁷ 4 сентября 1870 г. в результате активного выступления революционных масс Парижа во Франции была провозглашена республика. В состав нового правительства вошли правые республиканцы и монархисты-реакционеры, имена и дела которых были известны парижским рабочим и внушали им серьезные опасения за судьбу республики. Вечером 4 сентября в помещении Парижской федерации Интернационала на площади Кордери собрались члены секций и делегаты синдикальных палат, которые сочли необходимым установить контроль за деятельностью нового правительства. Делегация, избранная собранием, потребовала от министра внутренних дел Гамбетта упразднить префектуру полиции, отменить исключительные законы, провести выборы муниципальных советов, отделение церкви от государства. 5 сентября на собрании членов Интернационала и синдикальных палат, на котором присутствовало около 500 человек, было принято решение о создании во всех округах Парижа республиканских комитетов бдительности. Эти акции не имели серьезных последствий ввиду отсутствия пролетарской партии во Франции.

²⁸ «Гаагский конгресс...», стр. 60, 132.

рабочий класс от буржуазного и мелкобуржуазного влияния, разъяснить его положение в обществе и подлинные задачи его движения, среди которых важнейшей являлась политическая деятельность.

Основоположники научного коммунизма ставили вопрос о роли партии в подготовке революционного свержения капитализма. Однако, не имея опыта такого рода революции, они могли ставить его лишь в самой общей форме²⁹. По этой причине в документах Интернационала до 1871 г., точнее до Лондонской конференции, не раскрывалась роль партии в пролетарской революции. Лишь в решениях Лондонской конференции была последовательно проведена мысль, что политическая партия является организатором и вождем революции. На Гаагском конгрессе эта идея была записана в устав и стала, таким образом, законом Международного Товарищества Рабочих, обязательным для всех его членов.

Коммуна позволила более четко и многогранно формулировать вопрос о роли и задачах партии, ее идейные и программные основы. Она оказала свое влияние также и на организационные принципы пролетарской партии, которые были развиты Гаагским конгрессом.

Нет ничего случайного в том, что весьма решительными сторонниками марксистских организационных принципов на конгрессе оказались французские делегаты — участники Парижской Коммуны. Усиление централизации и дисциплины, расширение прав, полномочий, функций Генерального Совета, полная самостоятельность деятельности местных организаций, но в рамках общих программных принципов Товарищества, необходимость подчинения меньшинства большинству, обязательность партийных решений — эти и многие другие принципы, которые ранее лишь теоретически разрабатывались в трудах основоположников научного коммунизма и их соратников, были возведены на Гаагском конгрессе в ранг уставных положений, партийных законов.

Решения Гаагского конгресса по организационным вопросам знаменовали решительную, хотя и не окончательную победу марксизма над бакунизмом, равно как и над другими видами сектантства и мелкобуржуазного

²⁹ См. «Парижская Коммуна и марксизм». М., 1973, стр. 119 и др.

социализма в Интернационале и до известной степени в международном рабочем движении.

Упорная борьба на конгрессе шла буквально по каждому вопросу. На десятом заседании, 6 сентября, Энгельс от имени группы делегатов внес предложение о переводе Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк на 1872—1873 гг. Энгельс предложил ввести в состав нового Генерального Совета членов Нью-Йоркского федерального совета для Северной Америки,—предоставив им право кооптировать в состав Совета новых членов, число которых не должно превышать 15 человек.

Мотивируя свое предложение, Энгельс напомнил, что в 1870 г. Совет предлагал перенести его местопребывание в Брюссель, однако федерации не согласились. Совет остался в Лондоне. В настоящее время обстановка сложилась таким образом, что большинство членов Совета не согласятся быть избранными вновь, если местопребыванием Совета останется Лондон. Поэтому пришлось бы избрать людей неизвестных, «не представляющих таких гарантий, как граждане, предложенные в состав Генерального Совета в Нью-Йорке». Энгельс добавил, что удаленность Нью-Йорка от Европы скорее преимущество, чем препятствие, ибо федерации получают возможность свободного развития. Наконец он отметил, что состав Совета в Нью-Йорке будет иметь интернациональный характер³⁰.

Вайян высказал сожаление по поводу отказа бывших членов Совета, которые оказали столь большие услуги Товариществу, остаться на своих постах. Но даже в этом случае не следует, по его мнению, переносить Совет в Америку: основная армия Интернационала находится в Европе, Совет должен находиться поблизости³¹.

Американский делегат Сова поддержал предложение о перенесении Совета в Нью-Йорк, но мотивировал его во враждебном Совету духе. Он считал необходимым изменить полномочия Совета, превратив его в корреспондентское бюро; изменить состав Совета в связи с упреками его бывшим членам, которые Сова считал обоснованными. Разумеется, он был против списка, предложенного Энгельсом: Федеральный совет, который

³⁰ См. «Гаагский конгресс...», стр. 53, 126.

³¹ См. там же, стр. 53.

хотят превратить в Генеральный, уже проявил авторитарность и проявит ее не меньше, чем Совет в Лондоне.

Серраёе предложил разделить предложение Энгельса на три вопроса: 1) надо ли переводить Генеральный Совет; 2) куда именно; 3) избрание членов Совета.

Приняв предложение Серраёе, конгресс проголосовал по первому вопросу следующим образом. За перенесение местопребывания—26, против—23, воздержалось—9 делегатов. В числе последних оказались бакунисты Гильом и Швицгебель и вся испанская делегация. Против голосовали французские коммунары — бланкисты Арно, Вайян, Дюваль, Курне, Ранвье, венгерские делегаты Франкель и Фаркаш и др. Вопрос о перенесении местопребывания Совета, хотя и с большим трудом, все же был решен положительно.

По второму вопросу первым взял слово Эберхард, предложивший перевести Совет в Мадрид или Барселону. Свое предложение он мотивировал следующим образом: «Принимая во внимание, что Испания обладает наибольшим числом социалистических газет, что, следовательно, социалистические организации в ней сильнее, чем где бы то ни было, что там существует свобода собраний, что их посещают там более чем где-либо.

Принимая во внимание, что мы можем прийти к ясным понятиям только посредством *прений*, что *прения*, происходившие в Лондоне в Генеральном Совете с 1869 г., равны почти *нулю*.

Я предлагаю в качестве места пребывания Генерального Совета Мадрид или Барселону»³². Испанские делегаты Алерини и Фарга Пелисер предложили перенести Совет в Брюссель и сформировать его путем избрания двух представителей от каждой федерации, намеченных самой федерацией³³.

Голосование по второму вопросу также не было единодушным: 31 делегат — за Нью-Йорк, 14 — за Лондон, 1 — за Барселону, 11 — воздержались.

Конгресс избрал 12 членов Генерального Совета, предоставив право кооптации еще трех членов.

Не удалось определить место созыва следующего конгресса. Голосование по этому вопросу дало следующие

³² «Гаагский конгресс...», стр. 156.

³³ Там же, стр. 128.

результаты: за Швейцарию —15, за Лондон —5, за Чикаго —1, за Испанию —1³⁴.

Перенесение Совета в Америку было обусловлено целым рядом важных причин. После разгрома Парижской Коммуны реакция перешла в наступление во всей Европе. Стремление реакции вытравить из памяти трудящихся 1871 год проявлялось в повсеместном преследовании рабочих организаций и прежде всего секций Товарищества. Аресты и судебные процессы над его деятелями стали обычным явлением. Генеральный Совет мог бы чувствовать себя в безопасности только в Лондоне. Но здесь у него оказались противники иного порядка. Группа французских эмигрантов-коммунаров, большинство которых принадлежало к бланкистам, выступила сторонником немедленных «решительных» действий. «Революционная партия,— утверждали они,— должна бы теперь вооружаться, укрепляться и организовываться. Все коммунары Франции должны сгруппироваться и помнить, что побежденная партия, имеющая за собой будущее, должна подняться на следующий день после своего поражения. Они должны возобновить борьбу на смерть против буржуазии»³⁵. Революционный авантюризм бланкистов в тех условиях был особенно опасен, ибо имел ряд точек соприкосновения с бакунизмом, выдвигавшим требование немедленного и полного освобождения пролетариата.

Не меньшую опасность представляли правые лидеры английских тред-юнионов, активно выступившие против линии Генерального Совета на создание политической партии рабочего класса в Англии. Измена Оджера и Лекрафта, которые открыто перешли на сторону либеральной буржуазии, была отнюдь не случайным эпизодом, а одним из проявлений идеологического подчинения рабочей аристократии либеральной буржуазии. Указанный факт свидетельствовал, сколь глубоко зашел процесс разложения верхушки рабочего класса, а также о большой степени ее влияния на широкие слои пролетариата. После Коммуны наиболее крупные тред-юнионы отошли от Товарищества. Лига земли и труда, созданная в 1869 г. по инициативе Генерального Совета, стала на реформистские позиции. Реформисты во многих аспектах действовали вместе с

³⁴ Там же, стр. 252.

³⁵ «Интернационал и революция». Женева, 1876, стр. 26—27.

анархистами, резко выступая против превращения Интернационала «в политическую организацию». Преобладание в Генеральном Совете подобных элементов могло бы поставить под угрозу те идейно-теоретические и организационные принципы, победу которых зафиксировал в своих решениях V конгресс.

В Италии и Испании мелкобуржуазная стихия захлестнула большинство организаций Интернационала. Бакунистские раскольники добились здесь если не полной победы, то полной дезорганизации.

Юрская федерация тормозила распространение идей Интернационала и укрепление его организации в Швейцарии. В Германии далеко не была закончена борьба против лассальянства. В Бельгии бакунисты все более определенно брали верх. В такой ситуации наиболее надежным средством предотвращения перехода Совета в руки сектантов и реформистов было перемещение его в Нью-Йорк.

Часть делегатов не сознавала в полной мере сложность обстановки, другая не хотела мириться с выходом Маркса и Энгельса из состава Совета — это и обусловило сложность решения вопроса на конгрессе.

Энгельс писал Биньями, что из всех предложений, внесенных прежним Генеральным Советом на обсуждение конгресса, предложение перевести Совет в Нью-Йорк встретило наибольшие затруднения, ибо подавляющее большинство делегатов, за исключением юрцев и испанцев, «были единодушны в желании оставить руководство Интернационала в тех руках, в которых оно находилось до сих пор»³⁶

Острая борьба между марксистами и их противниками происходила и по вопросу об Альянсе социалистической демократии. Во время проверки мандатов группа делегатов предложила передать вопрос об Альянсе следственной комиссии.

На заседании 5 сентября Ф. Энгельс от имени Генерального Совета предложил назначить комиссию из пяти человек для составления доклада о действиях тайного общества, именуемого Альянсом, основанного Бакуниным. Конгресс назначил комиссию в составе: Вишара, Куно,

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 161.

Вальтера, Спленгара, Люкена (Потеля)³⁷. Спленгар был назначен по просьбе бакунистов и бельгийских делегатов.

Комиссия решила заслушать отдельно альянсистов и всех тех, кто хотел внести ясность по поводу деятельности Альянса. От имени Генерального Совета Энгельс огласил доклад об Альянсе социалистической демократии. Он сообщил, что в мае 1872 г. Совет получил точные данные о существовании Альянса в виде подпольной организации и о ее подрывной деятельности. Эта организация имела свою программу, отличную от программы Товарищества. Однако Интернационал состоял из социалистов самых различных оттенков, его программные установки были достаточно широки, чтобы охватить их все и никому не закрывать дорогу в Товарищество. Поэтому открытая пропаганда своей программы не может быть поставлена в вину Альянсу. Совсем другое дело тайный характер общества. Интернационал видел в тайных организациях вполне правомерное средство защиты против террора правительств господствующих классов, но заявил о своей непричастности к ним и невозможности признать хотя бы одно из них в качестве своей секции. Это решение Лондонской конференции распространялось на все тайные общества, в том числе и на бакунистский Альянс. Самое же главное заключалось в том, что тайное бакунистское общество было создано для борьбы не против реакционных сил, а против Интернационала.

В деятельности и тактике Альянса Энгельс отмечает две фазы. Сначала Альянс пытался захватить в свои руки Генеральный Совет, т. е. руководство Товариществом. Поэтому на Базельском конгрессе альянсисты требовали расширения полномочий Генерального Совета, а также федеральных советов и центральных комитетов. Потерпев поражение на Базельском конгрессе, альянсисты в со- вильерском циркуляре подвергли осуждению базельские решения, которые совсем недавно вотировали и подписали, объявив их теперь авторитарными. В противовес авторитарности, т. е. принципу расширения полномочий, теперь был сформулирован принцип автономии секций, свободных федеративных групп, анархии, требование при-

³⁷ Имея в виду, что большинство документов Альянса написано по-французски, конгресс ввел в состав комиссии лиц, владеющих этим языком.

дать Интернационалу форму организации, приспособленной к бакунистскому идеалу будущего общества.

На основании имевшихся в его распоряжении документов Энгельс сформулировал два основных вывода: а) Альянс является обществом, враждебным Интернационалу, ибо он стремится либо подчинить его своему господству, либо дезорганизовать; б) Альянс и Интернационал являются несовместимыми.

Энгельс предложил исключить Бакунина и всех членов Альянса из Товарищества, они смогут вновь вступить в него при условии открытого отказа от всякой связи с тайным обществом. Он предложил также исключить из Интернационала Юрскую федерацию³⁸.

Существование тайного общества можно было считать доказанным. Оставалось расследовать только две вещи: 1) продолжают ли оставаться в рядах общества граждане, входившие в него с его возникновения и являвшиеся одновременно членами Товарищества; 2) кто были эти граждане, чтобы сообщить всем членам Интернационала об их принадлежности одновременно к двум обществам.

Лафарг рассказал комиссии, что во время Сарагосского съезда Мора предлагал распустить Альянс, но такого решения принято не было. Заявление Мораго, Марселау и других альянсистов о роспуске организации не соответствует действительности³⁹.

Вопреки фактам и документам бакунисты либо отрицали наличие тайной организации внутри Интернационала, либо отказывались отвечать на вопросы.

Швицгебель потребовал, чтобы ему доказали, как и чем он мог вредить Интернационалу. Гильом не пожелал отвечать и демонстративно покинул зал. Марселау заявил, что тайный Альянс существовал в Испании, но был распущен на съезде в Сарагосе по предложению Мора. Роспуска Альянса требовало большинство его членов. Марселау указал также, будто бы он полагал, что программа Альянса, с которой он знаком, была программой Интернационала.

Мораго ответил, что он входил в Альянс до Сарагосского съезда, но отошел от него. Он и его товарищи считали нецелесообразным дальнейшее существование Альянса, ибо вместо того, чтобы руководить Интернациона-

³⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 142.

³⁹ См. «Гаагский конгресс...», стр. 440—441.

лом, как это предусматривал устав, Альянс подчинился его господству.

Кафьеро заявил, что никогда не состоял в открытом Альянсе. На вопросы о тайном Альянсе отвечать отказался, сказав, что о тайных обществах он согласился бы говорить лишь в случае их враждебности Интернационалу.

Если суммировать протокольные записи показаний бакунистов, приверженцев или членов Альянса, то их можно свести к следующему. Большинство альянсистов указало, что тайный Альянс сыграл в истории создания организаций Интернационала в высшей степени важную, положительную роль, и считало своей заслугой принадлежность к тайной организации.

В своих показаниях они отметили, что в настоящее время тайной организации Альянса не существует; выполнив свою миссию, она оказалась не нужной и была распущена. По их мнению, деятельность тайного Альянса не противоречила принципам Товарищества. Некоторые бакунисты вообще отказались отвечать.

Помимо резко враждебной позиции, занятой бакунистами в отношении следственной комиссии, ее работа тормозилась отсутствием документов о существовании и деятельности Альянса осенью 1872 г. Маркс был глубоко прав, указывая, что по его убеждению тайный Альянс еще действует внутри Интернационала, «но в подобных случаях письменные доказательства всегда отсутствуют и, лишь собрав различные свидетельства, можно добиться познания истины»⁴⁰.

Именно таких свидетельств в распоряжении комиссии оказалось очень мало. Член комиссии Вальтер заявил о своем выходе из состава комиссии, «потому что против обвиняемых не представлено никаких доказательств»⁴¹, — сказал он. Комиссия выслушала показания Лафарга о деятельности Альянса в Испании, показания Дюпона, Серрайе и Врублевского об интригах Альянса на юге Франции, показания Маркса об интригах Альянса в России, о связи Бакунина с Нечаевым. На основании этих показаний, а также документов, находившихся в ее распоряжении, комиссия составила доклад, который обсуждался на заседании 7 сентября.

⁴⁰ Там же, стр. 444.

⁴¹ Там же, стр. 300.

Авторы доклада указывали, что им не хватило времени для составления документа, в котором были бы решены все вопросы. По этой причине доклад содержал лишь оценку, мотивированную документами и показаниями, полученными комиссией.

Комиссия пришла к выводу, что тайное общество под названием Альянс социалистической демократии было создано на основе устава и программных принципов, не совместимых с уставом и программой Интернационала. Его существование в недавнем прошлом не вызывает сомнений, оно доказано документально, но комиссия не может ответить на вопрос, сохранилось ли тайное общество в настоящее время.

Далее говорилось, что Бакунин пытался создать такое общество. Этих, правда, противоречивых обвинений было более чем достаточно для исключения из Интернационала Бакунина и его сторонников — членов Альянса.

В докладе было указано, что Бакунин прибегал к «недобросовестным маневрам», к мошенничеству и запугиванию. На этом основании Бакунин был исключен из Интернационала не только как основатель Альянса, «а также за личный проступок»⁴².

Комиссия внесла предложение об исключении из Товарищества Бакунина, а также Гильома Швицгебеля, «уличенных в том, что они все еще состоят в обществе под названием Альянс»⁴³.

Комиссия предложила исключить из Интернационала Малона, Буске и Луи Мартина за дезорганизаторскую деятельность, не указав, однако, была ли она связана с Альянсом.

Испанские деятели Интернационала Мораго, Фарга Пелисер, Марселау, Алерини и русский эмигрант бакунист Жуковский были признаны непричастными к Аль-

⁴² «Гаагский конгресс...», стр. 250. По поручению прогрессивного русского издателя Полякова участник революционного движения Н. Н. Любавин заказал Бакунину перевод первого тома «Капитала», направив ему аванс в размере 300 руб. Бакунин обещал закончить перевод к осени 1869 г., но не выполнил своего обещания и не вернул аванс. Члены комиссии и делегаты конгресса были глубоко возмущены не столько фактом невозвращения аванса, сколько злоупотреблением именем революционной организации, и рассматривали личный проступок Бакунина как акт, бросавший тень не только на него, но и на Товарищество.

⁴³ «Гаагский конгресс...», стр. 426—427.

янсу на основании их заявления, что хотя в прошлом они были членами тайного общества, но сейчас не принадлежат к нему.

В заключение члены комиссии просили конгресс опубликовать документы и показания в официальном органе Международного Товарищества Рабочих⁴⁴.

В решении комиссии имелись противоречивые тезисы. Комиссия утверждала, что Альянс существовал и имел устав, совершенно противоположный уставу Международного Товарищества Рабочих. Далее сказано, что Бакунин «пытался, и может быть успешно, основать в Европе общество под названием Альянс» ...Здесь одно исключает другое: либо Альянс существовал, либо Бакунин лишь пытался его основать.

Комиссия пришла к выводу, что существование Альянса в настоящее время «недостаточно доказано». Иными словами, она не может ответить на вопрос, продолжает ли существовать тайный союз. В противоречии с этим выводом находится ее предложение исключить Гильома и Швицгебеля, «уличенных в том, что они все еще состоят в обществе под названием Альянс»⁴⁵.

Комиссия не согласилась с предложением Ф. Энгельса об исключении из Международного Товарищества Рабочих всех членов Альянса социалистической демократии, а также Юрской федерации.

Альянс не был охарактеризован ею как «общество, враждебное Интернационалу», отсутствовало обвинение Альянса в стремлении «либо подчинить своему господству Интернационал, либо дезорганизовать его».

Но и смягченный вариант заключения вызвал бурные дебаты.

После оглашения доклада комиссии первым взял слово ее председатель Т. Куно. Он охарактеризовал Альянс как «опасное общество, оружием которого являются вероломство и клевета», и предложил исключить его организаторов из Товарищества.

Алерини в резких выражениях обрушился на доклад, охарактеризовав его как бездоказательный и тенденци-

⁴⁴ «Доклад комиссии по делу об обществе Альянс» был опубликован в брюссельской «Либерте» 15 сентября 1872 г.; в публикации вместо слов «в обществе под названием Альянс» напечатано: «в тайном обществе, основанном Бакуниным» («Liberté», 15.IX 1872).

⁴⁵ «Гаагский конгресс...», стр. 426—427.

озный. Он повторил утверждения бакунистов об огромных заслугах Альянса перед Международным Товариществом Рабочих⁴⁶. Спленгар высказал сомнения в подлинности документов, он потребовал представить протокольные книги, отчеты о заседаниях тайного общества, т. е. документы, которых не было и не могло быть в распоряжении комиссии.

Гильом, солидарный со Спленгаром, добавил к его возражениям, что бакунистов исключают из Интернационала за их «федералистские доктрины»⁴⁷.

Швицгебель заявил, что не считает себя изменником делу Интернационала, даже если его исключат, он останется верен рабочей партии и будет принадлежать Интернационалу⁴⁸.

Маркс, Серрайе, Люкен и другие сторонники Генерального Совета опровергли аргументацию анархистов. После продолжительных прений Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала. Незначительным большинством голосов конгресс отклонил предложение комиссии об исключении из Товарищества Швицгебеля⁴⁹.

Нормальный ход конгресса был вновь нарушен структурой бакунистов; стремясь предотвратить возможность срыва конгресса, Энгельс предложил не ставить на голосование дальнейшие рекомендации об исключении и утвердить остальные пункты, что и было принято единогласно.

На этом конгресс закончил свою работу, поручив новому Генеральному Совету довести до конца нерешенные вопросы.

8 сентября 1872 г. в Амстердаме состоялся митинг, посвященный итогам конгресса. В нем приняло участие большинство делегатов. Противники Генерального Совета в тот же день собрались отдельно, демонстрируя свое несогласие с решениями конгресса и намерение продолжать линию на раскол Товарищества.

На многолюдном митинге выступали Дюпон, Зорге, Лафарг, И.-Ф. Беккер, которые рассказали амстердамским рабочим о принципах и программе Товарищества,

⁴⁶ «Гаагский конгресс...», стр. 75, 139.

⁴⁷ См. там же, стр. 77.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 79.

о работе его секций и федераций. С большой речью на митинге выступил К. Маркс⁵⁰. Он указал, что конгресс выполнил три важные задачи. Во-первых, он провозгласил необходимость для рабочего класса вести в области политической такую же борьбу, как и в сфере социальной, включив это положение в устав. Это означает, что рабочий класс должен захватить в свои руки политическую власть. Говоря о необходимости захвата рабочим классом политической власти, Маркс отметил, что средства достижения этой цели могут быть различными. «...Надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами»⁵¹. Однако, указывал Маркс, в большинстве стран европейского континента рычагом пролетарской революции должна быть сила.

Во-вторых, Гаагский конгресс значительно расширил полномочия Генерального Совета с целью централизации усилий для предстоящей борьбы. Маркс указал, что основу полномочий Совета составляет лишь его моральный авторитет, ибо он не располагает никакими иными средствами, чтобы заставить повиноваться себе.

Наконец, конгресс перенес местопребывание Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк⁵².

Великой клятвой верности делу рабочего класса прозвучали заключительные слова выступления К. Маркса: «...Я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности всех рабочих. Нет, я не уйду из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире»⁵³.

⁵⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 153—155.

⁵¹ Там же, стр. 154.

⁵² Подробно на этом вопросе в данной речи Маркс не останавливался.

⁵³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 155. Маркс произнес свою речь на немецком и французском языках. Она была напечатана в голландской, бельгийской, французской и немецкой прессе. Наиболее полно речь была опубликована во французской и бельгийской

Гаагский конгресс занял особое место в истории Интернационала и международного рабочего движения.

Его итоги знаменовали решительную победу принципов научного коммунизма над анархизмом и другими антимарксистскими течениями в Интернационале. Конгресс явился важным этапом борьбы за идейное и организационное единство рабочего движения, освобождение его от различных направлений буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. На нем была выработана генеральная линия классовой борьбы пролетариата, в основе которой лежали идеи о политической деятельности рабочего класса, завоевании им политического господства. Конгресс акцентировал внимание на необходимости создания самостоятельных пролетарских партий. Он определил их задачи как организаторов и руководителей освободительной борьбы, вождей пролетарской революции, создателей новых форм общественной жизни. В идейно-теоретическом отношении это был кульминационный пункт деятельности Интернационала.

Идейно-теоретический и организационный разгром бакунизма не означал завершения борьбы марксизма против анархизма. Эта борьба не только продолжалась, но и приняла еще более острые формы.

печати. Орган германских социал-демократов «Фольксштаат» опубликовал речь с некоторыми изменениями: по цензурным условиям было опущено упоминание о насильственном перевороте, ибо оно могло создать повод для судебного процесса против газеты.

ПОСЛЕ ГААГСКОГО КОНГРЕССА

Итоги Гаагского конгресса не были для Бакунина неожиданными. Он вполне отчетливо сознавал, что, во-первых, большинство делегатов поддержит Генеральный Совет; во-вторых, организация не сможет примириться с наличием в ее рядах тайного общества, действовавшего вне рамок устава и вопреки программе; в-третьих, сторонники Альянса, прежде всего он, Бакунин, будут исключены из Интернационала. Вместе с тем Бакунин имел основания рассчитывать на поддержку некоторых колеблющихся элементов из числа делегатов конгресса, членов Генерального Совета, деятелей и руководителей национальных федераций. Для объединения самых разнородных элементов, считал Бакунин, нужно было выдвинуть такие лозунги, программные требования и пропагандистские тезисы, которые способствовали бы отрыву колеблющихся от Генерального Совета и объединению их вокруг тайного Альянса, с другой стороны, следовало приложить все усилия, чтобы представить исключение из Интернационала бакунистов как результат злостной интриги сторонников «государственного коммунизма», противников подлинно революционного действия.

Первая часть этого плана была осуществлена в дни конгресса благодаря усилиям Гильома: хитрый и ловкий политикан правильно оценил обстановку в Гааге и понял, что антибакунистское большинство не является единым, возможен его раскол и присоединение определенной части к анархистской оппозиции на платформе неопределенных лозунгов «автономии», «свободы» и «независимости» секций.

Есть основания полагать или по меньшей мере вполне логично предположить, что Гильом согласовал свою

линию поведения с Бакуниным, а возможно действовал по его прямым директивам.

Ю. Стеклов обратил внимание на запись в дневнике Бакунина от 29 августа 1872 г. В этот день он написал письмо для юрских и испанских делегатов. Письмо вручено Кафьеро для передачи адресатам. На другой день — 30 августа — Кафьеро встретил в Базеле Гильома и Швицгебеля. В Гаагу они приехали вместе. В обстоятельном и детальном рассказе о конгрессе Гильом об этом эпизоде не упоминает¹, ни малейшего намека на письмо мы не встретили и в других произведениях и документах Гильома. Трудно представить, чтобы Кафьеро потерял письмо или забыл его передать, более логично предположение, что письмо содержало рекомендации, инструкции делегатам-альянсистам, в этом случае Гильом *должен* был умолчать о нем.

Кафьеро, отправившийся на конгресс в качестве корреспондента, регулярно информировал Бакунина о ходе событий в Гааге. В дневнике Бакунина сохранились пометки о получении им писем Кафьеро 3, 6, 8 и 10 сентября, а 9 сентября была получена телеграмма о перенесении Генерального Совета в Нью-Йорк².

8 сентября, в день митинга в Амстердаме, куда отправилось большинство делегатов, бакунистские лидеры собрались на совещание. Присутствовали Гильом, Алерини, Фарга Пелисер и Кафьеро. Договорились, что целесообразно воспользоваться конгрессом в Сент-Имье, куда должны были поехать итальянские и испанские делегаты, для объединения всех единомышленников³. Большинство участников встречи направилось в Цюрих, пригласив туда Бакунина.

В дни Гаагского конгресса Бакунин усиленно готовился к новому этапу создания международной анархистской организации. Он прекрасно понимал, что попытка захватить руководство в Интернационале и превратить его в анархистское общество окончательно провалилась, надо было создавать свою собственную международную организацию. Решения Гаагского конгресса освобождали Бакунина и его друзей от строгого соблюдения тай-

¹ J. Guillaume. L'Internationale, vol. 2. Paris, 1907, p. 319—356.

² См. Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4. М.—Л., 1927, стр. 285.

³ J. Guillaume. Op. cit., vol. 2, p. 353.

ны. Можно было действовать открыто. Настало время заменить тайный Альянс вполне легальной организацией.

Дневник Бакунина содержит следующие заметки. 30 августа: «Армандо⁴ уехал в Гаагу, я писал конституцию Р. Р. ...2 сентября: вечером писал конституцию, 3 сентября: Устав V. 4-го: устав Альянса, 5-го: писал устав Альянса; приехал Белле⁵, затем Бжакомо⁶; вечером собрание у меня, присутствовал также Марко⁷; 6-го: обсуждение и чтение проекта устава...; 7-го: приехал Малатеста, 8-го ...перед обедом итальянское собрание у меня; вечером итальянцы у меня; 9-го: с 1½ до 6 часов чтение и обсуждение устава; с 9 до 1 часу [ночи] практическая организация; 10-го: ...Завтра приезжают все⁸, бурный вечер, телеграмма к Коста»⁹.

Так в дни Гаагского конгресса Бакунин готовил конгресс в Сент-Имье, на котором предполагалось создать новый, анархистский Интернационал.

В Цюрих для встречи с Бакуниным приехали представители итальянской организации Товарищества Коста, Малатеста, Кафьеро, Набруцци, Фанелли; вскоре явились Алерини, Фарга Пелисер, Мораго и Марселау, вместе с ними приехал Швицгебель. Они рассказали Бакунину об итогах конгресса. Бакунин, вспоминая участник событий З. Ралли, «решил немедленно организовать новый общий конгресс Международного общества, благо делегаты федеральной части этого общества были тут под рукой»¹⁰. 14 сентября бакунисты выехали в Ла-Шо-де-Фон, оттуда в Сент-Имье. Здесь 15 сентября открылся чрезвычайный конгресс Юрской федерации. Он происходил в помещении ратуши, «на крыше которой,— писал Ралли,— гордо развевалось большое красное знамя Интернационала»¹¹. Конгресс принял две резолюции. В первой из них он заявлял о несогласии с решениями Гаагского конгресса, квалифицировал их

⁴ Кафьеро.

⁵ Фанелли.

⁶ Вероятно, Набруцци.

⁷ Пецца.

⁸ Делегаты Гаагского конгресса и Кафьеро.

⁹ См. Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 287.

¹⁰ З. К. Ралли-Арборе. Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине.— «О минувшем». СПб., 1909, стр. 324.

¹¹ Там же, стр. 325.

как выходящие за пределы его компетенции. Юрцы отказались признать новый Генеральный Совет. Они заявили о своем стремлении и готовности немедленно установить связи между федерациями на основе великого принципа «солидарности между рабочими всех стран». По свидетельству Ралли текст документа был отредактирован Гильомом и Бакуниным¹².

Вторая резолюция содержала протест против исключения из Интернационала Бакунина и Гильома и заявления, что съезд считает их членами Юрской федерации¹³.

Не прошло и часа с момента закрытия съезда, как в том же помещении собрались делегаты международного конгресса бакунистов, который продолжался два дня. В его работе приняли участие делегаты Италии (Бакунин, Кафьеро, Коста, Малатеста, Набруцци и Фанелли), Испании (Мораго, Марселау, Фарга Пелисер, Алерини); Юрскую федерацию представляли Гильом и Швицгебель, французскую секцию — Пэнди и Каме, американские секции № 3 и 22 — эмигрант Коммуны Лафрансе.

Участники конгресса единогласно и почти без дискуссии приняли ряд резолюций, заблаговременно составленных альянсистами¹⁴. Их смысл сводился к основанию нового Интернационала.

Стремясь возложить ответственность за раскол на Генеральный Совет и в то же время привлечь на свою сторону все оппозиционные элементы, бакунисты в принятой ими резолюции отказались признать за конгрессами какую-либо власть и отстаивали принцип полной автономии секций и федераций. В резолюции подчеркивалось, что полная автономия и независимость федераций составляют основное условие освобождения рабочего класса.

Для охраны автономии федераций от притязаний Генерального Совета конгресс выработал проект договора, названного пактом дружбы, солидарности и взаимной защиты. Обоснованию этого документа посвящена вторая резолюция анархистского конгресса. Резолюция гласила, что испанские, итальянские, французские,

¹² З. К. Ралли-Арборе. Указ. соч., стр. 326.

¹³ См. там же.

¹⁴ З. Ралли писал, что резолюции были составлены Бакуниным (см. там же, стр. 330).

юрские и американские федерации обязуются поддерживать друг друга в случае «покушения» Генерального Совета на свободу и независимость одной из них. Таким путем анархисты предлагали спасти «великое единство Интернационала» от угрозы честолюбивой авторитарной партии.

В центре внимания конгресса, как и следовало ожидать, оказался вопрос о политической деятельности. Это был действительный, подлинный водораздел между марксистами и анархистами. Конгресс принял, написанную Бакуниным резолюцию, в которой заявлял, что «разрушение всякой политической власти составляет первую обязанность пролетариата», решительно выступил против всякой, в том числе временной, революционной власти¹⁵.

Наконец, четвертая резолюция излагала вопрос об организации «сопротивления труда». Речь шла об экономической борьбе пролетариата за улучшение своего материального положения в рамках буржуазного общества. Считая невозможным сколько-нибудь серьезное улучшение положения трудящихся при капитализме, анархисты тем не менее выступали сторонниками стачечной борьбы, рассматривая ее как средство подготовки пролетариата к решительному революционному выступлению против всей системы капиталистической эксплуатации.

Конгресс отказался от избрания исполнительного органа типа Генерального Совета, ограничившись поручением Швицгелю разослать все акты конгресса федерациям нового Интернационала.

Так был основан «анархистский Интернационал». Оценивая действия бакунистов, Маркс и Энгельс писали: «Итак, раскол в Интернационале был провозглашен»¹⁶.

Бакунин тотчас же развил энергичную деятельность, направленную на консолидацию сил нового объединения. Вечером 16 сентября он обсудил эти вопросы с Гильомом. Впоследствии Гильом, вспоминая об этой встрече, писал, что он не принимал участия в цюрихских совещаниях, на которых был выработан устав нового объединения. Он не помнит, читал ли он вообще когда-

¹⁵ См. *З. Ралли-Арборе*. Указ. соч., стр. 330.

¹⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 382.

либо этот документ, но охотно примкнул к организации. «...Я был счастлив при мысли,— писал он,— что заключено соглашение для пропаганды и действия»¹⁷.

17 сентября состоялось заседание Союза интернациональных братьев. Гильом упоминает об этом эпизоде, но о содержании переговоров ничего не сообщает. По свидетельству Ралли, на заседании «интимного совета» обсуждался вопрос об образе действий «интернациональных братьев» в среде Интернационала. «...Было принято решение выработать для будущего общего конгресса пакт всеобщей организации и требовать уничтожения Генерального Совета»¹⁸.

18 сентября Бакунин был уже в Цюрихе, где также провел целую серию встреч, заседаний, переговоров, собраний, продолжавшихся до 26 сентября. Одним из результатов этих встреч было письмо группы русских эмигрантов — сторонников Бакунина в брюссельскую газету «Либерте», датированное 4 октября 1872 г., подписанное Николаем Огаревым, Варфоломеем Зайцевым,

¹⁷ J. Guillaume. Op. cit., vol. 3. Paris, 1909, p. 10.

¹⁸ З. Ралли-Арборе. Указ. соч., стр. 333. Имелся в виду конгресс анархистов, на который должны были явиться представители антимарксистских, но не только анархистских организаций. Не исключено, что непременным условием их участия в новом объединении был полный разрыв с Генеральным Советом. Против решений Гаагского конгресса выступили реформистские элементы Британской федерации Интернационала. Они заявляли, что Гаагский конгресс якобы изменил программные принципы Товарищества, превратил его в политическую организацию. Руководство Британской федерацией отвергло решения Гаагского конгресса, отказалось признать новый Генеральный Совет. Реформист Хейлз разослал всем английским секциям «Бюллетень Юрской федерации» с резолюциями анархистского конгресса в Сент-Имье (см. «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 265). Аналогичную позицию заняло большинство французских бланкистов, лидеры которых покинули Гаагский конгресс в знак протеста против перенесения местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. В брошюре «Интернационал и революция» они обвинили большинство Международного Товарищества Рабочих в «бегстве от революции» и заявили о намерении создать «независимую» организацию. Бланкистов поддержало руководство Тулузского комитета. Против решений Гаагского конгресса выступила Парижская секция Ферре. Прекратила переписку с Генеральным Советом Авиньонская секция (см. там же, стр. 289). Хотя опыт Коммуны не прошел для бланкистов бесследно, они все же оказались не в состоянии подняться до уровня революционного марксизма, идеи которого легли в основу гаагских решений. Все эти элементы объективно способствовали раскольничьей деятельности бакунистов.

Владимиром Озеровым, Арманом Россом, Владимиром Гольштейном, Замфиром Ралли, Александром Эльсницем, Валерьяном Смирновым¹⁹. Документ, написанный в стиле озлобленной клеветы, свидетельствовал о стремлении бакунистов продолжать борьбу против Маркса и марксизма самыми низкими методами, не достойными революционеров. На основании записи Бакунина в дневнике от 25 сентября 1872 г. можно предположить, что он принимал участие в составлении позорного письма.

После Гаагского конгресса Бакунин значительно активизировал свою деятельность; его усилия были направлены прежде всего на расширение личных контактов с итальянцами, испанцами, юрцами, бельгийцами, французами, русскими эмигрантами.

Особенно тесные и плодотворные контакты Бакунин установил с итальянцами, которые часто навещали его в Локарно. С 4 по 11 ноября 1872 г. у Бакунина гостил Кафьеро, 21 ноября приехал Фанелли, в декабре — Кафьеро и Палладино, затем Фанелли, через два дня после его отъезда Кьярини и Орсоне. Однако среди друзей Бакунина не было итальянских рабочих. Его посещали студенты, купеческие сыновья, люди со средствами. В конце 1873 г. среди итальянских бакунистов стали появляться и рабочие, но они не бывали в Локарно²⁰.

Большое внимание уделяли Бакунин и его друзья Испании, в которой происходили бурные революционные события. Бакунисты надеялись, что эти события послужат сигналом европейской революции. 2—3 ноября Бакунин направил письмо Фарга Пелисеру и другое всем испанским «братьям». 3-го написал письма Мораго и Марселау. 6, 7, 8 ноября составил циркулярное письмо к «братьям», 16 ноября — письмо Алерини, 4 декабря — новое письмо к испанским «братьям», 7 и 8 — Марселау, 15—16 — Фарга Пелисеру. Адресаты регулярно отвечали своему учителю²¹.

Анархистские воззрения разделяла группа французских эмигрантов, связанная с испанцами и Юрской федерацией. Среди них наиболее влиятельными были Жюль Гед, Пэнди, Поль Брусс, Алерини, Каме. Трое последних, проживавшие тогда в Барселоне, организовали

¹⁹ «La Liberté». 4.X 1872.

²⁰ З. Ралли-Арборе. Указ. соч., стр. 347—348.

²¹ См. Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 299—300.

Комитет социально-революционной пропаганды южной Франции. Главную роль в нем играл Брусс. Он был автором анархистской программы, опубликованной в апреле 1873 г.

Бакунистов поддержала Юрская федерация за исключением небольшой секции в Мутье, которая заявила о своей солидарности с резолюциями Гаагского конгресса, касающимися политической борьбы. Усилия Бакунина не пропали даром. Силы его нового объединения оказались весьма многочисленными.

Генеральный Совет осудил решения чрезвычайного конгресса Юрской федерации в Сент-Имье и предложил самой организации отменить их. В ответ на это юрцы в соответствии с договором солидарности обратились за помощью ко всем федерациям Интернационала.

Одной из первых откликнулась Бельгийская федерация. Еще в дни Гаагского конгресса бельгийская делегация в составе Брисме, ван ден Абеле, Кёнена, Спленгара, Флюза, Эберхарда, Эрмана поддерживала бакунистов. Делегаты проголосовали против включения в Общий устав резолюции Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса, поддержали декларацию меньшинства, отвергавшую решения конгресса. Тотчас же после конгресса Бельгийский федеральный совет включился в кампанию борьбы против нового Генерального Совета.

25—26 декабря 1872 г. в Брюсселе происходил очередной съезд бельгийской организации Международного Товарищества Рабочих. В центре внимания съезда было обсуждение итогов Гаагского конгресса. Под влиянием анархистски настроенного Федерального совета съезд отклонил решения конгресса в Гааге и поддержал постановления конгресса анархистов в Сент-Имье. Ряд делегатов, в том числе Де Пап и Брисме, ратовал за сохранение Генерального Совета, предложив именовать его Европейским федеральным советом. В функции нового совета должен был войти контроль за соблюдением устава и выполнением решений конгрессов Товарищества. Однако большинство делегатов отклонило это компромиссное предложение и вотировало присоединение к бакунистскому «пакту дружбы, солидарности и взаимной защиты».

Решения Брюссельского съезда не были случайными. В значительной степени они объяснялись тем, что веду-

щие деятели Интернационала в Бельгии были далеки от рабочего класса. Брисме, Дени, Гинс, Робен были выходцами из буржуазной среды, бывшими студентами, их жизненная школа ограничивалась университетскими стенами. Свои социальные теории они заимствовали по преимуществу у Прудона. Их влияние в Интернационале было весьма значительным благодаря легальной бельгийской прессе, находившейся в их распоряжении: свобода слова в Бельгии позволила создать ряд печатных органов, на страницах которых пропагандировались идеи Международного Товарищества Рабочих, правда, зачастую в искаженном виде. По мнению В. Засулич, «бельгийские вожаки Интернационала стали на время самыми видными теоретиками говорящей по-французски части Международного общества»²². Значительная часть рабочего класса заявила о своем присоединении к Интернационалу. Уже в 1869 г. в бассейне Шарлеруа образовалось 42 секции; в Боринже к обществу присоединилось до 30 тыс. углекопов, в округе Ведры почти все рабочее население заявило о присоединении к Интернационалу. От бельгийских лидеров во многом зависели характер и направление деятельности организации. Здесь-то и проявилась отрицательная роль анархистских воззрений, в плену которых оказались бельгийские вожаки Товарищества. Хотя их экономические проекты подверглись некоторым изменениям, но политические воззрения остались прежними. Они самым решительным образом отрицали необходимость и целесообразность участия рабочих в политической жизни страны. «Надо предоставить государствам разлагаться, а не вливать в них новую жизнь улучшениями в законодательстве»²³, — говорили бельгийцы еще в Базеле. Гинс заявил, что он «не видит вреда в том, что профессиональные союзы держатся более или менее в стороне от политики, по крайней мере у него на родине. Пытаясь преобразовать государство или принимать участие в его органах власти, они фактически признавали бы этим его право на существование»²⁴.

²² В. И. Засулич. Очерк истории международного общества рабочих. — «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973, стр. 427.

²³ Там же, стр. 429.

²⁴ «Базельский конгресс Первого Интернационала. 1869 г.» М., 1934, стр. 66—67.

На вопрос, чем заменить современное государство, Гинс отвечал: «Современные профессиональные союзы когда-нибудь окончательно ниспровергнут современную форму политической организации; они представляют собой социальную и политическую организацию будущего»²⁵.

Закономерным завершением анархистских колебаний бельгийских вожakov Интернационала оказались решения Брюссельского съезда.

Присоединение бельгийской организации к бакунистскому объединению привело к дезорганизации Международного Товарищества Рабочих в Бельгии. Отдельные секции продолжали свою деятельность, но анархистские элементы вскоре разрушили и эти организации. С другой стороны, акции бельгийских лидеров значительно усилили бакунистскую организацию: к ней примкнула большая группа популярных в то время деятелей Международного Товарищества Рабочих. В распоряжение бакунистского объединения попали регулярно выходившие газеты бельгийских организаций Товарищества.

Нельзя упускать из виду также и то обстоятельство, что в 70-е годы XIX в. в Бельгии происходил подъем рабочего движения и бакунисты получили желанный повод еще раз заявить о присоединении к ним всех подлинно революционных сил.

Почти в то же время к анархистам присоединилась Испанская федерация, которая являлась едва ли не самой многочисленной организацией I Интернационала. Происходивший с 25 до 30 декабря в Кордове съезд одобрил решения конгресса в Сент-Имье и проект анархистского пакта солидарности.

26 января 1873 г. в Лондоне состоялся съезд британской оппозиции, который объявил себя конгрессом Британской федерации. Конгресс осудил гаагские решения и присоединился к анархистскому объединению, хотя на словах и осудил анархистские принципы. В числе противников Маркса оказались его бывшие союзники Эккариус и Юнг.

Бакунисты с большой радостью приняли их в свою организацию: они получили желанный повод заявить о «властолюбии» Маркса и его «диктаторских замашках».

²⁵ «Базельский конгресс...», стр. 66.

Английские раскольники заявили, что являются сторонниками политической борьбы и не разделяют нигилистического отношения к ней бакунистов. Это служило дополнительным аргументом в пользу анархистского истолкования причин раскола в Гааге: если в анархистский Интернационал допускаются сторонники политической борьбы, то, стало быть, основу раскола составляют не программные и теоретические разногласия, а протест против диктаторских стремлений Генерального Совета, его попыток лишить автономии национальные федерации и местные организации.

В январе 1873 г. Голландская федерация объявила о своей солидарности с юрцами.

В ответ на эти акции Генеральный Совет принял решение, в котором указывал, что все федерации и секции, не признающие решений Гаагского конгресса и постановлений Генерального Совета, сами ставят себя вне рядов Интернационала. Это решение завершило раскол Товарищества на два враждебных друг другу объединения.

С 1 по 6 сентября 1873 г. в Женеве происходил конгресс «анархистского Интернационала». В его работе участвовали делегаты Англии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Голландии, Италии и Испании. За исключением англичан все стояли на позициях анархизма. Бакунин не принимал участия в конгрессе и не появлялся в Женеве, справедливо полагая, что интерес полиции и буржуазной прессы к его личности далеко не пропал. Зато в первых числах сентября он оставил Локарно и переехал в Берн, дабы быть ближе к Женеве и после конгресса повидать своих друзей по Альянсу — делегатов конгресса. К Бакунину приехали Фарга Пелисер, Алерини, Виньяс, Брусс и Пэнди, а затем Дж. Гильом и В. Дав.

Можно предположить, что они сообщили Бакунину о благополучном исходе конгресса, о новом торжестве его принципов. Обсуждались и другие вопросы, среди которых не могло не быть вопроса о брошюре Маркса и Энгельса об Альянсе, казалось, что консолидация анархистских сил вокруг своего лидера идет успешно. Друзья и враги ожидали его новых акций.

Как для тех, так и для других были совершенно неожиданными два письма Бакунина. Первое из них было опубликовано в «Журналь де Женев» 25 сентября 1873 г. в ответ на статьи газеты от 14 до 19 сентября.

14 сентября газета опубликовала анонимное сообщение, будто Бакунин в присутствии анонима утверждал, что его деятельность была причиной революционных событий в Испании. «Ведь это просто глупо,— писал Бакунин в ответ.— С таким же успехом можно было бы сказать, что я вызвал все бури, опустошающие моря и сушу»²⁶.

В заметке от 19 сентября Бакунину было предъявлено обвинение в написании и распространении прокламаций, выпущенных Нечаевым в 1869 г. Та или иная степень участия Бакунина в написании этих документов не подлежит сомнению. Однако, поскольку они были анонимны, у Бакунина были формальные основания отказаться от авторства. Что он и сделал, заявив: «Если вы захотите еще раз сделать мне честь напасть на меня, то обвиняйте меня лишь по поводу тех произведений, которые подписаны моей фамилией... Мне больше шестидесяти лет²⁷, и болезнь сердца, ухудшающаяся с годами, делает мне жизнь все труднее... я больше не чувствую в себе силы, а может быть, также необходимой веры, чтобы продолжать катить Сизифов камень против всюду торжествующей реакции. Поэтому я удаляюсь с арены борьбы и требую от моих милых современников только одного — забвения.

Отныне я не нарушу больше ничего покоя; пусть и меня тоже оставят в покое»²⁸.

Вскоре Бакунин написал письмо «Товарищам Юрской федерации», опубликованное в ее «Бюллетене» от 12 октября 1873 г., в котором подтверждал свое намерение уйти «из общественной жизни», обращался к друзьям «с последним словом благодарности и участия»²⁹ и просил их согласия на его выход из Юрской федерации и Интернационала. Свою акцию он объяснял следующим образом. По своему происхождению и положению в обществе он, Бакунин,— буржуа и мог заниматься среди рабочих только пропагандой; однако время пропаганды и время больших теоретических речей, печатных или устных, прошло. За последние десять лет в лоне Интернационала развилось больше идей, чем нужно для спасения мира,

²⁶ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. III. М.—Л. 1928, стр. 433.

²⁷ В действительности 59 лет.

²⁸ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. III, стр. 433—434.

²⁹ Там же, стр. 435.

если б одни идеи могли спасти, и я готов поспорить со всяким, кто бы стал утверждать, что можно изобрести еще новые идеи.

Теперь — время не идей, а действий и фактов. Теперь важнее всего — организовать силы пролетариата. Но эта организация должна быть делом рук самого пролетариата. Если бы я был молод, я бы вошел в рабочую среду и, принимая участие в трудовой жизни моих братьев, одновременно разделил бы с ними великий труд по этой необходимой организации.

Но мой возраст и мое здоровье не позволяют мне сделать это; наоборот, они навязывают мне уединение и покой»³⁰.

Призвав своих товарищей продолжать борьбу, Бакунин предрекал, что она «будет ужасна», и рекомендовал соблюдать два условия:

«1. Твердо держитесь принципа большой и широкой народной свободы, без которой даже равенство и солидарность — только ложь.

2. Все больше организуйте практическую, воинствующую международную солидарность рабочих всех профессий и всех стран и помните, что, как бы бесконечно слабы мы ни были в отдельности, в изолированных городах или странах, вы будете черпать бесконечную, непобедимую силу в этом всемирном коллективе»³¹.

Заявление Бакунина вызвало многочисленные, самые различные отклики его друзей и противников. Не получила оно единой оценки и в исторической литературе: одни считали это тактическим маневром, рассчитанным на конспирацию новых революционных акций, другие полагали, что он действительно устал и разочаровался в своей деятельности.

Гильом, который стоял к Бакунину очень близко и, казалось, знал его помыслы, писал: «В момент появления этих писем все мы, друзья Бакунина, полагали, что фразы, в которых он объявляет себя уставшим, больным, жаждущим отдыха и покоя, предназначены для сокрытия его действительных намерений и настроений: это, говорили мы себе, было осуществление плана, составленного им вместе с Кафьеро, плана, согласно которому

³⁰ Там же, стр. 437.

³¹ Там же.

Бакунин должен был принять вид «усталого и разочарованного» революционера, для того чтобы получить возможность свободно заняться конспирацией. Но то, что произошло в течение следующих девяти месяцев, убедило меня в нашей ошибке: разочарование и усталость, о которых говорил Бакунин, были не только видимостью; он действительно устал и разочаровался в работе...»³²

Студентка Е. Ель в дневнике, опубликованном в 1898 г., в эти дни писала: «По поводу бакунинского заявления в Цюрихе идут толки. Последователи смущены. Кажется, так недавно этот гигант был среди них, полный энергии и жизни, и вдруг так неожиданно бросает свое стадо! Многие сторонники противной партии не верят искренности заявления и видят в нем какой-то умысел... ему ли уходить в семейную жизнь?»³³

Комментируя публичный отказ Бакунина от политической деятельности, Ю. Стеклов писал: «Так или иначе, но этими двумя письмами публичная революционная деятельность Бакунина, начавшаяся в 1842 году статьей Жюля Элизара, закончилась. Тридцать лет с лишком этот человек неумоимо стоял на посту, сражаясь в первых рядах бойцов за свободу, и теперь сходил со сцены»³⁴.

На этот раз Ю. Стеклов, большой знаток жизни и деятельности Бакунина, глубоко заблуждался, как и Гильом: письма анархистского вождя представляли не что иное, как тактический маневр, рассчитанный на обман не столько общественного мнения, сколько полиции.

Год спустя в «Оправдательной записке»³⁵ Бакунин писал об этом эпизоде следующее. Поражение испанской революции означало конец революционной эпохи в Европе. Более того, весь мир «был погружен в состояние самой мрачной реакции». Лишь Италия «являла некоторые

³² *J. Guillaume*. Op. cit. vol. 3, p. 148.

³³ Цит. по: Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 3, стр. 321.

³⁴ Там же, стр. 322.

³⁵ «Оправдательная записка» была написана Бакуниным 28—29 июля 1874 г. и направлена Э. Беллеро, которому поручалось ознакомить с ней Кафьеро и жену Бакунина, а затем уничтожить. Кафьеро передал документ Гильому, который позднее уничтожил его. Однако Беллеро скопировал документ. В 1899 г. копия была обнаружена М. Неттлау и опубликована в его литографированной биографии Бакунина. Позднее документ был полностью опубликован Ю. М. Стекловым (*Ю. Стеклов*. Указ. соч., т. 4, стр. 326—335).

симптомы революционного пробуждения», однако для создания из этого «пробуждения» мощного революционного движения требовались большие усилия³⁶. В это время Кафьеро предложил тщательно замаскироваться, чтобы быть «центром перманентного интернационального заговора... было условлено,— продолжает Бакунин,— что я, как постоянный центр общества, приму более чем когда-либо вид усталого и разочарованного революционера, потерявшего все иллюзии и вследствие этого со всей страстью погружившегося в материальные интересы собственности и семьи»³⁷. Бакунин был вполне согласен с этим планом, считал его необходимым по двум причинам: во-первых, в целях ограничения полицейских преследований, во-вторых, ради маскировки и ограждения от критики («яростных нападков») со стороны «социалистически настроенных революционеров других партий», в первую очередь сторонников Маркса и Энгельса³⁸.

Итак, опубликованные М. А. Бакуниным заявления об отказе от политической деятельности были результатом решений, принятых им совместно с группой его единомышленников.

Все надежды бакунистов были возложены на Италию, в которой продолжалась борьба за демократизацию, охватившая, однако, лишь узкий круг революционной интеллигенции и совсем незначительную часть рабочего класса. Основная масса населения страны — крестьянство — почти не принимала в нем участия.

Бакунин не верил в успех намечаемой акции, но итальянские анархисты сумели убедить его принять участие в подготовляемом ими вооруженном восстании.

Обстановка в Италии казалась им вполне благоприятной. В результате неурожая 1873 г. и кризисных явлений в промышленности цены на предметы первой необходимости, прежде всего на продукты питания, резко возросли и заработная плата упала. Летом 1874 г. в городах начались забастовки, во многих районах страны, особенно в Средней Италии, происходили массовые выступления крестьян, направленные против роста налогов. Они показались анархистам вполне надежной основой для всенародной поддержки задуманного ими вооруженного вос-

³⁶ См. Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 330.

³⁷ Там же, стр. 330—331.

³⁸ Там же, стр. 331.

стания. На совещаниях итальянских анархистов с Бакуниным было решено начать вооруженное выступление 7 августа в Болонье, а оттуда распространить на другие области. Анархисты установили контакты с мадзинистами, которые также готовили вооруженную акцию³⁹, и с Гарибальди. Он обещал свою поддержку, но лишь в том случае, если восстание примет значительный размах: вероятно, как и Бакунин, Гарибальди сомневался в успехе задуманного мятежа.

Старый, тяжело больной Бакунин, не веривший в успех предприятия, все же выехал в Болонью. Здесь состоялась его встречи с заговорщиками, в ходе которых был выработан план восстания.

Акция анархистов представляла собой типичный заговор небольшой группы революционеров, никак не связанных с народными массами, к тому же плохо подготовленный. Попытка восстания в Болонье, как и в других местах, закончилась полным провалом. События нанесли тяжелый удар итальянским анархистам, они ознаменовали конец легальной деятельности итальянских организаций Интернационала. Анархисты ушли в подполье, окончательно оторвались от масс, превратились в секту, разделив судьбу большинства анархистских объединений и организаций.

Трагическая ночь на 8 августа оказалась роковой и для крупнейшего вождя анархистов. Михаил Бакунин был близок к самоубийству. Бакунин остался жив, но его революционная деятельность — а другой он не знал — была кончена.

Оставив мысли о самоубийстве, но совершенно опустошенный морально, разбитый физически, обанкротившийся политически, Бакунин уехал к семье, которая к тому времени жила в Лугано. Документы Бакунина этого времени, прежде всего письма, проникнуты настроениями скептицизма и усталости, неверия в успех революционной борьбы. Одной из его настольных книг становятся сочинения Шопенгауэра. Во всех письмах он подтверждает свое решение уйти от всякой практической деятельно-

³⁹ Среди мадзинистов не было единства по вопросу о восстании. Часть была готова его поддержать, часть высказалась против, часть колебалась. 2 августа 1874 г. руководители мадзинистской партии встретились для обсуждения этого вопроса и были арестованы.

сти и заняться изучением политического и социального развития современного европейского общества. В письме к своему другу и единомышленнику Элизе Реклю от 15 февраля 1875 г. он писал: «Я окончательно отказался от борьбы и проведу остаток дней моих в созерцании — не праздном, а, напротив, умственно очень действенном, которое, как я надеюсь, даст что-нибудь полезное.

Одна из страстей, владеющих мною в данное время, это колоссальная любознательность. Раз вынужденный признать, что зло восторжествовало и что я не в силах помешать этому, я принялся изучать его эволюцию и развитие с почти научною, совершенно *объективною* страстью.

Какие актеры и какая сцена! В глубине и господствуя над всей ситуацией император Вильгельм и Бисмарк во главе великого лакейского народа, против них папа со своими иезуитами, вся римско-католическая церковь, богатая миллиардами, господствующая над значительной частью мира с помощью женщин, благодаря невежеству масс и несравненному искусству своих бесчисленных приверженцев, имеющих повсюду глаза и руки.

Третий актер: французская цивилизация, воплощенная в Мак-Магоне, Дюпанлу и Бройле, кующих цепи для великого павшего народа. Вокруг всего этого Испания, Италия, Австрия, Россия — каждая со своею соответствующею случаю гримасою, а вдалеке Англия, не могущая решиться снова сделаться чем-нибудь, а еще дальше образцовая республика Американских Соединенных Штатов, уже кокетничающая с военной диктатурой.

Бедное человечество!»⁴⁰

Столь пессимистическая оценка европейской, а до известной степени всемирной, ситуации все же не снижает революционного духа Жюль Элизара. Единственным выходом «из этой клоаки» он считает «колоссальную социальную революцию», а единственным способом подготовки масс к революции и их организации остается анархистская пропаганда «в том виде, как ее ведут юрцы и бельгийцы». Но это мало: «несколько капель воды в океане». Где же выход? Как будто бы «бедное человечество» зашло в тупик. Но для Бакунина тупика не существует, выход непременно есть. «Остается другая надежда: всемирная

⁴⁰ J. Guillaume. Op. cit., vol. 3, p. 284—285.

война!— восклицает он.— Эти колоссальные военные государства рано или поздно должны будут уничтожить и пожрать друг друга. Но какая перспектива!»⁴¹ К сожалению, на этом рукопись обрывается.

Именно к сожалению, ибо указанный документ представляет исключительный интерес для характеристики воззрений Бакунина на развитие исторического процесса последней трети прошлого столетия. Эпоха буржуазных революций и национальных движений в Западной Европе, продолжавшаяся до поражения Парижской Коммуны, закончилась. Но закончилась совсем не так, как ожидали Бакунин и бакунисты: вместо социальной ликвидации, децентрализации, автономного союза общин этот процесс завершился образованием централизованных буржуазных государств. «Новейшее государство», классическим типом которого бакунисты не без основания называли бисмарковскую Германию, действительно характеризовалось сплочением милитаризма, монополий, политической реакции, господством полиции и жандармерии. Это был исторически неизбежный, объективный процесс развития буржуазного общества к его высшей и последней стадии — империализму. Но нужны были гениальность и прозорливость В. И. Ленина, чтобы предугадать, а затем научно обосновать эту тенденцию.

Тонкий наблюдатель и активный революционный деятель Бакунин увидел одну из тенденций развития буржуазного общества — усиление его реакционности и совсем не видел другой — создания материальных предпосылок его гибели и замены новой формацией. Революционное вмешательство должно было изменить ход исторического процесса. Бакунин пришел к этому выводу в момент создания тайного Альянса (1864), а с конца 1869 г. стал готовить революционные восстания в Европе. Он активно вмешивался во многие вспышки революционной, особенно вооруженной, борьбы. Так было во Франции, Испании, Италии, но его повсюду преследовали неудачи. Он был свидетелем единственного победоносного восстания — 18 марта в Париже, но не был его участником.

Полностью отрицая прогрессивное и революционное значение капиталистического развития, он видел в собы-

⁴¹ *J. Guillaume. Op. cit., vol. 3, p. 285.*

тиях лишь цепь поражений прогрессивных сил и торжество реакции — «всеобщее господство сволочи».

Пропагандистская и организационная работа в условиях относительно мирного периода не привлекала Бакунина. Он не хотел и не умел заниматься ею. Перспективы революции в ближайшем будущем он не видел. Настроения апатии, разочарования впервые в жизни революционного бунтаря брали верх над неукротимой энергией. Бакунин уходил из политической жизни. Однако и в этой ситуации он не хотел ни покоя, ни бездействия.

В эти дни Бакунин много читает, но в высшей степени беспорядочно. В письме к Огареву он сообщал, что читает книгу Г. Ф. Кольба «История человеческой культуры», «Автобиографию» Д. С. Милля, сочинение А. Шопенгауэра — какое неизвестно. В письме к Фохту от 9 октября 1874 г. упоминается «памфлет Лассаля против Шульце-Делича», вероятно «Господин Бастиа Шульце-Делич»; в другом письме, от 2 октября 1875 г., он просит прислать «Капитал» Маркса.

О намерении Бакунина написать мемуары свидетельствуют многие воспоминания его друзей, но сколь далеко продвинулся он в осуществлении своего намерения, ответа на этот вопрос пока нет.

Нет ответа и на другой вопрос: что имел в виду Бакунин под своим «последним словом». Была ли это вторая часть книги «Государственность и Анархия», давно задуманная брошюра «Исповедание веры русского демократа-социалиста» либо книга об этике, о которой он говорил Рейхелю в свои последние часы, — исследовать пока не представляется возможным. Ю. Стеклов, тщательно изучивший все манускрипты этого периода жизни Бакунина, пришел к выводу, что его мировоззрение не претерпело серьезных изменений, в лучшем случае жизнь внесла некоторые поправки в его тактические построения ⁴².

Последние годы жизни Бакунин провел в Лугано. Он поддерживал связи со многими участниками политической борьбы, на которых, как прежде, производил сильное и весьма благоприятное впечатление. Участница петербургского социалистического кружка А. В. Вебер вспоминала о встречах 1876 г., о последних неделях жизни великого бунтаря: «Атмосфера этих бесед охватывала меня,

⁴² Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 407—412.

создавала во мне,—я бы хотела сказать, за неимением другого выражения, молитвенное настроение. Крепла вера стушевывались сомнения...

...В чем собственно состояли чары Бакунина? Точно этого определить, думается мне, невозможно, потому что самое верное определение будет неясная формула: *во всем его существе*. «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust»,—повторял Бакунин до конца жизни. Не в этой ли формуле надо искать разгадку его обаяния?»⁴³

В сентябре 1875 г. Бакунина посетил Степняк-Кравчинский. Позднее, в 1894 г., он рассказывал М. Неттлау о сильном впечатлении, которое произвел на него Бакунин: он ожидал встретить в Бакунине очень увлекающегося человека, а нашел необычайно умного, проницательного и остроумного собеседника, который удивительно метко и правильно судил обо всем, что не окружало его непосредственно. Относительно близко стоявших к нему лиц он часто обманывался⁴⁴.

На склоне лет Бакунин решил стать собственником-землевладельцем. В феврале 1875 г. он приобрел недалеко от Лугано виллу Брессо с большим участком земли за 28 тыс. франков, разумеется, в кредит, в расчете на часть отцовского наследства.

Приглашая в гости своих братьев и сестер, Бакунин писал о своих планах и намерениях: «Я хочу устроить здесь маленькое царство небесное, знаешь, и климат, и почва — все удобно, будет масса фруктов, овощей и цветов — воскресим память отца»⁴⁵. Надеждам Бакунина не суждено было сбыться: вместо ожидаемых 100 тыс. рублей его доля в наследстве оказалась всего 8 тыс. Этой суммы не хватило на уплату долга. Вилла перешла к кредиторам. Семейство Бакуниных намеревалось перебраться в Неаполь⁴⁶.

Сам Бакунин решил съездить в Берн, к своему другу доктору Фохту, ибо мучительная болезнь все больше

⁴³ Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 421—422.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 430—431.

⁴⁶ У власти в Италии в те годы находилось «левое» правительство Агостино Депретиса. Министром внутренних дел был Джовани Никотера — участник тайных обществ и акций «Партии действия». На письмо Бакунина он прислал любезный ответ, обещав, что никто не будет тревожить семейство Бакуниных в Италии.

и больше подрывала его некогда железное здоровье. 13 июня 1876 г. Бакунин выехал из Лугано, в тот же день на Бернском вокзале его встретил Фохт и немедленно поместил в больницу. 1 июля утром Бакунина посетили Рейхель и его жена, в 11 часов у него был Фохт, в 12 часов Бакунин скончался.

«Бакунин умер, как и жил, цельным человеком,— писал Рейхель.— В продолжение всей своей жизни он выступал тем, чем был, без фраз и без притворства, и умер он также с полным сознанием самого себя и своего положения. В общем он казался мне утомленным жизнью. Он составил себе правильное суждение о современном мире и, сознавая, что ему нехватает нужного материала для свойственной ему деятельности, он без сожаления смежил свои очи. Возможно даже, что он хотел умереть, хотя у него никогда не вырывались слова, указывающие на такое желание»⁴⁷.

В «Бюллетене Юрской федерации» от 9 июля 1876 г. был помещен отчет о похоронах Бакунина. 3 июля в 4 часа пополудни похоронная процессия двинулась на кладбище Бремергартен. У открытой могилы выступило несколько ораторов. А. Швицгебель огласил письма и телеграммы от друзей и секций Интернационала. Н. Жуковский рассказал о жизни Бакунина. Дж. Гильом вспомнил о клевете, которую распространяла реакция о великом «знаменосце революции», и рассказал о заслугах Бакунина перед социалистическим движением. Элизе Реклю говорил о личных достоинствах покойного и о его неутомимой деятельности. Карло Сильвиони поклялся в верности «борцу за народный социализм в Италии». Поль Брусс говорил, что идеи Бакунина разделяет революционная молодежь Франции. Последним выступал Бетони — немецкий рабочий, проживавший в Берне, — он сказал, что Бакунин посвятил всю свою жизнь освобождению труда⁴⁸.

После похорон в помещении Бернского социал-демократического ферейна состоялось собрание. Его участники высказывали нереальные пожелания: забыть раздоры и создать объединение всех фракций социалистической партии Старого и Нового Света.

⁴⁷ Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 439.

⁴⁸ «Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs», 9.VII 1876.

1 (13) июля 1876 г. орган русских революционных эмигрантов «Вперед!», выходящий под редакцией идейного противника Бакунина П. Л. Лаврова, опубликовал некролог, в котором говорилось, что Бакунин «записал свое имя в истории революционного движения' слишком глубокими чертами, чтобы оно могло быть забыто или пройдено молчанием. Оценка его исторического значения принадлежит будущему»⁴⁹.

Позитивная оценка личности и деятельности М. А. Бакунина содержалась в некоторых газетах революционного направления. Так, например, в «Протесте»—органе португальских социал-демократов, издававшемся в Лиссабоне. Однако она, как и призывы к примирению и единству, была свойственна далеко не всей прессе того времени. Швейцарская социал-демократическая газета «Тагвахт», являвшаяся в те годы органом немецких секций Интернационала в Швейцарии, писала: «Бакунин умер в Берне. Он пережил свою славу, и давно прошло то время, когда русская молодежь внимала его словам, как глаголу пророка. Бакунин причинил много вреда рабочему движению, пока ему не помешали продолжить эту работу. Изданная по постановлению Гаагского конгресса брошюра, разоблачив бакунистский заговор, нанесла смертельный удар старому интригану... разрушительная деятельность Бакунина принесла революционному движению только вред, тогда как она была очень на руку реакции»⁵⁰.

Мы не станем оспаривать совершенно ошибочное утверждение об утере Бакуниным влияния на русскую революционную молодежь. Это заблуждение совершенно очевидно, ибо как раз в эти годы идеи бакунистского бунтарства доминировали над всеми иными направлениями в революционном движении России. В цитированном отрывке интересно другое: он свидетельствует, и весьма ярко, что настроения примирения анархистов с социал-демократами отнюдь не были единственной реакцией на смерть анархистского лидера.

В письме Энгельсу Маркс самым решительным образом осудил разговоры о возможных контактах социал-демократов с анархистами, в частности отрицательно отозвался о позиции В. Либкнехта.

⁴⁹ «Вперед!», 13.VII 1876.

⁵⁰ Цит. по: Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, стр. 449.

«В последнем номере «Вперед»,— писал он,— помещена противно-хвалебная статья о похоронах Бакунина, причем главные действующие лица — Гильом, Брусс, оба Реклю и знаменитый Кафьеро. Бакунин фигурирует в ней как «гигант» революции. Обещано следующее письмо того же корреспондента по поводу возникших после похорон проектов объединения обоих Интернационалов, а именно юрцев, которые хотят «свободной федерации» рабочих, и немцев, которые добиваются «народного государства». ...Либкнехт в краткой заметке в «Volksstaat» (не знаю, читал ли ты уже ее) заявляет, что никто больше нас (то есть его) не может этого желать, но, будучи неисправимым болтуном, он добавляет: покажите нам дела вместо слов. Ему, конечно, приятно, что г-н Гильом провозглашает «Volksstaat» последним словом внебакунистского Интернационала»⁵¹.

Ближайшее будущее показало, что ни о каком сближении, примирении, единстве не могло быть и речи. Со смертью Бакунина анархистское движение не перестало существовать и не прекратило своей борьбы против революционной социал-демократии. Анархизм был вызван к жизни объективными социально-экономическими и политическими факторами, которые не исчезли после похорон Бакунина.

* * *

Анализ документов, в той или иной мере отражавших процесс борьбы марксизма против бакунизма, позволяет с полной определенностью сделать вывод, что основным предметом разногласий был вопрос об участии пролетариата в политической борьбе. Марксисты исходили из того, что для успеха пролетарской борьбы надо создать синтез всех форм движения, причем политическое движение являлось его важнейшим элементом. «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»,— было записано в Учредительном Манифесте.

В те годы рабочие подавляющего большинства стран европейского континента не имели избирательных прав.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 19.

Лишь в Англии трудящиеся в результате реформы 1867 г. добились существенного расширения избирательного права. Даже во Франции движение в пользу самостоятельного политического выступления пролетариата в дни парламентских выборов не имело успеха; парижские рабочие видели в нем коварный прием бонапартистской полиции.

Политическое бесправие масс, их зависимость от буржуазных политических партий создавали у рабочих ошибочное представление о невозможности самостоятельного выступления и организации политических партий пролетариата. Этим воспользовались анархисты, которые отождествляли политическую борьбу с избирательными кампаниями и парламентской деятельностью.

Уроки Коммуны, создание и деятельность Эйсенахской партии способствовали перелому в настроениях европейского пролетариата. Резолюция Лондонской конференции была призвана закрепить этот перелом и направить главные усилия рабочих на создание самостоятельной пролетарской партии. Однако усилия Генерального Совета встретили самое энергичное противодействие со стороны бакунистов. Конгресс Юрской федерации в Сонвилле (октябрь 1871 г.) открыто вступил против Совета. К его решениям присоединились Испанская, Бельгийская, Итальянская федерации. Все они потребовали отобрать у Генерального Совета его права и превратить этот важнейший орган Интернационала в справочно-корреспондентское бюро. Бакунинская позиция была отвергнута Гаагским конгрессом, но победа Генерального Совета одновременно означала и его поражение. Стало ясно, что Интернационал пережил себя, наступила новая фаза развития рабочего движения. Решения Гаагского конгресса в известной мере являлись завещанием уходящей в историю международной пролетарской организации.

В сентябре 1874 г. Ф. Энгельс писал Зорге, что «...Интернационал полностью завершил свое существование»⁵². Энгельса ни в малой степени не огорчал этот факт. Он считал, что «старый» Интернационал принадлежал к периоду Второй империи во Франции, когда господство политической реакции в Европе требовало

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 537.

воздержания от полемики внутри рабочего движения. С другой стороны, общие международные интересы рабочего класса были выдвинуты на первый план. Рабочее движение в национальном масштабе в Германии, Испании, Италии, Дании лишь зарождалось. Наконец, теоретический характер движения, связанного с I Интернационалом, был неясен: немецкий коммунизм еще не существовал как рабочая партия, прудонизм был слишком слаб, чтобы овладеть Интернационалом, бакунизм еще не сложился даже в первоначальную систему, лидеры английских тред-юнионов также не имели своего политического кредо и присоединились к программе, изложенной в вводной части Временного устава 1864 г. «Первый крупный успех должен был разрушить это наивное сотрудничество всех фракций. Таким успехом была Коммуна, которая была, несомненно, духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом, на Интернационал до известной степени вполне справедливо возлагалась ответственность за Коммуну»⁵³. После поражения Коммуны начался распад Интернационала, который был неизбежен. «Гаагский конгресс был фактически концом, и притом для обеих партий». Так как Интернационал в старой форме пережил себя.

В настоящее же время, завершает Энгельс, «дело пережило себя», условия не позволяют действовать активно, но далеко не все участники движения могут сразу примириться с таким положением и настойчиво требуют «дела». Такие приверженцы «дела» имелись в Нью-Йорке, но особенно много было их среди бакунистов, стремившихся создать и создавших свой анархистский Интернационал.

Фактически его основание произошло на съезде Юрской федерации в Сент-Имье, важнейшим программным документом которого была резолюция о политической борьбе, решительно отвергавшая всякое участие рабочих и их организаций в политической жизни.

Главный смысл документа — ревизия решений Лондонской конференции и Гаагского конгресса, в особенности их основной идеи — участия пролетариата в поли-

⁵³ Там же, стр. 537—538.

тической борьбе с целью захвата власти и установления своей диктатуры.

Ф. Энгельс немедленно сообщил о решениях съезда Зорге. Он расценил их как открытый «бунт» против Интернационала и рекомендовал принять срочные, энергичные меры «против этих отъявленных склочников», чтобы ликвидировать угрозу со стороны анархистов и их союзников⁵⁴.

В письме Т. Куно Энгельс вполне определенно указывает, каковы должны быть «энергичные меры», направленные на обеспечение единства действий и организации: он настаивал на исключении Юрской федерации из Интернационала. «Если не принять энергичных мер и не объявить немедленно с соответствующей мотивировкой о временном исключении юрцев за решения их съезда, попирающие ногами Устав и решения Гаагского конгресса, а также не заявить об исключении тех членов антиавторитарного конгресса, которые вообще входят в Интернационал, то эти господа совсем зазнаются»⁵⁵.

Маркс и Энгельс полагали, что силы анархистского объединения весьма незначительны. Кроме юрцев, испанцев, бельгийцев и голландцев все остальные федерации должны поддерживать Генеральный Совет в его стремлении выполнить решения Гаагского конгресса. Публикация брошюры об Альянсе должна была привести к ликвидации бакунистского интернационала. Однако борьба оказалась весьма и весьма напряженной, а силы противников Генерального Совета куда более значительными, чем казалось участникам Гаагского конгресса.

* * *

Летом 1873 г. Генеральный Совет принял решение созвать в сентябре в Женеве VI конгресс Интернационала. Не имея возможности направить делегата из США, 25 июня Совет утвердил своим делегатом О. Серрайе, проживавшего тогда в Англии. 8 августа были утверждены специальные инструкции: добиваться на конгрессе решений в духе резолюций Гаагского конгресса. 26 ию-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 442.

⁵⁵ Там же, стр. 444.

ня Энгельс сообщил Зорге о согласии Серрайте принять обязанности делегата конгресса⁵⁶. Не исключалась возможность присутствия на конгрессе Маркса или Энгельса⁵⁷. Однако, как только стало известно, что из Америки не приедет ни один делегат, провал конгресса был очевиден.

«Фиаско Женевского конгресса было неизбежно,— писал Маркс Зорге.— С того момента, как здесь стало известно, что из Америки делегаты не приедут, дело уже обстояло плохо... Британская федерация не собрала денег даже на одного-единственного делегата; португальцы, испанцы и итальянцы сообщили нам, что при данных обстоятельствах не могут послать непосредственно от себя делегатов; известия из Германии, Австрии и Венгрии были также плохи; об участии французов не могло быть и речи»⁵⁸.

В таких условиях большинство конгресса могло состоять из швейцарцев, притом женевских. В женевском Романском совете также не было единства. Оттуда в адрес Британского федерального совета пришли письмо и листовка, направленные против решений Гаагского конгресса и прежнего Генерального Совета.

При таких обстоятельствах Маркс и Энгельс отказались от поездки в Женеву, так же поступил Серрайте.

VI конгресс Интернационала открылся в Женеве 8 сентября 1873 г., в нем участвовали 12 делегатов от Женевы, делегат от секции Мутье, делегат от Германии, 4 делегата от немецкой Швейцарии, 9 делегатов от немецких эмигрантов Женевы. С большим трудом удалось обеспечить большинство против группы Перре, которая предлагала перенести Генеральный Совет в Женеву.

Конгресс обсудил вопрос о профессиональной и политической борьбе рабочего класса. Было высказано пожелание об организации профсоюзов и их национальных федераций, на основе которых должны быть образованы

⁵⁶ См. там же, стр. 499. Сообщая о согласии Серрайте, Ф. Энгельс просил немедленно выслать инструкции и материалы, чтобы Серрайте имел возможность войти в курс дел (Там же).

⁵⁷ «Маркс и я,— писал Ф. Энгельс,— будем рады получить отсюда мандаты. Нам, наверное, в силу целого ряда соображений, придется поехать, хотя мы, конечно, охотнее остались бы здесь» (Там же, стр. 500).

⁵⁸ Там же, стр. 507.

международные союзы по профессиональному признаку. Иными словами, конгресс высказался за международную экономическую организацию рабочего класса.

По вопросу о политической организации рабочего класса на конгрессе происходили острые дебаты. Одна часть делегатов предлагала воздержаться от обсуждения проблемы, передав ее решение местным организациям, не призывая их заниматься политикой. Другие настаивали на подтверждении прежней позиции о неразрывной связи политической и экономической борьбы пролетариата. В итоге дебатов конгресс принял предложенную И.-Ф. Беккером компромиссную резолюцию:

«Рекомендуя рабочему классу участие во всякой политике, имеющей целью его освобождение, конгресс предоставляет товарищам отдельных стран действовать в соответствии со сложившимися обстоятельствами»⁵⁹.

Это было большим шагом назад по сравнению с резолюциями Лондонской конференции и Гаагского конгресса, но все же являлось подтверждением необходимости ведения рабочим классом политической борьбы.

Оценивая итоги конгресса, Маркс писал Зорге: «Хотя женевам и не удалось завладеть Генеральным Советом, но зато, как ты уже, вероятно, знаешь, они свели на нет все, что было сделано со времени первого Женевского конгресса, и провели даже многое такое, что противоречит принятым там резолюциям»⁶⁰.

В сложившейся обстановке Маркс полагал целесообразным «временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала» и позаботиться о том, чтобы руководство его центральным пунктом — Советом — не захватили люди, способные скомпрометировать движение. «События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернационала в улучшенной форме. Пока же достаточно будет не упускать полностью из рук связей с наиболее дельными элементами во всех странах, а к тому же не обращать ни малейшего внимания на местные женеvские решения, просто игнорировать их»⁶¹, — писал Маркс Зорге.

⁵⁹ Цит. по: *R. Meyer. Der Emancipations Kampf des Vierten Standes, Bd. I. Berlin, 1873, S. 171.*

⁶⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 508.*

⁶¹ Там же, стр. 508—509.

Генеральный Совет не имел к женевским решениям никакого отношения. До него не дошли ни постановления, ни протоколы. Единственной информацией оказалось письмо И.-Ф. Беккера Зорге, в котором сообщалось, что местопребыванием Генерального Совета остается Нью-Йорк.

А между тем процессы, происходившие внутри рабочего движения, выражением которых оказалась борьба в Интернационале, распространились и на Соединенные Штаты: внутри Американского федерального совета возник конфликт. 11 апреля 1874 г. состоялся чрезвычайный конгресс Американской федерации, который отказался признать решения Женевского конгресса. Конгресс показал, что организации Интернационала в Европе фактически прекратили свою деятельность. Существование Генерального Совета утрачивало смысл. 14 августа 1874 г. Зорге предложил распустить его, заявив, что слагает с себя обязанности секретаря. Предложение Зорге принято не было, в ответ 25 сентября он официально заявил об отставке. Его место занял Шпейер.

Несколько ранее официальной отставки Зорге, сообщившего об этом своем намерении в Лондон, Энгельс писал ему: «С твоим уходом *старый* Интернационал полностью завершил свое существование. ...В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу. Но в старой форме он себя пережил... Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы»⁶².

Двумя годами позднее, 15 июля 1876 г., Генеральный Совет созвал конгресс в Филадельфии, предварительно заявив, что на этом собрании он сложит свои полномочия. На нем присутствовали лишь американские интернационалисты. Шпейер сделал доклад о положении дел организации, смысл которого заключался в обосновании того факта, что Интернационал больше не существует. По его мнению, восстановление организации станет возможным лишь после создания ее секций во Франции и участия в

⁶² Там же, стр. 537—538.

ее работе социал-демократов Германии. В заключение докладчик предложил распустить Интернационал на неопределенное время. Его предложение было принято единогласно.

В воззвании, принятом конгрессом, говорилось: «Мы распустили организацию Интернационала по причинам, вытекающим из современного политического положения Европы, но взамен ее мы видим, как принципы организации признаются и защищаются передовыми рабочими всего цивилизованного мира. Дадим нашим товарищам — европейским рабочим — немного времени для усиления своих национальных организаций, и, без сомнения, они вскоре окажутся в состоянии разрушить барьеры, отделяющие их от рабочих других частей света»⁶³.

Так закончил свое существование марксистский Интернационал. Он прекратил свою деятельность лишь после того, как выполнил стоявшие перед ним задачи. Интернационал показал пути к созданию подлинно массовых пролетарских партий, наметил программу, устав, разработал ряд важнейших принципиальных проблем для всех социалистических партий, проложил дорогу для более широкого социалистического движения.

I Интернационал подготовил почву для формирования пролетарских партий, положил начало великому движению за свободу и счастье человечества, наследником которого выступает ныне международное коммунистическое движение. В I Интернационале сложились боевые традиции революционного рабочего движения; пролетарии приобрели драгоценный опыт борьбы за свое освобождение, учились верности идеям научного коммунизма, непримиримости к своим врагам; в нем разрабатывались организационные формы пролетарских партий, формировалась единая революционная тактика, внедрялись принципы пролетарского интернационализма. Интернационал дал блестящие образцы последовательной, бескомпромиссной борьбы за чистоту революционной теории, против оппортунизма всякого вида.

Определяя историческое значение I Интернационала, В. И. Ленин писал: «Он незабываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение. Он заложил фун-

⁶³ Цит. по: Ю. М. Стеклов. Первый Интернационал. М.—Пг., 1923, стр. 329.

дамент того здания всемирной социалистической республики, которое мы имеем теперь счастье строить»⁶⁴.

Иначе сложилась судьба бакунистской организации.

1—6 сентября 1873 г. в Женеве состоялся конгресс анархистов, который его организаторы называли «шестым съездом Международного Товарищества Рабочих», акцентируя таким образом преемственность нового объединения, продолжавшего якобы революционные традиции I Интернационала. Бакунисты ссылались при этом на то обстоятельство, что большинство федераций примкнуло к ним, а не к новому Генеральному Совету.

В работе женевского конгресса анархистов участвовали делегаты Бельгии, Испании, Италии, Англии, Голландии, Юрской федерации. Вместе с Гильомом, Бруссом, Алерини, Фарга Пелисером и Н. Жуковским заседали Хейлз и Эккариус. На конгрессе было оглашено приветствие Всеобщего германского рабочего союза, подписанное лассальянцами Гессельманом, Газенклевером и др.⁶⁵ Деятели столь различных направлений и взглядов были объединены лишь враждебным отношением к научному коммунизму, но отнюдь не имели сколько-нибудь определенной единой платформы. Поэтому разногласия между ними возникли на первом же заседании конгресса при обсуждении вопроса о Генеральном Совете. Большинство делегатов сошлось на том, что Совет необходимо уничтожить, заменив его федеральным бюро, на которое возлагались бы лишь корреспондентско-статистические функции. Именно так ставили вопрос бакунисты на Гаагском конгрессе, так решали его анархисты Испанской федерации. Федеральное бюро должна была сформировать одна из национальных федераций, а именно та, на которую возлагалась обязанность подготовить и созвать следующий конгресс. Упразднение Генерального Совета означало ликвидацию важнейшего органа организации, призванного не только координировать деятельность различных федераций, в нее входивших, но и следить за соблюдением ими принципов устава и программы. Впрочем, как показал ход конгресса, анархисты и не стремились ни к выработке, ни тем более к соблюдению единых

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 230.

⁶⁵ «Compte-rendu officiel du Sixième Congrès Général de l'Association Internationale des Travailleurs». Le Locle, 1874, p. 63 etc.; J. Guillaume. Op. cit., vol. 3, p. 32, 108 etc.

принципов. Об этом, в частности, свидетельствовали прения по вопросу о пересмотре устава организации. Конгресс отменил голосование по принципиальным вопросам и принял решение об отказе от всяких официальных постановлений по такого рода вопросам. Большинство делегатов полагало, что съезд может лишь констатировать наличие разногласий и предоставить право всем желающим ознакомиться с протоколами. Так было ликвидировано «насилие большинства над меньшинством», а вместе с ним и всякое подобие идеологического единства.

Конгресс долго, но безрезультатно обсуждал вопрос о всеобщей стачке. Поскольку анархисты негативно относились к политической борьбе и захвату рабочим классом политической власти, всеобщая стачка превращалась ими в единственный и наиболее надежный метод социального переворота⁶⁶. Казалось, что по данному вопросу принятие решения, притом вполне определенного, совершенно необходимо. Однако уже докладчик комиссии Н. Жуковский обосновал мысль, что конгресс не должен решать этого вопроса, так как всеобщая забастовка есть не что иное, как социальная революция, и обсуждение на конгрессе связанных с ней вопросов крайне нежелательно, ибо оно может поставить врагов в известность о тех средствах, которые намерены применить для социального переворота. Идея всеобщей стачки все же обсуждалась конгрессом, но было принято решение, что вопрос не может получить полного решения. Теоретическая разработка проблем всеобщей стачки, равно как и применение анархистами этого метода на практике, была оценена Ф. Энгельсом крайне отрицательно.

Приняв решение о созыве очередного конгресса в Брюсселе, съезд закончил свою работу.

7—13 сентября 1874 г. в Брюсселе состоялся второй анархистский конгресс, участники которого претенциозно именовали его «седьмым конгрессом Интернационала», упорно претендуя на право быть наследниками и про-

⁶⁶ Вопрос о всеобщей стачке был поставлен анархистами еще до конгресса. Он обсуждался на съезде Бельгийской федерации в Вербье (13 апреля 1873 г.). В августе 1873 г. конгресс Бельгийской федерации вполне определенно высказался за организацию всеобщей забастовки. Вскоре подобное решение приняла голландская организация. В июле 1873 г. испанские анархисты предприняли попытки, правда неудачные, практического осуществления всеобщей стачки.

должателями славных традиций Международного Товарищества Рабочих, хотя и не имели к ним ровно никакого отношения.

На конгресс явились представители Англии, Бельгии, Испании, Франции, Италии, Юры и Германии. Из 14 делегатов 9 были деятелями бельгийской организации. Англию представлял Г. Эккариус, Францию некий ван-Ведмер, о котором мы не располагаем ровно никакой информацией, кроме предположения Ю. Стеклова, что это был бельгиец и представлял французское рабочее движение чисто «декоративно», итальянским делегатом был бельгиец Веррейкен; Германию представляли лассальянцы Фроме и Фауст (П. Керстен), оба они проживали в Бельгии, но были организационно связаны с Всеобщим германским рабочим союзом и направлены группой немецких эмигрантов в Бельгии. Делегатом Юрской федерации был А. Швицгембель, испанской — Фарга Пелисер под псевдонимом Гомес. На конгрессе присутствовал делегат русской секции пропаганды в Женеве, личность которого не установлена⁶⁷.

Сколько-нибудь реальными силами располагали лишь Бельгийская, Испанская и Юрская федерации. Представительство Англии, Германии, Италии и Франции носило номинальный характер. «Это было жалкое зрелище,— писал Ф. Энгельс Марксу,— 14 человек, все бельгийцы, кроме двух немецких лассальянцев (Фроме из Франкфурта и ?), Швицгембель, испанец Гомес и Эккариус.— Роша прислал нам помещенное в одной маленькой брюссельской газете, «La gazette», в высшей степени забавное описание этой лавочки»⁶⁸. Несмотря на то что бельгийцы располагали подавляющим большинством голосов, конгресс происходил в обстановке острых разногласий, которые имели место по всем или почти по всем сколько-нибудь существенным вопросам.

Они касались прежде всего и главным образом, как это ни парадоксально, вопросов политической борьбы и форм государственной власти.

Доклад по этому вопросу, названный «Общественная служба в будущем обществе», сделал Де Пап⁶⁹.

⁶⁷ Гильом предполагал, что это был Степняк-Кравчинский. См. также: «Первый Интернационал», стр. 339.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 103—104

⁶⁹ Цезарь Де Пап. *Общественная служба в будущем обществе*. Пг., 1919.

В указанном документе автор развивал идеи весьма далекие, более того, прямо противоположные идеям правоверного анархизма. Де Пап указал, что существует целый ряд «общественных служб», которые сохраняются в обществе будущего; если же некоторые из них исчезнут, то появятся новые. Эти «службы» кто-то должен организовать и выполнять. Ряд таких «общественных служб» будет находиться в ведении «коммуны» (примерно то же, что анархисты обозначали термином «община»).

К ним относятся, считал Де Пап, служба безопасности, общественное призрение, запись актов гражданского состояния, а также постройка и ремонт жилых помещений, управление рынком и т. п. Однако есть целый ряд общественных служб, которые не могут быть функциями общины: почта, телеграф, железные дороги, леса, водные пути — они должны находиться в ведении федерации коммун, т. е. государства. Де Пап ратовал за «рабочее государство, государство, основанное на свободной группировке рабочих общин, которое возьмет окончательно на себя ведение всех больших общественных предприятий»⁷⁰.

Анархисты тотчас же выступили против основных положений доклада бельгийского депутата. Швицгебель совершенно справедливо заметил, что вновь поставлена альтернатива: государство или анархия, разрушение государства и абсолютно свободная организация рабочих групп и коммун либо создание государства, с чем анархисты не могут согласиться. Веррейкен в резкой форме выступил против идеи государства, в том числе рабочего государства. Он повторил излюбленный тезис Бакунина: создание пролетарского государства приведет к тому, что представители рабочих — социалисты займут место буржуазии и буржуазных чиновников.

Полемизируя против анархистов, Де Пап прежде всего соглашался с тем, что смысл дискуссии они уловили правильно: анархия или рабочее государство. Он указал, что провозглашение принципа автономии и федерации, равно как и полемика против некоторых решений Гаагского конгресса, вовсе не означает, что идея рабочего государства умерла. «На самом деле,— сказал он,— спор между рабочим государством и анархией остается откры-

⁷⁰ *Цезарь Де Пап. Указ соч., стр. 106.*

тым». Он напомнил, что если в Испании, Италии и Юре господствуют идеи анархии, то большинство рабочих Англии, Америки, Германии, Голландии стоит за идею рабочего государства. Формулируя свою позицию, Де Пап полагал, что в большинстве стран рабочие захватят руководство государством и превратят его в социалистическое рабочее государство. «Так, без сомнения, и произойдет у большинства народов, где рабочие найдут гораздо более простым и легким овладеть существующими государствами, чем все уничтожить и затем все восстанавливать»⁷¹. Он не исключает возможности полного развала государства и строительство его совершенно заново, полагая, что только так может обстоять дело в Испании.

Его поддержал Эккариус, указав, что анархия вернет рабочий класс к средневековью, отличающемуся распри между цехами, место которых могут занять распри между коммунами.

Длительные и жаркие прения завершились решением не принимать никакой резолюции по вопросу об общественных службах в будущем обществе, а передать его на рассмотрение отдельных федераций и, лишь ознакомившись с их мнением, вновь обсудить вопрос на следующем конгрессе.

Выработка общей платформы для совершенно различных политических групп и идеологических направлений оказалась невозможной ни по одному принципиальному вопросу. Отказавшись от принятия решения по докладу Де Папа, конгресс перешел к дискуссии по вопросу

⁷¹ «Compte-rendu officiel du VIII Congrès Général de l'Association Internationale des Travailleurs tenu à Bruxelles du 7 au 13 septembre 1874». Vervies, 1874, p. 178 etc. Советский историк А. Е. Коротева высоко оценила доклад Де Папа. Она назвала его «очень интересным» и указала, что автор «с присущей ему научной доброосовестностью и страстностью нарисовал картину будущего рабочего государства, прямо противоположную анархистским антигосударственным взглядам» (А. Е. Коротева. Сезар Де Пап и Карл Маркс (1865—1875).— «Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века». М., 1970, стр. 298). К этой оценке мы хотели бы добавить, что в докладе наряду с несомненным влиянием марксизма, которое в то время Де Пап испытывал сильнее чем когда-либо, все же очень сильно проявлялись элементы анархистских воззрений. Это относится в первую очередь к рассуждениям автора об общинах, коммунах, федерациях коммун и т. п.

о политической деятельности. В ходе ее были высказаны диаметрально противоположные суждения. Часть делегатов — Эккариус, Фроме, Фауст — решительно и вполне определенно высказались за участие пролетариата в политической борьбе и за завоевание им политической власти. Делегаты Швейцарской Юры и Испании отстаивали прямо противоположную позицию, они последовательно выступали в пользу политического воздержания. Их поддержало большинство бельгийских делегатов⁷².

Как и в первом случае, конгресс отказался от принятия сколько-нибудь определенного решения, передав вопрос на рассмотрение федераций. Единогласно принятая резолюция гласила: «По вопросу о том, насколько политическая деятельность рабочего класса может быть необходима или полезна для приближения социальной революции, конгресс заявляет, что каждой отдельной федерации и социал-демократической партии каждой страны предоставляется самой определять политическую тактику, которой она намерена держаться»⁷³.

Отказ не только от общей программы, но и от принятия решений по принципиальным вопросам, разумеется, не был случайным, он отражал процесс дальнейшего раскола анархистского объединения, которое становилось все более и более формальным.

Картина Брюссельского конгресса повторилась, быть может в еще более мрачных тонах, два года спустя на очередном конгрессе, состоявшемся в Берне 26—29 октября 1876 г.⁷⁴

Из 28 делегатов 19 были представителями Романской Швейцарии, из них 18 — от Юрской федерации. В числе делегатов были Брусс, Де Пап, Малатеста, Кафьеро, Гильом, Жуковский. В качестве гостей на съезд приехало несколько социалистов, в том числе немецкий социал-демократ депутат рейхстага Вальтейх и представитель Швейцарского рабочего союза Грейлих.

Начало съезда было спокойным. Делегаты единодушно одобрили проект манифеста к европейским рабочим о положении на Балканах, которое было чревато новой русско-турецкой войной. Документ не содержал анархист-

⁷² «Compte-rendu officiel...», p. 180—187.

⁷³ Цит. по: Ю. Стеклов. Первый Интернационал, стр. 348.

⁷⁴ Association Internationale des Travailleurs Compte-rendu officiel du VIII congrès général tenu à Berne du 26 au 30 octobre 1876. S. I., s. d.

ских идей, он был выдержан в интернационалистском духе, но никто не относился к нему серьезно, и манифест остался неизвестным рабочему классу Европы.

Единогласно была принята резолюция о «Солидарности в революционной деятельности», которая требовала взаимного уважения между социалистами вне зависимости от их воззрений, программ и тактики. Эта попытка достичь сближения между различными, а подчас противоположными политическими направлениями была несостоятельной прежде всего по причине отсутствия даже подобия платформы для объединения и ликвидации раскола движения, вызванного анархистами.

Конгресс принял решение о восстановлении регулярных взносов федераций в общую кассу федерального бюро, хотя она была названа международной кассой пропаганды, но находилась на сохранении федерального бюро. Взносы в центральную кассу были восстановлены, что означало отмену решения Женевского конгресса 1873 г.⁷⁵

Конгресс зашел в тупик при обсуждении первого же принципиального вопроса: «об отношениях между личностями и группами в преобразованном обществе». По существу это было продолжение обсуждения проблемы об организации общественных служб в будущем обществе, т. е. о государстве будущего. Де Пап и его сторонники по-прежнему отстаивали идею рабочего государства, не настаивая, однако, на терминологии, правоверные анархисты-бакунисты ратовали за создание вольной федерации свободных союзов, предполагавшее уничтожение государства и всех государственных учреждений. Единственным выходом из тупика оказался анархистский принцип — не принимать никаких решений по принципиальным вопросам. Что и было сделано. Более того, делегаты не внесли на обсуждение никакого проекта резолюции.

В центре внимания конгресса оказалось предложение бельгийской делегации о созыве в следующем, 1877 г. всемирного социалистического конгресса. Хотя данное предложение несомненно было преждевременным,

⁷⁵ Напомним, что оно было принято вместе с решением об упразднении Генерального Совета по предложению испанской делегации. В Берне предложение о восстановлении взносов также внесли испанцы.

ибо объективные условия для создания нового международного пролетарского объединения еще не вполне сложились⁷⁶, оно явилось наглядным свидетельством того, что анархистское объединение не только не стало центром международного рабочего движения, но не имело такой перспективы в будущем. Наряду с ним, но совершенно в стороне и независимо, формировались социалистические организации, а в Германии партия с иной программой и тактикой. Эти организации устанавливали связи, вступали в контакты друг с другом помимо анархистского объединения.

Предложение бельгийцев вызвало негативную реакцию и резкие возражения со стороны анархистов. Гильом, а за ним Брусс заявили, что созыв конгресса означает создание нового Интернационала, призванного заменить существующий, а стало быть его роспуск. Они аргументировали также тем, что ради создания нового объединения не станут отказываться от своей автономии и своих принципов. Наконец, заявляли анархисты, если существующие вне Интернационала организации хотят с ним сблизиться, то для такого сближения не существует никаких препятствий: они могут вступить в Интернационал, сохраняя свои принципы, автономию и полную свободу действий.

Большинство конгресса под влиянием выступлений Де Папа и Вальтейха приняло решение об участии во всемирном социалистическом конгрессе.

После Бернского конгресса процесс распада «антиавторитарного» объединения значительно ускорился; он был обусловлен усилением стремления рабочего класса к самостоятельной экономической и политической борьбе, к созданию своих организаций, в том числе политических партий.

К середине 70-х годов стала совершенно очевидной негативная роль анархистских акций в Испании, которые способствовали поражению испанской революции 1868—1874 гг. Это привело к появлению социалистического направления в испанском рабочем движении и к созданию Испанской социалистической рабочей партии, образованной 2 мая 1879 г.

⁷⁶ По мнению Маркса и Энгельса, новый Интернационал мог возникнуть только как «союз всех пролетарских партий всех стран» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 538).

В 1874 и 1877 гг. потерпели полный крах попытки бакунистов поднять восстание в Италии. Рабочие стали отходить от анархистов; окрепло антибакунистское направление. В 1876 г. социалистические кружки Ломбардии, Пьемонта и Венето при активном участии группы «Плебе» создали Верхнеитальянскую федерацию, противостоящую бакунизму. Через год (февраль 1877 г.) федерация приняла решение о необходимости участия рабочих в политической борьбе и организации самостоятельной политической партии рабочего класса.

Потерпели неудачу попытки основать анархистскую федерацию во Франции. В то же время возродившееся после поражения Коммуны рабочее движение объективно вело к основанию социалистической партии. В 1876 г. первый в истории Франции общенациональный конгресс рабочих союзов (синдикатов) поставил вопрос о прямом представительстве рабочих в парламенте.

Огромных успехов добилась Объединенная социалистическая рабочая партия в Германии. На выборах в рейхстаг, состоявшихся в январе 1877 г., она получила 493 447 голосов, завоевав 12 депутатских мандатов.

Усилился процесс отхода от анархизма бельгийского пролетариата и его вождей. 4 января 1875 г. Сезар Де Пап и Луи Бертран основали Брюссельскую палату труда (федерацию обществ г. Брюсселя). Палата развернула среди рабочих пропаганду идей социализма.

В столь неблагоприятных условиях анархисты создали очередной конгресс своего объединения, который называли «девятым конгрессом Интернационала». Конгресс происходил в Вервье с 6 по 8 сентября 1877 г. В его работе участвовало 20 делегатов, представлявших испанскую, итальянскую, французскую, юрскую федерации и ряд секций. Среди делегатов были Мораго, Коста, Брусс, Гильом.

Конгресс принял резолюцию поддерживать всякое революционное движение и пытаться придать ему международный, глобальный характер. Делегаты единодушно одобрили декларацию о солидарности со своими товарищами, пострадавшими во время анархистских выступлений, к числу которых была отнесена демонстрация петербургских студентов у Казанского собора.

Как и следовало ожидать, в центре внимания оказался вопрос об отношении к политическим партиям, который

должен был обсуждаться на конгрессе социалистов в Генте. По данному вопросу анархистский конгресс заявил, что не делает никакого различия между разными политическими партиями, именуются ли они социалистическими или нет: все партии составляют реакционную массу, и конгресс считает своим долгом бороться против них всех.

Это заявление при самом горячем желании невозможно увязать с резолюцией о солидарности со всяким революционным движением и его безусловной поддержке, только что принятой тем же конгрессом.

Конгресс обсуждал вопрос о договоре солидарности между различными социалистическими рабочими организациями и признал нецелесообразной подобную акцию. Это решение знаменовало окончательную изоляцию анархистского объединения от растущего массового социалистического движения европейского пролетариата. Конгресс решил созвать очередной съезд в Швейцарии и на этом закончил свою работу. Принятая резолюция не была выполнена: конгресс в Вербье оказался последним.

В антиавторитарный Интернационал наряду с анархистами Испании, Италии, Швейцарии входили прудонисты Бельгии и Голландии, тред-юнионистские элементы Англии, немецкие лассальянцы. Главным связующим звеном, до известной степени платформой объединения, была вражда к марксизму, который все более и более укреплялся в рабочем движении Европы, вытесняя мелкобуржуазные и реформистские направления. Однако в этом беспринципном объединении не было единой платформы, не говоря уже о программе. Нет ничего случайного в том, что ни один из конгрессов так называемого «анархистского интернационала» не смог принять решения по принципиальным вопросам. Постоянно углублявшиеся разногласия превращали объединение в аморфную, беспомощную массу, не способную оказать сколько-нибудь серьезного влияния на прогрессирующее рабочее движение. История анархистского объединения лишней раз подтвердила полную неспособность анархистов создать массовую организацию.

Рост рабочего и социалистического движения усиливал потребность в укреплении международного единства. Ряд деятелей социалистических организаций поставили вопрос о целесообразности восстановления Интер-

национала. Однако рабочее движение 70-х годов еще не подошло к созданию международного объединения на революционной платформе. Это наглядно подтвердил международный конгресс социалистов, состоявшийся в 1877 г. в Генте⁷⁷.

На конгресс, инициаторами которого выступили бельгийские социалисты, собрались 42 делегата. Наиболее представительной была делегация Бельгии — 24 делегата. С самого начала делегаты отчетливо разделились на две группы. Меньшинство из 11 человек составляли анархисты — в их числе Брусс, Гильом, Коста, Мораго, Сориано, Кропоткин. Среди делегатов большинства (социалистов — сторонников политической борьбы) были Либкнехт, Грейлих, Франкель, Де Пап, Бертран.

В центре внимания конгресса опять оказалась проблема политической борьбы. Она возникла в ходе дебатов по вопросу об отношении пролетариата к различным политическим партиям. Гильом в резкой форме атаковал германскую социал-демократию, утверждая, что во время выборов в рейхстаг она не только не представляла социалистическую программу, но тщательно скрывала ее. В. Либкнехт с возмущением назвал обвинения ложными. Гильом огласил речь Моста на последнем съезде германской социал-демократии. Иоганн Мост в это время был еще в рядах партии, но его анархистские ошибки проявлялись все более и более отчетливо и вскоре привели его в лагерь анархизма. Либкнехт, оказавшись в трудном положении, ограничился возражением, что речь Моста неточно изложена в газете. В процессе острой дискуссии анархисты энергично отстаивали свою старую позицию воздержания от политической деятельности. Хотя некоторые из них и говорили о необходимости и желательности бороться против господствующих классов всеми средствами — от парламентской трибуны до баррикад, проект анархистской резолюции был выдержан в духе политического нигилизма.

⁷⁷ См. Ю. М. Стеклов. Интернационал, ч. II. М., 1921, стр. 388—396; Х. Лурье. Между Первым и Вторым Интернационалом. М., 1928; «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 110—112; «Compte-rendu des seances du Congrès socialiste tenu à Gand 9—16 septembre 1877». S. l., s. d.; Bulletin de la Federation jurassienne, 23.IX 1877. J. Guillaume. Op. cit., vol. 4. Paris, 1910, p. 265—280.

Он гласил: «Мы считаем своим долгом бороться со всеми политическими партиями, называют ли они себя социалистическими или нет, надеясь, что рабочие, идущие в рядах этих партий, наученные опытом, откроют глаза и оставят путь политики для того, чтобы вступить на путь противогосударственного социализма»⁷⁸. Резолюция почти текстуально совпадала с решением анархистского конгресса в Вервье. Однако на этот раз соотношение сил оказалось иным: проект был отвергнут подавляющим большинством голосов.

Конгресс принял резолюцию Кунена — Бертрана, гласившую:

«Принимая во внимание, что социальная эмансипация неотделима от политической, конгресс заявляет, что рабочий класс, организованный в самостоятельную партию, противостоящую всем партиям имущих классов, должен использовать все политические средства, способствующие его социальной эмансипации»⁷⁹.

Принятие данного документа означало серьезное поражение анархистов, оказавшихся, как писал Ф. Энгельс, «в незначительном меньшинстве лицом к лицу с делегатами объединенной и единодушной великой организации европейского рабочего класса. Конгресс, энергично отвергнув их смехотворные доктрины и высокомерные притязания и установив тот факт, что он отверг всего лишь маленькую секту, проявил к ним под конец великодушную терпимость»⁸⁰.

Это решение свидетельствовало также о невозможности блока, тем более объединения, столь противоположных течений, как анархизм и социал-демократия. Поэтому в ходе дебатов по вопросу о заключении договора солидарности между различными рабочими и социалистическими организациями как социал-демократы, так и анархисты констатировали невозможность подобной акции. Конгресс отверг договор солидарности, но признал необходимым взаимное уважение в отношениях между различными организациями⁸¹.

⁷⁸ Ю. Стеклов. Интернационал, стр. 392.

⁷⁹ Там же, стр. 392.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 132.

⁸¹ Это было сделано по настояниям Де Папа и Либкнехта, которые высказались за взаимную помощь, за прекращение резкой полемики, за право каждой стороны свободно излагать свои взгляды.

В дни работы конгресса социал-демократические делегаты создали свое собственное совещание, на котором приняли решение о взаимной материальной и моральной поддержке по всем линиям, которую должны оказывать друг другу все социалистические организации. Было учреждено Федеральное бюро, на которое возложили обязанность созвать международный конгресс социалистов. Это был шаг к организации социалистического Интернационала, оказавшийся, однако, преждевременным. Участники совещания формулировали платформу предполагаемой ассоциации: организация пролетарской партии, признание политической борьбы средством освобождения пролетариата, интернациональная солидарность пролетарских организаций.

Ф. Энгельс положительно оценил итоги Гентского конгресса. «... После четырехлетней внутренней борьбы,— писал он,— было полностью восстановлено единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями. Снова была теперь восстановлена почва, на которой рабочие различных европейских стран могут опять решительно действовать вместе, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет главную силу движения»⁸².

Совершенно иначе был вынужден оценить итоги конгресса один из лидеров анархизма, Поль Брусс.

В работе «Марксизм в Интернационале» он писал, что попытки анархистов «втиснуть» Интернационал в рамки своей доктрины потерпели неудачу. Анархисты оказались бессильны, их «Интернационал» прекратил свое существование⁸³.

В это же время от активной политической деятельности отходят многие видные деятели анархизма. 1 мая 1878 г. Гильом оставил Швейцарию и поселился в Париже. Долгое время он не принимал никакого участия в политической жизни: занимался историей Великой французской революции, особенно историей народного образования в эту эпоху. В начале XX в. он вернулся к полити-

ды, за развитие контактов ради предотвращения окончательного раскола социалистического движения на два враждебных лагеря.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 132.

⁸³ См. Ю. М. Стеклов. Интернационал, стр. 395—396.

ческой деятельности активным корреспондентом анархо-синдикалистских изданий. В 1905—1910 гг. работал над четырехтомной историей Интернационала. Во время мировой войны занял социал-шовинистскую позицию⁸⁴.

В 1879 г. от анархизма отошел П. Брусс. В этом году он вступил в Рабочую партию, внутри которой вел борьбу против марксистского направления, возглавляемого Ж. Гедом и П. Лафаргом. В 1882 г. вместе с Бенуа Маллоном возглавил фракцию POSSИБИЛИСТОВ. В начале XX в. был членом Социалистической партии Франции, но его роль в движении была весьма незначительна.

Коста столь активно включился в политическую деятельность, что стал депутатом итальянского парламента от социалистической партии, заняв место на ее правом фланге. Кафьеро вскоре умер.

Знамени правоверного бакунизма остались верны А. Швицгебель и Элизе Реклю, к ним вскоре присоединился П. Кропоткин, ставший на некоторое время лидером и идеологом анархистского движения. К анархистам присоединился немецкий социал-демократ Иоганн Мост⁸⁵. Он выступил одним из наиболее энергичных инициаторов «восстановления Интернационала», которое

⁸⁴ См. В. М. Далин. Бакунист в двадцатом столетии (Джемс Гильом и французский синдикализм).— «Французский ежегодник. 1971». М., 1973, стр. 158—188.

⁸⁵ Преследование социал-демократии в период исключительного закона (1878—1890) вызвало уродливую форму протеста в виде ультралевого течения, лидером которого оказался Мост, издававший в Лондоне газету «Фрейхайт». Странники Моста призывали к террору, к отказу от участия в выборах в рейхстаг, от использования его трибуны для агитации, к отказу от всякой политической деятельности в рамках исключительного закона. На страницах «Фрейхайт» помещались материалы, содержащие шумную брань в адрес монархов и реакционеров, публиковались рецепты для изготовления бомб и взрывчатых веществ. Отстаивая политику террора, Мост называл ее «пропагандой действием», призванной заменить парламентскую болтовню». А. Бебель писал, что Мост «жил в настоящем кровавом угаре, натравливая на покушения, а если где-нибудь его сторонники совершали террористический акт, писал ликующие статьи и прославлял террориста как благодетеля человечества» (А. Бебель. Из моей жизни. М., 1963, стр. 625). В редакцию «Фрейхайт» и в состав ее корреспондентов проникли полицейские шпионы, которые еще больше усугубили вред, наносимый рабочему движению этой газетой. Характеризуя газету, Маркс писал, что в ней «нет никакого революционного содержания, а только одни революционные фразы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 325).

должно было произойти на международном конгрессе «социалистов-революционеров», как стали называть себя анархисты. Кроме Моста и его газеты энергичную агитацию за конгресс вел П. Кропоткин на страницах «Револьте» («Мятежник»).

Немного рабочих организаций присоединилось к этой затее, зато к ней самым энергичным образом подключилась политическая полиция. По поручению парижского префекта полиции Андрие некий «гражданин Серро» основал в Париже газету «Револьюсьон сосиаль», на страницах которой публиковались провокационные призывы. Тайная полиция нашла путь в анархистские организации⁸⁶.

14—20 июля 1881 г. в Лондоне состоялся съезд анархистов. В нем участвовали представители анархистских групп и кружков Англии, Германии, Франции, Бельгии, Испании, Италии, Голландии, Швейцарии, США, Египта, Сербии, Турции, Мексики, России.

Реальной силой была лишь Испанская федерация; остальные делегаты представляли небольшие анархистские кружки, не имевшие влияния в рабочем классе. Конгресс вновь подтвердил главный тезис анархизма — отказ от политической борьбы. Участие в политическом движении, по его мнению, может лишь повредить делу социализма; особую опасность представляет установление буржуазной республики, которое на много десятилетий отодвинет социальную революцию.

Гибкая, продуманная тактика Международного Товарищества Рабочих, разработанная в строгом соответствии с основными посылками диалектического материализма, подменялась набором бессодержательных, псевдореволюционных фраз и призывов, лишенных как смысла, так и объективной, материальной основы. Конгресс принял резолюцию, в которой указывал на близость «всеобщего переворота», и призвал все организации «напрячь все силы для пропаганды действием революционных идей и бунтарского духа» среди народных масс. Анархисты решительно отвергли всякую легальную деятельность, призывая сосредоточить все внимание и все усилия на пропаганде действием, исходя из того, «что

⁸⁶ См. Ю. Стеклов. Политическая полиция и провокация во Франции. Пг., 1923, стр. 40 и др.; Жак Дюкло. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975, стр. 289 и др.

простейший акт, направленный против существующих учреждений, яснее говорит массам, чем тысячи экземпляров печатных произведений и потоки речей, и что в деревне пропаганда действием имеет больше значения, чем в городе»⁸⁷.

~ Резолюция кончалась призывом приобретать и применять «технические и химические знания», которые «уже оказали услугу делу революции и обещают в будущем оказать ему еще больше услуг». Участники конгресса заявляли, что они восстановили Международное Товарищество Рабочих. В действительности анархисты не могли выйти из состояния секты и основать сколько-нибудь прочную революционную организацию, да еще интернационального характера.

После Лондонского конгресса анархистам удалось созвать ряд конференций: в 1889 г. в Париже, в 1893 г. в Чикаго и Цюрихе, в 1896 в Лондоне, а в 1907 г. в Амстердаме состоялся их конгресс, но эти сборища лишь подтвердили простую истину — анархизм выродился в систему индивидуальных насильственных актов, враждебных не только и даже не столько буржуазным правительствам, сколько массовому рабочему и социалистическому движению.

⁸⁷ Ю. Стеклов. Интернационал, стр. 408.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Кто писал о Бакунине? Труднее ответить на вопрос, кто не писал. Писали о Бакунине К. Маркс и Ф. Энгельс, В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, Ф. Меринг и П. Лафарг, Э. Бернштейн и Б. Малон, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. Писали о нем А. Блок и Ф. М. Достоевский, А. И. Тургенев и К. Федин.

Трудно назвать другую фигуру в революционном движении прошлого столетия, которая привлекла бы столь пристальное внимание писателей, политических деятелей, исследователей самых различных направлений. Вероятно, мы не ошибемся, если скажем: ни один политический деятель не прошел сквозь столь разнообразную гамму оценок, как Михаил Александрович Бакунин — несомненно крупнейший деятель анархистского движения. Ему поклонялись «непримиримые» испанских баррикад, итальянские повстанцы и заговорщики, русские нигилисты и первые социалисты Японии. С уважением отзывались о нем российские императоры Николай I и его сын Александр II. «Все в нем было необыкновенное...» — писал великий немецкий композитор Рихард Вагнер.

Русским шпионом называл Бакунина член Союза коммунистов доктор Г. Эвербек на страницах «Новой Рейнской газеты». С негодованием и страстью опровергала эти слухи выдающаяся писательница Франции Жорж Занд.

Сорок лет спустя после смерти Бакунина в Юрской Швейцарии можно было встретить стариков ремесленников, которые без слез не могли произносить имя своего кумира Мишеля. Зато Мозес Гесс и Сигизмунд Боркгейм расценивали деятельность Бакунина как пособничество русскому царизму.

А вот некоторые свидетельства его друзей, анархистов. «Написать сто слов о Бакуине — примерно то же самое, что попытка вычерпать ведром мировой океан. Жизнь Бакуина настолько богата, что не знаешь, с каких фраз начать, чтобы выразить свои мысли об этом полном чудес человеке»¹, — писала Эмма Гольдман из Лондона. «Чем больше я изучаю Бакуина, — утверждал Александр Беркман, — тем больше ощущаю великую революционную ясность и глубину его социального понимания. Я верю, что он и сейчас в наших рядах... жив его дух, живы его призывы к действию.

Бакуин представляет собой редкое сочетание философского духа и революционной инициативы, которые давали ему правильное и основательное суждение...»²

Американский поклонник Бакуина Гарри Келли писал, что его кумир был «мессией для мыслящей Америки и для каждого, кто где-либо мыслит... Хотя Америка и далека от сферы деятельности Бакуина, его идеи и здесь привлекают внимание рабочего класса»³, — утверждал он.

Нелегко найти новые восторженные эпитеты, которыми не наградили бы Бакуина его последователи — анархисты.

Противоположные оценки этой личности мы найдем в работе Ем. Ярославского «Анархизм в России». Вот некоторые из них. «Бакуин был буржуазным националистом, шовинистом в период революции 1848 г. и значительно позже, а антисемитом... он оставался всю жизнь»⁴; «он сохранил еще черты крепостника-помещика»⁵.

«Итак, Бакуин принадлежал к тому кругу «кающихся дворян», которые считали, что они должны исправить грехи своих отцов-эксплуататоров по отношению к народу. Поэтому он посвятил себя революции. Но такой «кающийся дворянин» очень часто сохранял барское отношение к очень многим явлениям социальной жизни»⁶.

¹ Unser Bakunin. Illustriertes Arbeiterblatt. Zur Erinnerung an den 50 Todestag von Michael Bakunin. Berlin, 1926, S. 2.

² Ibidem.

³ Ibid., S. 3.

⁴ Ем. Ярославский. Анархизм в России. М., 1939, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ Там же, стр. 19.

Диапазон оценок Бакунина, как видим, весьма широк и разнообразен. Жизнь и деятельность Бакунина, в особенности противоречивость его поступков, а иной раз и всей линии поведения, с давних пор вызывали споры и самые различные попытки объяснения и происхождения их. Л. Гроссман писал, что Бакунин прошел среди своих современников «великой загадкой... изумляя, возмущая и восхищая их своей непонятной гигантской и чудовищной духовной организацией».

С самых разных позиций пытаются разгадать «великую загадку» исследователи, предлагая иной раз самые неожиданные решения. Так, автор книги «Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина» И. Малинин полагает целесообразным «посмотреть на всю эту разнообразную и яркую жизнь как на огромную совокупность симптомов, которые все, быть может, обозначают... простое повреждение психической структурной цельности»⁷. Автор утверждает, что революционно-бунтарские настроения рождались у Бакунина на болезненной почве, на почве душевной травмы, которую психиатры именуют «комплекс Эдипа», его деятельность побуждалась бессознательными импульсами, а не активностью разума⁸.

Дискуссия о личности Бакунина, характере и значении его деятельности и его идей шла при его жизни, она не прекратилась с его смертью.

Русская студентка Е. Ель, находившаяся в Швейцарии в день смерти Бакунина, в своих воспоминаниях писала, что разговоры о нем шли уже в этот день: «Как только мы уселись, один из швейцарцев торжественно произнес: «Сегодня великого Бакунина не стало». И меня, знавшую, как швейцарцы всегда бранили Бакунина, удивило, что на этот раз никто не стал спорить, все как бы согласилось с тем, что Бакунин представлял из себя великую силу. И один за другим сообщали друг другу случаи, когда им довелось видеть знаменитого Бакунина»⁹.

1 (13) июля 1876 г. орган русских революционных эмигрантов «Вперед!», выходящий под редакцией

⁷ И. Малинин. Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. Белград, 1934, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 34.

⁹ Е. Ель. Бакунин в Швейцарии.— «Северный вестник», 1898, № 4, стр. 180.

П. Л. Лаврова, опубликовал некролог, в котором личность Бакунина оценивалась как «одна из самых крупных сил в рядах русского и всемирного рабочего социализма»¹⁰.

Газета базельских демократов «Форвертс» назвала Бакунина «гигантом духа» и утверждала: если бы он поступил на государственную службу, то без сомнения достиг бы в «своем отечестве столь же высокого положения, какое Бисмарк занимает в Германии», а если бы он остался в армии, то сделался бы «русским Мольтке... Он пребудет в истории подобием старой гигантской сосны, которая наперекор бурям выситя на вершине скалы, поражаемой молниями»¹¹. Социал-демократические газеты утверждали, что его деятельность принесла революционному движению только вред и была на руку реакции.

Некоторые деятели рабочего движения в связи со смертью Бакунина высказывали пожелания о прекращении внутренней борьбы в социалистическом движении и примирении враждующих фракций. Это явно нереальное пожелание вызвало резкое осуждение со стороны К. Маркса¹². Ближайшее будущее показало, что Маркс был глубоко прав.

Анархизм был вызван к жизни объективными социально-экономическими и политическими факторами, которые не исчезли после похорон Бакунина. Борьба марксизма против анархизма в рабочем движении продолжалась. Данное обстоятельство в значительной степени предопределило идейное противоборство между представителями марксистской историографии и политической мысли, с одной стороны, и враждебными научному коммунизму направлениями — с другой. Эта борьба не прекратилась и поныне. Более того, в наше время она еще больше обострилась. Буржуазные идеологи прилагали и прилагают огромные усилия, чтобы извратить историческую роль первой массовой международной организации пролетариата. Анархистствующие секты, неотроцкистские фразеры, фальсифицируя историю I Интернационала, пытаются рассматривать его как своего предшественника. Правые социалисты, реформисты различных направлений провозглашают себя наследниками

¹⁰ «Вперед!», 13.VII 1876.

¹¹ «Vorwärts», 5.VIII 1876.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 19.

Международного Товарищества Рабочих и стремятся выдать свою изменническую политику за продолжение великих традиций Товарищества. Извращая историю I Интернационала, буржуазные фальсификаторы охотно и много пишут об «устарелости» марксизма в современных условиях, о превращении современного капитализма в строй «всеобщего благоденствия» без классов и классовой борьбы, об утере пролетариатом его былой революционности.

Наиболее крайние реакционеры пытаются представить марксизм как некую вредную секту, приверженцы которой строят свою программу и деятельность на основе зависти и эгоизма. Глава ФБР Э. Гувер клеветнически заявлял, что Маркс, будучи по натуре диктатором, организовал «зловредный заговор для захвата власти»¹³.

Другие реакционные авторы изображают Маркса и Энгельса то в виде преемников «конspirаторов» и «заговорщиков» первой половины XIX в., исчезнувших в результате роста рабочего движения¹⁴, то в виде организаторов всемирного «коммунистического заговора», который будто бы осуществили русские большевики¹⁵.

Столь примитивные «построения» не всегда и не в полной мере удовлетворяют империалистическую буржуазию даже в лице ее наиболее реакционных представителей. Поэтому буржуазная наука занята поисками новых аргументов и доводов для «опровержения» марксизма.

Многие буржуазные социологи отдают марксизму «должное» — признают его достижением западной цивилизации, но уверяют, что теория научного коммунизма «устарела» и в наши дни полностью себя исчерпала. Это тоже не ново. Еще в 1909 г. видный идеолог социал-либерализма В. Зомбарт писал: «Маркс теоретически и практически преодолен. Он исчерпал свою миссию»¹⁶. Ч. У. Миллс в книге «Марксисты» характеризовал Маркса как великого ученого, а марксизм как

¹³ J. E. Hoover. *Masters of Deceit. The Story of Communism in America*. London, 1958, p. 13, 17, 23, 330.

¹⁴ G. Almond. *The Appeals of Communism*. Princeton, 1954, p. 17.

¹⁵ S. Possony. *Gentury of Conflict. Communist Techniques of World Revolution*. Chicago, 1953.

¹⁶ W. Sombart. *Das Lebenswerk von Karl Marx*. Jena, 1909, S. 1.

учение, впитавшее в себя все ценное, что было в либерализме. «Марксизм был и остается теоретическим компасом в политике»¹⁷, что же касается буржуазной социологии — либерализма, то он «стал не столько идеологией, сколько пустой риторикой»¹⁸. Одновременно Миллс ставит под сомнение Марксову теорию классово-вой борьбы, утверждая, что хотя в целом она и верна, но современный капитализм научился ее регулировать и вводить в «спокойное» русло. Миллс старается подвести читателя к мысли, что Маркс не мог предвидеть существенных изменений капиталистической формации, а современные последователи Маркса — коммунисты — не хотят согласиться с тем, что «новый» капитализм, капитализм XX в., якобы коренным образом отличается от старого капитализма. Эту же точку зрения, только более прямолинейно, отстаивает известный западно-германский социолог Р. Дарендорф¹⁹, который пытается доказать, что концепция Маркса о революционной перестройке общества не выдержала проверки временем, ибо на смену революциям в современном индустриальном обществе приходят «структурные социальные изменения», а место классовой борьбы занимают локальные конфликты.

Правые социалисты пытаются представить К. Маркса и Ф. Энгельса последователями американских и французских буржуазных революционеров XVIII в. Из этого «тезиса» делается вывод, будто великие пролетарские революционеры были противниками диктатуры пролетариата и поборниками буржуазной демократии, «улучшенной с помощью социальных реформ»²⁰. Эти взгляды разделяет Анри Лефевр, труды которого широко распространены на Западе.

Стремясь «переписать» историю рабочего движения, буржуазные исследователи пытаются доказать, что борьба пролетариата против капитализма будто бы носит революционный характер только в период становле-

¹⁷ Ch. W. Mills. The Marxists. New York, 1963, p. 151.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ R. Darendorf. Marx in Perspektive. Das Idee des Gerechten im Denken von Karl Marx. Hannover, 1963; *idem*. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957 (см. рецензию: Л. Андреев. Социальное знахарство.— «Коммунист», 1966, № 16).

²⁰ «Socialist International Information», 8.X 1955.

ния буржуазного общества; в эпоху промышленного переворота, а затем «протест (против капитализма. — М. М.) постепенно сходит на нет». Эта идея является центральной в книге Эдема Юлэма «Неоконченная революция»²¹. Автор утверждает, что марксизм переживал пору своего расцвета в XIX в. по той причине, что Маркс удачно использовал идеи луддитов, перенеся ненависть рабочих к машинам на их хозяев-капиталистов.

Апологеты современного империализма постоянно выдвигают новые, иной раз совершенно неожиданные доводы для «опровержения» научного коммунизма. Некоторые из них ищут истоки марксизма в религиозно-христианской догматике. В частности, западногерманский социолог М. Ланге писал, что «марксистское утверждение об исторической роли пролетариата навеяно христианскими представлениями о страшном суде»²². Правый социолог Ю. Браунваль, занимавший пост секретаря Социалистического интернационала, утверждал, будто марксизм содержит «подтверждение средневековой христианской концепции общности человечества»²³.

Реакционные социологи до такой степени усердствуют в искажении научного коммунизма, что даже отдельные представители империалистической реакции вынуждены обратить внимание на это обстоятельство. Гарри Шварц в предисловии к сборнику «Маркс против России» писал: «Любой человек, даже мало-мальски изучивший марксизм, должен содрогнуться при виде того потока непонимания и искажения этого учения, который хлынул в нашей национальной жизни»²⁴.

Буржуазные ученые вынуждены признать огромное воздействие теории Маркса на идейную и общественно-политическую жизнь нашего времени. «Чтобы быть хорошим историком, — писал А. Роуз в книге «Польза истории», — необходимо хотя бы отчасти быть марксистом»²⁵.

Жан Поль Сартр в работе «Экзистенциализм и марксизм» пришел к выводу: «Марксизм — закономерная

²¹ A. Ulam. The Infinished Revolution. An Essay on Sources of Influence of Marxism and Communism. New York, 1960, p. 16.

²² M. Lange. Marxismus-Leninismus. Stuttgart, 1967, S. 42.

²³ «Socialist International Information», 7.VII 1954.

²⁴ «Marx vs. Russia». New York, 1960, p.

²⁵ A. L. Rowes. The Use of History. London, 1946, p. 136.

философия нашего времени, ныне не век Декарта и Локка, не век Канта и Гегеля, а век Маркса»²⁶.

Идейная борьба по вопросам истории раннего этапа рабочего движения, связанного с именами К. Маркса и Ф. Энгельса, с их деятельностью в рабочем движении, борьба по вопросам теории и практики марксизма нашла свое отражение в исследованиях по истории I Интернационала и проблеме борьбы марксизма против бакунизма.

* * *

Многогранный научный анализ истории Интернационала и в частности процесса борьбы марксизма против бакунизма в эту эпоху содержится в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Специальной работы по истории Товарищества, которая освещала бы проблему в целом, ими написано не было, хотя Ф. Энгельс намеревался это сделать. В письме Лауре Лафарг, датированном 12 ноября 1894 г., он писал: «... я завален срочной работой, которую надо завершить еще раньше, чем я примусь за то, что должен сделать: историю участия Мавра в *Интернационале*»²⁷. В этом же письме Энгельс просил прислать ему номер анархистского журнала «Социалист», в котором было опубликовано письмо М. Бакунина о Гаагском конгрессе²⁸.

Хотя обстоятельства не позволили Ф. Энгельсу осуществить его намерение, труды классиков марксизма служат основным источником для изучения как истории и деятельности I Интернационала, так и вопроса о борьбе марксизма против бакунизма в эти, как и другие, годы. Во-первых, это документы, в которых содержится характеристика объективных социально-экономических и политических предпосылок создания международной организации пролетариата, дана оценка уровня и специфических черт рабочего движения в целом и в отдельных странах и регионах, раскрыт характер объединения как ведущей организации рабочего класса, боевого штаба его освободительной борьбы, «организации, которая во всяком случае знаменует собой эпоху в рабочем дви-

²⁶ J. P. Sartre. *Existentialisme et marxisme*. Paris, 1962, p. 105.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 262.

²⁸ См. там же.

жении»²⁹. В этих трудах развита и обоснована важнейшая идея научного коммунизма о взаимодействии и взаимовлиянии общественных процессов рабочего движения и революционной теории, об их неразрывной связи и обусловленности³⁰.

Вторую группу составляют документы, содержащие оценку деятельности Интернационала после Парижской Коммуны. В них дана характеристика обстановки, сложившейся в Европе в начале 70-х годов XIX в., показана атмосфера политической реакции, которая не смогла, однако, воспрепятствовать росту влияния Товарищества. Документы содержат оценку деятельности Интернационала как массовой рабочей организации, созданной самими рабочими, порожденной развитием противоречий буржуазного общества; в них подведены итоги — хотя и не окончательные — деятельности Международного Товарищества Рабочих, показано, что главной его заслугой было внедрение в массовое рабочее движение идеи о необходимости вести политическую борьбу и добиваться завоевания политической власти.

Третья группа документов освещает борьбу Маркса и Энгельса и их соратников против бакунизма и его объективных союзников — английских либеральных тредюнионистов, немецких лассальянцев, бланкистов³¹. Эти документы раскрывают несостоятельность анархистских концепций и их вредную роль в международном рабочем движении. В них разоблачена раскольническая деятельность бакунистов в национальных организациях Интернационала. Труды Маркса и Энгельса содержат глубокий анализ причин и сущности разногласий в международном рабочем движении. Основоположники научного коммунизма показали, что борьба внутри Товарищества являлась отнюдь не результатом случайных и личных столкновений, а проявлением различных тенденций в рабочем движении, обусловленных различным уровнем его развития в разных странах, и другими объективными факторами.

Главный смысл деятельности Интернационала Маркс и Энгельс видели в преодолении сектантских течений,

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 382.

³⁰ См. там же, стр. 331—336.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 546, 327—452.

отражавших раннюю стадию рабочего движения, либо уже отжившую, либо отживающую, во внедрении научных принципов в движение пролетарских масс и объединении усилий различных отрядов рабочего класса на основе этих принципов.

Четвертая группа документов основоположников научного коммунизма посвящена критике антимарксистских направлений в литературе об Интернационале — реформистского, буржуазного, анархистского, в борьбе против которых складывалась и развивалась марксистская историография³².

Наконец, важным источником являются письма Маркса и Энгельса. Они содержат богатейший материал по истории классовой борьбы пролетариата и основных направлений деятельности Интернационала. Великие основоположники научного коммунизма обсуждали в своей переписке широкий круг самых важных, сложных и актуальных вопросов, возникавших перед рабочим движением в ту бурную, богатую событиями эпоху. Мы заимствовали из писем не только отправные положения методологического характера, но и фактический материал.

Линию Маркса и Энгельса в оценке и в борьбе против бакунизма продолжал В. И. Ленин. Однако он вел ее в соответствии с новыми условиями, новыми противниками и новыми потребностями классовой борьбы. В. И. Ленин критиковал более широкое понятие анархизма и весьма редко его бакунинскую разновидность.

Внимание В. И. Ленина к проблемам бакунизма определялось влиянием этого направления в русском революционном движении прошлого века. В 70-х годах бакунизм оказывал определяющее воздействие на революционное народничество.

Бакунистская разновидность анархизма имела в России широкую социальную основу в лице миллионов масс крестьянства, страдавшего больше от крепостничества, чем от капитализма. Антигосударственная проповедь Бакунина звучала как призыв к уничтожению самодержавия и его неперемennых атрибутов — полиции, жандармерии, армии, чиновничества. Легальная

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 151—156.

политическая деятельность в рамках существующего строя, которая могла быть в лучшем случае проявлением либеральной оппозиции, решительно отвергалась революционно-демократической, разночинной молодежью. Она стремилась к «делу» и видела свою программу действий в бакунинской иллюзии постоянной готовности народа к восстанию. Бакунинский призыв двинуться в народ несомненно стал фактором, революционизировавшим юных штурманов будущей бури — как называл их А. И. Герцен³³.

К началу политической деятельности В. И. Ленина влияние бакунизма в России было ничтожным, но анархизм сохранял некоторые позиции как в русском, так и в международном рабочем движении. Поэтому среди трудов В. И. Ленина мы не найдем работ, специально посвященных бакунизму, все написанное им о М. А. Бакунине тесно связано с общими суждениями о русском и международном анархизме. К проблемам анархизма В. И. Ленин в своих трудах обращался многократно.

В 1901 г. в тезисах «Анархизм и социализм» В. И. Ленин отмечал, что за весь период своего существования анархизм «не дал ничего кроме общих фраз об эксплуатации». Эти фразы в ходу свыше 2 тыс. лет. Анархистской концепции недостает понимания 1) причин эксплуатации; 2) развития общества, ведущего к социализму; 3) классовой борьбы как творческой силы осуществления социализма.

Анархистская теория не содержит ни анализа частной собственности, как основы товарного производства, ни общественной собственности на средства производства. Основу анархизма составляет, указывал Ленин, «вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм», выражающийся в защите мелкой собственности, отрицании подчинения меньшинства большинству, отрицании власти.

Господство анархизма в рабочем движении романских стран привело к расколу рабочего класса, к провалу бакунистских и прудонистских экспериментов в революционном движении, к подчинению рабочего клас-

³³ Подробнее см. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1963, стр. 51, 53 и др.

са буржуазной политике под видом отрицания политики; анархизм не создал никакой революционной доктрины, теории, учения³⁴.

Эти идеи В. И. Ленин развил в статье «Социализм и анархизм», опубликованной в газете «Новая жизнь» 25 ноября 1905 г.³⁵

В указанной работе В. И. Ленин приветствовал решение Петербургского исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, отклонившего просьбу анархистов о допущении их представителя в Исполнительный комитет. Ленин назвал это решение «в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное и принципиальное и практически-политическое значение»³⁶. Аргументируя свой тезис, он писал, что между социализмом и анархизмом «лежит целая пропасть». Анархистская тактика отрицания политической борьбы превращает пролетариев в пассивных участников буржуазной политики. Взгляды анархистов выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда, а его настоящее, даже прошлое: «господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем»³⁷.

В работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В. И. Ленин писал, что великим достижением революционного движения в России является освобождение «от иллюзий анархизма и народнического социализма». В. И. Ленин перечисляет эти «иллюзии»: пренебрежение к политике, вера в самобытное развитие России, убеждение в готовности народа к революции, теория захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции. Эти черты, свойственные всему народничеству 70-х годов, особенно пренебрежение к политике и убеждение в готовности народа к революции, составляли важнейшие элементы бакунистской концепции³⁸.

Выдающееся значение для исследования проблемы борьбы марксизма против бакунизма имеет ленинский анализ разногласий Маркса с Бакуниным по вопросу

³⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 377—378.

³⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 129—132.

³⁶ Там же, стр. 129.

³⁷ Там же, стр. 131.

³⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 71—72.

оценки характера эпохи, наступившей после Коммуны. В работе «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин писал: «...после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистическими прибылями рабочий класс Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* перехода к началу социальной революции»³⁹.

Так в нескольких словах В. И. Ленин с предельной четкостью и ясностью формулирует существо тактики марксистов и анархистов в революционной борьбе последней трети XIX в., которое определяет их различный подход к социально-политическим движениям, к отдельным революционным акциям того времени.

Одной из важнейших линий, разделявших анархизм и социализм, бакунизм и марксизм, было отношение к государству. Буржуазно-либеральная и анархистская историография с одинаковой степенью усердия стремилась доказать, что марксистская формула отмирания государства и анархистский лозунг его ликвидации в конечном итоге якобы тождественны, отрицая таким образом главное в марксизме — учение о диктатуре пролетариата.

Социал-демократы, в частности К. Каутский, утверждали, что «противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить»⁴⁰. В определении Каутского отсутствуют по меньшей мере две кардинальные, принципиальные идеи марксизма. Во-первых, исчезает марксистский вывод о сломе государственного аппарата, о разрушении государственной машины, во-вторых, ровно ничего не

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 181.

⁴⁰ К. Kautsky. Die neue Taktik.—«Neue Zeit», 1912, 30 Jg., Hb 2, S. 724

сказано о социалистической революции как единственном средстве завоевания власти рабочим классом. Эта фигура умолчания оставляет возможность толковать «завоевание власти» как простое приобретение большинства в парламенте.

По этой причине социал-демократы, в том числе и К. Каутский, «не заметили», что тезис Ф. Энгельса — «Государство не «отменяется», оно отмирает» — был направлен не только против анархизма, но и против оппортунизма, а именно против фразы про «свободное народное государство», имеющей агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельной⁴¹.

Показав, что различие между социал-демократами и анархистами определено у Каутского совершенно неверно, «марксизм искажен и опошлен окончательно», В. И. Ленин формулировал свою научную точку зрения следующим образом: «Различие между марксистами и анархистами состоит в том, — писал он, — что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»⁴².

В. И. Ленин подчеркивал наличие некоторого сходства марксизма и анархизма (в том числе и бакунизма)

⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 292.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 112—113.

в вопросе о государстве, в частности о судьбе буржуазной государственной машины: как те, так и другие выступали за ее слом, за «разбитие».

Рассматривая бакунизм как одну из разновидностей мелкобуржуазного, утопического домарковского социализма, В. И. Ленин постоянно и настойчиво указывал на грани, отделяющие домарксистские общественные теории от марксизма. Ленин акцентировал внимание на необходимости четкого и ясного теоретического размежевания с мелкобуржуазным социализмом, принципиальной идейной борьбы с мелкобуржуазным революционаризмом, критики социальных утопий и ошибочных воззрений на ход исторического процесса и пути развития России.

В то же время В. И. Ленин с большим уважением относился к русским мыслителям и политическим деятелям, которые в трудных условиях самодержавной России искали пути освобождения страны от крепостничества и царизма. Он писал, что марксизм как единственную правильную революционную теорию Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы.

Ленин требовал изучения всех общественных движений и социальных теорий на основе строгого соблюдения принципа историзма, воссоздания правдивой, объективной и многогранной картины борьбы различных течений, тенденций, направлений, исканий.

Изучением истории борьбы против бакунизма в годы I Интернационала много занимался Г. В. Плеханов. Его труды — «Наши разногласия», «Анархизм и социализм», «Карл Маркс», «Социализм и политическая борьба» — содержат научный анализ анархистского мировоззрения. Из этого анализа делается вывод о неизбежности борьбы марксизма против бакунистской разновидности анархизма в I Интернационале, а сама борьба рассматривается как столкновение научного коммунизма с утопическим мировоззрением. Практическая деятельность М. А. Бакунина в Интернационале совершенно справедливо расценивается как вредная для международной организации и рабочего движения. Несомненной заслугой Г. В. Плеханова является критика анархистских, буржуазных, а кос-

венно правосоциалистических историков, которые упорно стремились представить конфликт в Товариществе как результат столкновения двух лидеров организации. Плеханов опроверг утверждение анархистских идеологов, будто Бакунин представлял крайнее революционное направление, а Маркс более умеренное. «Маркс и старался поставить — с помощью Интернационала — действительную боевую организацию рабочего класса на место социалистических и полусоциалистических сект. Деятельность же Бакунина явилась препятствием на пути этой единственной революционной цели того времени»⁴³.

Плеханов умел мастерски охарактеризовать противоречивость фигуры Бакунина: с одной стороны — его самоотверженность и преданность революции, с другой — огромный вред его деятельности для международного рабочего движения. «Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смелый, этот замечательный человек мог бы играть в высшей степени плодотворную роль в международном рабочем движении, если бы не был чужд ему по своим утопическим понятиям и по своим приемам будто бы революционной мысли.

Бакунин посвятил всю свою жизнь борьбе за свои идеи. Как бы ни были они ошибочны, мы обязаны уважать его самоотвержение. Но чем искреннее мы уважаем его, тем более мы сожалеем о том, что неспособность Бакунина усвоить себе точку зрения научного социализма сделала его самоотвержение в эпоху борьбы «с Марксом» не только бесполезным, а прямо вредным для международного пролетариата»⁴⁴.

Плеханов не только сам занимался Бакуниным, но и стремился побудить к этому своих друзей, в частности П. Б. Аксельрода.

В последних числах декабря 1887 г. он направил Аксельроду письмо, в котором советовал написать брошюру

⁴³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XVI. М., 1925, стр. 290.

⁴⁴ Там же, стр. 304, 305. В первом номере «Искры» за 1903 г. была опубликована, не без участия Плеханова, заметка о сборе средств на памятник Бакунину, в которой говорилось: «...несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно борющегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память о них должна быть дорога даже для их противников» («Искра», № 39, 1903).

«М. А. Бакунин»⁴⁵. Год спустя, в декабре 1888 г., Плеханов возвращается к этому вопросу. Он рекомендовал Аксельроду связаться с Элпиндиным и получить у него сочинения Бакунина. Плеханов советовал Аксельроду помимо сочинений Бакунина прочесть дневник А. И. Герцена, «Былое и думы», статью Анненкова «Замечательное десятилетие», биографию Станкевича и другие работы. «Там много данных для этой эпохи, а ведь Бакунин играл в ней большую роль... не торопитесь, не жалейте труда и времени, отделяйте эту работу как можно лучше... это будет ваш Hauptwerk (временный, конечно), поэтому не торопитесь. Очень советовал бы вам ограничить работу одним Бакуниным, и так много будет работы, а Лаврова пока погодите трогать»⁴⁶.

Не исключена возможность, что В. Г. Плеханов обращался с аналогичным предложением к В. И. Засулич. В 1886—1887 гг. Вера Засулич написала «Очерк истории Международного общества рабочих». Он охватывает всю историю Интернационала. Этот труд с полным основанием называют первой работой русского автора по истории Товарищества, написанной с марксистских позиций⁴⁷.

Засулич использовала все доступные ей материалы, в том числе документы анархистских организаций. С марксистских позиций она изучила работы Э. Фрибура, О. Тестю, Р. Майера, Б. Малона, П. Лиссагаре и некоторых других авторов. Особую ценность представляет ис-

⁴⁵ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I. М., 1925, стр. 31.

⁴⁶ Там же, стр. 53—54. С аналогичным предложением к Аксельроду обращался П. Л. Лавров. В конце октября 1881 г. он писал: «Пожалуйста, не забудьте о подготовке труда о Бакунине, относительно которого мы переписывались» («Материалы по истории русского революционного движения», т. II. Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, стр. 28). В июле 1882 г. Лавров возвратился к этому вопросу: «Относительно же Бакунина я совершенно согласен с вами, что за неимением деталей из частной жизни надо, главное, дать характеристику его значения как социалистического и философского теоретика в ряду других. С критическим отношением я совсем согласен... Год времени, я думаю, будет достаточен и при других работах. Это надо сделать» (Там же, стр. 33).

⁴⁷ См. И. Н. Курбатова. О работе В. И. Засулич по истории I Интернационала.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973, стр. 419.

пользование ею отчетов Брюссельского и Базельского конгрессов, материалов судебных процессов, листовок французских, швейцарских и американских секций, а также прессы. На некоторые погрешности и неточности ее труда уже обращали внимание советские исследователи⁴⁸.

Критика деятельности Бакунина и его воззрений ведется в работе с марксистских позиций. Ее особая важность в те годы заключалась в том, что она наносила серьезный удар по народнической и анархистской идеологии в России и способствовала распространению теории научного коммунизма.

Высоко оценивая вклад Плеханова в изучение бакунизма, нельзя забывать и о его серьезных ошибках в освещении этой проблемы. В. И. Ленин писал, что Плеханов не разобрался в существе разногласий между марксистами и бакунистами, обошел главный пункт споров об отношении революции к государству и вопрос о государстве вообще⁴⁹.

Значительно меньше ценного и гораздо больше ошибочного содержат работы Э. Бернштейна по этому вопросу⁵⁰. Его основная концепция истории Интернационала сводится к утверждению, будто бы поворот организации к активным политическим действиям, «перерождение» Товарищества в политическую организацию представляло собой отход от истинных задач рабочего движения. С этих позиций Бернштейн освещал вопрос о борьбе против бакунизма.

В работе «Карл Маркс и русские революционеры» Бернштейн отвергает мнение «многих писателей», в том числе Бенуа Малона, сводивших вражду между Марксом и Бакуниным исключительно к личной предубежденности друг против друга. «Это несомненно неверно,— продолжает Бернштейн.— Она была обусловлена в высшей степени различиями в направлении мышления обоих знаменитых социалистов»⁵¹.

⁴⁸ И. Н. Курбатова. Указ. соч., стр. 422.

⁴⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 103.

⁵⁰ Ed. Bernstein. Marx und Bakunin.— «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Bd. XXX, 1910, N 1; Э. Бернштейн. Маркс и русские революционеры.— «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 1—24.

⁵¹ Э. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры.— «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 5.

Но Бернштейн утверждал также, что Маркс «был особенно склонен придавать теоретическим спорам личную окраску, а потому тем более неизбежным было для него столкновение с Бакуниным — другом спекулятивных социалистов»⁵².

Неверно излагает Бернштейн события, связанные с публикацией в «Новой Рейнской газете» заметки о шпионской деятельности Бакунина⁵³.

Бернштейн высказывал и совершенно необоснованное предположение, будто подозрительное отношение к Бакунину Маркс сохранил в годы пребывания первого в тюрьме и ссылке. Он ссылался на свидетельство Неттлау⁵⁴. В действительности все было совсем наоборот: Маркс самым решительным образом выступил в защиту Михаила Бакунина.

Подобных искажений в работах Бернштейна немало. Сгруппировав их, он сделал вывод, что Маркс отстаивал политику, основанную на научном исследовании, против политики простого дилетантства, и тут же высказал сожаление, что «Маркс не повел борьбы иными средствами и в иных формах»⁵⁵.

Провозгласив Маркса виновником конфликта, Бернштейн идет дальше. Без всяких к тому оснований он утверждает, что «марксовское учение об исторической роли рабочего класса несомненно соответствовало вполне тогдашним убеждениям Бакунина»⁵⁶, а устав бакунистского тайного Альянса представлял собой резюме «Манифеста Коммунистической партии».

В 1904 г. социал-демократическая литература пополнилась книгой Густава Иекка, выпущенной к 40-летию Интернационала⁵⁷. Книга была написана на широкой документальной основе, что позволило ввести в научный оборот много новых фактов. В. И. Ленин положительно оценил попытку автора собрать все работы Маркса эпо-

⁵² Там же.

⁵³ См. там же, стр. 6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 21.

⁵⁶ Там же, стр. 6.

⁵⁷ *G. Jaekch. Die Internationale. Eine Denkschrift zur 40-jährigen Gründung der Internationalen Arbeiterassoziation. Leipzig, 1904; Г. Иекк. Интернационал. СПб., 1906. Критические замечания в адрес книги см.: «Первый Интернационал в исторической науке». М., 1968, стр. 53—54.*

хи Интернационала и познакомить с ними читателей либо в форме изложения, либо в виде выдержек⁵⁸.

Вопросы борьбы против бакунизма Иекк освещает неглубоко, чтобы не сказать поверхностно. Он не утруждает себя анализом социальных корней бакунизма, а сводит все к личным интригам, заговорщическим традициям. Фигура Бакунина обрисована неудачно, его биография написана с ошибками.

«Кто такой был Бакунин?—По описаниям лиц, знавших его, он обладал наружностью, которая мало располагала к доверию. У него был мрачный, подстерегающий взгляд хищного зверя и огромная грива, так что с первого раза он казался несколько похожим на льва... После майской революции 1849 г. в Дрездене Бакунин был взят в плен в Хемнице и приговорен к смерти, но по требованию русского правительства отправлен в Россию, где его просто сослали в Сибирь... В ссылке Бакунин пользовался относительной свободой; он имел возможность разъезжать по всей Сибири и в 1861 г. бежал через Японию в Лондон»⁵⁹.

Это описание, весьма далекое от правды, дало повод анархистским элементам для нападок на марксистскую историографию. Они охотно использовали тезис Иекка о том, что конфликт в Интернационале имел причины личного порядка, им оставалось лишь заменить имя виновника интриг.

Анархистские исследователи сводят всю историю Интернационала к личному конфликту между Марксом и Бакуниным. Они провозглашают виновником конфликта основоположника научного коммунизма.

Так поступил основатель анархистского направления в историографии Интернационала, видный деятель анархистского движения Дж. Гильом, автор четырехтомной работы «Интернационал. Документы и воспоминания (1864—1878)»⁶⁰. В издание вошли анархистские документы (по преимуществу в выдержках): письма, воззвания, газетные статьи, решения анархистских съездов. Издание содержит также документы Генерального

⁵⁸ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 85.

⁵⁹ *Г. Иекк*. Указ. соч., стр. 167—168.

⁶⁰ *J. Guillaume*. L'Internationale. Documents et Souvenirs. (1864—1878), vol. 1. Paris, 1905; vol. 2. Paris, 1907; vol. 3. Paris, 1909; vol. 4. Paris, 1910.

Совета и конгрессов Интернационала, но эта группа документов представлена очень слабо.

Гильом, как и Бернштейн, пытается сблизить, а иногда отождествить бакунизм с марксизмом. Он не видит разницы между бакунистским требованием коллективной собственности и марксистским учением об общественности орудий и средств производства и т. п. С особым усердием автор отрицает факт существования тайного бакунистского Альянса. Он признает подлинными документы этой организации, в частности ее программу и устав, но утверждает, что это были лишь проекты, об осуществлении которых ему ничего не известно⁶¹.

Большой вклад в изучение жизни и деятельности Бакунина, особенно в отношении сбора документов, внес австрийский историк-анархист Макс Неттлау. Можно без всякого преувеличения сказать, что собранию документов, их публикации, изучению жизни своего героя Неттлау посвятил свою жизнь. Главные итоги его труда были воплощены в собрании сочинений М. Бакунина⁶² и его трехтомной биографии, изданной литографским путем малым тиражом в 50 экземпляров⁶³. Разделы биографии, посвященные периоду Интернационала, богато документированы самыми различными материалами, освещающими не только деятельность Бакунина, но и историю Интернационала. Великолепное знание материалов и документов, казалось, должно было привести Неттлау к пониманию принципиального характера борьбы в Интернационале, но это произошло лишь в самой минимальной степени. Столкновение Маркса и Бакунина он, как и все анархисты, объясняет субъективными причинами⁶⁴.

⁶¹ Ibid., vol. 2, p. 347. Эту мысль Гильом повторял во всех своих работах. Ее придерживались и другие анархистские историки.

⁶² *M. Bakounine. Oeuvres*, vol. I—VI. Paris. 1895—1913; *M. Bakounin. Gesammelte Werke*, Bd. I—III. Berlin, 1921—1924.

⁶³ *M. Nettlau. Michel Bakounin. Eine Biographie*, vol. 1—3. London, 1896—1900.

⁶⁴ Популярность и значимость работ Гильома и Неттлау объяснялись не только весомостью документальной базы их книг, но и крайней слабостью разработки проблемы анархизма марксистской историографией. Кроме того, в начале XX в. некоторые социал-демократические исследователи разделяли точку зрения анархистов по вопросу о причинах конфликта в Интернационале. Они утверждали, что Маркс и Бакунин расходились лишь в вопросах тактики революционного действия, а некоторые социал-де-

Если в трудах Гильома и Неттлау есть пусть неудачные, но все же попытки анализа социальной базы бакунизма, исследования его воззрений, то подавляющее большинство анархистских авторов не утруждало себя ни тем, ни другим. Они ограничивались апологией личности Бакунина и клеветой на его противников — великих основоположников научного коммунизма. Борьбу марксизма против бакунизма они сводили исключительно к интригам Маркса против Бакунина и Джемса Гильома, решение Гаагского конгресса об исключении бакунистов из Интернационала квалифицировали «чудовищно глупым»⁶⁵. Анархисты бросали в адрес Маркса и Энгельса такие обвинения, которых не отважились выдвигать даже самые реакционные из буржуазных идеологов.

В книге «Предтечи Интернационала» В. Черкезов полностью игнорирует роль революционной марксистской теории в создании Товарищества. В качестве его идейных предшественников автор называет А. Сен-Симона, Р. Оуэна, А. Клоутса и даже римского императора Марка Аврелия⁶⁶.

Анархистские авторы почти не обращались к воззрениям Маркса и Энгельса. Если же некоторые из них и нарушали это правило, то исключительно с целью искажения марксистской теории, в особенности учения о государстве и диктатуре пролетариата, характеризуя марксизм как систему «государственного коммунизма».

С позиций революционного марксизма освещена история борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма в работе А. В. Луначарского «Очерк развития Интернационала», написанной в 1904 г. и опубликованной в конце 1906—начале 1907 г.⁶⁷ Книга написана на основании

мократические исследователи вообще отрицали идейную борьбу и сводили причины конфликта к личному соперничеству (*F. Brupbacher. Marx und Bakunin. Ein Beitrag zur Geschichte der Internationalen Arbeiterassoziation. München, 1913*).

⁶⁵ См. В. Черкезов. Значение Бакунина в интернациональном революционном движении.— *Михаил Бакунин. Избр. соч., т. I. Пг.—М., 1922*, стр. 23.

⁶⁶ См. В. Черкезов. Предтечи Интернационала. СПб., 1907, стр. 3, 5—6 и др.

⁶⁷ А. Луначарский. Очерк развития Интернационала. СПб., б. г.; книга была переиздана в 1917 г. К тем же сюжетам автор обращался и после Октябрьской революции. См. А. В. Луначарский. Карл Маркс. Ко дню столетнего юбилея со дня его рождения. Пг., 1918;

работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Фактический материал заимствован главным образом у Иекка. Однако автор сделал более глубокие выводы, чем его предшественник.

В оценке конфликта с бакунистами Луначарский стоит на позициях революционного марксизма, исходит из ленинских оценок. Он не только критикует бакунистские догмы, но и разоблачает дезорганизаторские действия анархистов. В работе содержится яркая и глубоко обоснованная критика анархистской и реформистской историографии.

Вопрос о борьбе против бакунизма нашел освещение в брошюре В. Воровского «Карл Маркс»⁶⁸. Автор считал важнейшей стороной деятельности Товарищества достижение единства действий различных отрядов рабочего класса путем преодоления сектантства. С этих позиций он исследовал процесс борьбы против бакунизма⁶⁹.

Победа Октябрьской революции сделала борьбу за утверждение коммунистического мировоззрения решающим фактором идеологического противоборства. Важной сферой этого противоборства оказалась история международного рабочего движения, в том числе история I Интернационала, идейной борьбы внутри этой организации. Защита боевых традиций революционного движения прошлого стала насущной задачей советской исторической науки.

Боевой программой советских ученых стали работы, статьи, выступления В. И. Ленина. Возглавив первое в мировой истории социалистическое государство рабочих и крестьян, В. И. Ленин продолжал свои занятия в области разработки теории и истории классово-вой борьбы, общественных движений. В. И. Ленин требовал изучения всех общественных движений и социальных теорий на основе строгого соблюдения принципа историзма, воссоздания правдивой, объективной и многогранной картины исторического процесса.

Важной составной частью ленинской программы изучения и пропаганды летописи революционной борьбы

он же. Первый Интернационал. М., 1924; *он же.* Уроки Коммуны и наши задачи. М., 1925.

⁶⁸ В. Орловский [В. Воровский]. Карл Маркс. СПб., 1913.

⁶⁹ О работах А. Луначарского и В. Воровского см.: «Первый Интернационал в исторической науке». М., 1968, стр. 90—95.

был план монументальной пропаганды. В соответствии с ним было решено открыть 31 памятник революционным и общественным деятелям прошлого. Список был утвержден В. И. Лениным, он предусматривал сооружение памятника М. А. Бакунину⁷⁰.

Выражением заботы Ленина об изучении общественной мысли и общественных движений явилось его отношение к замыслу издания сочинений М. А. Бакунина в 1920—1922 гг.

С 1882 г. М. П. Сажин (Арман Росс) поставил своей целью издание всех трудов и переписки своего учителя. Ему удалось накопить 24 тыс. руб. в государственных процентных бумагах. После Октябрьской революции бумаги были аннулированы и собранные средства пропали.

В 1913 г. в Лондоне Сажин приступил к реализации своего замысла и в 1915 г. издал один том сочинений Бакунина. Мировая война вынудила Сажина уехать из Англии в Россию. В июле 1920 г. Сажин появился в Москве. Он ознакомился с изданием работ Бакунина, принятым группой анархистов, и нашел его неудовлетворительным, ибо в нем отсутствовали материалы личных архивов Неттлау и Гильома⁷¹.

3 августа 1920 г. Сажин обратился к Ленину с докладной запиской, в которой предлагал издать полное собрание сочинений М. А. Бакунина и ходатайствовал о командировке за границу для сбора архивных документов, в том числе для работы в частных архивах⁷².

Он напомнил, что с 1870 г. и до смерти Бакунина находился с ним в самых дружеских отношениях и что после смерти Дж. Гильома остался последним из ближайших сподвижников Бакунина. Сажин указывал, что является единственным человеком, который может пользоваться архивами Неттлау и Гильома⁷³.

⁷⁰ См. «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1967, стр. 574. Памятник Бакунину был открыт в 1918 г. в Москве.

⁷¹ Пятитомное собрание сочинений Бакунина было осуществлено на основании французского издания Гильома, в которое не вошли работы, написанные автором на русском языке, а также многие материалы, находившиеся в личных архивах Неттлау и Гильома (*Михаил Бакунин. Избранные сочинения*, т. I—V. Пг.—М., 1922).

⁷² См. «Литературное наследство», т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971, стр. 211—212.

⁷³ Там же.

Издание должно было состоять из 15 томов, по 25 листов каждый. Стоимость издания при тираже 3 тыс. экземпляров определялась в 5175 фунтов стерлингов.

На докладной записке Сажина Ленин 4 августа наложил резолюцию: «Я за разрешение. Прошу отзыва ВЧК и НКПрос»⁷⁴. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский сообщил, что против поездки Сажина за границу не возражает, «но о сумме в 5 с лишним тысяч фунтов стерлингов из средств Наркомпроса сейчас невозможно и думать»⁷⁵. 13 августа 1920 г. на заседании коллегии Наркомпроса было решено выделить М. П. Сажину 20 тыс. рублей, выдав ему в счет этой суммы авансом 5 тыс. на расходы в ближайшее время. Сажин согласился с этим решением. Однако вскоре Советская Республика была вынуждена значительно сократить золотую валюту для Наркомпроса. Это вынудило уменьшить кредит для М. П. Сажина до 5 тыс. руб.

По приезде в Москву Сажин подал заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому докладную записку; он сообщал, что вопрос об издании сочинений Бакунина может быть положительно решен лишь в случае дополнительных ассигнований, что М. Неттлау обещал свое содействие.

В 1923 г. Совнарком предложил Наркомпросу привлечь Сажина к изданию сочинений Бакунина, над которым уже начал работу Ю. Стеклов. Указание Совнаркома Наркомпросом было выполнено. Насколько активным было участие Сажина в подготовке издания — трудно сказать. Михаилу Петровичу шел 79-й год.

Нельзя забывать и о другом: М. П. Сажин до конца своих дней сохранил упрямую верность идеалам бакунизма. Эта черта ярко проявилась в его воспоминаниях о Бакунине⁷⁶, которые весьма точно повторяют суждения бакунистов 70-х годов прошлого века. Автор утверждает, что бакунистский Альянс был распущен в 1869 г. и восстановлен в форме анархистского Интернационала лишь после Гаагского конгресса⁷⁷. Сажин сообщает в высшей степени интересный факт. Перед его отъездом в Лондон

⁷⁴ Там же, стр. 211.

⁷⁵ Там же, стр. 214.

⁷⁶ М. П. Сажин (*Арман Росс*). Воспоминания о М. А. Бакунине. М., 1926. См. рец.: «Летописи марксизма», 1927, III, стр. 145.

⁷⁷ М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 21.

Бакунин поручил ему найти среди английских рабочих хотя бы одного человека, «который вполне бы уверовал в наш способ действий, словом, чтобы был человеком вполне солидарным и во всем с нами»⁷⁸. Следовательно, бакунисты вели свою организационную работу, направленную на раскол Интернационала, хотя Сажин и отрицает это.

В 1925 г. Наркомпрос направил в командировку для архивных изысканий по Бакунину Вячеслава Полонского. В 1925 г. он работал над материалами Дрезденского архива, в 1927 г. — в архивах Вены и Праги. Ему удалось собрать богатую коллекцию немецких, французских и американских изданий, часть документов из которых вошла в многотомное издание «Материалов для биографии М. Бакунина»⁷⁹.

В освещении бакунизма, особенно жизни и деятельности его основателя, большая заслуга принадлежит Ю. М. Стеклову. В монографиях «Первый Интернационал» и в четырехтомной биографии М. А. Бакунина⁸⁰ борьба против бакунизма рассматривается как результат принципиальных расхождений, обусловленных общественными процессами.

Книги Ю. Стеклова вводят в научный оборот огромное количество новых материалов — письма Бакунина,

⁷⁸ М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 23.

⁷⁹ «Материалы для биографии М. Бакунина», т. III. М., 1928. Издание, несомненно, представляет значительную ценность, но мы не можем признать его безупречным.

Все документы сборника были уже напечатаны, и большинство их хорошо известно. Многие опубликовано на русском языке, а некоторые материалы неоднократно.

В книге нет материалов литографированной биографии Бакунина, составленной Максом Неттлау, в которой документы даются в подлиннике. Примечания также не являются оригинальными, а представляют собой по преимуществу перевод примечаний М. Неттлау к популярному изданию, а не к литографированной биографии Бакунина, в которой они даны полнее.

Все же нельзя согласиться с оценкой издания в «Летописях марксизма», (1928, т. VI, стр. 149—152), где сказано: «Третий том материалов биографии Бакунина представляет совершенно ненужную книгу, не выдерживающую никакой критики ни со стороны полноты, ни со стороны научности, ни со стороны полезности» (Там же, стр. 152).

⁸⁰ Ю. М. Стеков. Первый Интернационал. М.—Пг., 1923; он же. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 1—4. М.—Л., 1926—1927.

бумаги тайного анархистского Альянса и другие документы, что значительно облегчило занятия историей бакунизма исследователям.

Концепция Стеклова в целом, несомненно, является марксистско-ленинской. Однако мы не можем согласиться с некоторыми принципиальными положениями автора. Речь идет о преувеличении роли Бакунина в международном и особенно русском революционном движении⁸¹.

Нельзя согласиться с утверждением Ю. Стеклова, что «русская коммунистическая партия» считает «в числе своих родоначальников не только Маркса, но в известном смысле и Бакунина»⁸².

Ошибочным является утверждение, будто Бакунин пытался «создать синтез между пролетарским учением Маркса и мелкобуржуазным учением Прудона»⁸³.

Совершенно неверно трактуются взгляды Бакунина по крестьянскому и национальному вопросам: «Бакунин,— писал Стеклов,— был одним из первых, указавших на значение союза пролетариата и крестьянства в интересах социальной революции»⁸⁴.

«...До Бакунина никто из русских революционеров не ставил и не разрешал так радикально национального вопроса, как это сделал он. Этот вопрос, с которым он столкнулся с первых шагов своей политической деятельности, Бакунин всегда решал с точки зрения признания за каждым народом, независимо от его размеров и уровня развития, права на полное самоопределение, ничем не ограниченное, кроме добровольного усмотрения самого заинтересованного народа, точнее — его трудящихся масс»⁸⁵.

Осуждая организационные акции Бакунина, особенно создание тайного Альянса внутри Интернационала, автор в то же время видит в плане Бакунина «верную и здоровую мысль», а именно: «Массовое движение может рассчитывать на успех лишь в том случае, если оно координируется и объединяется сплоченной организацией, выражающей интересы масс и пользующейся их

⁸¹ См. «Первый Интернационал в исторической литературе». М., 1968, стр. 108—112.

⁸² Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин, т. 4, стр. 450.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 451.

⁸⁵ Там же.

доверием. Это было как бы предвидением грядущих форм пролетарской борьбы...»⁸⁶

Ни в трудах Бакунина, ни в его практических актах мы не нашли ничего похожего. Ю. Стеклов также не смог подтвердить своего вывода документами.

Нельзя согласиться и с оценкой роли Бакунина в европейском революционном движении, в частности: «В некоторых странах, как в Италии и Испании, основы революционного социализма и Интернационала заложены были именно Бакуниным и его последователями. В других, как во Франции, на Балканах и пр., он также способствовал развитию социалистического движения»⁸⁷.

Элементы идеализации Бакунина, содержащиеся в работах Ю. Стеклова и Вяч. Полонского, были свойственны и М. Н. Покровскому, который называл Бакунина самым крупным деятелем раннего этапа русского революционного движения⁸⁸.

В 20-е и в начале 30-х годов изучение бакунизма в советской исторической науке было весьма интенсивным. В эти годы было начато издание полного собрания сочинений и писем Бакунина, которое, однако, не было завершено. В журналах «Красный архив», «Каторга и ссылка», «Былое» публиковались документы и статьи о жизни и деятельности Бакунина. Позднее, в 30—50-е годы, изучением бакунизма почти не занимались. В общих работах повторялись лишь резко отрицательные оценки Бакунина как врага марксизма⁸⁹.

После XX съезда КПСС все препятствия на пути научного объективного исследования проблемы были устранены. Вопрос о необходимости изучения бакунизма был поставлен на страницах журнала «Вопросы истории» Н. Ю. Колпинским и В. А. Твардовской⁹⁰. Авторы высказали убеждение, что работы, ведущиеся советскими исследователями, должны в ближайшее время воспол-

⁸⁶ Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин, т. 4, стр. 452.

⁸⁷ Там же, стр. 453.

⁸⁸ М. Покровский. Бакунин в русской революции (К пятидесятилетию со дня смерти). — Михаил Бакунин. 1876—1926. Незданные материалы и статьи. М., 1926, стр. 179.

⁸⁹ См. Ем. Ярославский. Анархизм в России. М., 1939, стр. 13—26.

⁹⁰ Н. Ю. Колпинский, В. А. Твардовская. Бакунин в русском и международном освободительном движении. — «Вопросы истории», 1964, № 10, стр. 71.

нить образовавшийся в этой области пробел⁹¹. Однако «восполнить пробел» оказалось не так уж просто. За последние десять лет вышли из печати две работы Н. М. Пирумовой⁹². Они не претендуют на монографическое, детальное исследование и содержат ряд неточных и ошибочных положений.

Н. М. Пирумова пишет об общности революционной программы Бакунина и революционных демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. В идейной платформе Чернышевского, Добролюбова, Белинского мы не нашли никаких следов влияния бакунинского анархизма. В теории же Бакунина ни в малой степени не чувствуется влияние предшественников русской социал-демократии. А. И. Герцен в статье «К старому товарищу» резко отрицательно отзывался о воззрениях М. А. Бакунина. В книге Пирумовой чувствуется стремление несколько сгладить остроту борьбы с бакунизмом в I Интернационале⁹³.

В последние годы литература о борьбе против бакунизма обогатилась рядом крупных монографических исследований, освещающих отдельные аспекты проблемы.

Детальное исследование работы Гаагского конгресса содержат работы А. Е. Коротеевой⁹⁴. Автор собрал и обобщил большой фактический материал, в том числе архивный. С позиций историка-марксиста освещен сложный, многоплановый процесс борьбы между марксистским и сектантским направлениями на конгрессе; рассказано

⁹¹ См. там же, стр. 95.

⁹² Н. Пирумова. Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. М., 1966; она же. Бакунин. Жизнь замечательных людей. М., 1970.

⁹³ А. Смирнов. За строгую научность, достоверность и историческую правду.— «Коммунист», 1972, № 16, стр. 116—118.

⁹⁴ А. Коротеева. Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963; она же. Гаагский конгресс I Интернационала.— «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955, стр. 579—658; она же. Идеино-теоретическая борьба Маркса и Энгельса против бакунизма перед Гаагским конгрессом.— «История социалистических учений». М., 1962; она же. I Интернационал и вопросы войны и мира (1864—февраль 1871).— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1964, стр. 6—74; она же. Отклики русской печати на деятельность I Интернационала.— «Новая и новейшая история», 1964, № 5; она же. Парижские коммунары и Гаагский конгресс I Интернационала.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973, стр. 272—294.

об истории борьбы за признание решений конгресса в различных национальных организациях Товарищества.

Исследованием рабочего и социалистического движения в Италии в эпоху I Интернационала плодотворно занималась И. В. Григорьева⁹⁵. На основании большого количества самых разнообразных источников она сумела дать яркое полотно чрезвычайно сложной и противоречивой истории итальянских секций Международного Товарищества Рабочих, т. е. именно тех организаций, в которых влияние бакунизма было особенно сильным. И. В. Григорьева сумела мастерски показать как причины значительного распространения идей Бакунина в Италии, так и причины краха анархистских доктрин и организаций в этой стране.

Аналогичную работу по истории испанских секций Интернационала проделал А. Гонсалес⁹⁶. Автор воссоздал историю развития секций Товарищества, показал процесс превращения их в массовые организации пролетариата, уделил много внимания вопросам идейной борьбы в Испанской федерации и формирования в испанском рабочем движении революционного крыла, которое вело активную борьбу против бакунизма.

Вопросами борьбы марксизма против бакунизма много и плодотворно занимался Н. Ю. Колпинский. Им был опубликован ряд статей, освещающих важные аспекты проблемы⁹⁷. Итоги своих поисков Н. Ю. Колпин-

⁹⁵ *И. В. Григорьева*. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; *она же*. Энгельс и Миланская секция Интернационала в 1871—1872 годах.— «Новая и новейшая история», 1957, № 2; *она же*. Идейные истоки влияния бакунизма в итальянском рабочем движении.— «Новая и новейшая история», 1962, № 3.

⁹⁶ *А. Гонсалес*. Из истории борьбы марксизма против бакунизма в Испании (1869—1872).— «Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании». М., 1960; *он же*. История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873. М., 1964.

⁹⁷ *Н. Ю. Колпинский*. О разработке Ф. Энгельсом тактики пролетариата в Испании в 1873 г.— «Новая и новейшая история», 1960, № 6; *он же*. Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 годы.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1961; *он же*. Роль газеты «Emanación» в пропаганде идей марксизма в Испании.— «История социалистических учений». М., 1962; *он же*. История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного Альянса.— «Из истории марксизма...» М., 1964; *Н. Ю. Колпинский, В. А. Твардовская*. Бакунин в русском и международном освоб-

ский опубликовал в капитальном исследовании о деятельности Ф. Энгельса в эпоху Интернационала⁹⁸. Для нас особо важное значение имели заключительные главы книги о подготовке и проведении Гаагского конгресса и о деятельности Энгельса в период завершения размежевания с анархистами. По богатству фактического материала и по количеству привлеченных источников книга в значительной степени превосходит все написанное на эту тему ранее. Она вводит в научный оборот массу новых документов, уточняет трактовку многих важных вопросов.

Итоги исследования проблемы борьбы марксизма против бакунизма подведены советскими историками в коллективном труде «Первый Интернационал»⁹⁹. Авторский коллектив поставил перед собой задачу раскрыть процесс утверждения марксистской революционной идеологии в Интернационале, который происходил в острой борьбе против сектантства, и прежде всего против анархизма в его бакунистской разновидности.

Авторы опирались на труды основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также выдающихся деятелей международного коммунистического движения, широко использованы документы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, рабочая и демократическая пресса той эпохи, прежде всего печатные органы I Интернационала, а также советская и зарубежная литература вопроса.

Интерес к личности М. Бакунина и деятельности его последователей — анархистов значительно возрос на Западе после победы Октябрьской революции. Буржуазные и особенно социал-демократические историки первых послевоенных лет занимались этим сюжетом с совершенно определенной целью: представить В. И. Ленина и большевиков как последователей Бакунина в новых условиях, лишь прикрывающихся именем К. Маркса,

дательном движении.— «Вопросы истории», 1964, № 10; Н. Ю. Колпинский, В. Г. Мосолов. Современные буржуазные и реформистские фальсификаторы истории I Интернационала.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 9.

⁹⁸ Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы Интернационала. М., 1971.

⁹⁹ «Первый Интернационал», ч. 1. М., 1964; ч. 2. М., 1965; «Первый Интернационал в исторической науке». М., 1968.

а Великую Октябрьскую социалистическую революцию и первые акции Советской власти — воплощением в жизнь бунтарских идеалов Бакунина.

Эта клеветническая концепция нашла развернутое обоснование во ввводной статье к работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», написанной Вильгельмом Блосом — видным деятелем германской социал-демократии, принимавшим участие в ее работе почти с момента основания партии. Книга издана в 1920 г. в Штуттгарте под названием «Маркс или Бакунин? Демократия или диктатура? Боевой памфлет против предшественников большевизма...»¹⁰⁰

Блос писал, что целью нового издания работы Маркса и Энгельса является ознакомление немецкого народа, совершившего революцию, «с подлинным отношением Карла Маркса и Фридриха Энгельса к бакунизму, предшественнику современного большевизма, ибо современный большевизм является не чем иным, как прежним бакунизмом, выступающим в новых формах».

Блос поясняет, что оба направления совершенно одинаково относятся к вопросу о роли и месте люмпен-пролетариата в современном обществе, рассматривая его как «главное оружие политической борьбы».

С этих же позиций критикует Блос Коммунистическую партию Германии, которая, будучи сторонницей Советской власти, «является разновидностью той самой системы анархизма, против которой Маркс боролся еще до, во время и после немецкой революции 1848 г. со всей остротой, ему присущей».

Беспомощные, озлобленные выпады этого автора лишены всякой аргументации. Мысль всего одна: между Бакуниным и Лениным, бакунистами и большевиками существует полное тождество и нет никаких различий. Казалось, что эта несостоятельная и абсурдная концепция не получит сколько-нибудь значительного распространения. Однако в борьбе против первого в мире государства рабочих и крестьян все средства оказались хороши.

Стремление представить М. Бакунина в качестве идейного предшественника В. И. Ленина, а бакунизм —

¹⁰⁰ «Marx oder Bakunin? Demokratie oder Diktatur? Eine Kampfschrift gegen den Vorläufer des Bolschewismus». Stuttgart, 1920.

идейным источником ленинизма оказалось главной тенденцией освещения буржуазными и правосоциалистическими историками проблемы борьбы марксизма против бакунизма.

Видный идеолог германской социал-демократии Генрих Кунов определял ленинизм как «рецидив бакунизма»¹⁰¹.

Английский историк Х. Кон в книге «Историческая база современной России» писал: «Экстремистские теории анархизма М. Бакунина и агитаторов-нигилистов, подобных С. Нечаеву и П. Ткачеву, которые стояли за насилие и игнорирование общепринятой морали, были позднее возрождены в ленинизме»¹⁰².

Подобное утверждение содержится и в работе Мейнарда, который доказывал, что Бакунин оказал определяющее влияние на политику Ленина и большевиков¹⁰³.

Тезис о сходстве ленинизма с бакунизмом пытался обосновать американский буржуазный исследователь Е. Пицюр¹⁰⁴.

Версия о тождестве ленинизма и бакунизма пронизывает работы русских белоэмигрантов¹⁰⁵. Н. Бердяев в книге «Смысл и судьба русского коммунизма» довел эту порочную концепцию до крайности, до логического конца: «Отношение между Бакуниным и современным русским коммунизмом представляет большой интерес. Несмотря на принятие учения Маркса, коммунисты, как известно, развязали анархию и разбойные элементы русского народа, использовав их в период революции для достижения своих политических целей»¹⁰⁶.

Эту линию в оценке Бакунина продолжил Фриц Брупбахер в работе «Михаил Бакунин — сатана мятежа»¹⁰⁷.

¹⁰¹ *H. Cunow*. Die Marxistische Geschichte.— «Gesellschaft und Staat-lehre», Bd. I. Berlin, 1920, S. 335.

¹⁰² *H. Kohn*. Basic History of Modern Russia. Political, Cultural and Social Tronds. Princeton, 1957, p. 41.

¹⁰³ *J. Maynard*. Russia in Flux. London — New York, 1948, p. 187.

¹⁰⁴ *E. Pyziur*. The Doctrine of Anarchism of Michael Bakunin. New York, 1955, p. 34, 147.

¹⁰⁵ *М. Слоним*. Русские предтечи большевизма. Берлин, 1922, стр. 14; *В. В. Зеньковский*. История русской философии, т. I. Париж, 1948, стр. 252.

¹⁰⁶ *N. Berdiajew*. Sinn und Schicksal der russischen Kommunismus. Lucerne, 1937, S. 74—75.

¹⁰⁷ *F. Brupbacher*. Michel Bakunin der Satan der Revolte. Zürich, 1929.

Автор обращает внимание на враждебность отношений Бакунина к Марксу и Энгельсу еще в 40-е годы XIX в., в дореволюционный период. Он ссылается на письмо Бакунина к Г. Гервегу, в которых Бакунин крайне резко отзывается об основоположниках научного коммунизма.

Констатировав факт противоположности марксизма бакунизму и враждебности лидера анархизма научному коммунизму, Брупбахер переходит к главной теме своего исследования, которая изложена в главе с характерным заголовком: «Бакунин — дедушка большевизма»¹⁰⁸.

Ф. Брупбахер, как и В. Блос, лишь декларирует тезис о тождестве большевизма и бакунизма; он не только не приводит никаких доказательств, но даже не пытается этого делать. Их последователи стремились поступать иначе.

В 1932 г., накануне прихода фашистов к власти в Германии, на философском факультете Гейдельбергского университета была защищена докторская диссертация на тему: «Бакунин и Ленин. Интегранты русской революции»¹⁰⁹. Ее автор, Герд Махерс, попытался провести параллель между большевизмом и анархизмом, между Бакуниным и Лениным.

«Если Бакунин,— писал Махерс,— представлял собой в высшей степени яркую, воодушевленную, но в то же время крайне неопределенную, не имеющую позитивной цели фигуру русской истории, то Ленин был политиком рассудительным, трезвым, четко представлявшим себе конечную цель. Его деятельность основывалась на неумолимом рационализме, и в то же время он прямотаки с сверхчеловеческой неумолимостью вопреки всем неудачам готовил революцию»¹¹⁰.

Бакунин принадлежал к группе мыслителей, чуждых рационалистическому мышлению, он был носителем фанатизма, основанного на иррационализме, что явилось следствием «неопределенности социальной структуры России». В отличие от него Ленин был представителем «группы русских революционеров-рационалистов».

Бакунин был «демоном разрушения», «сатаной бунта»,

¹⁰⁸ F. Brupbacher. Op. cit., S. 108.

¹⁰⁹ G. Machers. Bakunin und Lenin. Die Integrannten der russischen Revolution. Offenbach, 1932.

¹¹⁰ Ibid.. S. 7.

духовно богатым человеком, «но в его сознании господствовала недисциплинированность, он не мог определить рационалистической схемы своих действий».

Ленин с молодых лет отличался четкостью мышления, «все его действия были подчинены социальной борьбе за укрепление пролетарского фронта».

Установив как различие социальных условий, в которых действовали Ленин и Бакунин, так и различие их «индивидуальности», Махерс совершенно неожиданно формулирует основной вывод своей диссертации следующим образом: «оба революционера планировали революцию посредством выступлений маленьких путчистских групп. Причина того, что результаты их революционной деятельности оказались различными, лежит в большом различии резонанса, который нашли их призы-вы в народных массах»¹¹¹.

Итак, наметив существенные различия и даже противоположность образа действий и мышления Ленина и Бакунина, автор устанавливает, что в самом главном и решающем они тождественны — оба были путчистами.

Некоторые буржуазные историки пытались представить борьбу марксизма с бакунизмом как столкновение германофильства со славянофильством. Так, Т. Масарик в исследовании по русской исторической и религиозной философии¹²² утверждал, что главная линия, разделяющая Маркса и Бакунина, — отношение к славянству. Бакунин, продолжал Масарик, как и Герцен, разделял идеи славянофильства, но в отличие от Герцена являлся приверженцем славянского, а не русского мессианства и по этой причине был тесно связан с польскими, чешскими и некоторыми южнославянскими революционерами.

По мнению Масарика, Маркс и марксисты, а также Руге и другие противники Бакунина были правы, критикуя Бакунина за неправильную оценку революционных способностей славян, но славянская программа Бакунина не была националистической, как «утверждали Маркс и либералы».

Не принимая аргументов Маркса, «тем более Энгельса», направленных против бакунизма, Масарик все же

¹¹¹ Ibid., S. 96.

¹¹² Th. G. Masaryk. Zur russischen Geschichts und Religions-philosophie. Soziologische Skizzen, B. 2. Berlin, 1928.

признает, что Маркс лучше понимал задачи демократии, чем Бакунин: «Бакунин был революционером»¹¹³, Маркс — государственным человеком и тактиком. Маркс был ученым, Бакунин до конца жизни оставался наивным фантазером»¹¹⁴.

Стремление затушевать главную основу разногласий между Марксом и Бакуниным и подменить ее сомнительными формулами вроде: «Маркс — государственный человек», «Бакунин — революционер», «Маркс — германофил, Бакунин — славянофил» — характерно отнюдь не только для книги Масарика. Эту точку зрения разделяет бывший секретарь «анархистского Интернационала» Артур Ленинг. Свыше 30 лет он работает над проблемами бакунизма с целью возрождения анархистской концепции истории I Интернационала, реабилитации Бакунина, дискредитации Маркса и марксизма.

Эта линия отчетливо просматривается в комментариях к «Архиву Бакунина», главным редактором которого и автором предисловий и примечаний является А. Ленинг¹¹⁵.

Свою позицию по вопросам борьбы марксизма против бакунизма Ленинг изложил в докладе «Борьба направлений в Первом Интернационале», прочитанном на международном коллоквиуме по истории I Интернационала, состоявшемся в Париже 16—18 ноября 1964 г.¹¹⁶

¹¹³ Разъясняя термин «Бакунин — революционер», Масарик писал: «Бакунинский революционаризм и анархизм являются свободой русских казаков, этих псевдогероев, которых так хорошо изобразил художник Верещагин...» (*Th. G. Masaryk. Op. cit., S. 35*).

¹¹⁴ *Ibid.*, S. 34.

¹¹⁵ «Archives Bakounine». Textes établis et annotés par Arthur Lehning. Leiden, 1961—1967: vol. I. Michael Bakounine et l'Italie 1871—1872. Première partie. La polémique avec Mazzini. Leiden, 1961; Deuxième partie. La Première Internationale en Italie et la conflict avec Marx. Leiden, 1963; vol. II. Michael Bakounine et les conflits dans l'Internationale, 1872. Leiden, 1965; vol. III. Michael Bakounine. Etatismes et Anarchie. 1873. Leiden, 1967. «Архив Бакунина» издается амстердамским Международным институтом социальной истории — учреждением правых социалистов. Издание частично финансируется за счет фонда Рокфеллера. Анархистский историк сотрудничает с реформистами и с откровенно империалистическими кругами. Столь своеобразный альянс может быть осуществлен лишь на базе антикоммунизма.

¹¹⁶ A. Lehning. La lutte des tendances au sein de la Première Internationale: Marx et Bakounine.— «La Première Internationale. L'Institution. L'Inplantation. La Rayonnement. Paris. 16—18 Novembre 1964». Paris, 1968, p. 331—343.

Ленинг начал доклад с утверждения, совершенно справедливого, что идейную борьбу в Интернационале, в частности борьбу Маркса против Бакунина, можно понять лишь на основе анализа истории его организаций в различных странах, особенно в Швейцарии, Испании, Италии. Это верно. Но именно этот вопрос полностью выпал из поля зрения автора. Данное обстоятельство может быть объяснено лишь стремлением Ленинга уйти от анализа социальной природы бакунизма как течения, отражавшего настроения определенных кругов мелкой буржуазии, что определило ее противоположность теории научного коммунизма.

Ленинг утверждал, что «Бакунин принял основные положения концепции Маркса: его исторический материализм, роль пролетариата в эволюции современности, принципы Интернационала»¹¹⁷.

Указанный тезис нужен А. Ленингу, чтобы поставить вопрос: если основные элементы концепции Маркса приняты Бакуниным, то что же является причиной их конфликта в Интернационале? Автор повторяет традиционную формулу анархистских историков: основу конфликта составляло соперничество двух лидеров. Излагая вопрос о дискуссии на Базельском конгрессе о праве наследования, Ленинг объясняет позицию Маркса недовольством тем, что его предложение отвергнуто, а Бакунин — сильный противник, с которым придется считаться¹¹⁸.

Маркс считал предложение Бакунина об отмене права наследования не только несостоятельным теоретически, но и политически вредным, ибо его одобрение конгрессом могло оттолкнуть от Интернационала некоторые слои крестьянства в момент, когда перед Товариществом встала практическая задача расширения влияния в деревне.

Как и другие анархистские исследователи, Ленинг отрицает факт существования тайной бакунинской организации — Альянса социалистической демократии. Однако после работ М. Вийемье и Н. Ю. Колпинского¹¹⁹ повто-

¹¹⁷ Ibid., p. 331.

¹¹⁸ Ibid., p. 336.

¹¹⁹ *M. Vuilleumier. La Première Internationale en Suisse.— «La Première Internationale. L'Institution. L'Inplantation. Le Rayonnement. Paris. 16—18 Novembre 1964».* Paris, 1968, p. 231—250; *Н. Ю. Колпинский.* История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного Альянса.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1964, стр. 208—232.

рение утверждений Гильома утратило всякий смысл. Это и вынудило Ленина заявить, что если и существовало тайное общество, то оно не было организационно оформлено: «без бюро, без секретаря, без общего собрания. Организация была не чем иным, как узлом личных связей Бакунина».

Не оригинален Ленинг и в трактовке вопроса об итогах Лондонской конференции. Он утверждает, что ее последствием явился раскол Интернационала, причиной которого было стремление Маркса превратить Интернационал в объединение политических партий¹²⁰. Анализ объективного процесса рабочего движения и его главных тенденций автор подменяет фразой о субъективных стремлениях Маркса. Общеизвестно, что главное направление развития рабочего движения в последней трети XIX в. шло по линии создания самостоятельных пролетарских партий в национальном масштабе, что ни в малой мере не сужало сферы применения принципов интернационализма.

В главном и основном А. Ленинг повторяет концепцию своих анархистских предшественников Дж. Гильома и М. Неттлау. Новым является обвинение Маркса в русофобстве, которое вызвало негативную реакцию со стороны Бакунина. При этом Ленинг не забывает повторить версию о пангерманизме Маркса.

Ленинг уделяет крайне мало внимания сильным сторонам М. А. Бакунина. Он ничего, или почти ничего, не говорит о его выступлениях против угнетения и эксплуатации, в защиту революционных акций против реформизма¹²¹.

В последнее время внимание к Бакунину и бакунизму на Западе значительно усилилось. Одной из важных причин интенсификации разработки данного сюжета является, как совершенно справедливо указал в своей работе Жак Дюкло, попытка «привлечь внимание народных масс к утопическому социализму и таким путем отвратить их от социализма реального»¹²².

Ренессанс анархизма в современном буржуазном мире сделал в высшей степени актуальной задачу разоблачения идеологии и практики анархистского движения в

¹²⁰ А. Lehning. Op. cit., p. 336, 338.

¹²¹ Наши возражения А. Ленингу см.: «La Première Internationale...», p. 345—347; ответ Ленина: Ibid., p. 350.

¹²² Жак Дюкло. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975, стр. 10.

прошлом и настоящем. Нет ничего случайного в том, что проблемы бакунизма привлекли внимание выдающегося деятеля французского и международного коммунистического движения Жака Дюкло. Впервые к этому сюжету он обратился в ходе работы над книгой «Первый Интернационал»¹²³, в которой с марксистско-ленинских позиций раскрыл основные этапы борьбы против анархизма в I Интернационале. Позднее автор вернулся к занятиям проблемами бакунизма, результатом которых явилось капитальное исследование «Бакунин и Маркс. Тень и свет»¹²⁴. Автор показал вредную роль анархизма на всех этапах развития международного рабочего движения.

Особый интерес представляют главы, посвященные деятельности анархистов после Гаагского конгресса: автор довел изложение до памятных майских событий 1968 г. во Франции.

Политически острая, написанная с великолепным знанием истории прошлого века и с глубоким пониманием современных событий, книга Жака Дюкло с полным правом займет почетное место в изучении проблемы борьбы марксизма против бакунизма.

Большинство буржуазных историков охотно повторяет тезис, высказанный В. Блосом более полувека назад, о тождестве бакунизма с большевизмом¹²⁵. С. Бэрн в книге «Плеханов. Отец русского марксизма» трактует большевизм как разновидность бакунизма, народничества, бланкизма, представляющую собой отход от марксизма¹²⁶. П. Аврич пытается обнаружить бакунистские идеи в трудах В. И. Ленина. К таким идеям он относил призыв Ленина превратить империалистическую войну в гражданскую, требование уничтожения полиции, армии, чиновничества, установления низких окладов служащим, а самое главное, передачу власти в руки Советов, «моделированных с Парижской Коммуны»¹²⁷. Трудно сказать, что

¹²³ *Jacques Duclos. La Première Internationale. Paris, 1964.*

¹²⁴ *Jacques Duclos. Bakounine et Marx. Ombre et lumière. Paris, 1974* (перевод: *Жак Дюкло. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975*).

¹²⁵ *R. Abramovich. The Soviet Revolution, 1917—1939. New York, 1962, p. 21; R. Daniels. The Nature of Communism. New York, 1967, p. 177; T. Hamond. Lenin on Trade Unions and Revolution, 1893—1917.*

¹²⁶ *H. Baron. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963, p. IX.*

¹²⁷ *P. Avrich. The Russian Anarchists. Princeton, 1967, p. 128.*

превалирует в этих и подобных рассуждениях: беспредельная неграмотность или предельная тенденциозность. Бакунисты были приверженцами заговорщической организации, большевики — массовой пролетарской партии, бакунисты — сторонники анархии, большевики — диктатуры пролетариата, бакунисты стремились опереться на сектантские группировки, большевики — на миллионные массы народа, бакунисты придерживались мелкобуржуазной утопии, большевики стояли на позициях научного коммунизма. Стремление выдать противоположность за тождество необходимо авторам отнюдь не для научных целей.

Не выдерживает критики объяснение новейшими буржуазными исследователями причин конфликта Маркса с Бакуниным в Интернационале. Некоторые из них пытаются установить тождество воззрений Маркса и Бакунина, заявляя, что оба являлись убежденными материалистами, стремившимися познать мир при помощи законов науки, отвергали метафизические или теологические объяснения экономических и социальных феноменов¹²⁸. Влияние марксистского философского материализма на Бакунина не подлежит сомнению, но столь же несомненным является воздействие на него вульгарного материализма и позитивистской системы О. Конта. Отвергая принципиальные отличия мировоззрения Бакунина и Маркса, буржуазные историки пытаются объяснить конфликт в Интернационале исключительно личными мотивами, столкновением противоположных темпераментов, тем, что Маркс был «философом, изобретателем систем», а Бакунин — «революционером дела»¹²⁹, наконец, антирусским характером деятельности Маркса¹³⁰. Ни одно из этих объяснений не имеет ни малейших оснований, попытки авторов привести какие-либо доказательства оказываются несостоятельными¹³¹.

¹²⁸ J. Joll. *The Anarchists*. London, 1964, p. 100.

¹²⁹ E. Carr. *Michael Bakunin*. London, 1937, p. 167.

¹³⁰ P. Avrich. *Op. cit.*, 1967, p. 128.

¹³¹ Подробнее см.: В. Г. Джангирян. Современная буржуазная англо-американская историография М. А. Бакунина и бакунизма. — «Историография и источниковедение». М., 1974, стр. 58—71; он же. Критика современной буржуазной англо-американской историографии М. А. Бакунина и бакунизма. Автореферат канд. дисс. М., 1975.

Знакомство с буржуазными исследованиями бакунизма и его борьбы против марксизма в I Интернационале еще раз подтверждает непреложную истину: главной задачей современной буржуазной идеологии во всех ее проявлениях является попытка обосновать господство монополий, оправдать эксплуатацию человека человеком, опорочить социалистический строй и мировой революционный процесс.

С особым усердием буржуазные авторы фальсифицируют историю развития рабочего движения. Это отнюдь не случайно. Ведь правдивое, марксистское исследование истории освободительного движения пролетариата играет большую роль в борьбе за сплочение различных отрядов революционного движения, единство пролетариата, активизацию его действий.

Были времена, когда буржуазия выдвигала из своей среды крупных прогрессивных мыслителей. Бэкон и Локк, Руссо и Вольтер, Смит и Рикардо, Кант и Гегель умели не только отстаивать восходящий капиталистический строй от нападок феодальных идеологов, но даже позволяли себе подмечать отдельные противоречия буржуазного общества. Как далеки те времена! В наши дни финансовый капитал осуществляет в буржуазных странах косвенный, а зачастую и прямой контроль над всей наукой, в том числе и над исторической. Научная работа во многих случаях субсидируется финансовыми магнатами. Эти субсидии, разумеется, даются не даром: деловые люди намерены получить «кое-что» взамен каждого доллара, ассигнуемого на научные цели. В применении к общественным наукам это намерение означает прежде всего и главным образом требование борьбы против марксизма-ленинизма. Изучение и освещение проблемы борьбы марксизма против бакунизма не составляет исключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основоположники научного коммунизма оставили в наследство не только великую революционную теорию, но и богатейший опыт революционной практической деятельности по руководству многообразными формами рабочего движения. Именно поэтому буржуазные и реформистские исследователи усердно искажают историю первых международных организаций пролетариата, деятельность которых была связана с именами Маркса и Энгельса. Фальсификаторы стремятся представить эти организации изолированными от масс сектами, а великих вождей пролетариата — лидерами сектантского движения, оторванными от реальной действительности, будто бы пытавшимися достичь желаемых результатов путем заговоров, используя для этого всякого рода «социальные неполадки» либо искусственно создавая их.

Лучшим опровержением этих фальсификаторских утверждений является изучение опыта борьбы Маркса и Энгельса против авантюризма и сектантства, борьбы, направленной на создание пролетарской партии.

С первых дней своей общественно-политической деятельности Маркс и Энгельс решительно боролись против сектантства и революционного авантюризма. В письме к Руге, написанном в сентябре 1843 г., Маркс выступал против сектантского, грубо уравнительного коммунизма, имевшего широкое распространение в рабочем движении Франции и Германии. Характеризуя коммунизм Кабе, Дезами, Вейтлинга, Маркс писал, что он является особым выражением «гуманистического принципа, не освободившегося еще от влияния своей противоположности — частного бытия»¹. В «Экономическо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.

философских рукописях» Маркс критиковал сектантско-уравнительный коммунизм за его стремление к «всеобщему нивелированию», к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека ².

Основоположники научного коммунизма показали, что в период зарождения и становления рабочего движения сектантство имело свою историческую закономерность, пролетариат был еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. В этих условиях секты имели свое историческое оправдание, но лишь до тех пор, пока рабочий класс не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся реакционными. Маркс и Энгельс объясняли существование сектантства влиянием утопического социализма, представители которого, не связанные с рабочим классом и оторванные от его движения, предлагали утопические способы решения социальных противоречий, а на долю рабочих оставалось лишь принимать эти знахарские рецепты и способствовать их претворению в жизнь. Секты, созданные утопистами, по самой своей природе являются чуждыми реальной действительности, политике, стачкам, союзам, словом, всякому коллективному движению. Маркс и Энгельс видели в сектантстве реакционную тенденцию, которая игнорировала реальные условия классовой борьбы пролетариата, выражала социальную психологию не промышленного пролетариата, а его предшественника — полупролетария, ремесленника, разорившегося мелкого буржуа.

Исходя из этих принципиальных положений, Маркс и Энгельс вели борьбу против самых различных проявлений сектантства, в том числе против анархизма в его бакунистской разновидности в эпоху I Интернационала.

Основоположники научного коммунизма прежде всего вскрыли теоретическую несостоятельность бакунизма: ставка на немедленную революцию, неправильное понимание классовой борьбы, ложное толкование роли государства, непонимание диктатуры пролетариата, недооценка организации и переоценка элемента стихийности масс, непонимание необходимости ведения повседневно-

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 586—587.

ной классовой борьбы за насущные нужды и требования масс в условиях капиталистического общества.

Отказываясь от всякого движения, которое не ведет непосредственно к конечной цели, к «социальной ликвидации», игнорируя повседневную борьбу трудящихся, бакунисты неизбежно должны были превратиться в узкую секту, оставшуюся в стороне от основного направления классовой борьбы, от широкого потока жизни рабочего класса.

Неизбежность изоляции бакунизма от революционного процесса определялась также порочной концепцией отказа от политической борьбы. Эта концепция вступила в острое противоречие с действительностью, особенно в последней трети прошлого столетия, когда пролетариат быстро рос численно и постепенно завоевывал политические права.

Сектантско-утопический характер бакунизма отчетливо проявился в вопросах тактики классовой борьбы пролетариата. Абсолютно игнорируя объективные процессы, происходившие в капиталистической Европе, бакунисты слепо верили в немедленное наступление революции, стремясь «подтолкнуть» развитие событий путем вооруженных путчей и террористических провокаций. Эта тактика стала особенно вредной в период относительно мирного развития буржуазного общества, который наступил после поражения Парижской Коммуны и был временем наивысшего расцвета домонополистического капитализма.

Это были годы быстрого развития мирового капиталистического хозяйства, расширения международных хозяйственных связей, роста рядов пролетариата и его классового сознания.

Мир стал свидетелем огромных сдвигов в развитии новых видов транспорта, связи. Капитализм завоевывало господствующее положение в сельском хозяйстве. На основе успехов в развитии экономики завершался процесс складывания мирового рынка, крепились экономические, научные, культурные связи между странами и континентами.

Развитие крупной, особенно тяжелой, промышленности вызвало быстрый рост рабочего класса и концентрацию его на крупных предприятиях. Повсеместно происходили существенные изменения структуры рабо-

чего класса: сокращалось число рабочих мелких кустарных предприятий, возрастал удельный вес крупнопромышленного пролетариата.

В рабочем движении все отчетливей проявлялось стремление к политической борьбе, к созданию самостоятельных политических партий.

Совокупность этих явлений и процессов предопределила кризис анархистского движения, как в теоретическом, так и особенно в практическом отношении. Придя к выводу, что всякие надежды на немедленную революцию и вооруженное восстание оказались иллюзорными, анархисты перешли к «пропаганде действием», главными проявлениями которой оказались террористические акции и вооруженные путчи.

В 1878 г. анархисты совершили покушение на кайзера Вильгельма II, 24 июня 1894 г. анархист Казерио ударом кинжала убил президента Франции Сади Карно, анархисты убили австрийскую императрицу Елизавету, короля Италии Умберто, президента США Мак-Кинли, народники казнили русского царя Александра II, 8 августа 1897 г. от рук анархистов пал премьер-министр Испании Кановас дель Кастильо. Эти акты насилия ничего не могли изменить; на смену убитым приходили другие правители, которые использовали покушения на своих предшественников для усиления репрессий и наступления на демократические свободы, завоеванные трудящимися дорогой ценой.

Анархистская «пропаганда действием» включала в себя не только индивидуальный террор, но и коллективные авантюристические вылазки. 8 апреля 1877 г. группа вооруженных анархистов, среди которых были близкие друзья Бакунина Кафьеро и Малатеста, захватила местечко Галло. «Инсургенты» захватили кассу сборщика налогов, подожгли коммунальное здание, затем отправились в местечко Летино, где сожгли архивы. Попытка распространить свои действия на другие коммуны была пресечена солдатами. В ночь с 11 на 12 апреля участники авантюры были арестованы.

В июле 1880 г. французские анархисты основали группу «Мятежник», которая по преимуществу занималась дискуссией о неизбежности революции в ближайшем будущем и обсуждала возможные действия солдат, которые перейдут на сторону революции. Во главе груп-

пы стоял бакунист Элизе Реклю, в организацию проникли агенты тайной политической полиции. Сотрудники службы безопасности проникли и в другие анархистские группы. В районе Монсо-ле-Мин во главе анархистов оказался провокатор Бренен. В 1882 г. он спровоцировал выступление анархистов, которое ограничилось грубым надругательством над чувствами верующих: участники выступления ломали кресты, разбили статуи богоматери, захватили священников в качестве заложников. 21 октября 1882 г. в лионском театре «Белькур» была взорвана бомба, подложенная анархистом Сивоктом, которому удалось скрыться. Власти затеяли процесс против анархистов Лиона, которым было предъявлено обвинение в создании революционной федерации и групп, примыкавших к Интернационалу, хотя после его роспуска прошло шесть лет. Несмотря на то, что ни один из подсудимых не имел никакого отношения к организации взрыва в театре «Белькур», 47 человек, в том числе П. Кропоткин, были приговорены к различным срокам тюремного заключения³.

Чем разительнее становилось противоречие между реальной действительностью и анархистскими догмами и акциями, тем настойчивей и упорней держались анархистские лидеры за порочные догмы Прудона, Штирнера и особенно Бакунина.

Одновременно с анархизмом, но в стороне от него, развивалось и крепло подлинно пролетарское движение. Создавались массовые рабочие организации, кооперативные, профессиональные, политические; рабочие учились, и не без успеха, использовать буржуазный парламентаризм, как все вообще учреждения буржуазной демократии, в своих целях. В 70—80-х годах проникновение марксизма в широкие слои пролетариата привело к организации социалистических рабочих партий во многих странах Европы и в Соединенных Штатах Америки. Даже в тех романских странах, где традиции бакунизма долгое время тормозили объединение рабочего класса, возникли рабочие партии, принявшие марксистскую программу и тактику.

К 90-м годам прошлого столетия марксизм одержал огромные победы. Марксистские идеи, проникая в про-

³ См. Жак Дюкло. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975, стр. 287—290.

летарскую среду, стали все больше определять духовное развитие пролетарских масс, способствовали быстрому повышению идейного уровня рабочего движения. Воздействие идей научного коммунизма, наряду с обогащением рабочего движения практическим опытом, обусловило духовное созревание рабочего класса. На рубеже 80—90-х годов гегемония марксизма в международном рабочем движении стала фактом. В такой обстановке возник II Интернационал — международная организация, которая «сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма»⁴.

Победа марксизма отнюдь не означала ликвидации анархистского движения. В 1889 г. на Парижском конгрессе II Интернационала присутствовала немногочисленная, но шумная группа анархистов во главе с С. Мерлино, Франше, Бейлем и Дюпре, которые, повторяя бакунистские догмы, выступали против завоевания рабочим классом политической власти, утверждая, что социализм не способен осуществить эмансипацию человечества⁵. Франше выступал против избрания рабочих-социалистов в буржуазные парламенты. Бейль доказывал, что борьба за всеобщее избирательное право толкает рабочих на ложный путь, что единственным методом воспитания революционного духа в рабочем классе является вооруженное восстание.

Понимая, что остаются в меньшинстве и терпят полное поражение, анархисты пытались сорвать конгресс путем обструкции, но по предложению Вайяна были выдворены из зала.

На конгрессе II Интернационала в Брюсселе (1891) они вновь выступили против всякой борьбы за реформы, против политической и парламентской деятельности и вновь потерпели поражение. Это отнюдь не остановило анархистов и их сторонников; сразу же после конгресса они начали бурную кампанию против брюссельских решений, демагогически обвиняя марксистские партии в парламентском кретинизме и бессилии провести всеобщую стачку⁶. Анархисты намеревались взять реванш на Цюрихском конгрессе (1893), надеясь навязать со-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

⁵ «Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889». Nürnberg, 1890, S. 47.

⁶ «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 243.

циалистическому движению свою программу и тактику. На этот раз их просто не пустили на конгресс. Делегаты конгресса дружно поддержали предложение допустить к участию в конгрессе лишь партии, признающие необходимость политической борьбы⁷.

Анархисты были изгнаны из рядов II Интернационала, но борьба против анархизма в рабочем движении отнюдь не была закончена. Изменение структуры рабочего класса, постоянное пополнение его рядов выходцами из других слоев населения, влияние мелкой буржуазии, воздействие враждебной идеологии наряду со многими другими факторами, среди которых далеко не последнее место занимает оппортунистическая практика социал-демократических лидеров, создали объективную основу для всякого рода «левых», ультралевых, анархистских направлений и течений в рабочем движении, которые сохранились до наших дней.

Опыт истории свидетельствует, что в дни революционных боев пролетариата и его союзников против капитализма анархисты либо стоят в стороне от движения, либо играют контрреволюционную роль. Явно провокационный характер носила деятельность русских анархистов в период от февраля к октябрю 1917 г. Она объективно служила интересам контрреволюции. С первых дней Октябрьской революции большинство анархистов оказалось во враждебном лагере. Об этом свидетельствуют их выступления против Советской власти в октябре — декабре 1917 г. в Петрограде, Самаре и других городах⁸. Советские историки на основании большого количества самых разнообразных материалов убедительно доказали враждебную роль анархистов в годы гражданской войны⁹.

⁷ «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893». Zürich, 1894, S. 6.

⁸ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы». Куйбышев, 1957, стр. 168—169; В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 171—198; П. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1968, стр. 84—92; С. Н. Канев. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974.

⁹ Д. Л. Голинков. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917—1924 гг.). М., 1971; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России; О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. М., 1968.

В суровые и памятные годы гражданской войны в Испании анархисты нанесли величайший вред Испанской республике. Их непродуманные акции — вроде национализации мелких лавок и парикмахерских — способствовали изоляции рабочего класса. Испанские анархисты создавали карикатурное представление о социализме и тем самым отталкивали от него многих потенциальных союзников¹⁰.

Элементы анархизма сохранились в настоящее время в движении «новых левых». Их идеолог Герберт Маркузе пытается доказать, что рабочий класс якобы утратил свою революционность. Ведущая роль в революционной борьбе перешла к социальной группе, стоящей вне производственного процесса и состоящей из безработных, правонарушителей, париев современного «индустриального общества», а также привилегированных деятелей культуры, над которыми не довлеют условия производства.

Как прежде, так и теперь анархистское движение порождает авантюризм, ультралевое фразерство, которые ведут либо к разочарованию и политической апатии, либо к политическому авантюризму. Сектантские, анархистские тенденции, характерные и исторически закономерные для раннего этапа развития рабочего движения, не уходят с политической арены автоматически, проявляют исключительную живучесть, чтобы покончить с ними, нужна упорная борьба. Именно поэтому опыт антибакунистской деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса сохраняет ныне огромное значение для марксистско-ленинских коммунистических партий, представляющих авангард прогрессивного человечества, борющегося за мир, демократию и социализм.

¹⁰ См. Жак Дюкло. Указ. соч., стр. 311.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеле А. ван ден 256
Абрамович Р. 333
Аврич П. 333, 334
Аккорт И. («Дерблейх») 39, 40
Аксаков А. 11
Аксаков К. 11
Аксельрод П. Б. 310, 311
Аламеда С., де ла 106
Александр II 61, 295, 339
Алерини К. 82, 118, 132, 226—
228, 244, 245, 250—252, 255,
259, 279
Алтайский М. Л. 9
Альбер 24
Альфонс XII 138
Амадей 108, 136
Андерсон 39, см. Бакунин М. А.
Андреев Л. 300
Андрие 293
Анненков П. В. 12, 311
Анфантен Б. 78
Армандо 251, см. Кафьеро К.
Ардт Э. М. 15
Арним А.-Г. 31
Арно А. 233, 238
Арнольд Э. 38—40, 47
Ауэрбах Б. 20
- Бабеф Г. 19
Базар А. 78
Байер 47
Бакунин А. А. 61
Бакунин А. М. 11
Бакунин М. А. 3, 4, 6—8, 10—14,
16—40, 42—47, 51—66, 68—70,
73—76, 80—82, 86—90, 96—99,
102—104, 109, 114, 119, 121,
123, 134, 144, 148, 152—154,
156—167, 169—172, 175, 177—
179, 181, 185—197, 201, 203,
208, 210, 217, 221, 240, 242,
244—246, 249—255, 259, 260—
271, 295—298, 302, 304, 306,
309, 312—316, 318—332, 334,
339, 346
- Бардлебен 31
Барняков А. 210
Барри М. 211, 229
Бастелика А. 91, 92, 118, 218
Баталов Э. Я. 8
Бах И. А. 212
Бебель А. 93, 112, 172, 292
Бейль 341
Беккер И.-Ф. 70, 71, 104, 172,
183, 191, 192, 194, 196, 203, 215,
217, 231 246, 276, 277
- Белинский В. Г. 11, 12, 323
Белле 51, см. Фанелли Дж.
Беллерно Э. 194, 262
Бенкендорф А. X. 18, 58
Берг Н. 63
Бердяев Н. А. 327
Беркман А. 296
Бернайс К.-Л. 20
Берне Л. 16
Бертенев В. 74
Бернштейн Г. 20
Бернштейн Э. 31, 295, 312, 313,
315
- Берт Ч. 180
Бертран Л. 287, 289, 290
Бетони 269
Бжакомо 251, см. Набруцци
- Биньями Э. 156, 174, 175, 240
Бисмарк О. 93, 157, 265, 298
Блан Л. 20, 24, 168
Бланки О. 189
Блос В. 326, 328
Блок А. 295

- Блюм Р. 56
 Бобинска К. 21
 Бовио Дж. 151
 Больте К. 210
 Больте Ф. 135
 Гонч-Бруевич В. Д. 342
 Боркгейм С. 295
 Борн Ст. 52, 55, 56, ст. Буттер-
 милльх
 Боррель 110
 Боткин В. П. 13, 20
 Браунталь Ю. 301
 Брисме Д. 191, 215, 232, 256, 257
 Брозовский К. 39
 Бройль 265
 Броссе 187, 194
 Брупбахер Ф. 316, 327, 328
 Брусс П. 220, 255, 259, 269, 271,
 279, 284, 286, 287, 289, 291, 292
 Буонаротти Ф. 19
 Бурбоны 108
 Буске А. 244
 Буттермилль 52, см. Борн Ст.
 Бухер Л. 47
 Бэкон Ф. 335
 Бэрн С. 333
 Бюргерс 20
 Бюше Ф.-Ж. 78
- Вагнер Р.** 42, 43, 55
 Вайян Э.-М. 90—94, 115, 203, 205,
 219, 226, 229, 233—235, 238
 Валентин Ф. 43
 Вальтейх 284, 286
 Вальтер (Ван-Хеддегем) 241
 Ван-Ведемер 281
 Варлен Э. 219
 Варнаген фон Энзе А. В. 14, 25,
 32
 Васильева Т. Г. 83, 104
 Вебер Г. 20
 Вебер А. В. 267
 Веерт Г. 20
 Вейтлинг В. 17, 18, 336
 Вердер 14
 Веррейкен Л. 92, 281, 282
 Виганд 14
 Вийемье М. 331
 Вильгельм II 265, 339
 Виньяс Г. 109, 259
 Виттиг 38, 47
 Витязев П. 82
 Вишар П. 240
 Вольтер 21, 335
- Вольф 25
 Воровский В. В. 317, см. Орлов-
 ский В.
 Ворцель 29
 Врублевский В. 208, 243
 Вырубов Г. Н. 80, 81
- Габсбурги 36
 Газенклевер В. 279
 Гамбетта Л. 235
 Гамбуцци К. 70, 153, 154, 159,
 187, 194
 Гандольфи М. 174
 Гарибальди Дж. 69, 154, 160, 182,
 264
 Гассельман В. 279
 Гегель Г. 12, 16, 17, 21, 302, 335
 Гейбнер 49, 54—57
 Гейне Г. 16, 20, 21
 Гейнце 53, 55
 Геймбергер Ю. 39, см. Геймбергер-
 Лассогорский Ю.
 Геймбергер-Лассогорский Ю. 39
 Гед Ж. 255, 292
 Гекзаммер 38, 44
 Гелеф А. 210
 Гельд Ф.-В. 48
 Гельтман В. 42, 48, 52, 53
 Гепнер А. 224, 231, 234
 Герверг Г. 15, 17, 20, 24, 26, 34,
 35, 328
 Герхард Х. 215, 226
 Герцен А. И. 12, 13, 17, 23, 29,
 57, 59, 60, 62, 80, 194, 295, 305,
 311, 323, 329
 Гесс М. 20, 191, 192, 295
 Гёгг А. 192
 Гёте И. 16
 Гизо Ф.-П.-Г. 22, 24
 Гильом Дж. 35, 73, 74, 80—83,
 156, 178, 185—187, 191, 193,
 194, 196—199, 201, 213, 217,
 221, 226—228, 230, 231, 234,
 238, 242, 244, 246, 250, 252—
 254, 259, 261, 262, 265, 266, 269,
 271, 279, 286, 287, 289, 291,
 314—316, 318, 332
 Гинс Э. 188, 197, 209, 213, 215,
 230, 257, 258
 Глещца В. 160
 Голиков Д. Л. 342
 Головин И. 29
 Гольбах 21
 Гольдман Э. 296

- Гольман Л. И. 212
 Гольштейн 255
 Гомес (Гомец) 281, см. Фарга
 Пелисер
 Гонсалес А. 83, 85, 105, 109, 111,
 113, 114, 123, 125, 126, 134,
 147, 324
 Грановский Т. Н. 13
 Грейлих 284, 289
 Григорьева И. В. 83, 85, 152, 153,
 160, 166, 167, 169, 172, 178, 179,
 218, 324
 Гримм, братья 15
 Гроссман Л. 297
 Гроссман-Рошин И. 58
 Гувер Э. 299
 Гуцков К. 16
- Дав В. 259**
 Дава Д. 226
 Далин В. М. 292
 Дальман Ф.-Х. 15
 Дантон Ж. 26
 Дарендорф Р. 300
 Де Монтель 169
 Де Пап С. 73, 91, 92, 191, 214—
 216, 256, 281—287, 289, 290,
 см. Де Пап Ц.
 Де Пап Ц. 281, 282, см. Де Пап С.
 Де Потер Л. 93
 Д'Эстер К.-Л.-И. 38, 44, 47
 Дезами Т. 336
 Делаод Л. 18, 19
 Делаз П.-Л. 219
 Делеклюз Ш. 193
 Декарт Р. 302
 Дени Э. 257
 Депретис А. 268
 Дерёр С. 191, 211, 226, 229
 Дессауэр И.-Е. 33
 Джангирян В. Г. 334
 Джолл Дж. 334
 Джолитти А. 5
 Добролюбов Н. А. 323
 Достоевский Ф. М. 295
 Дубельт Л. В. 59, 60
 Дьяков В. А. 9, 63
 Дюваль Т. 217, 231, 238
 Дюкло Ж. 4, 293, 332, 333, 340,
 343
 Дюпанлу 265
 Дюпле Ф. 183, 198, 199
 Дюпон Э. 219, 243, 246
 Дюпре 341
- Дюран 175
 Дютуа 196
 Дюшатель 22
- Евгения 157
 Евдокимов Н. 11
 Елизавета 339
 Ель Е. 262, 297
- Жуковский Н. 74, 82, 194, 201,
 226, 228, 244, 269, 279, 280
- Зайцев В. 254
 Замбергер Ц. 39
 Занд Ж. 26—28, 295, см. Санд Ж.
 Засулич В. И. 257, 311
 Зеньковский В. В. 327
 Зильберман И. Б. 10
 Зомбарт В. 299
 Зорге Ф. 169, 197, 210, 211, 225,
 229, 231, 246, 272, 274, 275, 277
- Иглесиас П. 114, 129
 Иекк Г. 313, 314, 317
 Изабелла II 106, 107, 138, 157
 Изгоев А. С. 58
 Ильинский Л. 58
- Кабе Э. 19, 336
 Казерио С. 339
 Калас А. 220
 Кальеха И. 114, 129
 Каме 255
 Кампос М. 138
 Канев С. Н. 342
 Кановас дель Кастильо 339
 Кант Э. 302, 335
 Капоруссо Ст. 153, 154, 169
 Каренин В. 28
 Карр Е. 334
 Кастелер 143
 Кастильон Л. 129
 Кастро 93
 Каутский К. 307, 308
 Кафьеро К. 134, 168, 169, 175,
 177—179, 194, 243, 250—252,
 255, 261, 263, 271, 284, 292, 339,
 см. Армандо
- Келли Г. 296
 Кехли 20
 Кёнен Ф. 256
 Киселев П. Д. 23
 Кларк А. 212
 Клоотс А. 316

- Козик К. 38
 Козьмин Б. П. 10, 58, 198, 199, 201, 210
 Колпинский Н. Ю. 58, 71, 83, 85, 104, 111, 113, 115, 138—140, 174, 322, 324, 325, 331
 Кольб Г. Ф. 267
 Кон Х. 327
 Конт О. 194, 334
 Корнилов А. А. 13, 58
 Коротеева А. Е. 209, 216, 283, 323
 Косичев А. Д. 10
 Коссидьер М. 24
 Коста А. 134, 156, 177, 251, 252, 287, 289, 292
 Коцельский 28
 Кошут Л. 44, 45
 Кржижановский А. 42, 48, 52, 53
 Кропоткин П. 292, 293, 340
 Крусиус-Аренберг Л. 63
 Кугельман Л. 209
 Кунен 290
 Кунина В. Э. 212
 Куно Т. 103, 172—174, 181, 240, 245, 274
 Кунов Г. 327
 Курбатова И. Н. 311, 312
 Курне 208, 233, 238
 Кьярини 255
- Лавров П. Л.** 82, 270, 298, 311
Лама Д. 152
Ламенне Ф. 19
Ланге М. 301
Лаотьер Р. 19
Лапинский 63
Лапоннерэ А. 19
Ларок Ж. 220
Лассаль Ф. 30, 164, 267
Лафарг Л. 123, 302
Лафарг П. 102—104, 119, 121—124, 126, 129, 130, 133, 148, 210, 220, 225, 227—231, 242, 243, 246, 292, 295
Лафрансе 252
Ле Муссю Б. 208
Ледер И. Р. 39
Ледрю-Роллен 24, 40, 56
Лекрафт Б. 211, 230
Лелевель И. 21
Ленин В. И. 6, 19, 84, 85, 106, 145, 150, 266, 278, 279, 295, 304—309, 312—314, 317—319, 325—329, 333, 341
- Ленинг А.** 330—332
Леру П. 20
Лессинг Г.-Э. 21
Лесснер Ф. 68, 187, 189, 211, 225
Лефевр А. 300
Либкнехт В. 3, 93, 104, 112, 120, 172, 189, 191, 202, 209, 289, 290
Линдегер 194, 196
Лиссагаре П. 311
Локк Дж. 302, 335
Лонге Ш. 91, 225, 235
Лоренцо А. 91, 102, 110, 114—117, 126, 128, 150
Лукка С., ди 70
Луначарский А. В. 316, 317, 319
Лурье Х. 289
Любавин Н. Н. 244
Люкен 241, 246, см. Потель
- Мадзини Дж.** 30, 67—69, 153—168, 170, 172, 174, 182
Майендорф П. 31, 33
Майер Р. 276, 311
Майский И. М. 105
Мак-Доннел Дж.-П. 203, 208, 226
Мак-Кинли 339
Мак-Магон М.-Э. 265
Малатеста 251, 252, 284, 339
Малинин И. 297
Малон Б. 74, 80, 218, 244, 292, 295, 311, 312
Малькампо 125
Мальков П. 342
Мао Цзэ-дун 9
Марко 251, см. Пецца В.
Марк Аврелий 316
Маркс Ж. 70
Маркс К. 5, 9, 15, 19, 20, 21, 23, 27—30, 35, 36, 66—70, 72, 73, 75—79, 86, 92—96, 98—103, 108—112, 115—121, 123, 125—131, 133—136, 138, 142, 143, 147, 148, 150—153, 159, 160, 162, 164, 165, 167—171, 173, 175, 177, 180—182, 187—190, 193, 195, 200, 202—216, 219—224, 226, 231, 232, 235, 240—243, 246, 247, 253, 258, 263, 267, 270—272, 274—277, 281, 286, 290—292, 295, 298—304, 306—308, 310, 312—314, 316, 317, 321, 325, 326, 329—332, 334, 336, 337, 343

- Маркс Ф. 29
 Маркузе Г. 7, 343
 Марселау 82, 132, 226, 228, 242,
 244, 251, 252, 255
 Мартен К. 91, 219
 Мартин Л. 244
 Мартино 187
 Масарик Т. 329, 330
 Махерс Г. 328, 329
 Медоса П. 107
 Мейер З. 210
 Мейнард Дж. 327
 Меринг Ф. 16, 295
 Мерлино С. 341
 Мерон К. 185
 Меса Х. 102—104, 113—115, 119—
 121, 129, 130, 132, 138, 139,
 149, 150, 210
 Миллс Ч. У. 299, 300
 Милль Д. С. 267
 Милнер Дж. 78
 Минутולי 24, 31, 32
 Михельсон К. 210
 Мольтке Х.-К.-Б. 298
 Мора А. 110, 114, 129
 Мора Ф. 102, 103, 110, 113, 114,
 120, 121, 124, 128, 129, 130,
 150, 182, 210, 242,
 Мораго Г. 8, 110, 114, 122, 123,
 125, 127, 129, 132, 194, 226—
 229, 231, 232, 242, 244, 251, 252,
 287, 289
 Морато И. 109, 134
 Мосолов В. Г. 83, 325
 Мост И. 289, 292, 293
 Мрчковский В. 74, 194
- Набруцци** 194, 251, 252, см.
 Бжакомо
 Наполеон III 154, 157
 Науман 43
 Невлер В. Е. 155
 Неглинский Л. 24, см. Баку-
 нин М. А.
 Нессельроде К. В. 33
 Неттлау М. 33, 34, 36, 40, 52, 58,
 81, 153, 179, 262, 268, 315, 316,
 318, 320, 332
 Нечаев С. 96, 193, 194, 210, 243,
 260, 327
 Николаевский Б. 37, 38
 Николай I 18, 28, 36, 57, 60, 295
 Никотера Дж. 268
 Новикова Г. П. 220
- Ньокки-Виани О. 156
- Оберманн К. 38
 Огарев Н. П. 60, 194, 254
 Оджер Дж. 24, 239
 Озеров В. 194, 255
 Орлов 58, 59
 Орловский В. 317, см. Воров-
 ский В. В.
 Орсоне 255
 Особова И. П. 83, 192, 196
 Оуэн Р. 19, 316
- Павиа М.** 138
 Палладино К. 70, 160, 178, 255
 Панаев И. И. 12, 13
 Паули И. 114, 129
 Пахес В. 114, 129, 132
 Перре А. 116, 195
 Перрон Ш. 74—76, 195, 196, 201
 Петрони Дж. 160
 Петросинио 106
 Пецца В. 172, 194
 Пиа Л. 210
 Пиа Ф. 20
 Пи-и-Маргаль Ф. 137, 143
 Пикар Л.-Ж.-Э. 93
 Пинье 196
 Пирумова Н. М. 25, 58, 63, 149,
 323
 Пицюр Е. 327
 Плеханов Г. В. 295, 309—312
 Покровский М. Н. 319, 322
 Полонский В. 57, 58, 60, 62, 65,
 320, 322
 Поляков Н. П. 244
 Понинский Ст. 52
 Поссони С. 299
 Потель Ф. 241, см. Люкен
 Пошар Э. 180
 Прене Э. 219
 Прима 107, 108
 Прудон 12, 26, 33, 85, 136, 147,
 194, 257, 321, 340
 Пфцирнер Й. 22—24, 31, 32, 48
 Пэнди 252, 255, 259
- Ралли З.** см. Ралли-Арборе З.
 Ралли-Арборе З. 60, 81, 82, 152,
 251—255, см. Ралли З.
 Ранвье Г. 226, 238
 Рей А. 218
 Рейгер Р. 47
 Рейхель А. 18, 269

- Реджис В. 180
 Реккель А. 40—43, 47, 48, 57
 Реклю Эли 218, 271
 Реклю Элизе 218, 265, 269, 271, 292, 340
 Рибентроп 20
 Риджо А. 156
 Рикардо Д. 335
 Римершмид Е. 159
 Ринг М. 26
 Риттинг 41
 Риттинггаузен М. 188, 189
 Ришар А. 187, 191, 194, 218
 Робен П. 195—197, 201, 257
 Робер Ф. 185, 187
 Рокфеллер 330
 Росс А. 255, 318, см. Сажин М. П.
 Роуз А. 301
 Рохов Г.-А. 31
 Рохов 31
 Роч Дж. 205, 226
 Роша Ш. 214, 281
 Руге А. 14, 16, 17, 19, 20, 329, 336
 Рудницкая Е. А. 9, 63
 Руссо Ж.-Ж. 21, 335
- Сабина К. 47
 Сагаста 125
 Саенс В. 114, 129
 Сажин М. П. 81, 82, 194, 318—320, см. Росс А.
 Салычев С. С. 8
 Сальмерон 137
 Санд Ж. см. Занд Ж.
 Сартр Ж.-П. 301, 302
 Семенов А. Л. 8
 Сен-Симон А. 77, 78, 316
 Сентиньон Г. 109, 110, 187, 194
 Серрайе О. 92, 110, 115, 208, 219—221, 225, 238, 243, 246, 274, 275
 Серрано 108, 138
 Сильвиони К. 269
 Скорцлевский А. 33
 Сладковский К. 41
 Смит А. 335
 Слоним М. 327
 Смирнов А. 323
 Смирнов В. 255
 Сова А. 226
 Сократ 42
 Соловьев О. Ф. 342
 Спирин Л. М. 342
- Спленгар Р. 241, 246, 256
 Стампа Г. 152
 Станкевич Н. В. 11, 311
 Стеенс 92
 Стеклов Ю. М. 6, 18, 21, 32, 58, 61, 62, 65, 81, 83, 90, 121, 186—189, 192, 193, 250, 251, 255, 262, 263, 267—270, 278, 281, 289, 291, 293, 294, 319—322
 Степняк-Кравчинский С. М. 268, 281
 Стефанони Л. 178
 Струве А. 18
 Сульман А. 63
 Сутерланд Г. 201
- Талиндье 194
 Танари С. 152
 Твардовская В. А. 58, 322, 324
 Тейс А. 219
 Терлецкий М. 52
 Терлецкий П. 52
 Терцаги К. 160, 176, 180
 Тестини 172
 Тестю О. 83, 311
 Ткачев П. 327
 Тодт К. 49, 54
 Толен А.-Л. 93
 Толстой Г. М. 20
 Топето 107
 Трусов А. 74
 Тургенев А. И. 295
 Тургенев И. С. 13, 17
 Туччи А. 70, 74, 168, 169
- Удальцов И. И. 25, 41
 Умберто 339
 Уркарт Д. 29
 Утин Н. 92—94, 96, 104, 116, 117, 198, 199, 201
 Уэстон Дж. 78
- Фавр Ж. 93
 Фанелли Дж. 70, 109, 134, 153, 159, 194, 251, 252, 255, см. Белле
 Фарга П. 123, см. Лафарг П.
 Фарга Пелисер Р. 82, 109, 110, 132, 191, 194, 226, 228, 244, 250, 252, 255, 259, 279, 281
 Фаркаш К. 238
 Фауст 281, 284, см. Керстен П.
 Федин К. 295
 Фейербах Л. 20

Фигерас Н. 136
Фигнер В. 58
Флоке Ф. 187
Флокон Ф. 24
Флюз П. 215, 226, 256
Фонтана Дж. 152
Фохт 194, 269
Франкель Л. 92, 116, 204, 208,
219, 226, 289
Франше 341
Франц Р. 37, 40, 43, 54
Фрибур Э. 189, 311
Фридрих-Август 48
Фридрих-Вильгельм IV 15, 48
Фрич И. 39—41, 43
Фриша С. 70, 159
Фрейлиграт Ф. 15
Фроме 281, 284
Фурье Ш. 19

Хальгартен Н. 21
Хейлз Дж. 78, 204, 205, 208, 212,
254, 279
Хенг Ф. 185, 187, 191
Хэмонд Т. 333

Цибульский 24

Чаадаев П. Я. 59, 60
Черкезов В. 316
Чернышевский Н. Г. 13, 60, 295,
323
Чирнер С.-Э. 42, 49, 51—54
Чишинский 48

Шарон 19
Шварц Г. 301
Шварц см. Бакунин М. А.
Швейцер И.-Б. 93
Швицгебель А. 187, 194, 198, 227,
228, 238, 242, 244, 246, 250—
252, 269, 281, 282, 292
Шейберт Р. 34
Шельхер 20
Шерцер А. 222

Шлотер 47
Шмидт В. 21
Шопенгауэр А. 264, 267
Шпейер К. 277
Штарке А. 38
Штирнер М. 33, 340
Штраус Д. 15, 20
Шульц 50, 51
Шульце-Делич Б. 267

Эберхард 238, 256
Эвербек Г. 20, 27, 30, 295
Эйхман Ф.-А. 31
Эккарнус Г. 115, 153, 190, 191,
205, 258, 279, 281, 283, 284
Элизар Ж. 16, 262, 265, см. Баку-
нин М. А.
Элмонд Дж. 299
Элпиндин М. К. 311
Эльсниц А. 255
Энгельс Ф. 5, 9, 20, 27—30, 35,
36, 52, 55, 68, 72, 73, 75—78,
86, 92—96, 98—104, 108—113,
115—136, 138, 139, 142,
143, 147—153, 160, 162,
164, 165, 167—175, 177, 180—
182, 187, 188, 190, 195, 200,
202—212, 214—216, 219, 222,
224, 226—228, 231, 235, 237,
238, 240, 242, 245—247, 253,
258, 263, 270—277, 280, 281,
286, 290—292, 295, 298—300,
302—304, 307, 308, 316, 317,
325, 326, 329, 336, 337, 343
Эрман А. 215, 230, 256

Юлэм Э. 301
Юнг Г. 115, 191, 198, 208, 221,
258

Яблонски Х. 21
Якоби 24
Ян Ф.-Л. 15
Ярославский Ем. 296, 322

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Начало общественно-политической деятельности Бакунина	11
Глава вторая. Вступление Бакунина в Интернационал	67
Глава третья. Лондонская конференция	84
Глава четвертая. Борьба против бакунизма в Испании	105
Глава пятая. Бакунизм в Италии	151
Глава шестая. Бакунизм в Швейцарии	183
Глава седьмая. Подготовка к конгрессу	202
Глава восьмая. Гаагский конгресс — решающий этап борьбы против бакунизма	224
Глава девятая. После Гаагского конгресса	249
Историография	295
Заключение	336
Указатель имен	344

Михаил Иванович Михайлов

**Борьба против бакунизма
в I Интернационале**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства **Е. А. Мишакова**
Художественный редактор **Ю. П. Трапаков**
Художник **Я. Ф. Ольшевский**
Технический редактор **Т. С. Жарикова**
Корректоры **В. А. Гейшин, И. С. Княжицкая**

Сдано в набор 26/II 1976 г. Подпис. к печ. 10/V 1976 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2

Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,3. Тираж 3000 экз.

Т-09025. Тип. зак. 4061

Цена 1 р. 38 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	9 св.	но	то
67	3 св.	60—80	50—60
231	16 сн.	Дюваль Гепнер	Дюваль, Гепнер

Зак. 4061. М. И. Михайлов

